

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

11

КНИГА II

Ник. Некрасов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
ПИСЬМА

ТОМА 11—15

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

КНИГА ВТОРАЯ

КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
1847—1869

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Н $\frac{4702010104\text{-}685}{042\ (02)\text{-}90}$ Подписное

ISBN 5-02-027984-6 (т. 11, кн. 2)

ISBN 5-02-027944-7

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
БИБЛИОГРАФИЯ
ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ
1847—1869

1847

Москва, *поэма в лицах и действии, в 5-ти частях,* Н. В. Сушкова. *Москва, 1847.*

Слава о вещем Олеге, *соч.* Д. Минаева. *СПб., 1847.*

Страшный гость. *Литовская поэма, взятая из народных поверий. Варшава, 1844.*

С некоторого времени русский читатель непростительно изменился: он сделался положителен, сух, черств — словом, равнодушен к стихам. У него была душа нежная и чувствительная: он проливал потоки слез, читая не только «Чернеца» и «Наталью Долгорукую», но и все без разбора подражания им, пел заунывным голосом «Черную шаль», был столько нежен и сострадателен, что даже принимал живое участие в одной преступной деве, которая «под вечер ненастной осенью шла в пустынных местах»

И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках, —

участие, которое при его неукоризненной нравственности должно было стоить ему много внутренней борьбы и муки... Стремления у него были самые возвышенные, превыспренние: он бескорыстно уносился за поэтом *туда,* утопал в эфире и не спорил с поэтами, твердившими ему, что смерть лучше жизни, а только сожалел о бедности и мелочности натуры своей, которая как-то всё тянула его к презренной земле и заставляла беречь здоровье. Вкус у него был многосторонний и желудок страшно вынослив: плавные размеренные строфы ласкали его младенческий, неизбалованный слух, и с самоедским аппетитом глотал он всё, что ни предлагали ему: и поэмы, и повести, и романы в стихах, и драматические фантазии, и послания,

и сказки, и даже мистерии, — глотал великодушно и добродушно, даже не подозревая, что совершает беспримерные в истории человечества подвиги...

И мистерилось тогда поэтам, — были они в великом почете и с каждым годом плодились и множились...

Но читатель вдруг круто повернул на прозу — и поэтов не стало. Перевелось оно, племя многочисленное и самоцветное, и скоро не останется от него и следов... Надобно постараться, пока еще не поздно, спасти его от забвения; не то потомство, пожалуй, и не поверит, что в одном государстве в одно время могло существовать такое множество поэтов, что было бы очень прискорбно для русского гения... Какие люди были они? что делали? откуда вели свой род? Несомненно, что потомство уже настало для них и говорить о них теперь самое время...

Еще не очень давно в русском государстве, богатом всякими дивами, на каждом шагу попадались юноши, которых в наше время зовут вообще романтиками, — идеальные юноши. Племя было многочисленное и самоцветное, и от него-то вели свой род покойные русские поэты. Идеальные юноши отличались презрением к земле, на которой, по их словам, было им и тесно и душно, и рвались всё туда... куда? — тайна, которую унесли они с собою; будучи добрыми и смирными малыми и только с виду страшными, — потому что не имели привычки стричь и причесывать волосы, — они громили проклятиями толпу, презренную, тупую чернь, и в каждом человеке видели врага, с которым будто бы нужно было им бороться (известно, однако ж, из достоверных источников, что никаких битв, кроме карточных, бильярдных и шахматных, они не вели); изредка покучивая и даже иногда предаваясь просто пьянству, они считали долгом своим показывать пренебрежение к вещественным благам жизни, и человек, обнаруживший при них аппетит, навсегда становился в глазах их ничтожным и пошлым. Все они были большие охотники и мастера проклинать судьбу свою, но если верить им, — горячо любили свои страдания и жадно желали их *для того, чтоб не дать очерстветь душе*; они полагали, что призвание их — страдать, и если невзначай чувствовали себя весело, приходили в отчаяние: за самих себя, за достоинство своих *глубоких* и *высших* натур делалось им стыдно. И в книгах, и в жизни любили они всё необыкновенное, исключительное, — и ничто простое, как бы оно ни было поразительно в простоте своей, им не

нравилось. Сильно наклонные к дружбе, дружбу понимали они совершенно по-своему: дружба их начиналась с того, что два существа, влекомые друг к другу таинственной симпатией, сперва признавались во взаимной дружбе, потом клялись в верности, как водится, до гроба и за гробом, на словах или даже и на бумаге, для чего у них водились альбомы, памятные книжки, дневники. Затем уже подружившиеся входили во взаимные права свои, права тоже особенные: друг, по их понятиям, был такой человек, которому безнаказанно, даже с несомненной надеждой на участие, позволялось всегда и во всякое время пересказывать (*переливать в душу*) мелкие досады и неудачи свои, огорчения и ропот раздражительного самолюбия. Любовь тоже играла немаловажную роль в их жизни, но любовь особенная, непохожая на обыкновенную. Возвращаясь после дружеских попоек обыкновенно утром на другой день, они тем не менее пылали вулканическою страстию к недоступным (непременно недоступным) красавицам. Но такая любовь их никогда не заходила дальше подавленных вздохов, долгих, красноречивых взглядов, много — пожатия руки. После двух-трех посещений тотчас являлось где-нибудь в печати стихотворение, в котором под словом: «К ней» — выставлялись иногда довольно нескромно начальные буквы имени их красавиц; слух разносился, что такой-то влюблен в такую-то, доходил до семейства красавицы, и к поэту становились благосклоннее или выгоняли его из дому; в последнем случае для него наступал истинный праздник: он принимался страдать в разлуке. С понятием о любви у идеальных юношей нераздельно соединялось опять-таки страдание: оттого разлука и всевозможные препятствия в любви для них всего важнее. Им непременно нужно жаловаться на счастье и проливать чашу мщения... Можно поручиться, что, исчезни вдруг все препятствия, не один идеальный юноша тотчас бежал бы от предмета своего обожания, точно так же как непременно бежал бы он, если б обожаемая им бледная и задумчивая дева (идеальные юноши влюбляются только в дев бледных и задумчивых) вдруг сделалась весела и румяна... Небрежность в костюме, между прочим, составляла их отличительную черту: редкие находили нужным вычищать за ногтями, а содержать в порядке подбородок и голову вовсе не было принято. Нечего и говорить вам, что почти все они писали, и писанья их опытный глаз тотчас узнавал по трем каким-нибудь бук-

вам с точками или звездочками, неизбежно торчавшими под заглавием; без таких посвятительных букв не явилось у них ни строки, так что можно было даже подумать, что они и писали для того, чтоб выставлять заветные буквы... Писали они, разумеется, большею частью стихи. В стихах воспевали свои страдания — измену милой, смерть матери, одиночество — словом, все очень обыкновенные страдания, проклинали судьбу и человечество, бранили землю, рвались к небу... Впрочем, если хотите оживить в памяти их стихотворения, я, пожалуй, покажу вам на деле, какие стихотворения они писали. Не угодно ли прочесть?

Мой жребий

Давно от участья, от ласковой речи
Меня отучило коварство людей.
Слова их — отрава, лобзанья — картечи,
Объятья — тяжелые груды цепей.

Кто вырвал надежду из девственной груди?
Кто день моей жизни во мрак погрузил?
Всё братья родные! всё люди да люди!
Но видит всевышний, что я им не мстил.

Я всё перенес! Мне ничто не обидно!
Давайте мне больше тяжелых работ.
Я труженик мира! я раб беззащитный! —
Пусть ломятся кости! пусть льется мой пот!

Я хитростных козней вражды не разрушу,
Тяжелого бремя не сброшу с плечей:
Пусть хлад отчужденья терзает мне душу,
Пусть я забавляю моих палачей.

Пускай всё отнимут — наперсники злости!
Мне в голову камень — не сетую я!
Мне в пищу обломок оглоданной кости,
Покров погребальный — одежда моя!

Не с острым кинжалом в карательной длани,
Не с грозным укором на бледном челе,
С надеждой веселой под тучей страданий
Я твердой стопою пройду по земле.

Роптанья не вырвет мирская забота:
Томиться я буду с улыбкой в устах,
Чтоб каждая капля кровавого пота
Блаженства зерном мне взошла в небесах!..

«Пленной мысли раздраженье!» — скажет, улыбнувшись, читатель. — Так! таланта у них не было, — слова нет. Теперь господин Новый поэт, снабжающий нашу «Смесь» своими трудами, десятками пишет такие стихотворения и нисколько не метит за них в бессмертные. Но не вините слишком строго бедного идеального юношу прежних лет, добродушно считавшего себя поэтом... Не в обычном расположении духа оставался он, складывая свои стихи... Сердце у него билось ускоренным, неровным биением, и какой-то сладко-томящий огонек шевелился и перебегал в груди, всё разгораясь и разгораясь; часто, прочитывая громко какую-нибудь удавшуюся строфу, он чувствовал, как, поднявшись откуда-то, будто с самого дна взволнованной и сладострастно-млеющей груди, одна за другой бежали к его глазам и навертывались на них слезы... Как же ему было сомневаться в своем призвании?

Редко, но писывали идеальные юноши и прозой. В прозе, как и в стихах, ни на минуту не удалялись они от всегдашней темы своих писаний — самих себя. Проза их ужасна:

«...Меня зовут чудаком... Чудак! Приговор бессмысленный, бессмысленно повторяемый! В нем сказалась ты вся, тупая, близорукая чернь! Кто же не чудак для тебя: кто не о щах да не о каше твоей весь свой век думает? Ведь и Шекспир для тебя — пьяный дикарь, и Байрон — безумец, и Камоэнс, которого уморила ты с голоду, — все чудаки, сумасброды!.. А ты?.. ты лучше их, ты разумная, ты безупречная! Посмотри на себя: твои плоские, болезненные лица наводят уныние; твои глаза, впалые, как свинцовые, смотрят тупо и робко, и ни чувства, ни мысли, ни благородного порыва не прочтешь в них, не подглядишь в телескоп... Как стадо бессмысленное, суетишься и мечешься ты на пастбище жизни, торопясь наперебой насытить прожорливое чрево свое, — твоя забота единственная, вне которой нет для тебя ни стремлений, ни деятельности! На что ж тебе сердце, страсть, чувство — все божественные дары, присущные благородной человеческой природе? Ты позабыла, что они есть у тебя, или, лучше сказать, у тебя и нет их, потому что ты и не знала и никогда не узнаешь, что они есть у тебя... Не узнаешь! потому что когда посреди тебя явится человек с искрами божественного огня в груди, с печатью тайны на челе и с пророческим глаголом в устах, — высокий избранник, призванный пробудить в тебе коснеющие силы души, воззвать тебя к жизни обновленной и разумной, ты, бесчинствуя, дико хохочешь, ты бросаешь каменьями в своего заступника и учителя, называя его сумасбродом! И бродит он наг и нищ посреди тебя, непонятый и отверженный, терпя позор и невежественное глумление, — и, призванный благовествовать и учить, — сходит в преждевременную могилу с проклятиями!.. И тогда вдруг откуда ни возьмутся у тебя и смысл и чутье: как бешеный бык, ревешь и

мечешься ты, разрывая на себе одежды свои, и в диком отчаянии посылаешь ты к небу безумную мольбу — возвратить великого! Но тщетны безумные моления... Еще из могилы слышатся тебе громовые проклятия, подымающие волос на преступной главе твоей, и в священном трепете удаляешься ты от праха, оскорбленного твоим поздним участием, твоим непрошеным состраданием!.. А там через неделю, через день один — всё снова забыто, и новый камень в руке твоей... Бедный поэт! Жалкий избранник! Скиталец иного, лучшего мира! Такова участь твоя на земле... И ни в ком ни искры участия, ни от кого слова надежды и утешения!.. Участие!!.. Утешение!!!..»

Смешно, но остерегитесь слишком смеяться: такою прозою писалась бо́льшая часть книг двадцатых и тридцатых годов, именно тех книг, которыми вы преимущественно восхищались... Не верите, так я, пожалуй, когда-нибудь приведу факты... Но куда же вдруг исчезли поэты? Не берусь досказывать вам их плачевную участь, но вот чем обыкновенно кончали и кончают идеальные юноши вообще... Иные из них навсегда остаются в утешительном убеждении, что они непоняты; в то время, когда всё вокруг них движется, изменяется, они всё те же: всё ту же воспевают измену милой и всё так же тщетно добиваются к ней внимания; совершенное равнодушие публики для них не более как новое доказательство задушевной мысли: «Я непонят!», которая наконец овладевает ими совершенно, ожесточает их. Ничего не может быть в мире несноснее подобного существа, мелко, раздражительно самолюбивого; в их присутствии душно, с ними нельзя спорить, нельзя говорить; они во всем видят другой какой-то смысл, подозревают оскорбление. Из таких-то людей образуются обыкновенно полчища задорнейших и безрассуднейших гонителей всего нового, как бы ни было очевидно его превосходство над старым. Всякий успех времени они почитают личною обидою для себя. Добрые, но ограниченные вначале, они нередко под конец прибегают к таким средствам, от которых отскочили бы с ужасом в то время, когда еще вопль уязвленного самолюбия не заглушал в них голоса рассудка и совести, — и тогда-то становятся предметом посмеяния и заслуженного презрения всех и каждого. Другие же (и бо́льшая часть), своевременно выкинув из головы школьные бредни (под именем школьных бредней на языке солидных людей разумеются всякие стремления и цели вне положительных житейских стремлений и целей), делаются чиновниками и

очень быстро идут вперед, потому что уже общее правило, что если идеальный юноша сделается чиновником, то в способности обнаруживать совершенную благонамеренность и вообще заискивать благорасположение начальства заткнет за пояс даже человека, прозябающего в департаментах и канцеляриях, как говорится, с малых когтей. Есть даже мнение, что из идеальных юношей и всяких романтиков выходят очень часто тончайшие плуты. Как бы то ни было, вдруг возникает в них страсть к разным почетным украшениям, и они не пропускают случая, даже искусно изыскивают средства обременять себя ими, уверяя, впрочем, что носят их единственно по необходимости. Карманные дела их также принимают надлежащий ход. По чувству ли семейных обязанностей и влиянию жен (все они люди женатые — чаще по расчету, чем по любви, и все под башмаком жен), или уже семя будущего плода хранилось в самой натуре их, — почему бы то ни было, презрение к вещественным благам вдруг сменяется в них чем-то совершенно противоположным. Нельзя надивиться быстроте, с какою возникают у них многоэтажные домы, дачи и значительные поместья. О стихах, разумеется, нет и помину; теперь, в свою очередь, они называют стихи и вообще всю литературу школьными бреднями, занятием людей праздных, ни к чему дельному не способных; но не без удовольствия говорят о своих старых грешках, давая заметить, что если б хотели, то и на литературном поприще не уступили бы никому. Некоторые, впрочем, до самой смерти удерживают за собою звание литераторов, напоминая о себе в десять лет раз каким-нибудь мадригалом, апологом или эклогою, которая, попавшись нечаянно в какой-нибудь новой книге, вдруг переносит удивленного читателя лет за тридцать назад. Если б мы писали физиологию такого рода чиновников, то следовало бы еще заметить, что подобные господа навсегда удерживают за собою право суждения и резких приговоров над литературными произведениями и что мнения их, как людей, которые сами когда-то писали и, следовательно, не хуже никого другого смыслят в литературе, весьма уважаются, особенно в том ведомстве, которое находится под их начальством или в какой-нибудь от них зависимости. Перед концом жизни, когда стукнет пятьдесят лет служебной деятельности бывшего поэта, теперь важного человека, и благодарные подчиненные, сложившись по красненькой, зададут ему пир в ознаменование столь радостного события, —

в последний раз ярко вспыхивает литературная слава бывшего поэта, ярко вспыхивает, как лампада, готовая погаснуть. Произносится речь, в которой, по исчислении гражданских и служебных добродетелей хозяина, исчисляются его литературные труды, его заслуги отечественной словесности. Раскрывается книга, богато переплетенная. Снова являются на свет божий красоты красноречия и поэзии, уже несколько десятков лет никого не восхищавшие, исторгают восторженные рукоплескания, вызывают слезы на глазах умиленных чиновников, подчиненных хозяина. Пьют здоровье хозяина-литератора, подарившего и среди важных служебных занятий родную литературу несколькими благоуханными цветами свой музы, которые ежеминутно будут напоминать его имя и вместе с гражданскими доблестями дойдут до отдаленного потомства. Снова читают. Спрашивают себя: где в наше время найти образчики такого красноречия? такого стиха? Сожалеют об упадке новейшей литературы, о дурном направлении, о пренебрежении образцов. Снова пьют. Снова произносят речь, обнимают хозяина, благоговейно внимают каждому его слову, и хозяин с головы до пяток торжествует...

Но бо́льшая часть идеальных юношей, начав Петербургом и мечтами о высшей деятельности, оканчивает деревнею и халатом. В деревне способ препровождения времени их различен. Я знал одного помещика, который, проснувшись поутру, задавал себе такой вопрос: «Не поехать ли сегодня к Петру Иванычу?» — и затем продолжал так: «В самом деле, я давно у него не бывал; сосед хороший; я думаю, сердится... Ванька, одеваться!» Одевшись, помещик переходил в другую комнату, где уже был накрыт завтрак и стоял изрядный графинчик водки. «Здравствуйте, Петр Иваныч, — говорил он и вслед за тем продолжал голосом воображаемого Петра Иваныча: — А! любезнейший сосед! Как поживаете? Очень рад дорогому гостю... Ну, чем вас потчевать?.. Не угодно ли водки?» — «Отчего же и не выпить?» — говорил помещик своим голосом и выпивал рюмку. «Ну, как я рад, что вас вижу, — продолжал он голосом Петра Иваныча. — Да что вы не садитесь, совсем не кушаете ничего? да выпейте еще рюмочку!» — «Не много ли будет?» — отвечал помещик своим голосом и выпивал вторую рюмку. Затем, между разговором, Петр Иваныч обыкновенно убеждал его выпить третью, четвертую, пятую, шестую. Помещик пил — и, на-

конец выпивши, по убедительной просьбе Петра Иваныча, еще рюмочку на прощанье, насилу добирался домой, то есть в другую комнату, где тотчас и засыпал... На другой день он так же точно делал визит другому соседу — Карпу Степанычу, на третий — Луке Прохорычу и, разнообразя таким образом деревенское свое существование, достиг преклонной старости, ни разу не поссорившись ни с одним соседом... Но с утра он смотрел на жизнь кисло, иногда предавался воспоминаниям и плакал... В юности он был романтик.

Впрочем, наша цель была сохранить для потомства с каждым годом забывающиеся черты покойных русских поэтов; мы дело свое сделали и теперь можем перейти к московской драме, петербургской баянке и литовскому преданию, единственным отпрыскам прежнего стихотворного богатства русской литературы... Видите ли, какие пришли времена: в трех разных больших городах едва нашлись три стихотворные произведения, да и то...

Да и то одно из них, именно поэма «Москва», писано больше прозой, чем стихами, а на другом, именно на «Страшном госте», выставлен 1844 год, хоть оно и явилось в Петербурге только в 1847 году...

Автор поэмы «Москва» говорит, что в прошлом году «Москвитянин» *«взывал»* к ученым, писателям и художникам о приготовлении на семисотлетний юбилей Москвы *«возможных»* произведений. Будучи воспитан в Москве в *при*университетском училище, которое «развило вполне чувство благоговейной любви к отечеству в детях *коренного* дворянства», г. Н. Сушков вздумал принести дань признательности Москве... Намерение похвальное, но оно повергло г. Сушкова в крайнее затруднение. *«Какой же дар — лепту, —* думал он, — *принесу я на олтарь отечества?»*

«Много мыслей зароилось в *голове* моей, много чувств стеснилось в *сердце*, много намерений загоралось и погасало в *душе*... Наконец я решился написать поэму в лицах и действии: „Москва"... Станет ли моих сил на такое предприятие?»

Так говорит г. Сушков и вслед за тем задает себе еще несколько престранных вопросов, которые почему-то так напугали его, что он не взялся и отвечать на них, а рассудил за лучшее, махнувши рукой, приняться за поэму. Между тем в разрешении их скрывалось и разрешение другого весьма важного вопроса: *«быть или не быть?»* — писать или не писать автору задуманную поэму?..

Вопрос первый: «*Рвение любви к родине восполнит ли малодаровитость в сочинителе?*»

Конечно нет, потому что талант и любовь к родине — вещи совершенно различные. Если б любовь к родине могла заменить талант, тогда всякий бездарный писака мог бы сделаться замечательным поэтом: ему стоило бы только переполниться *«рвением любви к родине»*.

Вопрос второй: «*Высокость предмета искупит ли неизбежные несовершенства в труде такого объема?*»

Совершенно напротив. Чем выше предмет, за который вы возьметесь, тем резче выкажутся ваша бездарность и ваше бессилие совладеть с ним. Кого из порядочных людей подчас не оскорбляла замашка бездарных сочинителей браться за высокие предметы, которые они таким образом унижали, но чтоб высокость предмета выкупала бездарность сочинителя, такого явления, конечно, никто не запомнит. Примеров много и в московской литературе толкучего рынка.

Вопрос третий: «*Наложит ли сама история печать художественности на творение незрелое, может быть, по исполнению?*»

Нет, и причина опять та же: тогда бы все *«творения»*, взятые из истории, запечатлены были печатью художественности.

Если бы г. Сушков потрудился отвечать себе на предложенные им и решенные теперь вопросы, то едва ли бы он принялся писать свою поэму; но он только предложил их и, как будто дивясь сам и радуясь своей смелости, воскликнул: «Как бы ни случилось —

Отечество! тебе, тебе я дань плачу!..»

И принялся платить дань отечеству... Впрочем, он сначала счел еще нужным оправдаться, почему назвал свое сочинение не «драмой», а «поэмой в лицах и действии»:

«Не поэмы ли многие из драматических произведений Шекспира, Шиллера, Гете, как например *исторические* драмы Шекспира, взятые вместе: Ричарды, Генрихи и Иоанн? не эпизоды ли представляет каждая из них отдельно? Соедините эпизоды эти — и у вас будет обширная *поэма в лицах и действии...*»

Итак, если многие драмы Шекспира, вместе взятые, не более как «*поэма в лицах и действии*», то почему же г. Сушкову не назвать своего сочинения поэмой в лицах и действии? Чем унизительно?.. Оправдав таким образом скромность свою в глазах публики и замешав свое имя,

совершенно по необходимости, между именами Пушкина, Гоголя, Гомера, Виргилия, Данта, Мильтона, Клопштока, Тасса, Сервантеса, Камоэнса, Хераскова, Ариоста, Байрона, г. Сушков прибавляет:

«Впрочем, я назвал поэмою 5 драм, в которых предположил обрисовать Москву от колыбели до ее новейших времен, потому отчасти, что не каждая из них, вероятно, может быть представлена в целом на театре: одни по разным причинам едва ли могут быть играны без пропусков, другие не останутся ли только для чтения?»

Вероятно, по величавой скромности предисловия читатель догадался уже, с какого рода автором имеет дело. Но если б ему пришла охота внимательно прочесть всё сочинение, он не мог бы не заметить той добродушной и добросовестной веры в важность совершаемого подвига, которою запечатлена каждая страница поэмы. Произведение мертвое и совершенно бесталанное, поэма г. Сушкова тем не менее труд добросовестный, имеющий великую важность в глазах своего автора, претендующий на такую же важность в глазах публики; потому-то мы о нем и принуждены распространиться более, чем оно сто́ит...

Мы, однако ж, не будем ни рассказывать содержания поэмы, ни приводить выписок. Содержания в ней нет, хотя поэма продолжается почти семьсот лет; выписать что-нибудь хорошее совершенно невозможно, а наполнять наши страницы тем, что противоположно хорошему, у нас нет охоты... Чудное дело! Французы умеют завязать и разыграть перед читателем драму в продолжение одного дня, событий которого им часто бывает достаточно на целый роман, а г. Сушкову недостаточно семисот лет, чтобы придать занимательность своему произведению!.. В чем же заключается поэма? В бесконечных разговорах, лишенных всякого действия. Действующие лица обыкновенно начинают речи свои прозою, потом говорят белыми стихами, то есть стихами без рифм, потом стихами с рифмами, потом опять прозой, — иногда поют. И трудно было бы понять, о чем они говорят и поют, если б предусмотрительный автор не поместил в начале каждой части краткого изложения ее содержания. Вы помните, что автор предположил себе *очертить Москву с колыбели ее до новейших времен:* ну так понятно, что разговоры в ней вертятся около Москвы и важнейших событий, имеющих связь с ее семисотлетним существованием. Больше нечего прибавить, разве что разговоры вялы, плоски, безжизнен-

ны, беспощадно длинны. Загляните в поэму, и вы скажете то же. Поэма проникнута патриотизмом такого роду, который, слава богу, сделался теперь уже исключительным достоянием бездарности и против которого, стало быть, не стоит писать. Приведем, однако ж, небольшой пример:

Русс — богатый властелин!
На водах твоих приволье!
В горах — злато и булат!
Степи — вольнице раздолье!
Лес — приют и в зной и в хлад!

Что такое этот великолепный дифирамб, как не набор слов, в котором не заключается равно никакой чести *Руссу* и его отчизне?.. Поставьте в первом стихе вместо *Русс* — *Француз* или для меры, пожалуй, *Галл,* и потеряет ли что-нибудь стих, если ему есть что потерять?.. Второй стих:

На водах твоих — приволье! —

также не заключает особенной похвалы России. Где нет вод? а где есть воды, там, естественно, есть и приволье на водах.

В горах — злато и булат!

С одной стороны, не во всех русских горах злато и булат, а с другой — есть и нерусские горы, в которых водятся злато и булат.

Степи — вольнице раздолье!

Степи есть также не в одной России, и приволье так же свойственно американским степям, как и русским.

Лес — *приют и в зной и в хлад!*

Это опять не исключительная принадлежность русских лесов, и хвастать тут решительно нечем... Недостает только, чтоб господин сочинитель вменил в заслугу России то, что в ней круглый год светит, а несколько месяцев в году и греет солнце, что на земле ее родится хлеб, если не случится засухи или неумеренного разлива рек, и т. п. Вот он, тот жалкий и странный патриотизм, который еще недавно был в таком ходу у некоторых русских сочинителей, особенно драматургов; теперь нет ничего проще, как понять его надменную надутость и лживость; но давно ли еще многие видели величие, могущество и заслугу русской земли именно в том, в чем и теперь видят всё это патри-

оты, подобные нашему сочинителю, и не подозревают истинных заслуг и достоинств восхваляемой ими страны...

Нужно еще обратить внимание читателей на одну черту в книге г. Н. Сушкова, черту, которая... Но самый факт всего лучше объяснит дело.

У Кольцова есть стихотворение «Урожай»; в «Урожае» есть такие стихи:

Ополчается
Громом, бурею,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой:
Ополчилася,
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною —
Проливным дождем...

У него же есть другое стихотворение, которое оканчивается такими двумя стихами:

И прости-прощай,
Село рóдное!

Теперь прочтите следующие стихи из поэмы г. Н. Сушкова:

Как Великая
Понадулася,
Приподнялася,
Да нахлынула —
Громом, молнией,
Вихрем, ливнями
На их полчища,
На незваные, —
И прости-прощай,
Некрещеные!..

Немножко странно, но особенно удивительного ничего нет: дело бывалое! И такие странности случаются даже с сочинителями, которые сами отличаются особенной нетерпимостию и горячностью там, где дело коснется действительного или мнимого похищения их литературной собственности... Покажись иному сочинителю, что другой заимствовал у него мысль или фразу, он тотчас закричит: «Боже мой! я обокраден! украли мои мысли! мои лучшие мысли!..» — и пойдет трубить по всему городу, что он обокраден. Попадись такому человеку кто угодно, хоть чиновник полиции, он тотчас закричит: «Знаете ли, меня обокрали!» — «Как? что? когда?» — спросит тот. «Украли

мои мысли, мои лучшие мысли!» — и тут же расскажет, какие именно похищены у него мысли, и попросит распространить, где можно, о таком безбожном похищении... Несчастный делается посмешищем целого города, но сильное огорчение мешает ему видеть в настоящем свете свое положение, и он продолжает играть шутовскую роль; иногда даже приносит жалобу или требует от похитителя удовлетворения... Право, бывали и такие примеры...

Вообще в книге г. Н. Сушкова много подражаний, но особенно удачными почитаем мы подражания Тредьяковскому; вот одно из таких:

Однажды, солнцу воссиявшу,
Лицом к востоку обращен,
В молитву, в ней же силы духа,
Я погрузился и земли
Не чувствовал, горе на крыльях
Надежды, Веры и Любви
Стремясь, восторженный и *сладкий*...

Вот г. Минаев, автор «Славы о вещем Олеге», так совсем не так удачно подражает Тредьяковскому, хоть и делает к тому большие усилия; он лучше сам пишет. Кисть у него размашистая и бойкая; человек он не только образованный, учившийся разным наукам, но и смелый, решительный: он долго не задумается и тотчас скажет вам, где родилась Россия и что заняла она у Запада:

Здесь родилась она, цвела,
Молитвы первые читала;
А там в отчизне идеала
Идеализм переняла...

Что Россия родилась в России, в ней цвела и читала первые молитвы, — мысль, конечно, не новая, но благородная отвага, с которою г. Минаев решился ее высказать, бесспорно остается за ним... Вот в такой-то отваге и решительности, да еще в довольно легком стихе и заключается талант г. Минаева. Что значат последние два стиха? Г. Минаев слишком унизился бы, если бы стал объяснять вам их значение; он сказал — и дело с концом, а там думайте себе!.. Роль литературного реформатора и учителя, которую взял он на себя и выдерживает удивительно серьезно, также свидетельствует о неустрашимости его духа — качестве, столь пленяющем нас в г. Сушкове. Сочинение свое называет он «*баянкою*» и спешит, что называется, «*утереть нос*» критику, который вздумал бы найти что-нибудь неловкое и выисканное в таком названии:

«Баянка. Если вы, г. критик, еще на руках кормилицы впервые обмолвились на радость вашей муттэрхен словом „фатер"? В таком случае я обязан объяснить это совершенно новое для вас выражение. Наш язык до такой степени испещрен иноземщиной, что он в современной литературе похож на венгерского барабанщика в цифрованной куртке. Ради-то этих *широких* причин я решился без вашего совета выставить свои рассказы под родным *стягом,* заменя слово пьэса баянкой» и проч.

Вот как! Тон у г. Минаева, как видите, отличный и чрезвычайно выразительный: тотчас чувствуешь соответственные манеры, походку и голос... Одно горе: г. Минаев плохо знает по-русски, что особенно делается ясно, когда он начинает писать прозой; но и здесь мужество не покидает его. Он смело пишет:

«Михайло Петрович Погодин, имя которого я привык уважать с первых дней моего младенчества; *но*, как поклонник истины, здесь должен сказать (?), что он в своих исследованиях о русской истории в первом томе, на стр. 102, говорит...»

И рука его не дрожит! Счастливо созданный природою, он чужд той постыдной недоверчивости к самому себе, которая заставляет иногда людей, плохо знающих язык, прибегать к грамотным корректорам... Подобная мера была бы унизительная для его неустрашимости, доказательства которой встречаем на каждом шагу в его произведении. Он почему-то догадывается, что современники читать его не станут, что его «*баянку*», говоря его собственным стихом,

Сожрут седые времена, —

но и здесь он не унывает; в утешение себе и вам он говорит:

...может быть, настанут годы,
Когда мой легкий, слабый труд,
Раскрыв заброшенные своды,
Потомки добрые прочтут!..

Предположение утешительное и вероятное, на котором мы и расстанемся с г. Минаевым — *надолго, навсегда, быть может!*

Скажи, Зефир,
Зачем эфир,
Родной предел,
Ты опустил?
Зачем в покой

Печальный мой
Ты залетел?
Какую весть
Ко мне принесть
Ты поспешил?

Таковы «Первые опыты» неизвестного поэта, напечатанные в одной книжке с литовской поэмою «Страшный гость»... Первые опыты стоят поэмы, поэма стоит первых опытов.

Итак, вот что производит в настоящее время русский поэтический гений... Читатель теперь видит, почему мы так долго не говорили ничего о русских стихах. Если мы решились наконец заговорить об них, то именно для того, чтоб опять надолго купить себе право проходить молчанием новые книжки плохих и посредственных стихотворений, изредка появляющиеся еще в русской литературе — бог знает для кого, потому что, к чести русского читателя, достоверно известно, что он давно уж и глядеть не хочет на стихи и отзывается о них не иначе как с глубоким презрением...

Музей современной иностранной литературы.
Выпуски 1-й и 2-й. СПб., 1847.

Слова нет! Настоящее положение русской литературы совсем не так печально, как многие думают. Умные люди утверждают, что оно даже очень хорошо. Русская литература поумнела и быстро вступает в период зрелости, — так говорят умные люди и доказательства приводят основательные: она не производит стихотворений, она отказалась от изображения сильных, могучих и клокочущих страстей, громадных личностей; Звонские, Лирские, Гремины совсем вывелись в ней; место их заняли Петровы, Ивановы, Сидоровы; мещанская слабость изображать большой свет с графами и графинями, мебелью от Гамбса и Тура, духами от Марса и мороженым от Резанова также проходит в ней. Она даже шагнула дальше, с некоторого времени начала обнаруживать храбрость неслыханную... Живым ключом забился в ней новый родник, из которого она прежде гнушалась черпать; цель ее стала благороднее и дельнее, чем когда-либо... Отказавшись от изображения бурь и волнений, без сомнения возвышенных и глубоких, возникающих в благовонной атмосфере аристо-

кратических зал, при громе бальной музыки и ослепительном освещении, она не гнушается темных дел, страстей и страданий низменного и бедного мира, освещенного лучиной. Теперь в ней уже не редкость произведение, в котором не встретите вы не только князей, графов и генералов, но даже лиц, имеющих обер-офицерский чин, — и она умеет такими произведениями не отталкивать, но привлекать к себе публику... Мир старух желтых и страшных, посвятивших себя гнилому тряпью, вне которого нет для них ни интересов, ни радостей, ни самой жизни; стариков сердитых и мрачных; женщин жалких и возмущающих, которые протягивают руку украдкой и краснеют или делаются жертвой позора и нищеты; детей бледных и болезненных, которые дрожат и скачут от холода, выгнанные на свет божий нуждой из сырого подвала, — темен и страшен такой мир, и много надобно было нашей литературе, недавно еще щепетильной и чопорной, передумать и пережить, чтобы решиться низойти до него, — приподнять хоть немного завесу, скрывающую его мрачные тайны, — и она приподняла ее... Сделав великий шаг твердо и сознательно, она не смущается позорными упреками, которые, к стыду нашего времени, сыплются еще на нее из разных углов за то, что занимается она предметами *ничтожными* и *унизительными для нее, роется в грязи...* Она сама знает, что ее теперешние герои — нередко люди, которых привычки грубы, страдания обыкновенны до пошлости, страсти неблаговоспитанны, в которых нет ничего романтического и привлекательного, скорей много отталкивающего, но она знает также, что они люди... Деликатных и благовоспитанных порицателей, которые торжественно объявляют таких людей не стоящими внимания, а картины их быта не возбуждающими ничего, кроме отвращения, — она и слушать не хочет! Она знает их вкус: забвения подавляющей действительности — обмана хотят они, но его-то и не дает она им; напротив, она как нарочно взялась возмущать их спокойствие, портить пищеварение...

Слова нет, литература поумнела, но... интересных книг выходит всё-таки мало, и те, которые кричат: «читать нечего», почти правы.... Публика не то чтоб вовсе равнодушна к русской литературе, но и не слишком-то занимается ею — и винить публику было бы грешно. Редко является произведение, которое самим делом напомнило бы публике о существовании русской литературы, ее процве-

тании, возмужалости и других похвальных качествах, охотно за нею теперь признаваемых. «Современник» радуется, что ему в настоящее время посчастливилось представить на страницах своих два такие произведения: мы говорим о романе г. Искандера «Кто виноват?» и о романе г. Гончарова «Обыкновенная история», о которых говорит теперь весь Петербург. Но много ли в год является таких произведений? Даже каждый ли год является по одному такому произведению?.. А между тем потребность к чтению усиливается. Люди сметливые пользуются такою потребностью и недостатком собственно русских книг, способных удовлетворить ей, и издают переводы. Переводные романы расходятся — и сметливые люди не внакладе... И что же тут дурного? Публике нравится читать переводы, сметливым людям нравится издавать их; всё, кажется, в порядке вещей... дело простое и законное... Не странно ли после того читать при объявлении об ином издании переводов рассуждение об испорченности и развращении вкуса публики, дурном направлении литературы и уверение...— в чем бы вы думали?.. — что новое издание поставило себе целью исправить вкус, изгнать дурное направление, одним словом: спасти литературу и публику от конечной погибели?.. Да полно, такую ли цель поставило себе новое издание?.. Нет, — между прочим, и потому, что если б и действительно погибал вкус, то исправление его зависит не от таких мер... Ничего нет дурного, трудясь хотя бы и над переводом романов, желать себе вознаграждения за труд от тех, кто нуждается в переводах, — поэтому мы прямо скажем, что цель всех подобных изданий — надежда на хороший сбыт, доставляющий вещественную прибыль... К чему же превыспренние разглагольствия, столь неуместные? Зачем добровольно делать себя смешным? к чему набрасывать тень чего-то дурного на дело, конечно довольно ничтожное, но совершенно невинное, усилием представить его в другом виде?

«Музей современной иностранной литературы» говорит, что он, недовольный романами, «поставляемыми на ежедневное потребление в фельетоны», предположил себе целью «доставлять любителям чтение *постоянное, избранное, разнообразное, приятное и в кажущейся легкости своей не портящее вкуса, не совращающее понятий...»* Что же переводит и печатает «Музей»? Да то же, что печатают наши журналы, поддерживающиеся переводами, с тою только разницею, что, не имея возможности поспевать

за журналами, «Музей» печатает, так сказать, «остатки иностранных литератур», то есть то, что забраковано журналистами (так, например, в первом своем выпуске «Музей» напечатал, между прочим, роман «Домашний сверчок» — худший из четырех святочных романов Диккенса), а иногда и то же, что печатается в журналах. Иначе и быть не может в издании, печатающем произведения иностранных *современных* литератур, снабжающих материалом бóльшую часть наших журналов. В чем же привилегия «Музея» на исправление вкуса перед журналами и где возможность к такой реформе?..

«Музей» любит обещать, и, заверив публику в величности своей цели, он не оставляет ее в неизвестности и насчет способов, какими предположил себе достигать ее:

«Пригласив к постоянному соучастию сотрудников *деятельных, опытных, владеющих и отечественным, и иностранными языками и с самой выгодной стороны* знакомых нашей читающей публике, *заручая значительный капитал на это издание,* не прибегая к пособию подписки, преждевременно собирающей на подобные предприятия деньги, желая доставить чтение не только *приятное*, но в весьма многих отношениях (*при настоящем направлении некоторых произведений литературы*) *полезное*, приняв намерение вместе с сотрудниками нашими исполнять наше дело со всевозможно строгим рачением, мы будем *молчаливо* и *скромно* идти своей дорогой, ожидая, чтобы не чей-либо одиночный, может быть и пристрастный или не избранный в судьи мнением общественным, голос, но чтобы самое мнение это и опыт дела, которого результаты не могут быть с ним в разноречии, произнесли свой приговор и доказали бы: понята ли нами потребность и достигнута ли предположенная цель».

Как громко, величаво, торжественно! А для чего?.. Если вы точно пригласили сотрудников деятельных и пр. и пр., то отчего ж вы скрыли их имена от публики, которой, по вашим словам, они известны *«с самой выгодной стороны»*? А если вы считали нужным соблюсти в этом отношении скромность, то для чего ж не соблюли ее и в том отношении? Ведь объявить, что имеет отличных, даже гениальных сотрудников, всякий может, да что ж из того? Нужны или имена, чтоб публика могла проверить ваши слова, или — еще лучше — самое дело, которое во всяком случае лучше слов... Объявить, что *«заручил значительный капитал на издание»*, тоже может всякий, имеющий капитал и не имеющий его... Вы поставляете на вид публике, что *«не прибегаете к пособию подписки, преждевременно собирающей на подобные предприятия деньги»*.

Это опять напрасно. Всем, и вам в особенности, известно, что *с некоторого времени* объявлять преждевременной подписки ни на какие издания, кроме периодических, *нельзя.* Наконец, вы говорите, что будете идти своей дорогой *«молчаливо и скромно»,* — и от такого уверения, право, лучше бы воздержаться, особенно после такого предисловия... Во всяком случае *молчаливость* и *скромность* вашу никто не мешал вам показать на деле, и публика верно наградила бы вас за такие прекрасные качества, заметив их в вас сама... А теперь, когда вы уже сами себя наградили торжественным признанием в себе таких качеств, ей тут делать нечего...

Однако ж дело еще не совсем испорчено: публика будет вас читать, если только вы будете продолжать свое дело, как начали, потому что «Музей современной иностранной литературы» — издание отнюдь не лишнее... При всей массивности своей, журналы наши не могут вместить в себе всего, что является более или менее интересного в иностранных литературах; иногда остаются непереведенными повести и романы, даже замечательно хорошие. Вот с ними-то знакомить публику настоящее дело «Музея», который очень умно предположил себе не ограничиваться текущими произведениями иностранных литератур, но переводить и явившиеся уже несколько лет назад. Переводы в «Музее» если не все равно хороши, то и не все плохи. Издание опрятно и дешево... Словом, «Музей» хоть куда и может удовлетворять современной страсти к чтению романов не хуже никакого другого подобного издания — и вот его настоящая цель. Но если смотреть на него с точки зрения той великой цели, которую переводчики, по уверению их самих, предположили себе, то его следовало бы назвать совершенно ничтожным. Вот к каким последствиям приводит иногда преувеличенный взгляд на собственную работу, добродушно высказанный во всеуслышание!

Путевые заметки. *Соч. Т. Ч. Одесса, 1847.*

Под этим заглавием вышла книжка, заключающая в себе два рассказа: «Три вариации на одну тему» и «Гувернантка». О первом мы упомянули уже в прошедшей книжке нашего журнала (см.: отд. IV, стр. 69). Здесь поговорим о втором.

Заглавие повести заманчиво: оно обещает интерес особенного рода, не встречавшийся до сих пор, сколько помнится, в наших русских рассказах. Гувернантки появлялись во многих романах, но они постоянно занимали место на втором или даже на третьем плане картины. Все они сливаются в памяти читателя в одно лицо с известными отличительными чертами. И причина такого однообразия не в небрежности писателей, а в самом предмете: все они обстановлены одними и теми же условиями жизни, все они в одном и том же отношении к обществу; самое слово «гувернантка» обозначает столько же *звание*, сколько и *участь* женщины, а в душевный мир, в глубокие мелочи его, в те закоулки сердца и ума, которыми mademoiselle Annette отличается от mademoiselle Sophie, — станет ли входить автор, если это лицо только легкий очерк на горизонте его картины? с него довольно туманного силуэта, и он прав.

Что такое гувернантка?

Но позвольте; надо сделать оговорку: всё, что мы сказали и что еще скажем, относится исключительно к девицам-гувернанткам, к тем гувернанткам, которых у нас в провинции называют специфическим именем *мамзелей*, в отличие от *мадамов* или даже, подальше в глуши, *мадемадамов*.

Итак, что такое гувернантка? Правда ли, что это слово обозначает участь жизни, насильно навязанную судьбой? В этом едва ли кто усомнится. Кто по доброй охоте перейдет из недр своего семейства, спаянного общею нуждою, в семью чужую, связанную только гнилою ниткою наружных отношений? А что гувернантка почти всегда попадает в такую среду, это тоже очевидно. Кто берет гувернантку? Тот, кто не хочет или не может воспитывать детей сам. В первом случае он им отец только потому, что женат на их маменьке, а во втором он поневоле противоречит им в жизни, потому что не сходится в понятиях. Какого же сочувствия ожидать тут гувернантке? Она в доме не больше как какая-нибудь учебная книга, грамматика или арифметика, переодетая в юбку. Одни не хотят, другие не умеют ее читать; читают только дети, и то поневоле. Она и участью походит на учебную книгу: вы легко можете себе представить ее положение, вспомнивши какую-нибудь азбуку с оббитыми углами и чернильными пятнами, в которой непременно к букве О приставлены две ножки и надета треугольная шляпа, а на П построена крышка и

вставлены окна — и в которой целы только нравоучительные изречения, потому что над ними крепко спится.

И вот девушка попадает к барыне с следами засохшего теста на грязном капоте и к барину в синей венгерке с арапником в руке или в классную за десять комнат от великолепного салона, в котором всё, что за его порогом, предполагается несуществующим и где в один вечер проигрывают ее десять годовых окладов.

Много разных картин, на которых является и лицо гувернантки! Иногда она попадает в дом, где стены и бороды пропитаны капустой, хозяин ходит в попоне из синего сукна, почитаемой им за сюртук, супружница в три обхвата (что называется: жена во всю постель!), где квартальный надзиратель и приходский дьячок несомненные оракулы[1] и т. д.

Вот в какие сферы вталкивает судьба существо, называемое гувернанткою. Над внешнею жизнью ее от колыбели до гроба четкими буквами начертано: «бедность», и все минуты ее существования не что иное, как вариации на эту тему, истолкования этого текста, неотразимые выводы из этой несчастной истины.

Обстановка жизни душит иногда человека; но она никогда не может задушить его окончательно. Если личность его иногда и сжата до незаметного атома, в этом атоме всё-таки сосредоточены все силы ее, как в зерне заключена возможность огромного каштана или роскошной розы. Случается даже, что сила личности, как сила пороха, увеличивается от сжатия, и тогда довольно одной искры, чтобы незримый до времени атом взорвал гнетущую его тяжесть и разрушил в одно мгновение и себя, и всё его окружающее. Но до такой катастрофы доживают не многие.

Так и женщина в тисках судьбы, если и не разрывает их, то и не отрекается от своей личности и тех интересов, которые вдохнула в нее природа. Она не может отказаться от них, как не может остановить в себе движения крови и биения сердца. Если и бывают минуты, что она ищет насильственного примирения с жизнью и сама старается за-

---

[1] К слову пришлось: критику «Сына отеч<ества>» показалось, что можно предложить в гувернантки русской провинциальной барышне или купеческой дочке Жорж Санд. Конечно, это всё равно что предложить Шекспира в булочники или Гомера в волостные писари но что на свете невозможно? называет же сам критик г-жу Санд бешеною бабой!

давить в себе голос природы, слиться с внешностью обстоятельств, — это не больше как мимолетное самообольщение: она встречает тогда противоречие в себе самой, и внутреннее раздвоение не искупит внешнего мира. Человек не властен изменить свое внутреннее лицо, как не властен изменить наружное, — потому что он нераздельная единица и последний край его ногтя участвует в глубочайших движениях его сердца и ума.

У мужчины много интересов, дающих колорит и направление всей его жизни: война, политика, искусство, наука, торговля и пр. Им приносит он в жертву всё для него второстепенное: здоровье, деньги, дружбу и даже любовь. Но у женщины только один интерес в жизни: любовь, — и ему подчинено всё остальное. В этом слове заключается весь роман ее жизни, тогда как для мужчины оно только эпизод из этого романа. С любви начинается развитие мужчины, любовью кончается оно в женщине.

Жизнь человека слагается из этого задушевного интереса и внешней участи; ни то ни другое не зависит от его произвола, и он является часто игрушкой случая. Этот взгляд не очень лестен для экс-царя природы; но что делать! настало такое время, что волей или неволей, а надо признать зависимость от природы или эмигрировать туда, где щеголяют в бумажных коронах.

Вот данные, на основании которых должно судить о верности изображаемых в этой повести лиц и об удаче ее идеи. Пружины рассказа: любовь и бедность, потому что героиня — женщина и гувернантка. Вокруг нее много лиц, но двое из них играют в ее жизни главную роль: Панчулеев, человек, как видно из рассказа, пустой, но не ничтожный, потому что в нем предчувствуется возможность увлечения интересами повыше любви. Другого, Бухарина, никак нельзя назвать человеком пустым, потому что он полон любви; но он, очевидно, никогда не станет выше этого чувства. Бухарин любит Елену (имя гувернантки), Елена любит Панчулеева, Панчулеев не любит никого.

Почему это случилось так, а не иначе, на это нет, не бывает и не может быть никакой разумной причины. В слове «*случилось*» заключается всевозможное объяснение. Хотя автор и говорит: «Мы, женщины, можем и решимся полюбить сердцем только вследствие долговременной привязанности» — и через несколько строк: «Умом мы любим тревожнее, более страстно, нежели сердцем; но эта

любовь, в минуту своего полного развития, мгновенно угаснет от малейшего толчка, данного самолюбию», — однако же его Елена полюбила Панчулеева вовсе не вследствие долгой привязанности, а с первой же встречи, когда он оскорбил ее самолюбие небрежным приглашением к танцу. Она даже забыла прежнюю любовь к Бухарину, доказывая тем, что страсть — плод случая, а не времени.

Г-жа Ч. имела полное право, не нарушая правдоподобности, поставить Елену в такие отношения к двум близким ей людям. Жаль только, что Панчулеев изображен человеком бессердечным; он не любит никого, и это лишает жара грустный колорит картины. Всё равно он не полюбил бы Елены, если бы она была и не бедной гувернанткой, а богатой барышней. Будь в нем виден зародыш страсти, хоть легкая борьба сердца с расчетом, тогда Елена явилась бы жертвою своего положения в свете и иное впечатление произвела бы на нас ее молитва: «Боже! дай золота, спаси меня!»

Вообще должно заметить, что душевный мир Елены не сталкивается враждебно с внешними обстоятельствами, и от этого в повести чувствуется какое-то раздвоение. Вы интересуетесь Еленой как женщиной и как гувернанткой, но стечение этих двух интересов для вас случайно: вы не видите между ними внутренней, неизбежной связи. Героиню можно поставить совершенно в другие обстоятельства, и это не изменит участи ее сердца: она так же будет любима Бухариным, будет любить Панчулеева, и Панчулеев так же не будет любить никого. Неправдоподобного тут нет ничего, и не в этом заключается ошибка: недосозданность повести скрывается в случайности столкновения таких, а не других событий жизни; случайность же никогда не возвысится до единства. Миллион лиц, набросанных на полотно без необходимой между ними связи, не составит группы. Эта-то необходимость и составляет одну из тайн искусства, если художественное произведение понимать как нечто целое, органически развившееся из одной идеи. Как из яблочного зерна вырастает *необходимо* яблоня с ее сердцевидными листьями и яблоками, а не сосна с иглами и шишками, так и из задуманной идеи должны *необходимо* вырастать *определенные* лица и события. Всё же случайное походит на конфекты на рождественской елке, которую так же нельзя назвать произведением природы, как какой-нибудь калейдоскопический роман фабрики Дюма — произведением искусства.

Вот всё, что мы можем сказать неодобрительного об этой повести, и да примет сочинительница слова наши как доказательство того, что мы видим в ней дарование и, следовательно, возможность развития и совершенствования. В рассказе ее есть теплота, женственность, заметны наблюдательность, способность задумывать характеры, склонность входить в закоулки души, в психологический анализ. Материалу для здания, как видите, довольно, и с этим всегда что-нибудь да можно построить; но недостает еще творчества, — она еще не может возвыситься над своим творением; изображаемый ею мир управляет ею, а не она им, и это всего заметнее по внутреннему раздвоению повести, отдельные сцены которой выполнены удачно.

1849

Русские второстепенные поэты

I

Современное состояние русской поэзии. — О стихотворениях, присылаемых в редакцию «Современника». — Некоторые из этих стихотворений. — Два новые стихотворения Н. Огарева. — Стихотворение Т. Л. — Г. Ф. Т—в и его стихотворения (1836—1840).

Стихов нет. Немногие об этом жалеют, многие этому радуются, бо́льшая часть ничего об этом не думает. Но отчего нет стихов? Причина очевидна. В этом роде литературы преимущественно и прежде всего обращает на себя внимание форма. Чем труднее достижение чего-либо, тем более в наших глазах выигрывает достигающий. Но трудность выражения или формы обусловливается, разумеется, кроме личности писателя степенью развития и обработанности языка. Чем менее обработан язык, тем труднее подчинить его формам, требуемым от того или другого рода литературных произведений; по мере же постепенного развития и совершенствования языка постепенно исчезает и трудность выражения, так что изящная форма уже перестает быть достоинством, а делается необходимым условием всякого литературного произведения.

Наша литература, возникшая и укрепившаяся в самое короткое время, находится уже на той степени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимым. Лет десять тому назад, даже и меньше, весьма охотно прощали отсутствие содержания и даже смысла за несколько удачных выражений, гладкость и благозвучие. Стоит только припомнить времена гг. Марлинского и Бенедиктова, когда форма составляла первое условие, а содержание едва ли входило в число условий, необходимых для литературного произведения. Это преимущество, отдаваемое форме в ущерб содержанию, отчасти и было

причиною той вычурности, которою отличались оба эти писателя. Несколько лет тому назад при оценке литературного произведения прежде всего обращали внимание на слог, потому что хороший слог был явлением редким; теперь же почти не говорят о слоге, потому что все пишут более или менее хорошо. Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства, а так как стихотворная форма непременно стесняет автора, не выкупая недостатков его произведения, то весьма понятно, что проза, более доступная по форме, представляет более простора его уму, взгляду на вещи и наблюдательности, на которые обработанность языка не имеет влияния и которые составляют неотъемлемую, личную принадлежность писателя...

Вот главная причина, почему нет стихов вообще. Почему нет хороших стихов, тому другая причина: нет поэтических талантов или их слишком мало и они также обратились к прозе. Это явление тоже нередко. В этой самой книжке «Современника» в обозрении литературы определили мы до некоторой степени разницу между направлением нынешней литературной эпохи и той, которая ей предшествовала. То была эпоха литературного бескорыстия, когда писали «из чести лишь одной»; и даже бывали такие авторы, которые сами платили за честь увидеть свое имя в печати. Мы сами можем насчитать десяток таких повестей, за которые теперь платили бы если не на вес золота, то гораздо более, чем на вес серебра, и которые тогда печатались даром. Теперь эпоха положительная. Каждый литератор естественно хочет извлечь наибольшую выгоду из своего таланта, а при всеобщем равнодушии к стихам и при невозможности много писать стихами, конечно, проза представляет более удобств в этом отношении. Писатель, чувствующий в себе искру поэтического таланта, десять-пятнадцать лет тому назад непременно раздувал бы ее, сколько возможно, лелеял бы свой талант, как говорили в старину, и плодом этого было бы конечно, несколько более или менее удачных стихотворений. Все бы читали и хвалили; может быть, к ним писали бы музыку и пели бы их, автора же величали бы поэтом, и он был бы совершенно счастлив; ему ничего более не было бы нужно, и он знал, что ничего более и добиться нельзя. Но поэту

нашего времени этого мало. И сознавая, что в наше время только поэтический талант, равный пушкинскому, мог бы доставить автору и Славу и *Деньги*, он предпочитает распорядиться иначе: поэтическую искру свою разводит он на множество прозаических статей; он пишет повести, рецензии, фельетоны и, получая за них с журналистов хорошие деньги, без сожаления видит, как поэтическая способность его с каждым годом уменьшается, как даже самая форма, которою он овладел было в значительной степени, делается ему с каждым годом менее доступною и наконец представляет ему трудности непреодолимые. Дело сделано: в литературе одним поэтом меньше, а вместо двух-трех десятков стихотворений публика получила несколько повестей, рецензий и фельетонов. В нашей литературе есть несколько таких примеров. Публика не внакладе; двух-трех десятков стихотворений, пропавших таким образом, также не очень жаль; но дело в том, что у кого-нибудь из таких авторов, добровольно отказывающихся от поэтического поприща, может быть, развился бы значительный и самобытный поэтический талант, если б они продолжали раздувать свою поэтическую искру. А поэтический талант, хоть и не обширный, лишь бы самостоятельный, стоит десяти талантов повествовательных, потому что такие таланты редки во всех литературах. В доказательство приведем хоть нашу: у нас немало можно насчитать талантливых беллетристов, а поэтов, даже и второстепенных, весьма мало.

К числу причин малого количества стихов в настоящее время должно отнести и дружные осуждения журналистики, каким, часто без разбора, подвергались у нас стихи в последние годы. В применении к предшествовавшей стихотворной эпохе, когда люди без таланта и призвания угрожали наводнить всю литературу плохими стихами, это было хорошо, даже необходимо. Но нам кажется, что теперь, когда дело уже сделано, нужно более снисхождения, более внимания к появляющимся поэтам. Наши журналы смотрят и приучили смотреть своих читателей на всякую новую книжку стихов так недружелюбно, что может случиться, что и человек весьма умный, чувствующий в себе поэтический талант, побоится выступить со своими стихами в такое невыгодное для поэтов время. А одна возможность подобного случая нас пугает. Как ни толкуют о положительности нашего времени, мы уверены, что хороший поэт был бы совсем не лишний в настоящей русской

литературе: между любителями чтения всегда есть люди (и мы имеем слабость принадлежать к числу их), которым не довольно одних романов и повестей, как бы они ни были хороши, у которых просто есть слабость, обратившаяся в потребность, время от времени прочесть новое хорошее стихотворение и которые, за недостатком хороших, радехоньки иногда прочесть даже чуть-чуть порядочное стихотворение... да и в каком сердце не найдется струнки, которая не отозвалась бы на прекрасную поэтическую мысль, изящно выраженную? Слушаем же мы Гризи и Марио, наслаждаемся ими, даже говорим, что жить без них не можем; ведь всё это те же стихи, поэзия, только в других формах, — и кто иначе думает, тот не понимает ни поэзии, ни итальянской оперы и истинно не наслаждается ею.

Итак, потребность стихов в читателях существует несомненно. Если есть потребность, то невозможно, чтоб не было и средств удовлетворить ее. Поэтических талантов даже не так мало у нас, как многие думают, и настоящая цель этих статей есть именно показать, что еще недавно поэтов с истинным талантом у нас являлось гораздо более, чем привыкли считать. Только в последние несколько лет (менее десяти) не заметно в этом отношении приращения, может быть отчасти вследствие причин, изложенных выше. Прежде чем перейти к нашей задаче, скажем несколько слов о том, в каком состоянии находится русская поэзия в настоящую минуту.

Читатель сам знает, что теперь она очень бедна. Отдельно стихов выходит очень мало; лучшие журналы наши вовсе не печатают стихов; стихотворения, помещаемые в журналах второстепенных, большею частью тоже посредственные. В редакцию «Современника», как и во все редакции журналов, присылаются нередко стихотворения; если авторы, не видя своих произведений напечатанными, думают, что мы считаем их всех без исключения людьми без таланта, то мы спешим успокоить их: в некоторых из присланных к нам стихотворений заметны признаки таланта несомненного; не печатаем же мы их, во-первых, потому, что таких стихотворений мало, а во-вторых, и главное, потому, что, обнаруживая талант, почти ни одно из этих стихотворений не обнаруживает самобытности. Это не мешает автору писать их: совершенствуя свой талант, он может достигнуть самобытности, — но мешает дельному журналу печатать их. Мы, однако ж, готовы с удовольствием

замечать всё хорошее и пользуемся этим случаем, чтоб привести здесь некоторые из полученных нами стихотворений, — разумеется, такие, которые сами по себе имеют достоинства, оправдывающие их помещение, и которые дают повод надеяться чего-нибудь получше от авторов их в будущем. В этом отношении первое место занимают два следующие стихотворения г. Н. Сп. Вот они:

1

Я всё еще стараюсь как-нибудь
Свою печаль и сердце обмануть —
И думаю, что слух пронесся ложный,
Что это всё один обман безбожный,
Что переменится ужасная молва,
Что всё еще ты, ангел мой, жива,
Что ты сама молву пустую слышишь
И скоро мне, смеясь, о том напишешь
И скажешь так: «Тебя мне было жаль,
Не правда ли? Ну что ж, твоя печаль
Прошла теперь? Ты сердцем стал спокоен?
Иль всё еще пустой молвой расстроен —
И панихиды служишь обо мне,
И думаешь, что в райской стороне
Душа моя витает и порою,
Незримая, ношусь я над тобою.
И что ж, скажи, тогда душа твоя
Шепнула ли тебе, что близко я?»
И дни бегут, и всё как бы в надежде
Жду от тебя я писем, как и прежде.
Но жду напрасно я, — и самому
Порой мне будто странно, почему
К тебе я сам не напишу ни слова,
И всё еще мне кажется, что снова
Когда-нибудь мы встретимся с тобой
И снова я услышу голос твой,
Увижу взор твой, полный чудной власти,
И неги, и любви, и томной страсти.
О многом мне расскажешь ты тогда, —
И вспомним мы прошедшие года,
Минувшие восторги и страданья,
И сладость первого и робкого свиданья,
И прежние надежды и мечты...
Но между тем в сырой могиле ты.
Без жалости тебя разрушит тленье,
И, может быть, в то самое мгновенье,
Когда с такой любовью и тоской
Я о тебе мечтаю, ангел мой,
Могильный червь твое уж сердце точит,
Холодный дождь твою могилу мочит,
Кругом тебя пустынный, дикий вид,
И буря над твоей могилою шумит.

Н. Сп.

2

Как птичка, весь день распевая,
Была ты беспечна, резва, весела,
Казалось, от неба, от светлого рая
Ты радость на землю с собой принесла.

Твой смех был так чудно приятен и звонок,
И музыкой нежной звучал голосок;
Ты сердцем была настоящий ребенок,
А с виду роскошный и дивный цветок.

Уста, оживленные детской улыбкой,
Дышали такой тишиной,
Как будто на землю зашла ты ошибкой,
Не зная забот и печали земной.

Но мать твоя втайне вздыхала глубоко,
Едва доставая насущный трудом,
И в грязь, и в ненастье, и в холод жестокий
В салопишке ветхом ходила пешком.

Охотно она бы легла уж в могилу,
С тобою лишь было расстаться ей жаль,
В любви к тебе черпая бодрость и силу,
Сносила она терпеливо печаль.

Бывало, ты спишь, и чудесные грезы
Играют румянцем горячих ланит;
А мать, подавляя в душе своей слезы,
Чуть свет уж давно за работой сидит.

Купивши ценою бессонниц, страданий,
Дарила тебе она скромный наряд —
Предмет твоих давних, невинных желаний;
Ты шла в нем к обедне, был весел твой взгляд.

Но время пришло роковое, и очи
Задумчивей стали, и бедный твой ум
Всё понял. Исчезнули сладкие ночи,
И сердце заныло под тяжестью дум.

В ваш угол явилась нежданная сваха,
Мать думала долго — и рада была...
Всю ночь ты проплакала с тайного страха
И замуж за старого плута пошла.

Твой муж ростовщик был и грубый, и грязный,
Тебя наряжал из своей кладовой.
Надела ты жемчуг и перстень алмазный,
Была ты сыта и не зналась с нуждой.

Бывало, ты в гости оденешься пышно, —
И мать на тебя с умиленьем глядит;

А ночью ты плачешь незримо, неслышно:
В душе твоей горечь, и мука, и стыд.

Без грусти, охотно легла б ты в могилу,
Лишь бедную мать становилося жаль.
В борьбе изнывая, крепясь через силу,
Глубоко ты в сердце скрывала печаль.

Н Сп.

Прочитав эти прекрасные стихотворения, читатель поймет сказанное нами выше о недостатке самобытности в наших начинающих поэтах. Если г. Сп. сумеет избежать подражательности, чего мы искренно желаем, он произведет что-нибудь действительно замечательное.

Недурны также следующие два стихотворения, принадлежащие г. Сол—ну:

1

Пока неопытен, покамест сердцем молод,
    Не чувствуешь, как вкруг твоей души,
Как ветер вкруг листов, колебля их в тиши,
    Уж носится тревожной жизни холод;
Всё кажется: семья волнений и забот
    Натешится над нами и пройдет,
Как туча темною, бесплодной полосою
    Иль разразясь минутною грозою.
Но вот за годом год, и голова седеет,
И гаснет сердца жар, и разум холодеет;
    Начнешь печали жизни примечать,
    Как лом в костях, по осени, в ненастье;
    Придет забота страсти укрощать,
    Поменьше верить в будущее счастье,
    Надеяться не станешь и порой,
Как улыбнется жизнь, с сомненьем покачаешь
    До срока поседевшей головой
И недоверчиво счастливый миг встречаешь.

Так в знойный летний день на небеса смотря,
Смотря на тихий лес и дремлющие воды,
    Всё думаешь — неверен сон природы:
    Всё кажется — угаснет вот заря,
И обнесется свод небесный черной тучей,
    Меж спящих роз промчится вихрь летучий,
Как конь невзнузданный: нежданный грянет гром,
    И туча хлынет проливным дождем,
    Примнет посев на глади поля злачной
И иссечет цветы и плод дерев прозрачный.

Вл. Сол-н.

2

Ты молода еще, покамест не буди
Мечты тоскливые в младенческой груди;
Страшися их: они обманут иль встревожат

Невинных чувств еще отрадный сон,
Сердечный пламень, может быть, умножат;
А без утрат, бог весть, пройдет ли он?
К чему ж спешить, напрасно волноваться?
Итак, мы жизнию не тешимся давно,
На радость скупы мы, и — больно сознаваться —
Нам грусть и радости едва ль не всё равно;
Из нас у каждого в груди болеет рана;
А между тем еще мы не успели жить...
Но сердцем и умом исчахнули так рано,
Что трудно нам и мыслить и любить.

Вл. Сол-н.

Если в первых двух стихотворениях довольно явно влияние Пушкина и автора нескольких стихотворений, рассеянных по журналам и сборникам, который теперь уже стихов не пишет, — то на последних двух нельзя не заметить влияния Лермонтова.

Наконец, г. Лизандер, поэт, пишущий уже давно и уже издавший книжку стихов, прислал нам несколько новых своих стихотворений для помещения в «Современнике». Мы помещаем из них следующие:

1

Дорога

Не одна в полях дорожка пролегает,
Не одна холмы и рощи огибает,
Не одна вдали синеет, извиваясь,
С синевой небес сияющих сливаясь.

Много их по свету люди проложили:
Горе, труд, любовь, измена их торили;
Проторив, по ним толпами шумно бродят:
Счастья ищут все по всем, — да не находят.

Не одной дорожкой торною ходил я;
Не одну из них синеющих любил я, —
Да пора тех дней дорожкой прокатилася...
Лишь одна из них давно мне полюбилася.

Не бежит она по рощице зеленой;
Не глядит она в стекло речного лона;
И не пашней бархат луга обегает;
И не холм, цветами убранный, ласкает.

Всё бежит она пустынными полями,
По горам нагим, сыпучими песками.
Нечем с ней глухой, очам полюбоваться:
Сердце, сердце с ней не может распрощаться...

Как по ней одной всё лето проходил я,
Накатал ее, глухую, наторил я;
Да с зимы по ней уж больше не хожу я, —
Только в даль ее, задумавшись, гляжу я.

Не один по ней ходил я в лето знойное,
Не одна по ней нога шла беспокойная:
Как со мной по ней ходила ножка нежная,
А в руке была всё ручка белоснежная.

Не один по той дорожке и езжал я,
Не один ее в то лето накатал я:
Всё мы с милою дорожкой той каталися
Да во тьме ночной, обнявшись, целовалися...

Как и с тех ночей она мне полюбилася...
Да и та пора дорожкой прокатилася:
Занесло поля снегами и метелями, —
А без милой дни все тянутся неделями.

И один уж я дорожкой тою снежною
Не хожу: всё вдаль гляжу с тоской мятежною,
О бывалых днях безмолвно вспоминаючи
Да метелей шум, задумавшись, внимаючи.

Не шумят они, не воют вьюги шумные, —
Не шумят — поют под сны мои раздумные:
Шепчут, шепчут мне знакомыми признаньями,
Веют, веют мне горячими лобзаньями...

2

В забвении нежном на грудь мою тихо поникнув,
Она меня долго и нежно лобзала;
А сердце мое, уж давно от забвенья отвыкнув,
Под звуки лобзаний тоской замирало.
Печально глядел я на лик ее чистый и нежный,
Печально лобзал я чело молодое:
Я знал, что страдать ей за счастье любви неизбежно, —
И больно мне было за сердце родное...

И думал я: «Ангел! не вечно же будет хранима
Любовь твоя тайной немой и глубокой.
Незримое ныне всё ж станет когда-нибудь зримо
Для взоров толпы равнодушно-жестокой.
Тогда осуждать прогремит ее гордое право
Холодной насмешкой, обидной молвою, —
И ты, *друг бесценный*, гонимый и зло и лукаво,
Поникнешь в стыде и в слезах головою».

И думал о том я, что нежно, что страстно люблю я,
О том, что она меня пламенно любит;
Что нежно любимый, ее разлюбить не могу я
И, нежно любима, она не разлюбит...
Я думал... И, страстно лобзаньям ее отвечая,
Грядущего власти молился безмолвно,
Чтоб всё, что в нем сладко, всё ей отдала роковая,
А мне — что в нем слез и страдания полно.

В первом стихотворении поражает напряженность тона и странная смесь простонародных выражений с книжными. Второе — прекрасно, жаль только, что оно также не чуждо тяжелой напряженности и книжных оборотов.

Если мы приведем здесь еще две небольшие пьесы автора «Старого дома», «Сторожа» и нескольких других превосходных стихотворений, которые всегда останутся памятны любителям стихов, — то вот будет и всё, что может в настоящее время редакция «Современника» представить своим читателям по части стихов:

1

Fatum

Вхожу я в церковь: там стоят два гроба,
Окружены молящимися оба.
Один был длинный гроб, и видел в нем
Я мертвеца с измученным лицом,
С улыбкою отчаянья глухого,
И кости лишь да кожа — так худого.
Казался он не стар, но был уж сед,
Как будто б он погиб под ношей бед.
Бледна, как он, и столько же худая,
Стояла возле женщина, рыдая,
И дети нищие на мертвеца
Смотрели с детской глупостью лица.

А гроб другой был мал, и в нем лежало
Дитя — так тихо, будто б задремало.
Отец и мать у гроба, и вокруг
Одетых в траур было много слуг.
Печально мать-красавица молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала;
Отец в себя казался углублен
И всё шептал: зачем он был рожден?

И я тоски не в силах был сносить;
Я вышел вон и в лес ушел бродить,
И ветер выл, и тучи тяготели,
И, на корнях треща, качались ели.

2

Забыто

Я ему сказала:
Возвратился, милый!
Дни прошли и годы —
Я не позабыла.

Я всё так же, так же,
Как в ту ночь, что — знаешь? —
Всё люблю, как прежде,
Так, как ты желаешь.

Он пожал плечами,
Не сказал ни слова,
И хотел он тут же
Удалиться снова.

Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье,
Всё не отпускала,

Пала на колени,
Целовала руки,
Ноги целовала,
Плакала от муки.

Он взглянул мне в очи:
Тут мне показалось,
Что меня он любит,
Что в нем сердце сжалось.

Он взглянул мне в очи,
Отвернулся снова,
И прошел он мимо,
Не сказал ни слова!

Те, которые помнят стихотворения г. Огарева, согласятся с нами, что приведенные нами пьесы — далеко не лучшие из его произведений; но мы поместили их потому, что пришлось к слову, и потому еще, что любители таланта г. Огарева, конечно, не без удовольствия прочтут и эти стихотворения.

Наконец, есть у нас еще стихотворение, дорогое нам по личным нашим воспоминаниям. Может быть, потому оно нам очень нравится:

Один, опять один я. Разошлась
Толпа гостей, скучая. — Вот и полночь.
За тучами, клубясь, несутся тучи,
И тяжело на землю налегли
Угрюмо неподвижные туманы.
Не спится мне, не спится... Нет! во мне
Тревожные, напрасные желанья,
Неуловимо быстрые мечты
И призраки несбыточного счастья
Сменяются проворно... Но тоска
На самом дне встревоженного сердца,
Как спящая, холодная змея,

Покоится. Мне тяжело. Напрасно
Хочу я рассмеяться, позабыться,
Заснуть по крайней мере: дух угрюмый
Не спит, не дремлет... странные картины
Являются задумчивому взору.
То чудится мне мертвое лицо, —
Лицо мне незнакомое, немое,
Всё бледное, с закрытыми глазами,
И будто ждет ответа... То во тьме
Мелькает образ девушки, давно
Мной позабытой... Опустив глаза
И наклонив печальную головку,
Она проходит мимо... слабый вздох
Едва заметно грудь приподнимает...
То видится мне сад — обширный сад...
Под липой одинокой, обнаженной
Сижу я, жду кого-то... ветер гонит
По желтому песку сухие листья...
И робкими, послушными роями
Они бегут всё дальше, дальше, мимо...
То вижу я себя на лавке длинной
Среди моих товарищей... Учитель —
Красноречивый, страстный, молодой —
Нам говорит о боге... молчаливо
Трепещут наши души... легким жаром
Пылают наши лица; гордой силой
Исполнен каждый юноша... потом
Лет через пять в том городе далеком
Наставника я встретил... Поклонились
Друг другу мы неловко, торопливо
И тотчас разошлись. Но я заметить
Успел его смиренную походку,
И робкий взгляд, и старческую бледность...
То, наконец, я вижу дом огромный,
Заброшенный, пустой — мое гнездо,
Где вырос я, где я мечтал, бывало,
О будущем, куда я не вернусь...
И вот я вспомнил: я стоял однажды
Среди высоких гор, в долине тесной...
Кругом ни травки... Камни всё да камни
Да желтый, мелкий мох. У ног моих
Бежал ручей, проворный, неглубокий,
И под скалой, в расселине, внезапно
Он исчезал с каким-то глупым шумом...
Вот жизнь моя! подумал я тогда.
. . . .
Но гости те... Кому из них могу я
Завидовать? Где тот, который смело
И без обмана скажет мне: «Я жил!»
Один из них, добряк здоровый, глуп,
И знает сам, что глуп... ему неловко;
Другой сегодня счастлив: он влюблен
И светел, тих и важен, как ребенок,
Одетый по-воскресному... другой
Острит или болезненно скучает...
А тот себе придумал сам работу,

Ненужную, бесплодную, — хлопочет
И рад, что «подвигается вперед»...
Тот — юноша восторженный, а тот —
Чувствителен, но мелок и ничтожен...
. . . .
Мне весело... но ты меж тем, о ночь!
Не медли — проходи скорей и снова
Меня предай заботам милой жизни.

1844. *Т. Л.*

Вот все поэтические богатства, которые в настоящее время находились в распоряжении редакции «Современника». Представив их разом своим читателям и загладив тем несколько долгое непомещение стихов в нашем журнале, мы переходим к главному предмету статьи — к русским поэтам.

Выше мы сказали, что поэтических талантов у нас не так мало, как мы привыкли считать.

Собственно, публика считает у нас за последний литературный период пять поэтических имен: Пушкина, Жуковского, Крылова, Лермонтова, Кольцова; некоторые причисляли к ним г. Бенедиктова, но о таковых не следует упоминать. Что касается до первых пяти, то они, действительно, могут быть названы светилами русской поэзии, из которых каждое светит своим собственным светом, не заимствуя ничего у другого. И нет человека на Руси, сколько-нибудь читающего, который не знал бы их. Их стихотворения много раз прочитаны. Любители стихов в отчаянии: читать нечего! Как нечего? Мы решительно утверждаем, что думающие так ошибаются, и сейчас готовы назвать вам целый десяток поэтов, которых можно читать с наслаждением; надо только уметь взять у них то, что могут они вам дать; надо только подходить к ним осторожно, не сердиться и не отворачиваться сразу, наткнувшись на неудачную рифму, пошлую мысль или что-нибудь подобное. У редкого из людей, пишущих стихи, — разумеется, за исключением положительно бездарных, — нет чего-нибудь, в чем он не был бы хорош; умейте же найти эту сторону, проследите ее в вашем поэте, отделите от всего остального, и он доставит вам несколько минут наслаждения. Но, надо сказать правду, на такие тонкости наши любители стихов не мастера; резкий поэтический талант или даже поэтическая уродливость всегда бывают ими замечены, ибо обозначаются крупными чертами. Но если хорошая сторона поэта не бросается прямо в глаза, а дается только после

внимательной приглядки, если притом она заключается в нежных и тонких оттенках, всегда нелегко уловимых, а тем более если она заслонена резкими недостатками автора в попытках другого рода, как это часто случается,— тогда нет сомнения, что поэт не будет замечен. Даже и самая критика пройдет мимо его хорошей стороны, поглумившись только над слабою. Вот почему при появлении своем наделал много шуму, даже заслужил от одного критика титул гения г. Бенедиктов, и *вовсе не был замечен* другой поэт, явившийся почти в одно время с ним и обнаруживший в десять раз более истинного таланта, — поэт, к которому мы и переходим теперь, не распространяясь более в изложении цели наших статей: до некоторой степени мы уже выразили ее, полнее же раскроется она сама собою, по мере наших бесед с читателем.

В 1836 году Пушкин основал новый журнал «Современник». Основание этого журнала и появление первых его книжек сопровождалось в нашей литературе весьма замечательными толками, спорами и событиями, о которых мы скоро будем иметь случай говорить в особой статье. Теперь же переходим прямо к нашему делу: с третьего же тома в «Современнике» начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности, мысли и прелести изложения, столько, одним словом, поэзии, что, казалось, только сам же издатель журнала мог быть автором их. Но под ними весьма четко выставлены были буквы *«Ф. Т.»;* носили они одно общее название: «Стихотворения, присланные из Германии».

Прежде всего скажем, что хотя они и присылаемы были из Германии, но не подлежало никакому сомнению, что автор их был русский: все они написаны были чистым и прекрасным языком и многие носили на себе живой отпечаток русского ума, русской души. Подпись «Ф. Т—в» вместо «Ф. Т.», появившаяся вскоре под одним из них, окончательно подтвердила, что автор их наш соотечественник. Сделав это замечание для тех, которых могло бы испугать заглавие стихотворений, мы продолжаем. С тех пор (с 1836) время от времени продолжали появляться в «Современнике» стихотворения за этою подписью, до 1840 года включительно. С 1841 года мы уже не встречали этого имени в «Современнике»; в других журналах оно также не появлялось, и можно сказать, что с того времени оно вовсе исчезло из русской литературы. Неизвестно наверное, обратило ли оно на себя

какое-нибудь внимание публики в то время, когда появлялось в печати, но положительно можно сказать, что ни один журнал не обратил на него ни малейшего внимания.

Между тем стихотворения г. Ф. Т. принадлежат к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии. Г. Ф. Т. написал очень немного; но всё написанное им носит на себе печать истинного и прекрасного таланта, нередко самобытного, всегда грациозного, исполненного мысли и неподдельного чувства. Мы уверены, что если б г. Ф. Т. писал более, талант его доставил бы ему одно из почетнейших мест в русской поэзии.

Главное достоинство стихотворений г. Ф. Т. заключается в живом, грациозном, пластически верном изображении природы. Он горячо любит ее, прекрасно понимает, ему доступны самые тонкие, неуловимые черты и оттенки ее, и всё это превосходно отражается в его стихотворениях. Конечно, самый трудный род поэтических произведений — это те произведения, в которых, по-видимому, нет никакого содержания, никакой мысли: это пейзаж в стихах, картинка, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, — дело величайшей трудности. Г. Ф. Т. в совершенстве владеет этим искусством. Вот несколько стихотворений, которые подтверждают нашу мысль:

1

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

2

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами,
И задымилася гора
Своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный,
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горе, как божества родные,
Над усыпленною землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

3

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый;
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф спокойно дремлет.

4

Песок сыпучий по колени.
Мы едем: поздно, меркнет день;
И сосен по дороге тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий...
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста.

Все эти стихотворения очень коротки, а между тем ни к одному из них решительно нечего прибавить. Распространяйтесь в описании подобного утра, полудня или ночи («песок сыпучий по колени») хоть на нескольких страницах, вы всё-таки не прибавите ничего такого, что бы говорило уму читателя более, чем сказано здесь осьмью строчками. Каждое слово метко, полновесно, и оттенки расположены с таким искусством, что в целом обрисовывают предмет как нельзя полнее. Нечего уже и говорить, что утро г. Ф. Т. не похоже на вечер, а полдень на утро, как это часто случается у некоторых и не совсем плохих поэтов. Два заключительные стиха послед-

него стихотворения, подчеркнутые нами, одни составляют целую превосходную картину. Кто не согласится, что рядом с ним эти похожие стихи Лермонтова:

И миллионом темных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветки каждого куста... —

значительно теряют в своей оригинальности и выразительности. Вот еще превосходный пример удивительной способности г. Ф. Т. схватывать характеристические черты картин и явлений природы:

5

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею.
И — как предчувствие сходящих бурь —
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье, и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Возвышенной стыдливостью страданья.

Превосходная картина! Каждый стих хватает за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль. Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов, можно только сравнить с чувством, какое овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен. Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце; вот почему мы нисколько не задумались бы поставить г. Ф. Т. рядом с Лермонтовым; жаль, что он написал слишком мало. Нечего и говорить о художественном достоинстве приведенного стихотворения: каждый стих его — перл, достойный любого из наших великих поэтов. Вот еще два стихотворения г. Ф. Т. в этом же роде:

6

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,

Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей,
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой.

Ничего не прибавляем в похвалу этому стихотворению. Заметим только одно, что, несмотря на всю разность содержания, оно напомнило нам стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий», которому оно, по нашему мнению, нисколько не уступает по своему достоинству.

Одною из лучших картин, написанных пером г. Ф. Т., почитаем мы следующее стихотворение:

7

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят —

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет;
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед».

Весна идет, весна идет —
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

Сколько жизни, веселости, весенней свежести в трех подчеркнутых нами стихах! Читая их, чувствуешь весну, когда сам не знаешь, почему делается весело и легко на душе, как будто несколько лет свалились долой с плеч, — когда любуешься и едва показавшейся травкой, и только что распускающимся деревом, и бежишь, бежишь, как ребенок, полной грудью впивая живительный воздух и забывая, что бежать совсем неприлично, не по летам, а следует идти степенно, и что радоваться тоже совсем нечего и нечему... Это стихотворение напоминает нам другое, в котором также дело идет о весне. Мы приводим его здесь:

Весна

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом,
Опять весна душистая
Повеяла крылом.
Станицей тучки носятся,
Светло озарены,
И в душу мощно просятся
Блистательные сны.

Первые шесть стихов прекрасны; последние два бледны и вычурны. Вслед за ними идут опять четыре прекрасные стиха:

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ — чему-то рад.

За этими стихами опять следует строфа весьма плохая и вычурная:

Дитя тысячеглавое,
Не знает он, что в нем
Приветно-величавое
Зажглось святым огнем.

Стихотворение оканчивается следующими четырьмя стихами, опять прекрасными:

Что жизни тайной жаждою
Невольно жизнь полна,
Что над душою каждою
Проносится весна!

Последние два стиха превосходны. Стихотворение это принадлежит г. Фету. Как жаль, что оно испорчено несколькими неудачными стихами; но у г. Фета этот недостаток довольно нередкий. Со временем мы будем подробно говорить здесь о г. Фете. Теперь возвращаемся к г. Ф. Т—ву:

<8>

Весна

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чела морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к нам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она.
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,
И страх кончины неизбежный
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Выше мы говорили о тех стихотворениях г. Ф.Т—ва, которые содержанием своим представляют только «картину» и более ничего. Приведенное же теперь превосходное стихотворение составляет переход к тем, в которых к мастерской картине природы присоединяется мысль, постороннее чувство, воспоминание. В этом отношении мы можем указать на следующие стихотворения:

9

Давно ль, давно ль, о юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу,
И как эдем ты растворенный
Доступен был мне, пришлецу?
Давно ль — хотя без восхищенья —
Но новых чувств недаром полн,
И я заслушивался пенья
Великих средиземных волн?

И песнь их, как во время оно,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла.
Они всё те же и поныне,
Всё так же блещут и звучат;
По их лазуревой равнине
Родные призраки скользят.

Но я, я с вами распростился:
Я вновь на север увлечен;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон.
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине,
И холод, чародей всесильный,
Один господствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом юге,
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей,
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей.

10

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит.
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Последние четыре стиха удивительны: читая их, чувствуешь невольный трепет. Наконец, вот еще стихотворение, которое принадлежит к лучшим произведениям г. Ф. Т—ва, да и вообще всей русской поэзии:

11

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый оперпись гранит, —

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и с замком, и с тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Прочитав это стихотворение, читатель, конечно, согласится с нами в том, что сказали мы о таланте г. Ф. Т—ва; нет сомнения, от такого стихотворения не отказался бы и Пушкин. Не входим в подробный разбор этой пьесы и не отмечаем лучших стихов ее, предоставляя это самим читателям. Любовь к природе, сочувствие к ней, полное пониманье ее и уменье мастерски воспроизводить ее многообразные явления — вот главные черты таланта г. Ф Т. Он с полным правом и с полным сознанием мог обратиться к не понимающим и не умеющим ценить природы с следующими энергическими стихами:

12

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик, —
<В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...>

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чудных сил?..

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах.

Для них и солнцы, знать, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела;
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса.
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы! души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Да, мы верим, что автору этого стихотворения понятен и смысл, и язык природы...

Другой род стихотворений, встречаемых у г. Ф. Т., носит на себе легкий, едва заметный оттенок иронии, напоминающий — сказали бы мы — Гейне, если б не знали, что Гейне под пером наших переводчиков явился публике в самом непривлекательном виде. Как бы то ни было, мы просим при чтении следующих ниже стихотворений вспомнить, что они писаны около пятнадцати лет назад, когда еще ни о самом Гейне, ни о подражателях ему в русской литературе не было и слуху:

13

С какою негою

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И матери нежней тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уровнялось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась
Иль в сон иной бы перешла.

14

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилося вокруг.
Толкутся, дышат через силу.
Спирает грудь тлетворный дух.

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа;
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей, —
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

15

Итальянская villa

И распростясь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она, и сон ее глубок!

И мы вошли: всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!
Фонтан журчал; недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал;
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

Поэтическое достоинство приведенных нами стихотворений несомненно: оно не утратилось в десять с лишком лет — это лучшая похвала им.

Переходим теперь к стихотворениям, в которых преобладает мысль:

16

Silentium![1]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи:
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей.
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум:
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи:
Внимай их пенью — и молчи!

17

Как птичка раннею зарей,
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, клики
Младого, пламенного дня!
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!

О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век,
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Последнее стихотворение, по глубине мысли и прекрасному ее изложению, лучше двух предыдущих, которые, впрочем, имеют свои очевидные достоинства. Грустная мысль, составляющая его содержание, к сожалению, сознается не всеми «пережившими свой век» с таким благородным самоотвержением; в этом отношении мы можем только указать на другого замечательного нашего поэта, князя П. А. Вяземского (мы со временем к нему обратимся), у которого встречается подобное стихотворение, также прекрасное и дышащее таким же благородным и грустным сознанием. К сожалению, у нас нет его теперь под рукой. Оно, если не ошибаемся, начинается стихом: «Что день, то новые утраты...».

Вот еще стихотворение г. Ф. Т., вылившееся, как видно, в минуту печального раздумья:

18

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом.

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

Грусть, выраженная здесь, понятна. Она не чужда каждому, кто чувствует в себе творческий талант. Поэт, как и всякий из нас, прежде всего человек. Тревоги и волнения житейские касаются также и его, и часто более, чем всякого другого. В борьбе с жизнью, с несчастием

он чувствует, как постепенно талант его слабеет, как образы, прежде яркие, бледнеют и исчезают, — чувствует, что прошедшего не воротишь, сожалеет, — и грусть его разрешается диссонансом страдания. Но каждый делает столько, сколько суждено было ему сделать. И если обстоятельства помешали ему вполне развить свой талант, право на благодарность и за то, что он сделал, есть его неотъемлемое достояние. Немного написал г. Ф. Т., но имя его всегда останется в памяти истинных ценителей и любителей изящного наряду с воспоминаниями нескольких светлых минут, испытанных при чтении его стихотворений. История литературы также не должна забыть этого имени, которому волею судеб более десяти лет не было отдано должной справедливости. И если наша слабая попытка извлечь из мрака забвения или неизвестности несколько имен и произведений, достойных лучшей участи, отделить хорошее от недостойного внимания у тех поэтов, которые сами не могли быть разборчивыми судьями своего таланта, поможет будущему историку русской литературы, то мы будем вполне вознаграждены.

Чрезвычайно нравится нам у г. Ф. Т., между прочим, следующее стихотворение, странное по содержанию, но производящее на читателя неотразимое впечатление, в котором он долго не может дать себе отчета:

19

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни замыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя — Элизиум теней!
Что общего меж жизнью и тобою,
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

В заключение приводим несколько стихотворений г. Ф. Т—ва смешанного содержания:

20

В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой душной тучей
Глухо прокатился гром.
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

21

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли,
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека;
Вы сверстники сего былого!»

Так, вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит:
С улыбкою двусмысленной и тайной
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.

22

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумный?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди, —
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди! —
Под ними хаос шевелится!..

23

Душа хотела б быть звездой;
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

24

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости,
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

Во всех этих стихотворениях есть или удачная мысль, или чувство, или картина, и все они выражены поэтически, как умеют выражаться только люди даровитые. Несмотря на заглавие наших статей («Русские *второстепенные* поэты»), мы решительно относим талант г. Ф. Т—ва к русским первостепенным поэтическим талантам и повторяем только здесь наше сожаление, что он написал слишком

мало. Беседующий теперь с читателями крепко не любит педантических разделений и подразделений писателей на гениев, гениальных талантов, просто талантов и так далее. Подобные деления ему казались более или менее произвольными и всегда смешными. Назвав так свои статьи, он наперед выговаривает себе право отказываться от слова «второстепенный» каждый раз, как ему окажется то нужным, и теперь же просит извинения у некоторых господ поэтов, о которых ему придется говорить. Выбрал же он это заглавие потому, что нужно же какое-нибудь заглавие, а лучшего он не нашел, и потому еще, что большинство поэтов, о которых здесь будет говориться, действительно «второстепенные», если принять существующее разделение писателей, и, наконец, потому, что все они второстепенные по степени известности даже самых известнейших, сравнительно с известностью Пушкина, Лермонтова, Крылова, Жуковского...

Теперь нам осталось только означить №№ «Современника», в которых напечатаны приведенные нами стихотворения, и назвать те стихотворения (сравнительно слабейшие), которые не вошли в нашу статью. Стихотворения, приведенные нами, напечатаны в «Современнике» 1836 года — том III (стр. 5—22), том IV (стр. 33—41); в «Соврем<еннике>» 1837 года — том VI (стр. 393—398); 1838 <года> — том IX (стр. 131, 138), том X (стр. 184), том XI (стр. 181), том XII (стр. 91); 1839 <года> — том XIII (стр. 169); 1840 года — том XIX (стр. 186), том XX (стр. 299). Стихотворения, не вошедшие в эту статью, следующие: «Фонтан»; «Яркий снег сиял в долине...»; «Цицерон»; «Поток сгустился и тускнеет...»; «Сон на море» («Совр<еменник>» 1836 года, т. III, стр. 9, 19, 20); «Там, где горы, убегая...», «Над виноградными холмами...» (1837 г<од>, том VI, стр. 393, 398); «День и ночь» (1839 <год>, том XIV, стр. 141).

Поэтическая деятельность г. Ф. Т—ва продолжалась пять лет, начиная с 1836 г. по 1840 год включительно. Впрочем, не можем сказать наверное, печатал или нет г. Ф. Т—в где-нибудь свои стихотворения, прежде чем начал издаваться «Современник».

Заключим нашу статью желанием, чтобы стихотворения г. Ф. Т. были изданы отдельно: мы можем ручаться, что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения...

1851

<Из статьи «Комета, *учено-литературный альманах, изданный* Николаем Щепкиным. *Москва, 1851»*>

...После «Антонины» г-жи Тур первое место между беллетристическими статьями «Кометы» принадлежит повести «Идеалист». Нам особенно приятно было встретить под такою прекрасною повестью имя г. Станкевича: мы давно знали его за человека с талантом и жалели только, что он мало пишет и неохотно печатает свои сочинения; мы были уверены, что, не пожалев времени и труда, он произведет что-нибудь замечательное. И действительно, «Идеалист» далеко оставляет за собой прежние произведения автора.[1] Повесть эта прежде всего показывает в авторе человека весьма умного, может быть более думавшего о жизни, чем знающего жизнь практически, но во всяком случае не идущего по пути ее наобум и ощупью. Мысль и анализ стоят в ней на первом плане, за ними уже следует талант, в смысле непосредственной способности верно схватывать и передавать характеристические оттенки лиц и предметов. Может быть, от этого, читая повесть г. Станкевича, вы беспрестанно чувствуете тревожное беспокойство вашей собственной мысли, тогда как ваше сердце и воображение остаются холодны и спокойны, так что хоть бы и не было их у вас на ту пору: вы ничего не потеряли бы при чтении этой повести. Но зато, повторяем, мысль читателя постоянно и сильно возбуждена: в нем то является желание горячо поспорить с автором, то расшевеливаются его собственные когда-то для него дорогие мечты и стремления, и он мысленно повторяет весь уже пройденный путь жизни, о многом задумы-

---

[1] Эти немногочисленные произведения помещены были в разное время в «Современнике»; мы не хотим называть их, ибо под ними автор не подписал полной своей фамилии, выставив только первую букву.

ваясь. Но за всем тем впечатление, остающееся по прочтении повести, как-то неопределенно, и, дочитав ее, читатель остается неудовлетворенным. Это происходит, по нашему мнению, оттого, что, верная во многих частностях, повесть не верна в целом. Нам кажется, что автор вовсе не понял характера своего героя и совершенно ошибочно поставил идеализм основною и отличительною его чертою. Левин, по нашему мнению, не «идеалист»: с этим словом мы привыкли соединять совсем другое понятие. Левин прежде всего человек довольно обыкновенный, не способный ни к какой деятельности — ни к широкой, ни к ограниченной, — человек, в котором самолюбие развито до болезненной степени. Может быть, он долго посещал кружки, где много говорят о высоком и прекрасном, но где словами всё и оканчивается, а делать никто ничего не делает. Эти кружки удивительно способны развивать в человеке самолюбие и способность самонаслаждения; но мы не будем о них распространяться, потому что они прекрасно описаны в рассказе г. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда». Вообще Гамлет Щигровского уезда имеет много общего с Левиным, или с Идеалистом: они одного поля ягоды; только у первого больше самосознания. Разница еще в том, что первый беден, а Левин богат. Может быть, это и было причиною, что первый дошел до самосознания и «смирился», а второй не дошел до самосознания и никогда не дойдет, оставаясь в гордой уверенности, что в нем таятся громадные силы и что он не находит, куда направить их. Отнимите у Левина богатство, средства жизни, и тогда вы ясно увидите, что это за человек. Кроме болезненного самолюбия и отсутствия всякой способности понимать действительность и делать что-нибудь, Левин — каким он нам представляется — глубокий эгоист и трус. Трус вот в каком смысле. Отчего, полюбив Сонечку, он бежал от нее, когда нужно было на что-нибудь решиться? Автор не дает прямого ответа. Частым повторением фразы: это «прекрасное дитя», которую то говорит вслух, то думает про себя Левин (и которою, надо признаться, под конец рассказа он изрядно надоедает читателю), — беспрестанным повторением этой фразы автор как бы намекает, что Левин, искавший во всем совершенства, не мог соединить свою судьбу с *ребенком*, хотя и прекрасным по натуре, но стоявшим далеко ниже его в развитии. Что ж? И задача развить это прекрасное *дитя*, которое он притом так страстно любил, — и эта задача показалась ему недо-

стойною его деятельности? Нет, причина кажется нам проще и ближе. Левин струсил. Он так любил свою роль холодного и гордого созерцателя, проще сказать: так любил свое спокойствие и независимость, так боялся всякого действительного шага в жизни, за которым следует неизвестность или долгая, долгая борьба, даже в таком случае, если б предстояла возможность удовлетворительного результата, — что любовь к себе одержала в нем победу над любовью к Сонечке, и он уехал. Любовь эта притом, как видно, и не была в нем особенной силы и более находилась в голове «бесстрастного созерцателя», чем в сердце. Это доказывается тою легкостью, с которою он подавил эту любовь, принявшись опять за свою роль созерцателя, а что он поплакал и помучился, узнав, что Сонечка выходит за его племянника, — это естественное движение во всяком человеке, который узнает, что женщина, которую он когда-то любил, хоть и не так сильно, чтоб пожертвовать ей расчетами своего спокойствия или самолюбия, выходит за другого и принадлежать ему уже никаким образом не может.

Автор простит нас, что мы героя его низводим на степень весьма обыкновенных и даже пустых людей, которым иногда приходит охота драпироваться в мантию героев. Да, Левин таков, по нашему мнению! Признаться, мы даже не верим в его глубокую ученость и думаем, что он читал только предисловия тех многочисленных и разнородных книг, которые у автора по временам адресуют к нему разные фразы, заискивая его внимания (что, мимоходом заметим, не совсем ловко; эта сцена могла бы выйти очень хороша наоборот, т. е. если б Левин обращался с речью к книгам, а не книги к нему). Сны, в которых орлы адресуют к Левину полные пророческого значения речи, нам кажутся также не более как порождением болезненного самолюбия Левина, и нам очень жаль, что и сам автор видит в этом что-то серьезное, когда в конце своей повести, описывая отъезд Левина на пароход, рисует эту картину:

«Вдали показался остров, и, когда пароход приближался к нему, Левин увидал большого орла, поднимающегося со скалы его. Он вспомнил другую пустыню, другого орла и слова, слышанные от него во сне: пари и гордо созерцай до последней минуты твоей. Он поднял взор свой за орлом, поднявшимся и исчезнувшим в полете к небу, и ему почудилось, что вечность представилась ему в образе беспредельного неба и беспредельной движущейся пустыни — *и он услыхал ее мощный призыв*».

Если б автор другими глазами взглянул на своего героя, повесть его получила бы более обширное значение. Левин — это один из героев нашего времени. Это такой же герой так называемых высоких стремлений, жажды дел, при постоянном бездействии, герои всеобъемлющего знания и широкого созерцания, как Печорин — герой разочарования, великих страстей и страданий. Как здесь, так и там рычаг — узкое самолюбие, тщеславие, а основа — ложь. Оттого ни из того, ни из другого ничего не вышло и не могло выйти. Впрочем, неполнота представления не уменьшает заслуги г. Станкевича. Он коснулся лица типического, подметил в нем много новых и характерных сторон, собрал и соединил многие отличительные черты его; верный такт читателя сделает остальное. Рисуя своего Печорина с любовью и едва ли с иронией, Лермонтов также не думал, что представляет на суд публики лицо, которое впоследствии сделается в устах ее кличкою холодных и себялюбивых фатов, претендующих на глубину натуры, силу страсти и разочарование. А между тем кто же теперь иначе смотрит на Печорина! Не мешает, однако ж, прибавить, что имя Лермонтова упомянуто здесь единственно для пояснения нашей мысли.

Характер героини повести — Сонечки — обрисован у г. Станкевича с большею верностью и должен быть назван лучшим в повести. Характер племянника Левина как-то странно и неприятно утрирован, особенно вначале... Зачем? мы решительно не понимаем, тем более что от этого повесть ничего не выигрывает, а напротив. Этот характер задуман с целью противопоставить мечтательной и отвлеченной натуре Левина — натуру живую и действительную, в которой господствует здоровое и блаженное равновесие. Для чего же выбраны такие краски? Зачем племянник Левина лишен даже чистоплотности? Как будто этим качеством позволительно отличаться только идеалистам, мечтателям. Напротив, люди, любящие жизнь, люди, более склонные наслаждаться тем, что близко и возможно, чем пускаться в отвлеченности, — эти люди очень обращают внимание даже на малейшие мелочи, увеличивающие их наслаждение. Нам кажется, что можно было представить племянника Левина человеком вполне действительным, любящим *жизнь для жизни*, и не наделять его такой грубостью натуры: грязный и запыленный после долгой дороги, он прямо кидается обниматься с дядей: выпачкав его пылью, он хохочет от какого-то странного удоволь-

ствия и потом принимается пачкать мебель и всю комнату; его просят умыться, но он требует сначала чаю; напоив его чаем, дядя опять просит, чтобы он шел умыться, но он требует завтракать и проводит еще несколько часов, не расставаясь с грязью и пылью, накопившимися на нем в течение дороги. А приключение на пути к тетке? А штрипка? Надо заметить, что всё это вовсе не располагает читателя в пользу этого молодого человека. И как потом удивлен читатель, узнав, что это представитель противоположного Левину элемента, что это будущий муж Сонечки, которая обрисована автором с такою любовью. Мы решительно не понимаем, для чего представлен таким племянник Левина, и жалеем, что он *таким* представлен: повесть от того много теряет. Вообще в изображении Левина и его племянника заметно преувеличение, напоминающее героев «Обыкновенной истории» г. Гончарова. Петр Иваныч положителен до неприятной степени, Александр Федорыч мечтателен до глупости. Так и тут: дядя — лицо уж слишком отвлеченное, а действительность племянника доведена до карикатурности. Известно, что в жизни никогда так не бывает: в мечтательном характере всегда найдется частичка положительности, в положительном — мечтательности и т. д. Однако ж, несмотря на высказанные нами замечания, повесть г. Станкевича так хороша, что мы должны снова повторить, что недостатки, указанные нами, очень незначительны в сравнении с достоинствами, которые ставят эту повесть наряду с лучшими беллетристическими произведениями этого года...

Раут. *Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта. Издание* Н. В. Сушкова. *Москва, 1851.*

Перед благотворительною целью этого литературного сборника критика должна умолкнуть. Цель благородная, прекрасная, за которую нельзя не благодарить издателя. Он, вероятно, употребил всё, чтобы сделать свое издание как можно занимательнее, как можно разнообразнее; и если его «Сборник» и не имеет особого литературного достоинства, если известные литераторы наши не были на этот раз слишком щедрыми вкладчиками, а остальные принесли в дар от души свои посильные богатства, — то

разве это вина издателя?.. Добрый хозяин сзывал к благотворению всех известных и неизвестных писателей, и если известные появились на этом рауте на одно мгновение и потом исчезли, — доброе дело осталось всё-таки добрым делом, и никто не решился бы упрекнуть хозяина за то, что его раут несколько скучноват.

На рауте г. Сушкова мы встречаем между прочими имена *Лермонтова, князя Вяземского, Евгении Тур, Языкова (Н. М.), Вельтмана, Шевырева, Павловой, Ф. Т—ва, графини Ростопчиной, Писемского* и проч. и проч.

Мы начнем с Лермонтова. Отрывок из его стихотворения «Моряк» доставлен издателю гг. Павловыми. Этот отрывок, довольно слабый вначале, оканчивается превосходными стихами (которые здесь отмечены курсивом), напоминающими лучшие стихотворения поэта. Мы перепечатываем стихотворение Лермонтова вполне:

В семье безвестной я родился
Под небом северной страны
И рано, рано приучился
Смирять усилия волны!
О детстве говорить не стану:
Я подарен был океану,
Как лишний в мире, в те года
Беспечной смелости, когда
Нам всё равно: земля иль море,
Родимый или чуждый дом;
Когда без радости поем
И, как змею, мы топчем горе;
Когда мы рады всё отдать,
Чтоб вольным воздухом дышать,
Я волен был в моей темнице,
В полуживой тюрьме моей:
Я всё имел, что надо птице,
Гнездо на мачте меж снастей!
Я с кораблем не расставался,
Я как сетей земли боялся;
Не ведал счету я друзьям;
Они всегда теснились к нам;
Я их угадывал движенья,
Я понимал их разговор,
Живой и полный выраженья!
В нем были ласки и укор —
И был звучней тот звук чудесный,
Чем ветра вой и шум древесный,
И в море каждая волна
Была душой одарена!..
Безумны были эти лета!
Но что ж? ужели был смешней
Я тех неопытных людей,

Которые, в пустыне света
Блуждая, думают найти
Любовь и душу на пути?..
Все чувства тайной мукой полны,
И всякий плакал, кто любил, —
Любил ли он морские волны!..
Иль сердце женщинам дарил!..
Покрывшись пеною рядами,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
Так точно дева молодая
Идет, гордясь, между рабов,
Их скромных просьб, их нежных слов
Не слушая, не понимая!
Но вянут девы в тишине;
А волны, волны всё одне!..
Я обожатель их свободы,
Как я в душе любил всегда
Их бесконечные походы —
Бог весть откуда и куда!
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бездны бесконечный шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без родины и без могилы,
Без наслажденья и без мук;
Однообразный этот звук,
Причудливые эти силы,
Их буйный рев и тишину,
И эту вечную войну
С другой стихией, с облаками,
С дождем и вихрем! Сколько раз
На корабле в опасный час,
Когда летала смерть над нами,
Я в ужасе творца молил,
Чтоб океан мой победил!..

1832 года.

Из поэтов более всего обнаружила благотворительности г-жа Павлова. Она принесла в дань альманаху г. Сушкова не какой-нибудь отрывок, не полглавы из романа, не страничку из повести, а целую поэму, написанную пятистопным хореем, *«очень редко встречающимся у нас, особенно в полных пиэсах»,*— прибавляет издатель в примечании. Впрочем, надо заметить, что эта пятистопная поэма, этот «Рассказ Лизы», есть только четвертая часть большой поэмы г-жи Павловой под названием «Кадриль»! В журналах до сих пор мало и как-то неопределенно говорили о стихах г-жи Павловой — по крайней мере в петербургских журналах; мало потому, что г-жа Павлова очень редко вообще дарит публику своими произведе-

ниями и после поэмы «Двойная жизнь» (1848), которой некогда «Современник» посвятил особую статью в отделе критики, она напечатала в продолжение трех лет только несколько небольших стихотворений; неопределенно — потому что журналисты, может быть, выжидали, чтобы поэтическое дарование г-жи Павловой, залоги которого они видели в звучном и рельефном стихе, высказалось яснее. А между тем время шло...

И вот г-жа Павлова является теперь с поэмой, написанной пятистопным хореем, *«очень редко встречающимся у нас»*. Мы приступили к этой поэме с большим любопытством, ибо полагали, что если она и не разрешит некоторых наших сомнений и недоумений, то по крайней мере мы найдем в ней блестящую внешнюю форму: звучный и громкий стих, оригинальные и неожиданные рифмы — всё, к чему приучила нас г-жа Павлова своими прежними произведениями. К сожалению, надежды наши не сбылись. Вот содержание этой поэмы, которую мы постараемся передать в сокращении, удерживая стихотворный рассказ, чтобы читатели, без объяснений, всегда неприятных в таком случае, могли сами судить, *почему* мы сказали, что надежды наши *не сбылись*.

Лиза говорит:

В дом была взята я к старой тетке,
На нее гляжу, как бы теперь!
Хоть она, давно уже в чахотке,
Спальни чуть переступала дверь,
Но весь дом терзала...

Все думали, что эта тетка очень богата, и все завидовали Лизе, которую считали ее наследницей, а между тем Лиза замечает:

Незавидно жизнь свою меж тем
Проводила я. В иное время
В голову мне *помысл* приходил,
Что навьючить можно только бремя
На вола, *поскольку в нем есть сил,*
Что нельзя жить лошади без холи
И что лишь *единый человек*
Может всё снести и *весь свой век* (?)
И не пасть от *всеминутной* боли!

Отчего же таким тяжелым и старокнижным языком выражается эта Лиза? Не от страданий ли?

Она жила в должности фаворитки. Ее беспрестанно за всё упрекали, с нее за всё взыскивали; но всё

Юности превозмогала *мочь*!

И так жила бедная Лиза.

И когда (говорит она), пурпурно догорая,
Рдел закат, глядела в поле то
Я с мечтой, что *из-за неба края*
Явится мне что-то, бог весть что!..
И когда сон принял вид телесный,
И когда *уж* взор не наобум
Мчался вдаль, но к точке *уж* известной
Он летел в часы заветных дум:
Как тогда сквозь боли и печали
В нем души сияло торжество!..

Представьте всю тягость положения Лизы: она

Вскакивала в продолженье часа
Двадцать раз, *то чтоб* поднять платок,
То чтобы принесть бутылку кваса,
То чтоб снять подушку тетки с ног,
То чтобы велеть сказать ребенку
На дворе, *чтоб* он не смел кричать,
То чтобы вон вынесть оболонку,
То чтобы впустить ее опять, —
Всё при брани, до поры обеда,
В месяцы поста и *мясоеда*...

Иногда приезжали соседи-помещики, но их разговор не развлекал Лизу: они все говорили только о том,

...что вряд оброк
Соберешь, что время наше *люто*...

Но вот раз сосед привез с собой сына, из Москвы прибывшего, и Лиза слушала его слова

...так, как во время оно
Слушала речь *Мавра* Дездемона.

И «луч любви блеснул ей», и залегла

Дума в грудь *роскошно-тяжело*!

И «вспыхнули в ней желания и грезы»...

Гимн мечты средь внешней, вялой прозы,
Гордый *хмель волнений* без числа...

Но к чему много говорить о любви?

Повесть эта всё одна и *та ж!*
Тайная для нас она *эгира*...
Кто забыл про первого *кумира*,
Про души восторженную *блажь*?

Довольно сказать, что Лиза влюбилась в приезжего из Москвы и что

Душу ей он волновал *до дна.*

Алексей — так звали приезжего, — впрочем, всё более ухаживал около тетки, чем около племянницы. Он с теткой *«клал»* (не раскладывал ли?) пасьянс. Так тянулась зима, и Лиза замечает:

Тетки злость мне *шла невнятно мимо* (?),
Как броней алмазной херувима,
Грудь моя была охранена...

И, охраненная этой броней, она прислушивалась

...не проскрипели ль сани
По *снегу замерзлого двора* (?).

Раз тетка призвала ее к себе,

И встретил странный *уж* ее привет.

Тетка объявила Лизе, что на ней готов жениться майор Шенков. Лиза молчала.

Что ж стоишь на месте, *как чурбак*? (не чурбан ли?)

Лиза собралась с духом *«кое-как»* и отвечала:

Не хочу идти я за Шенкова,
Тетушка. — Не хочешь? вот те на!
Так тебе какого ж нужно хвата?
Ты не слишком для него ль знатна,
Мать моя! иль чересчур богата?

Отвернулась Лиза и сказала тетке:

...Как вам угодно,
Тетушка, не буду никогда
Ни за что женою я Шенкова.
<. . . . .>
Алексей приехал в час обеда,
<. . . . .>

Как ему *уж* тетка начала
Говорить про нового соседа

и о том, что Лиза

...надменна и упорна,
Как *сам враг людской*, и несносна...

Во время чаю Лиза вошла в гостиную.

...в ней один, угрюм,
Он (т. е. *Алексей*) ходил в волненье тайных дум
Быстрым шагом и, ее *встречая*,
Отвернулся. — Чай бог весть какой
Стала делать я (Лиза), на Алексея
И взглянуть украдкою не смея.

Однако он быстро схватил ее руку и поцеловал, причем Лиза воскликнула:

...Я счастье это
Заплатила б всем богатством света,
Радостями жизни, *кровью жил*!
<. . . . .>
Так во мне забилось сердце громко
В этот миг, *что* я ждала, *что* вдруг
Разорвет его восторг. Но *емко*
Для блаженств оно, как и для мук.

Надо отдать справедливость этой Лизе, что она выражается так, как едва ли выражаются девицы.

Наконец тетка ее умерла, или, как выражается г-жа Павлова, *«закон свой понимая, плоть сдалась»*, и завещает:

...наличных денег
Сумму, сохраненную в казне,
Пятьдесят семь тысяч...

И Лиза рада, что может Алексею

Жертвовать фортуною своею.

Эти пятьдесят семь тысяч она выслужила

Горькой жизни кабалою лютой,
Мукою двадцатигодовой...

Она бежит в сад обрадовать Алексея. Алексей был в эту минуту в саду:

Длинная шумела *уж* аллея,
И мелькал стан гибкий Алексея.

Лиза говорит ему:

Я свободна наконец, я ваша,
Цепь моя распалась и вполне;
Тетушка отказывает мне
В завещанье, — этого нисколько
Не ждала я, — весь свой капитал,
Тысяч *до шестидесяти*...

Лиза прибавила три тысячи рублей; но, несмотря на это, Алексей восклицает:

— Только!
<. . . . .>
— Может быть, вам это слишком мало?
Верно, больше ожидали вы? —

возражает Лиза. Он ничего не отвечал, и они

...прошли аллею до конца.
Он не *повернул идти обратно*
Вновь по ней.

Они шли

...не говоря ни слова
И боясь *душевного чутья*,
Каждая во мне (в Лизе) *дрожала жила*...

— Скоро ли вы едете в Москву? — спросила она его.

— Завтра! отвечал он ей жестоко,
На лошадь вспрыгнув...

Алексей женился в Одессе.

За женою взял он, вероятно,
Более, чем тысяч шестьдесят.

В заключение Лиза говорит:

...едва ли
Мы вполне друг друга понимали.

Мы то же думаем. Тем и оканчивается поэма. Прочитав ее, мы подумали: уж не оттого ли отказался Алексей от Лизы, что она употребляла такие странные слова в своем разговоре: *«мясоед»*, *«единый»*, *«всеминутный»*, *«эгира»*, *«блажь»*, *«чурбак»*, *«емко»* и проч., пересыпая эти слова неблагозвучными, при частом употреблении, частицами *«чтоб»* и *«уж»*. Мы еще не успели выпустить из рук

книги, в которой напечатана поэма г-жи Павловой, как к нам вошел Новый поэт.

— Что это за книга у вас? — спросил он. — Какая-нибудь литературная новость?

— Это новый альманах, изданный в Москве...

— А стихи в нем есть? — перебил нас Новый поэт.

— И очень много! Даже, между прочим, целая поэма.

Глаза у Нового поэта сверкнули.

— Чья поэма?..

— Г-жи Павловой.

— Г-жи Павловой! — воскликнул Новый поэт. — Это чрезвычайно интересно. Я очень люблю стихи г-жи Павловой: что бы вы ни говорили, господа, а у нее стих эффектный, громкий, звучный. Ее рифмы решительно приводят меня иногда в восторг, например: *«утро — перламутра»*... Богатые, чудесные рифмы! Это только можем ценить мы, поэты... Прочтите мне, пожалуйста, эту поэму.

Новый поэт обнаруживал большое беспокойство и нетерпение, и мы должны были тотчас же удовлетворить его желание. Во время чтения лицо его часто хмурилось и беспрестанно выражало то удивление, то сомнение.

Когда мы кончили чтение, он сказал решительно:

— Ваша мистификация неуместна. Меня обмануть трудно. Это стихи не г-жи Павловой. Они напоминают несколько г. Кукольника.

И вдруг Новый поэт начал импровизировать стихами, приняв позу, какую обыкновенно принимал при своих импровизациях г. Джустиниани.

Я убежден, что г-же Павловой:

...И стих и смелое созвучье
В ущерб другим даны. —
Что нет ее созданий в мире лучше, —
Что в дар принесены
Ей блага все от самой колыбели...
<. . . . .>
Что все души высокие движенья
Изведала она
И что окрест ее всё — вдохновенье,
Любовь и тишина!

Когда Новый поэт замолк, мы подали ему альманах г. Сушкова и сказали:

— Не угодно ли вам удостовериться, что мы не думали вас мистифицировать и что «Рассказ Лизы» сочинен действительно г-жой Павловой.

Новый поэт несколько минут рассматривал подпись, как бы не веря собственным глазам; потом он подошел к письменному столу и начал писать. Через четверть часа он подал нам пол-листа, исписанные кругом.

— Вот, — сказал он, — стихи, которые я написал сейчас. Я никогда не воображал вступать в соперничество с г-жой Павловой: эта гордая мысль была слишком далека от меня; но после «Рассказа Лизы» я вас прошу напечатать это стихотворение, написанное мной при вас, здесь, в четверть часа. Я написал это стихотворение тем же трудным, по уверению издателя «Раута», размером, каким написана поэма г-жи Павловой, и пусть теперь публика будет судьею между «Моим разочарованием» и «Рассказом Лизы»:

Мое разочарование

Говорят, что счастье наше скользко, —
Сам, увы! я то же испытал!..
На границе Юрьевец-Подольска
В собственном селе я проживал.
Недостаток внешнего движенья
Заменив работой головы,
Приминал я в лето, без сомненья,
Десятин до двадцати травы;
Я лежал с утра до темной ночи
При волшебном плеске ручейка
И мечтал, поднявши к небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпился ряд идей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирая мелкий труд людей!
Я лежал, гнушаясь их тревогой,
Не нуждаясь, к счастию, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
В сфере мысли шел богатырем;
Гордый дух мой рос и расширялся,
Много тайн я совмещал в груди
И поведать миру собирался;
Но любовь сказала: погоди!
Я давно в созданье идеала
Погружен был страстною душой.
Я желал, чтоб женщина предстала
В виде мудрой Клио предо мной.
Чтоб и свет, и танцы, и наряды,
И балы не нужны были ей,
Чтоб она на всё бросала взгляды,
Добытые мыслию своей!
Чтоб она не плакала напрасно,

Не смеялась втуне никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно действуя всегда:
Чтоб она не в рюмки и подносы,
Не в дела презренной суеты,
Чтоб она в великие вопросы
Погружала мысли и мечты...
И нашел, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитью предала.
Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Вольтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутея,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро...
В ком жила великая идея,
Кто любил науку и добро.
Всех она, казалось, понимала,
Слушала без скуки и тоски
И сама уж на ночь начинала
Тацита читать, надев очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разом сбить ей было, чем понять,
Как велик и плодотворен Гегель,
Но умел я вразумлять и ждать!
Видел я: не пропадет терпенье, —
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философских набралась идей.
Так мы шли в развитье нашем дружно,
О высоком вечно говоря...
Но не то ей было в жизни нужно!
Раз, увы! в начале сентября,
Прискакал я поутру к невесте.
Нет ее ни в зале, ни в саду.
Где ж она? «Они на кухне вместе
С маменькой», — и я туда иду.
Тут предстала страшная картина...
Разом столько горя и тоски!..
Растерзав на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала в печь моя невеста!!!
Я смотреть без ужаса не мог,
Как она рукой месила тесто,
Как потом отведала пирог!
«Вот они, великие идеи,
Вот они, развития плоды!!.
Где же вы, поэзии затеи?
Что из вас, усилье и труды?..»
Я рыдал. Сконфузилися обе,
Видимо, перепугались вдруг:
Я ушел в невыразимой злобе,
Объявив, что больше им не друг.
С той поры я верю: счастье скользко,

Я без слез не проживаю дня,
От Москвы до Юрьевец-Подольска
Нет лица несчастнее меня!..

Перевод г. Ф. Тютчева из Шиллера «Поминки» был бы очень хорош, если бы мы не имели перевода Жуковского этого же самого стихотворения под названием «Торжество победителей...» Из поэтов, после г-жи Павловой, говорливее всех на *Рауте* оказались гг. фон Лизандер и Долин. Первый, между прочим, объявил, что у него

Льются всё слезы да льются — сам я не знаю: о чем?
Льются давно...

Это очень жаль: не страдает ли он слабостию глазных нерв?

Второй просит одну искусительницу:

Не играй *мне* так ножкой лукаво.
<. . . . .>
Не вскрывай же плечей белоснежных...
Не шепчи...

Потому что, — говорит г. Долин, —

Я родную мне душу...
Законной любовью люблю —
Не встревожусь я страстью греховной:
Ни себя, ни ее не сгублю.

Мы пройдем молчанием стихотворения гг. Зилова, Котельникова, Берга, Миллера и других, не упомянем ни слова и о «Современном ямбе» г. Щербины, но остановимся на минуту на любопытном стихотворении г. Ф. Глинки... Г. Глинка описывает *мастерскую Брюллова во время его сна* и восклицает:

Посреди своих творений
Почивай, наш русский гений,
Европейский наш (?!) Брюллов! —
И под чарами видений
От забот и треволнений
Отдыхай у сладких снов!

Затем поэт описывает мастерскую *«нашего европейского Брюллова»* и продолжает:

Дремлешь ты, наш русский гений,
Европейский наш Брюллов!
<. . . . .>

Дружба — доброе желанье:
Почивай к добру, Брюллов!
И *проспав* свое страданье,
Встань к нам весел и здоров!

В прозаическом отделе альманаха первое место занимает «Список с отзыва императрицы Екатерины II к графу Румянцеву-Задунайскому», доставшегося г. Сушкову от г. Храповицкого (А. В.). Мы познакомим наших читателей с этим любопытным историческим материалом:

«Граф Петр Александрович. 14 ноября приехал ко мне в Царское Село отправленной от вас генерал-майор князь Василий Долгорукой с известием о одержанной генерал-порутчиками фон Унгарном и князем <...> Долгоруковым поверхности над корпусом Турецким за Дунаем, у Карасу, под командою трехбунчужного Омер-Паши, о взятье сего старика в плен, о занятии Базаржика и о намереваемом оттуда выступлении, по малому отдохновению, вышеупомянутых двух генералов-порутчиков, первому к Варне, а другому к Шумле, для прогнания самого визиря из сего последнего места, и что генерал-порутчик Потемкин упражняется киданием бомб в город Силистрию, а ген<ерал>-порутчик Глебов к нему в сикурс отправлен, причем князь Василей Долгорукой обнадеживал Нас, что дней через шесть о успехе сих предприятий обвещении в получении быть могут. В ожидании оных прошли, однако ж, не шестеры сутки, но целые две недели со днем, ибо Я не прежде как ноября в 29 день получила чрез обыкновенного вашего куриера уведомление, что предприятие на Варну было неудачно; что князь Юрья, по одном марше вперед к Шумле, возвратился вспять к Карасу; что же у Силистрии произошло, о том вовсе вы не упоминаете и оставляете Меня в глубоком неведении, а мысли мои в произвольном волнении, которые, однако ж, более наклонения имеют ни малейший не полагать надежды на бомбардирадку, которою город не возьмется, ниже большой ему вред причинится, хотя генерал граф Салтыков рущукским туркам преградою служить будет для подавания помощи тем, кои в обороне в Силистрии находятся. Но хотя следствия у Карасу произведенного бою не были таковы, как на первом взгляде они обещали быть, однако же не менее сие дело подтвердило, с одной стороны, вкоренившееся мнение о храбрости Наших войск и что в поле сей неприятель поверхности не будет иметь в теперишнем оного состоянии и обстоятельствах, лишь бы где атакован был, а с другой — не может инако как полезно быть для дел Наших всякое за Дунаем ваше предприятие, и тут, конечно, всякой ваш шаг споспешествует или отдаляет народный покой и тишину, совокупленную с блаженством онаго, и в таком виде с немалым удовольствием услышала Я о Карасуйском деле, сожалея только по позднему годовому времени, что все сие не может иметь толиких польз, как из того произойти могло, есть ли бы предпринималося месяцев с шесть тому назад. Но дабы будущий год так же по-пустому не прошел и дабы недостаток в пропитании опять не служил препятствием действиям, не могу оставить вам сызнова наикрепчайшим образом подтвердить, чтоб вы старались на будущую кампанию наполнить ваши подунайские магазины так, как

Я к вам писала, дабы действиям вашим на супротивном берегу не могло причиниться остановки и кампания та не прошла без достижения мира сильным употреблением оружия. О сем немедленно от вас ожидаю много уже раз Мною от вас требованного мнения, которое есть ли еще далее замедлится, опасность настоит, что не ко времени приспеет, и, следовательно, на будущей год во всем паки опоздать можем, в чем ни пользы, ни славы, ни чести не вижу. Каково бы усердие и ревность в сердце служащих империи знаменитых людей, как вы, ни была; каков труд и радение Мною ежечасно прилагаемы ни будут; но свет вас и Меня судит по одним успехам Нашим. Сии нас в мыслях людских оправдают и обвиняют попеременно, а наипаче в теперишнее время, когда после пятилетней щастливой войны подданные ждут мира единственно от действий ваших.

А как для составления вышеупомянутого мнения вашего желаете видеть положение прочих частей войск Наших, не под ведомством вашим состоящих, то для удовольствия вашего зделаю вам следующее описание, а именно: вторая армия охраняет Крим, а буде случай представится, то помышлять станет о атаке Очакова. Азовская флотилия крейсирует около Крима и старается всякому тамо десанту препятствии наносить до тех пор, пока в силу придет инако действовать. Архипелажский флот тревожит беспрестанно все в его окружности лежащие берега и тем самым сильную диверсию делает в пользу первой армии, ибо удерживает тамошние неприятельские войски усиливать визирскую армию, и под видом охранения своих очагов многие тысячи, каковы наряды от Султана ни бывают, дома остаются. В Польше и в Кизляре, также и на здешней границе, совершенное спокойствие настоит, а что касается до башкирских замешательств около Оренбурга, о которых, может статься, до вас слух дошел, то по наряду, отсюда сделанному, надеяться можно, что вскоре желаемой вид возьмет и все в прежнее состояние придет. О продолжительной слабости вашего здоровья весьма сожалею, а с удовольствием увидела из письма вашего свидетельство, которое вы даете генерал-маиору князю Василью Долгорукому, и вы можете уверены быть, что оное в памяти Моей останется, пребывая, как всегда, вам доброжелательна.

6 декабря 1773 г.
С.-Петербург».

Из всех прозаических отрывков «Раута» лучше всех показался нам отрывок из комедии г. Писемского «Ипохондрик». В нем есть сцены очень забавные и натуральные.

Об отрывке г. Островского здесь мы не скажем ни слова, потому что о г. Островском вообще говорится в этой же книжке при разборе другого московского сборника — «Комета».

Отрывок г. Рамазанова «Римская натурщица» напоминает нам почему-то повести г. Каменского, известного подражателя Марлинского.

«— Как, — говорит художник натурщице, — ты стоишь сегодня? Как будто тебя в *пятки жалят скорпионы*! Право, *с ящерицы*, которая бежит по стене, работать удобнее! <...>

— Нет, не в *пятки жалят меня скорпионы*, — отвечала натурщица, — *а прямо в сердце*...» и проч.

Разве это не похоже, например, на следующий отрывок:

«Фатьма! Фатьма! не прожигай меня молнией очей твоих.

— Аслан, — отвечала грустно Фатьма, — мои молнии уже потеряли для тебя свою огнепалящую силу...»

Замечательно также, что в этом отрывке натурщица всё грозит художнику *«кулачком»*.

Отрывок из путешествия «Два дня в Байрейте» посвящен весь памяти Жан-Поля Рихтера. Путешественник поклонялся его вдове, поклонялся его прекрасной статуе, поклонялся его могиле и очень сердился на Филарета Шаля за то, что тот сказал где-то, будто Жан-Поль носил сюртук изношенный и очень короткий, тогда как, по уверению его вдовы, он носил сюртук длинный...

Прозаический рассказ г-жи Глинки «Только три недели» отличается тем, что в нем, в противоположность стихотворному рассказу г-жи Павловой, изображается очень благонамеренная и добрая тетка.

«Раут» г. Сушкова перенес нас в эпоху альманахов, в лета нашей молодости, когда мы жаждали видеть имя свое под каким-нибудь отрывком в две строки и когда стихи вообще преобладали над прозою. Доброе старое время! Тогда ничего не стоило собрать альманах: всякий наперерыв услужливо вручал свои сочинения; а теперь... мы полагаем, что г. Сушкову стоило немалых трудов составить свой сборник. Мы благодарили издателя за благотворительную цель его альманаха; поблагодарим же его еще за то, что он перенес нас хоть на минуту в невозвратные и счастливые года нашей молодости.

Морские войны времен французской Республики и Империи. *Соч.* Жюрьен де ла Гравьера, *капитана французского флота. Перевод с французского. Две части. СПб., 1851.*

Благодаря Морскому ученому комитету, по поручению которого переведена книга Жюрьен де ла Гравьера, русская публика в летнюю пору получила сочинение, которое

по занимательности может поспорить с любым романом. Этим оно обязано сколько интересу своего предмета. столько же и таланту автора, который умел соединить морские войны 1793—1805 годов в картине увлекательной, представляющей стройное и последовательное целое. Положение британского флота и причины его перевеса над союзным, замечательные личности действовавших как с той, так и с другой стороны, наконец, самые морские битвы — всё обрисовано у автора мастерски; читатель как бы лично присутствует при развитии страшной драмы и с возрастающим участием следит ее до последней минуты. Его верный такт легко открывает ту дань национальному чувству, которую неизбежно приносит автор, описывая беспрестанные поражения, претерпенные его соотечественниками, и торжества счастливых противников. Но надо признаться, что национальное чувство автора нигде не выходит из границ понятных и извинительных. Из французских адмиралов особенно хорошо удался автору очерк личности Вильнева; этот беспристрастный очерк полон, рельефен и представляет собою определенный характер, ясный для каждого; из английских — Джервис, Коллингвуд, Нельсон очерчены с особенным тщанием, последний не столько определенно, сколько два первые. Но самая громадность личности Нельсона служит лучшим извинением автору. Не имея возможности проследить в подробности содержание книги Жюрьен де ла Гравьера, которую мы рекомендуем читателям прочесть вполне, остановимся на биографии Нельсона, которому суждено было разыграть главную роль в кровавой борьбе, утвердившей за его отечеством первенство на море.

«Немногие моложе Нельсона начали свое морское воспитание. Сын пастора в графстве Норфолькском, он двенадцати лет оставил Норичское училище и под руководством своего дяди, капитана Сокклинга (Suckling), поступил на корабль „Ризонэбль". <...> Когда мир, заключенный в 1783 году, дозволил англичанам посещать твердую землю, Нельсон поспешил во Францию, чтобы изучить французский язык, знание которого он считал необходимым для каждого офицера британского флота. Что касается до самого утонченного знания морского дела, то, конечно, никто не обладал им более Нельсона, и он ставил его так же высоко, как Наполеон ставил самые мелочные сведения, неразлучные с благородным званием воина. <...> Совершив плавание в Ямайку, к Северному полюсу и в Индию, Нельсон, на девятнадцатом году, мог держать экзамен в лейтенанты, и аттестат на право получить этот чин был выдан ему, когда он предъявил свидетельство о своем шестилетнем пребывании на море, доставил журналы военных судов „Кар-

касс", „Сигорс" («Seahorse»), „Дольфин", „Ворчестер", так же как и аттестации капитанов Соcклинга, Лютвиджа, Фармера, Пигота и Робинсона, и доказал, что умеет *брать рифы и делать сплесень*. С этим патентом на звание он мог еще долго прождать лейтенантского чина; но, к счастью, дядя его, капитан Сокклинг, был сделан контролером флота и легко выхлопотал племяннику своему чин, о котором многие мичмана английского флота вздыхают напрасно целую жизнь. Таким образом первый шаг был сделан, и обрадованный Нельсон писал в тот же день к своему брату: „Наконец я лейтенант... Теперь от меня зависит продолжать мою карьеру, и, надеюсь, я исполню это с честью для меня и для друзей моих". В то же время Нельсон поступил на фрегат „Лоустофф" и, отправляясь в Ямайку, получил в напутствие назидательные советы своего отца и наставления капитана Сокклинга. <...> Это были последние наставления капитана Сокклинга. Он умер вскоре после прибытия Нельсона в Ямайку; но последний не остался без покровителей. Командир фрегата „Лоустофф" очень полюбил его и упросил вице-адмирала Паркера, бывшего в то время главнокомандующим в этом море, взять Нельсона к себе на корабль „Бристоль". Никакое обстоятельство не могло быть более выгодно для возвышения молодого лейтенанта. Нездоровый климат Антильского моря беспрестанно очищал на эскадре вакансии, и главнокомандующий мог, по своему усмотрению, заменять места выбывших офицеров. Посредством этих назначений адмирал мог давать чины, соответственные очистившимся вакансиям. <...> Вскоре война возгорелась между Англией и Францией и явилась на помощь вест-индскому климату, для очищения новых вакансий. Капитан фрегата „Гинчинбурк", содействуя овладению одним французским фрегатом, был убит 2 июня 1779 <года>, и Нельсон, командовавший уже бригом „Баджер", был, по расположению к нему адмирала, призван к этой новой должности, которой и обязан чином капитана корабля. <...> Нельсон получил чин капитана корабля на двадцать втором году от рождения, и с этой минуты военная будущность его казалась обеспеченною».

Двадцати двух лет он исполнил весьма важную экспедицию. «В начале 1780 года пятьсот человек, посланные из Ямайки под прикрытием его фрегата, были высажены на берег на мысе Грасиас-а-Диос, в провинции Гондурас». При осаде Сен-Жуанского замка Нельсон заболел местною болезнию. «Только одно счастливое обстоятельство могло спасти Нельсона. <...> Корвет, пришедший с подкреплениями из Ямайки, привез Нельсону известие, что адмирал сэр Петер Паркер назначил его командиром корабля „Янус", и Нельсон оставил эту губительную землю накануне сдачи Сен-Жуанского замка». Но «он не мог оставаться командиром корабля „Янус": расстроенное здоровье заставило его возвратиться в Англию. Около исхода сентября 1780 года он переехал на корабль „Ляйон" («Lion»), которым командовал капитан Корнваллис, и сейчас же по прибытии в Европу отправился к Батским водам. Еще в

молодости здоровье Нельсона было потрясено индейскими лихорадками, а это новое испытание окончательно его расстроило. Но, одаренный сильными нервами, он нисколько не утратил своей деятельности и в расслабленном, больном теле сохранил сильную душу. Батские воды в первое время помогли ему столько, что он почел долгом съездить в Лондон и хлопотать о новом назначении на службу. Просьба его была исполнена. На фрегате „Альбемарль" он посетил берега Дании и принял деятельное участие в военных предприятиях у залива Святого Лаврентия и на водах Северной Америки. Жаждая деятельности на сцене более обширной, Нельсон выпросил у лорда Гуда позволение следовать за ним в Антильское море, как вдруг мир, заключенный в 1783 году, остановил на время его стремление». 1 февраля 1793 года Франция объявила войну Англии и Голландии. Здесь кстати приведем любопытные подробности о наборе войск в Англии:

«В Англии нет закона, который бы разрешал насильственный набор для удовлетворения потребностям армии и флота. В обыкновенное время экипажи военных судов составляются из добровольных наемщиков, служба которых редко продолжается более трех лет, и каждый капитан, назначенный командовать судном, вынужден в некоторой степени исправлять должность вербовщика. Но лишь только парламент разрешит насильственную вербовку, набор начинают производить вооруженною рукою. Во всех приморских местах являются вооруженные отряды, под названием вербовальных партий (press-gangs), состоящие из служащих уже матросов или из морских солдат. Под начальством офицера или мичмана эти отряды отправляются в ночные экспедиции, имеющие целию забирать силою в питейных домах и на улицах всех праздношатающихся и бродяг. Странное стеснение воли в стране свободной! Странное злоупотребление власти в классической земле законности! Благодаря этому сильному средству в течение последней войны на английских судах было почти столько же беглых, сколько и матросов; но тем не менее оно доказывает, какою энергическою властью облечено бывает в критические минуты грозное правительство, пружин которого не могли ослабить самые либеральные постановления!»

Нельсон назначен был командиром корабля «Агамемнон». Десять лет мира не остались бесплодными в его карьере. Три года сряду он командовал на фрегате «Борей» станцией у Наветренных островов в Антильском море. Несмотря на то что он исполнял эту обязанность в мирное время, Нельсон успел, однако, положить основание своей репутации и выказать решительный и непреклонный характер. Желающие ближе познакомиться с

деятельностью его в этот промежуток времени должны адресоваться к книге г. Жюрьен де ла Гравьера:

«В пять лет невольного отдыха в нем накопилась такая потребность деятельности, что он с трудом удерживал свое нетерпение. Тогда он был в цвете лет, общее мнение указывало на него как на одного из лучших офицеров целого флота, и жажда славы была в нем так велика, что он, конечно, не упустил бы ни одного случая приобресть ее на той арене, на которой вторично сходились Англия и Франция. Первым делом его было набрать экипаж. Тогда это было нелегко; но благодаря своей деятельности, а также и репутации, — потому что английские матросы не с одинаковою охотою идут служить ко всем командирам, — Нельсон, мечтая уже о славе и почестях, о битвах и призах, скоро успел набрать на „Агамемнон" экипаж, один вид которого приводил его в восторг. „У меня под начальством, — писал он к своему брату, — лучший 64-хпушечный корабль в целой Англии, мои офицеры все достойные люди; экипаж храбрый и здоровый; пусть посылают меня в какую хотят часть света". К счастью для его будущей славы, он был назначен в Средиземное море. Впоследствии, под начальством адмирала Джервиса, станция эта сделалась лучшею школою для английских моряков. Нельсону суждено было провести здесь бóльшую часть своей службы. Под руководством лорда Джервиса, в продолжение четырехгодового деятельного крейсерства, приобретал он те специальные сведения, которым со временем был обязан командованием эскадрой при Абукире».

Пока англичане очищали Тулон, Нельсон деятельностью, оказанною в исполнении различных возложенных на него поручений, успел заслужить уважение и расположение лорда Гуда:

«...лорд Гуд давно уже предлагал Нельсону променять маленький 64-хпушечный корабль на семидесятный. Предложение было обольстительно, но Нельсон не мог решиться оставить своих офицеров. Он очень любил их и всегда относился об них с особенною похвалою. Странно, что человек, в котором некоторые случаи печальной известности выказали настойчивость неумолимую, был одарен большою чувствительностью и сердцем, способным любить. Даже та деспотическая, неограниченная власть, какою он был облечен, не могла изменить в нем ровности расположения духа и свободы обращения, отличавших его в частной жизни и в самых мелочных служебных отношениях. Достаточно прочесть его переписку, чтобы совершенно в этом убедиться. Там, в самых искренних его излияниях, не найдется ни одного места, где бы он жаловался на своих офицеров, на свои корабли и их команды: все прекрасны, преданны, исполнены рвения; и действительно, все делались такими под влиянием его любезного, внимательного обращения. В этом, впрочем, и заключалось великое искусство Нельсона. Он так умел со всеми обходиться, так понимал способности каждого, что не было такого дурного офицера, из которого бы он не сделал ревностного, часто даже способного служивого».

«Нельсон лично распоряжался осадой Бастии и принимал деятельное участие в осаде Кальви. На одной из батарей, устроенных против этого города, он лишился правого глаза. Эта рана заставила его просидеть дома только один день; однако ж, как он сам тогда писал, на волос ближе, и ему бы снесли голову». Сражение при Сан-Винценте наконец доставило Нельсону достойный случай отличиться: общее мнение единогласно приписало его смелому маневру причину взятия четырех неприятельских кораблей.

«Некоторые завистники пытались, правда, уменьшить цену подвигов Нельсона, заметив, что он уклонился от того плана атаки, какой предписан был адмиралом. Это обстоятельство могло иметь некоторое влияние на мнение такого строгого начальника, каков был сэр Джон Джервис, и капитан Кальдер взялся было обратить на это его внимание. „Я очень хорошо это видел, Кальдер, — сказал адмирал, — но если вам случится когда-нибудь сделать подобный проступок, будьте уверены, что я и вам прощу"».

«20 февраля 1797 года, тридцати девяти лет от роду, Нельсон, по старшинству, был произведен в контр-адмиралы. Все еще находясь под начальством адмирала Джервиса, он едва только положил основание своей славе; однако ж он часто повторял с наивною уверенностью пророческие слова: „Вступивши однажды на поле чести, я вызываю кого угодно удержать меня"». При неудачном покушении на остров Тенерифу 24 июля 1797 года Нельсон был ранен в локоть. «Принужденный раною на некоторое время к спокойствию», Нельсон был принят в Англии «с теми же знаками уважения и отличия, какие бы оказали победителю. Однако ж страдания его от раны были долги и мучительны, и, несмотря на его нетерпение, хирурги не прежде 13 декабря 1797 года дозволили ему возвратиться в море».

«От начала службы своей до того времени Нельсон, как он сам писал в докладной записке королю, успел участвовать в двух морских сражениях, из коих одно, в марте месяце 1795 года, продолжалось два дня; выдержал три сражения против фрегатов, шесть против береговых батарей; содействовал взятию или истреблению 7-ми линейных кораблей, 6-ти фрегатов, 4-х корветов, 11-ти корсаров и почти 60-ти купеческих судов. К своим заслугам он причислял еще две правильные осады, а именно осады Бастии и Кальви; десять лет на гребных судах, опаснейших из всех родов военных действий, дел, которыми Турвилль наиболее гордился в подобном же докладе, и, наконец, сто двадцать встреч с неприятелями.

В этих различных битвах Нельсон потерял уже правый глаз и правую руку; но отечество, по выражению короля Георга III, *еще кой-чего от него ожидало*».

Со второго мая 1798 года начались погони Нельсона за французским флотом. Наконец настало 1 августа этого года — день Абукирского сражения, гибельный для морских сил Франции. «Из 13 кораблей и 4 фрегатов, атакованных Нельсоном в Абукирском заливе, 9 кораблей досталось в руки англичанам». Имя Нельсона покрылось бессмертною славою. Ост-Индская компания, «в знак своей признательности, ассигновала победителю при Абукире сумму в 10 000 ф<унтов> стер<лингов> (около 70 000 руб<лей> сер<ебром>). За этою первою наградою последовало множество других. *Турецкая компания*[1] предложила ему серебряную вазу, Патриотическое общество — сервиз в 500 ф<унтов> стер<лингов>. Лондонский Сити, взамен шпаги контр-адмирала Дюшайла, присланной Нельсоном, подарил ему шпагу в 500 ф<унтов> стер<лингов>. Император Павел I, султан, короли сардинский и неаполитанский, даже остров Зант, наперерыв осыпали его отличиями и подарками. Герцог Кларенский, ветераны английского флота: Гуд, Гау, Сент-Винцент, Петер Паркер, который произвел его в капитаны, Гудалл (Goodall), сэр Роджер Кортис, который, так же как сэр Джон Орд и Уильям Паркер, мог завидовать ему в командовании эскадрой, — все эти адмиралы, видевшие в нем кто воспитанника, кто соревнователя, поспешили присоединить свои поздравления к тем, какие сыпались к нему от всех иностранных государей. Коллингвуд прибавил к этому дань своей старинной и верной дружбы. <...> Одно английское министерство, казалось, отстало от общего увлечения. Входя в Абукирский залив 1 августа 1798 года, Нельсон сказал окружавшим его офицерам: „Завтра, еще не наступит этот час, и я заслужу или лордство, или Вестминстерское аббатство“. Он действительно заслужил лордство; но адмирал Джервис за Сан-Винцентское сражение получил графа и пенсию в 3000 ф<унтов> с<терлингов>; по Дункан за сражение при Кампердауне был награжден титулом виконта и такою же пенсиею; Нельсон же получил за свою победу только титул барона и пенсию в две тысячи фунтов, простиравшуюся на

[1] Компания, составившаяся в Лондоне для торговли с Левантом. *<Примечание автора книги>*.

двух первых его наследников мужеского пола. Он был пожалован званием лорда под именем барона Нильского и Борнгамторпского». Абукирская победа, по замечанию автора, имела гибельное влияние на Нельсона. «Тогда, среди упоения торжества, в нем произошел род нравственного переворота, раздражения, которое многие, не колеблясь, приписали полученной им ране в голову и потрясению, какое эта рана произвела в мозговой системе». Но автор приписывает эту перемену влиянию неаполитанского двора и связи Нельсона с леди Гамильтон:

«Нельсон первый раз познакомился с сэром Виллиамом Гамильтоном и женою его в 1793 году, когда лорд Гуд посылал его к королю Фердинанду IV, чтобы потребовать вспомогательный корпус войск для защиты Тулона. Но тогда сэр Виллиам был для командира корабля „Агамемнон" не более как дипломатическим агентом, которого, правда, он хвалил деятельность и усердие, а леди Гамильтон любезною молодою женщиною, которой он ценил изящный тон. Притом Нельсон провел тогда в Неаполе очень короткое время и после, до самого Абукира, совсем туда не показывался.

Сэр Виллиам был молочный брат короля Георга III. Находясь уже более тридцати лет британским посланником при дворе обеих Сицилий, он был при этом дворе в большой милости. Он страстно любил охоту, а этого было достаточно для благосклонности Фердинанда IV. Он слыл любителем изящных искусств, и хотя подозревали, что его усердие в этом отношении не без спекулятивных целей, однако этого было довольно, чтоб заслужить милость королевы. Таким образом, он находился в коротких сношениях с двумя главами государства. Сэр Виллиам был старик веселого нрава, позволявший себе много свободы в речах, крепко разочарованный насчет всех заблуждений и обаяний мира, английский эпикуреец, которого неистощимые шутки, по словам Нельсона, могли бы вылечить и оживить самого графа Сент-Винцента, если бы тот в 1799 году отправился лечиться в Неаполь, вместо того чтоб ехать в Англию. Англичане вообще не умеют шутить; не сходно с их нравами и их серьезным характером играть пороком и подсмеиваться над тем, что честно и пристойно. Добрый сэр Виллиам, как называл его Нельсон, имел один из тех скептических и грубых умов, какие редко попадаются среди народа, привыкшего так глубоко уважать святость семейных добродетелей. Подобные умы, в соединении с тем сухим, положительным оттенком, какой свойствен британскому характеру, представляют что-то более обнаженное, более отвратительное, чем натуры того же разряда в народе более ветреном и живом.

Шестидесяти лет от роду сэр Виллиам, увлеченный внезапной страстью, женился на любовнице своего племянника.[1] Если верить свидетельству современников и портрету ее, работы знаменитого Ромнея, то эта женщина, известная в Лондоне под именем

---

[1] В 1791 году; леди Гамильтон было тогда около тридцати лет. <*Примечание автора книги*>.

мисс Эммы Гарт (Harte), была одною из самых обворожительных женщин своего времени. Дочь бедной служанки из княжества Валийского, Эмма Гарт провела свою молодость в самых странных и самых подозрительных приключениях. Все эти обстоятельства были сэру Виллиаму совершенно известны, но нисколько не помешали ему на ней жениться. Впрочем, он столько же заботился о прошедшем, сколько и о будущем, и, обладая в высшей степени всеми качествами снисходительного мужа, он жил около четырех лет с женою и с лордом Нельсоном, нисколько не тревожась близостью их сношений и называл Нельсона своим *лучшим другом и добродетельнейшим из людей.* Перед смертью он завещал свою жену попечениям этого друга, а бóльшую часть своего состояния отказал племяннику и тем выказал окончательную черту своего эксцентрического юмора. Что же касается до леди Гамильтон, то она, с удивительною гибкостью, свойственною женщинам, вскоре стала наравне с своим новым положением. Ее представили к неаполитанскому двору, и, брошенная судьбой в эту возвышенную сферу, она скоро вошла в милость королевы. Ни малейшее замешательство не обнаружило позора ее прошлой жизни и ее низкого происхождения».

Пребывание Нельсона при неаполитанском дворе, где он находился постоянно под влиянием леди Гамильтон и королевы, заключилось поступком, не делающим чести его великому имени. Этот поступок был казнь князя Караччиоло:

«Это был семидесятилетний старец, происходивший от младшей отрасли одной из самых благородных фамилий Неаполя. Он долго и с отличием служил в неаполитанской морской службе и командовал кораблем „Танкреди“, под начальством адмирала Готама. Почтенный благосклонностью своего государя, заслуживший большую народность, Караччиоло в 1798 году был произведен в адмиралы и снискал уважение и любовь всех английских капитанов в то время, когда английская эскадра, забытая адмиралтейством, приветствовала, как благоприятное событие, появление двух неаполитанских кораблей в заливе Сан-Фиоренцо. Когда королевская фамилия бежала в Палермо, Караччиоло на своем корабле провожал ее и возвратился в Неаполь не прежде, как получив на то разрешение короля, но вскоре, увлекаясь обстоятельствами, он допустил себя принять начальство над морскими силами республики и не однажды с несколькими плохими канонерскими лодками, какие ему удалось собрать, нападал на английские фрегаты. Нельсон сначала не очень сурово отзывался о *безрассудстве, с каким Караччиоло оставил своего государя,* и, казалось, готов был допустить, что в *душе* неаполитанский адмирал *не был настоящим якобинцем.* Как только капитуляция была подписана, Караччиоло, лучше своих товарищей понимавший дух междоусобий, скрылся в горы. Голову его оценили: один из слуг изменил ему, и 29-го июня в девять часов вечера он был привезен на корабль „Фудройан“. Капитан Гарди (Hardy) поспешил защитить его от негодяев, его выдавших, которые на самых шканцах английского корабля продолжали осыпать его ругательствами и делать ему оскорбления. Адмирала уведомили о взятии Ка-

раччиоло, и пленник был поручен надзору старшего лейтенанта корабля „Фудройан".

Нельсон был в эти минуты под влиянием сильного нервического раздражения. Он чувствовал себя рабом пагубной, неодолимой страсти, которая должна была разрушить его семейное счастие. Нередко в эту эпоху он изображал друзьям свое душевное уныние и желал спокойствия могилы. „Кто прежде видал меня таким радостным, таким веселым, — писал он леди Паркер, — едва ли бы теперь узнал меня". Такое состояние души часто бывает предтечею больших преступлений. И действительно, кажется, что под влиянием таких грустных сознаний и таких сильных внутренних упреков сердце наполняется горечью и становится восприимчивее для внушений злобы и ненависти. Нельсон решился немедленно судить Караччиоло. Приказано было собраться на корабль „Фудройан" военной комиссии под первенством графа Турна (Thurn), командира неаполитанского фрегата „Минерва". В полдень над несчастным старцем произнесен был смертный приговор; ни седины, ни прежние заслуги не могли его спасти.

Как только Нельсону сообщили это решение суда, он отдал приказание, чтобы приговор был выполнен в тот же вечер. Караччиоло присудили быть повешенным на фока-рее фрегата „Минерва". Что побуждало Нельсона так ревностно содействовать планам злобы и низкой мстительности? Прежняя ли настойчивость его, с какою он провозглашал необходимость укрепить королевскую власть сильными мерами? Увлекался ли он усердием, доходившим до фанатизма, или внимал коварным внушениям? Известно только то, что сэр Виллиам и леди Гамильтон были в этот момент на корабле „Фудройан", что они оба присутствовали при свидании Нельсона с кардиналом Руффо, что они служили переводчиками и принимали деятельное участие в переговорах. Однако ж можно предполагать, что если бы и не были при Нельсоне подобные советники, то всё-таки он поступил бы не иначе. Провозглашенный тогда во всей Европе поборником законной власти, Нельсон был в упоении от собственной своей славы. Рассудок его поколебался среди стольких обольщений и следовал внушению какого-то слепого изуверства. Притом он всегда оказывал уважение к этому роду мужества, которое называл *мужеством политическим* и которое, по его мнению, состояло в принятии смелых и чрезвычайных мер каждый раз, как обстоятельства того требовали. Он гордился своим уменьем принимать в подобных обстоятельствах быстрое и энергичное решение и хвалился тем, что, в случае надобности, может быть вместе *и человеком с головой и человеком с характером*. Соединяя с этою безрассудною опрометчивостью упорную настойчивость, Нельсон, будучи однажды увлечен на гибельный путь, где должна была помрачиться его слава, уже не хотел отступать.

Несчастный Караччиоло дважды просил лейтенанта Паркинсона, под надзором которого он находился, ходатайствовать за него у Нельсона. Он просил второго суда, он просил, чтобы по крайней мере его расстреляли, если уж ему суждено непременно подвергнуться казни. „Я стар, — говорил он, — у меня нет детей, которые бы меня оплакивали, и нельзя во мне предположить сильного желания сберечь жизнь, которая и без того уже должна скоро кончиться; но меня ужасает бесчестный род казни, к какой я приговорен". Лейтенант Паркинсон, передав эту просьбу

адмиралу, не получил никакого ответа; он хотел настаивать, хотел сам защищать бедного старца. Нельсон, бледный, молчаливый, слушал его. Внезапным усилием воли он превозмог свое волнение. „Ступайте, милостивый государь, — отрывисто сказал он молодому офицеру, — ступайте и исполняйте вашу обязанность". Не теряя еще надежды, Караччиоло просил лейтенанта Паркинсона попытаться упросить леди Гамильтон; но леди Эмма заперлась в своей каюте и вышла для того только, чтоб присутствовать при последних минутах старика, тщетно взывавшего к ее человеколюбию. Казнь совершилась, как предписал Нельсон, на фрегате „Минерва", стоявшем под выстрелами корабля „Фудройан", и граф Турн рапортовал об ней адмиралу, как бы желая свернуть на кого следует ответственность в этом деле. „Честь имею уведомить его превосходительство адмирала лорда Нельсона, — писал он, — что приговор над Франческо Караччиоло был выполнен сообразно предписанию". Тело Караччиоло висело на фока-рее фрегата „Минерва" до заката солнца. Тогда веревка была обрезана, и труп, недостойный погребения, брошен в волны залива. Свершив этот акт жестокости, Нельсон вписал его в свой дневник, между прочим, как бы самое обыкновенное обстоятельство:

„Суббота. 29 июня. Ветер тихий. Облачно. На рейд пришли португальский корабль «Рэнья» («Rainha») и бриг «Баллон» («Balloon»). Созван военный суд. На неаполитанском фрегате «Минерва» судим, осужден и повешен Франческо Караччиоло".

Какое странное заблуждение заглушало тогда в Нельсоне чувства человека? Какая обманчивая призма могла превратить для его взоров это убийство в акт военного правосудия? Кто понуждал его взять в свои руки суд и расправу неаполитанского двора? Кто разрешил ему лишить королевского милосердия старика, которого оно, может быть, пощадило бы? К чему такая опрометчивость, такая пагубная поспешность; к чему это бесполезное убийство? Бесчестные казни, последовавшие затем в Неаполе, возбудили негодование всей Европы; но этот печальный эпизод более всех прочих омрачает участие Нельсона в неапольских происшествиях. Фокс первый указал парламенту на эти злоупотребления власти, которых стыд, вследствие беспримерного нарушения доверия, пал даже на британский флаг. Нельсон чувствовал, на что метил Фокс, и хотел оправдаться, но его друзья задержали и не пустили в ход его оправдания».

Между тем «в Англии начали уже гласно осуждать поведение адмирала Нельсона»:

«Вице-адмирал Гудалл, один из его самых старинных друзей, писал ему: „Говорят, любезный мой лорд, что вы уподобились Ринальдо в объятиях Армиды и что нужна вся твердость Убальдо и его товарища, чтобы исторгнуть вас из очарования". Слухи эти сделались наконец так гласны, что леди Гамильтон сочла нужным сама на них отвечать. Лицемерные жалобы ее адресовались прежде всех к бывшему ее любовнику, сэру Чарльзу Гревиллю, племяннику сэра Уильяма Гамильтона. „Мы более счастливы и согласны, чем когда-нибудь, — писала она ему 25-го февраля 1800 года, — несмотря на все возгласы гнусных якобинских журналов, которые так завидуют славе Нельсона, сэра Виллиама и моей. Лорд Нельсон в полном смысле слова великий и доброде-

тельный человек, и вот чего мы дождались за наши труды и пожертвования. За то, что мы потеряли наше здоровье, служа делу справедливости, нужно теперь, чтоб тайно чернили наше доброе имя. Сперва говорили, что сэр Виллиам и лорд Нельсон дрались на дуэли, — они живут, *как братья.* Потом утверждали, что мы играли и проиграли: я вам клянусь честью, что лорд Нельсон никогда не играет. Прошу вас, будьте так добры, обличите эту низкую клевету. Сэр Виллиам и лорд Нельсон над этим смеются, но меня это трогает, хотя меня осуждают и они, и сама королева за то, что я однажды вздумала этим оскорбиться". <...>Наконец сэр Уильям отозван был в Англию, и Нельсон выпросил себе позволение последовать за ним. Тогда-то услышал он от первого лорда адмиралтейства, графа Спенсера, следующие строгие слова: „Я желал бы, милорд, чтобы ваше здоровье позволило вам остаться на Средиземном море; но я думаю, согласно с мнением всех друзей ваших, что вы скорее поправитесь в Англии, чем оставаясь в бездействии при иностранном дворе, как бы ни были вам приятны уважение и благодарность, внушенные там вашими заслугами".

10 июня 1800 года Нельсон отправился из Палермо на корабле „Фудройан". Королева неаполитанская, которой нужно было ехать в Вену, сэр Виллиам и леди Гамильтон находились на том же корабле. В Ливорно они вместе оставили корабль и проехали до Анконы берегом, несмотря на опасность встретить какой-нибудь отряд французской армии, уже победившей при Маренго. В Анконе сели они на русский фрегат, на котором сделали переход до Триеста, и наконец прибыли в Вену. В Вене королева осталась, но Нельсон, сэр Виллиам и леди Гамильтон продолжали свой путь и через Гамбург 6-го ноября прибыли в Ярмут. Там победитель при Абукире встречен был теми почестями, какие внезапно изобретает народный энтузиазм, — почестями, впрочем, более лестными для него, чем все официальные отличия. Всё путешествие его от Ярмута до Лондона было непрерывным торжеством. Толпа от чистого сердца, из глубины души, приветствовала своими восклицаниями израненного героя, который в продолжение восьми лет сражался постоянно в первых рядах, и предприимчивого начальника, которого смелость увенчалась таким успехом. Другие, высшие классы общества, хотя и присоединяли свои рукоплескания к общему восторгу, но тем не менее их более развитое чувство деликатности осуждало уже заблуждения и соблазн частной жизни воина, ослепленного счастием. Сэр Виллиам и леди Гамильтон не расстались с Нельсоном до самого Лондона. Эта чета расположилась под тою же кровлею, где леди Нельсон и почтенный отец адмирала ждали возвращения супруга и сына. Не прошло трех месяцев после этого нетерпеливо ожиданного возвращения, и Нельсон, увлекаемый своею безрассудною страстью, отталкивал от себя жену, которую прежде так нежно любил. „Беру небо в свидетели, — писал он ей, — что нет ни в вас, ни в вашем поведении ничего такого, что я мог бы судить или принять предлогом к раздору". Таково было его прощание, благородное, но вместе жестокое по своей откровенности. В это-то время Нельсон и Коллингвуд встретились в Плимуте. Произведенный в чин вице-адмирала синего флага, Нельсон 1-го января 1801 года поднял свой флаг на корабле „Сан-Джозеф". Контр-адмирал Коллингвуд имел свой на корабле „Бафлер"».

Сражение при Копенгагене 2 апреля 1801 года прибавило новые лавры к славе Нельсона.

«Этот блестящий эпизод кампании трудной и опасной не сиял тем светом, каким озарены были победы при Сан-Винценте и Абукире. Он, правда, доставил Нельсону титул виконта, но лондонский Сити не благодарил победителей, тогда как в ту же эпоху экспедиция несравненно более легкая и безопасная, которая под начальством лорда Кейта отправилась от берегов Карамании и заставила французов очистить Египет, удостоилась благодарности Сити.

„Я терпеливо ждал (писал Нельсон лорду-мэру через год после своего возвращения из Балтики), пока чьи-нибудь меньшие заслуги отечеству обратят на себя внимание лондонского Сити, прежде нежели решился изъявить то глубокое огорчение, какое чувствую, видя, что офицеры, служившие под моим начальством, люди, участвовавшие в самом кровопролитном сражении и одержавшие самую полную из всех побед, одержанных в течение этой войны, лишены чести получить от великого Сити одобрение, которое так легко досталось другим, более счастливым. Но лорд-мэр поймет, что если бы адмирал Нельсон мог забыть заслуги тех, которые сражались под его начальством, он был бы недостоин, чтобы они содействовали ему так, как это всегда бывало".

Несмотря на такое благородное заключение, надо признаться, что недостойно было величия Нельсона требовать так открыто благодарности от народа и заставлять его насильно удивляться. Но нужно заметить, что эта пылкая нескромность, неприличная государственному человеку, была несколько извинительна в военачальнике. Правда, она скорее обнаруживает любовь к славе, нежели патриотизм, скорее пылкость, нежели истинную возвышенность душевную; но в наше время военный героизм по большей части бывает движим теми же началами.

Вместо Нельсона главнокомандующим Балтийской эскадры назначили вице-адмирала Поля. 19 июня 1801 года новый начальник поднял свой флаг на корабле „Сент-Джордж"; а Нельсон, отказавшись от предложенного ему фрегата, оставил Кеге-бухту на небольшом бриге и 1 июля прибыл в Ярмут. Первым делом его в этом городе было обойти госпитали и посетить матросов и солдат, раненных при Копенгагене. Исполнив эту священную обязанность, он в тот же вечер отправился в Лондон, где его ожидали сэр Виллиам и леди Гамильтон. <...> Новые узы связывали Нельсона с хитрой женщиной, которая, омрачив его славную карьеру, должна была впоследствии, изменив его памяти, пройти самые трудные и унизительные испытания и умереть 6 января 1814 года в окрестностях Кале, покрытая долгами и бесславием. В феврале месяце 1801 года таинственный ребенок был принесен в церковь Сент-Мери-ле-Бон и записан в приходские реестры под именем Горации Нельсон Томсон. Горация, которую Нельсон всегда выдавал за своего приемыша и которой он старался устроить независимое состояние, была, без всякого сомнения, дочь леди Гамильтон. Рождение этого ребенка связало еще теснее преступные узы и навсегда отторгло адмирала от леди Нельсон. Он полагал, что достаточно сделал, назначив пенсион в 1800 фунтов стерлингов жене, которой, несмотря на свое заблуждение, никогда не мог сделать ни малейшего упрека. Сам он признавал, что такое огор-

чение может ускорить кончину отца его, удрученного летами, и между тем все усилия отца обратить его к оскорбленной супруге остались тщетны.

Нельсон поручил сэру Виллиаму купить на свое имя хорошенькую дачу Мертон-Плес в 8 милях от Лондона. Покупая этот загородный дом, Нельсон думал оставить его в наследство леди Гамильтон, а до тех пор жить в нем с своими друзьями в самой тесной связи».

Но вскоре Нельсон назначен был начальником оборонительной эскадры. Пропустим последовавшие затем события его жизни, менее резкие, и спешим к торжественному заключению этой жизни — Трафальгарской битве. Вот некоторые приготовления к ней, сделанные Нельсоном. Он разделил флот свой на две эскадры, «имея в виду дать вместе два отдельные сражения. Одно, наступательное, он предоставлял Коллингвуду, за другое, оборонительное, брался сам. С этою целью он рассчитывал прорезать линию Вильнева, которая, по всей вероятности, должна была растянуться на пять или шесть миль, так, чтобы разделить ее надвое и потом, дав Коллингвуду численное превосходство над неприятелем, самому, с меньшими силами, удерживать натиск большей части неприятельского флота. <...> Что наиболее достойно внимания в этом замысловатом проекте,— говорит автор,— так это не тактическая сторона его, а нравственная; не искусное разделение сил, придуманное Нельсоном, но благородная доверенность, побудившая его к этому». Во многих местах своей инструкции он повторяет: «Как только я уведомлю командующего второю колонною о моем намерении,— колонна эта предоставляется ему в полное, независимое распоряжение. Пусть он ведет атаку по своему усмотрению, пусть как хочет пользуется своими выгодами до тех пор, пока не возьмет или не уничтожит всех окруженных им судов. *Я сам позабочусь о том, чтобы прочие неприятельские корабли не помешали ему.* Что же касается до капитанов, то пусть они не тревожатся, если во время боя не заметят или не поймут сигналов их адмирала: они не сделают ошибки, если поставят корабль свой борт о борт с неприятельским».

«Как только уверился Нельсон, что его приказания выполнены, что эскадра его выстроена в две колонны и идет под всеми парусами на французские корабли, он сошел в каюту. Там, взяв дневник свой, в который еще в то же утро занес последние движения своей эскадры, он стал на колени и написал следующую краткую молитву:

„Да благоволит бог всемогущий даровать Англии, ради общего блага всей Европы, полную и славную победу. Да не позволит

он ни одной частной слабости помрачить блеск ее и да не попустит британский флот забыть священный долг человеколюбия! Что касается меня самого, — моя жизнь в руках того, кто ее даровал мне. Да благословит он мои усилия на верную службу отечеству! Его воле предаю себя и справедливое дело, защита которого мне вверена".

Выполнив эту благочестивую обязанность, Нельсон, как нежный отец, считал долгом еще одно: к духовной своей он прибавил статью, в которой завещал леди Гамильтон и дочь ее Горацию Нельсон признательности Англии.[1] <...> Был полдень. Англичане подняли белый флаг св. Георгия. При повторенных кликах „Да здравствует император!" трехцветный флаг взвился над кормами французских кораблей. В то же время испанцы, под флагом обеих Кастилий, подняли длинный деревянный крест. Вильнев подает сигнал к бою, и корабль „Фуге" посылает первое ядро в „Ройяль-Соверень"; батальный огонь сопровождает этот выстрел, но английский корабль молчит. „Ройяль-Соверень" находится в одной миле впереди „Белльиля" и почти на траверзе „Виктори", в расстоянии от него около двух миль. Без повреждений, среди этого дурно направленного огня, он идет к кораблю „Санта-Анна" <...> ни на одно мгновение не уклоняясь от своего пути, молчаливый, бесстрашный, будто охраняемый какою-то невидимою силой. Несколько ядер, попавших в корпус судна, не причинили вреда команде, которой приказано было лечь у пушек в батареях, а снаряды, пролетающие между рангоутом, обрывают только несколько неважных снастей. Выдерживая в продолжение десяти минут огонь соединенного флота и готовясь врезаться во французский арьергард, Коллингвуд обратился к своему флаг-капитану: „Ротерам! Чего бы не дал Нельсон, чтоб быть на нашем месте!" „Смотрите, — восклицал в то же время Нельсон, — как благородно Коллингвуд ведет в дело свою эскадру!" И точно, Коллингвуд указал путь английскому флоту и пожал первые лавры этого дня.

Тщетно „Фуге" старался удержать его: тройной ряд орудий, унизывающих бока „Ройяль-Совереня", извергает потоки дыму и чугуна; каждое орудие, заряженное двойным или тройным снарядом, направлено в корму „Санта-Анны". 150 ядер пронизывают корабль от штевня до штевня и на пути своем кладут на месте

---

[1] Это двойное завещание было отвергнуто Англией, несправедливо смешавшей в этом случае невинного ребенка, единственную отрасль героя, с женщиною, омрачившею его славу; но законные наследники победителя при Трафальгаре получили блистательные доказательства благодарности отечества. По просьбе министерства парламент назначил вдове лорда Нельсона 50 000 франков (около 13 000 рублей серебром) ежегодной пожизненной пенсии. Старшему из братьев адмирала пожалован был титул графа и назначено в потомственное пользование 125 000 франков дохода, переходящих к тому из наследников, который наследует графство Нельсон. Кроме того, ассигнована сумма в 2 475 000 франков на приобретение поместьев, нужных, чтоб придать более блеска этому новому титулу. Две сестры Нельсона получили каждая по 375 000 франков. Предположив все эти доходы 5-типроцентными, увидим, что щедрости парламента составили бы капитал в шесть миллионов франков. <*Примечание автора книги*>.

400 человек убитых и раненых. Тогда „Ройяль-Соверень" приводит к ветру рядом с испанским вице-адмиралом и сражается с ним, почти касаясь реями. Вскоре, однако ж, он видит новых врагов. „Сан-Леандро", „Сан-Жусто" и „Индомтабль" спешат окружить его; „Фуге" бьет его диагонально. Паруса „Ройяль-Совереня" уже висят клочьями; но среди этого вихря ядер, которые видели *сталкивавшимися на воздухе*, он не перестает поражать противника, которого себе избрал. Огонь испанского кораоля начинает утихать, и беспокойный взор Нельсона может еще распознать флаг Коллингвуда над облаком дыма, покрывающим эту геройскую группу.

Но ветер уже изменил английскому флоту. Пока Коллингвуд один среди соединенной эскадры удерживает атакующие его корабли, „Виктори", имея не более полутора узла ходу, медленно приближается к кораблям „Сантиссима-Тринидад" и „Буцентавр". Наконец в двадцать минут первого часа он подходит на пушечный выстрел к французской эскадре. Первое ядро, пущенное „Буцентавром," не долетает до „Виктори"; второе ложится вдоль борта, третье пролетает над сетками. Еще ядро, более счастливое, попадает в грот-брам-стеньгу. Нельсон подзывает к себе капитана Бляквуда.

„Поезжайте на ваш фрегат, — говорит он ему, — и напомните всем нашим капитанам, что я надеюсь на их содействие. Если назначенный ордер удержит их слишком долго вне выстрелов, пусть они не задумываются изменить его по произволу. Лучший способ атаки тот, который вскоре поставит их борт о борт с неприятельским кораблем". Говоря таким образом, он проводит до конца юта командира фрегата „Эвриал". Бляквуд взял за руку адмирала и дрожащим голосом изъявил свою надежду видеть его вскоре обладателем 20 французских и испанских кораблей. „Благослови вас господь, Бляквуд, — отвечает Нельсон, — но в этом мире нам не суждено более свидеться".

Грозное молчание следует за последним выстрелом „Буцентавра"; оно продолжается не более двух минут. Канонеры поверяют свои прицелы, и вдруг, как бы по мгновенному знаку, 6 или 7 кораблей, окружающие Вильнева, открывают вместе огонь по „Виктори". Боковая качка, давая кораблям неправильное движение, увеличивает неверность французских выстрелов. Часть снарядов не достигает до корабля, остальные пролетают над ним или теряются в его рангоуте. „Виктори" без повреждений подошел уже почти на два с половиною кабельтова к „Буцентавру". В эту минуту одно ядро попадает в его крюйс-стеньгу, другое разбивает штурвал; цепное ядро поражает на юте 8 морских солдат, потому что Нельсон не взял предосторожности Коллингвуда и, вместо того чтобы приказать экипажу лежать на палубе, позволил ему стоять. Новое ядро пролетает между Нельсоном и капитаном Гарди. „Дело жаркое, — говорит Нельсон с улыбкой, — слишком жаркое, чтобы ему долго тянуться". Уже *сорок минут* „Виктори" выдерживает огонь целой эскадры, и этот корабль, которого, при более верной пальбе французов, ничто в мире не могло бы спасти, имеет покуда только 50 человек убитыми и ранеными. 200 орудий громят его и не могут удержать. Величаво приподнимаясь на волнах зыби, толкающих его к французской линии, он медленно подходит к кораблю Вильнева. Но при его приближении линия плотно смыкается: „Редутабль" уже несколько раз касался своим утле-

харем гака-борта „Буцентавра", впереди которого „Сантиссима-Тринидад" лежит в дрейфе, близко под ветром у него держится „Нептун"; абордаж кажется неизбежным. Вильнев берет штандарт своего корабля и показывает его стоящим вблизи матросам. „Друзья мои, — говорит он, — я брошу его на неприятельский корабль. Мы возьмем его обратно или умрем". На эти благородные слова матросы отвечают громкими восклицаниями. Полный уверенности в успехе рукопашного боя, Вильнев, пользуясь минутой, пока дым не скрыл еще „Буцентавр" от эскадры, делает последний сигнал своим кораблям. „Всякий несражающийся корабль, — говорит он, — находится не на своем месте и должен занять такую позицию, которая скорее введет его в дело". Роль адмирала теперь для него кончена — ему остается еще показать, что он храбрейший из капитанов.

Между тем Гарди заметил невозможность прорезать линию, не свалившись с одним из французских кораблей. Он предуведомляет об этом Нельсона. „Мы не можем избежать абордажа, — отвечает Нельсон, — сходитесь с которым хотите из кораблей; я предоставляю вам выбор". Гарди ищет среди этой непроницаемой группы соперника, менее других грозного. Тщедушная наружность плохого 74-пушечного корабля „Редутабль", незадолго перед тем тимберованного в Ферроле, доставляет ему честь, которой желают „Буцентавр" и „Сантиссима-Тринидад". <...> На него-то Гарди направляет свой корабль. В час старый корабль Кеппеля и Джервиса, корабль Нельсона, проходит в расстоянии пистолетного выстрела под кормою „Буцентавра". 68-фунтовая носовая коронада первая посылает сквозь кормовые окна французского корабля ядро и 500 пуль. Новые выстрелы бегло следуют один за другим в равных промежутках; 50 орудий, заряженных двойными и тройными снарядами, потрясают и разрушают корму „Буцентавра", сбивают 20 орудий и наполняют батареи убитыми и ранеными. „Виктори", прорезав линию, медленно проходит ее, не отвечая на убийственный огонь „Нептуна". Смертельно поразив „Буцентавр", он направляет свой огонь на „Редутабль". „Нептун" поворачивает, чтобы соединиться с ариергардом, но „Виктори" за ним не следует. В дыму Гарди вдруг приводит на правый галс и сваливается с кораблем „Редутабль". Сцепившись борт о борт, оба корабля дрейфуют за линию. Экипаж „Редутабля" выдерживает без страха неравный бой; с марсов, из батарей этого корабля отвечают на огонь английского адмирала, и в этой схватке, где более действуют ружьями, нежели артиллерией, французские моряки успевают взять некоторый перевес. В несколько минут шкафуты, бак и ют „Виктори" покрываются трупами. Из 110 человек, находившихся на шканцах этого корабля до начала сражения, едва только 20 еще могут сражаться. Кубрик наполнен ранеными и умирающими, которых поминутно туда приносят.

При виде стольких жертв английские лекаря, подавая им наскоро недостаточную помощь, начинают сомневаться в успехе сражения. Священник с ужасом и отвращением бежит от этого страшного места, от *этой бойни*, как он еще много лет спустя называл это мрачное, душное и облитое кровью пространство. Он выскакивает на шканцы и среди дыму и общей суматохи видит Нельсона и капитана Гарди прохаживающихся на юте. Невдалеке от них несколько человек бегло перестреливаются с марсами французского корабля. Вдруг адмирал покачнулся и падает на па-

лубу. Пуля с крюйселя „Редутабля" ударила адмирала в левое плечо, пробила эполет и, пройдя в грудь, остановилась у позвоночного хребта. Священник спешит к нему, но его опередили один сержант и двое из рулевых. Они поднимают адмирала, обагренного кровью, которою облита палуба. Гарди, не слыхавший его падения, оборачивается в эту минуту и, испуганный, бледнее самого Нельсона, говорит ему: „Надеюсь, милорд, что вы ранены неопасно?" — „Для меня всё кончено, Гарди, — отвечает адмирал. — Наконец им удалось! Мне раздробили хребет". Матросы, поднявшие Нельсона, берут его на руки и кладут на кубрике, среди кучи раненых».

Так кончилась славная карьера Нельсона. Вот последняя минута его:

«С своего смертного одра Нельсон слышит восклицания, которыми экипаж „Виктори" приветствует взятие "Буцентавра". Он просит, чтобы позвали капитана Гарди. „Гарди, — говорит он, вопрошая его взором, — как идет сражение?.. Победа за нами?" — „Без всякого сомнения, милорд, — отвечает Гарди, — мы уже овладели 12-ю или 14-ю неприятельскими кораблями, но 5 кораблей авангарда поворотили и, кажется, намерены напасть на «Виктори». Я собрал около нас 2 или 3 еще не тронутые корабля, и мы готовим им хорошую встречу". — „Надеюсь, Гарди, — прибавил адмирал, — что из *наших* кораблей ни один не спустил флага?.." Гарди спешит его успокоить. „Будьте уверены, милорд, — говорит он, — с этой стороны нечего опасаться". Тогда Нельсон привлекает ближе к себе командира „Виктори". „Гарди, — шепчет он ему на ухо, — я уже мертвец... еще несколько минут, и всё будет кончено. Подойди поближе... послушай, Гарди... когда меня не станет, обрежь у меня клок волос и передай его моей леди Гамильтон... да не бросай в море мое бедное тело". Гарди с чувством пожимает руку адмирала и спешит наверх. <...> Победа английского флота полная, решительная. Гарди, освободившись от всех опасений, хочет лично уверить в этом адмирала. Еще раз, сквозь окровавленную толпу раненых, он пробирается к ложу Нельсона. Среди этой жаркой и удушливой атмосферы герой лежал, тревожимый последнею заботой. Уже холодный пот выступал на его челе, оконечности членов его уже охладели, и он, казалось, удерживал последнее дыхание на губах своих затем только, чтобы унести с собою в могилу отраду нового торжества. Рассказом о славном окончании великой битвы Гарди кладет предел ужасным мучениям и тихо развязывает крылья этой энергической душе. Нельсон отдает ему еще несколько приказаний, шепчет прерывающимся голосом еще несколько слов, потом, последним усилием приподнявшись до половины, „благодарение богу, — говорит он, — *я исполнил мой долг!*" — и, упавши снова на постель, через четверть часа отдает душу богу спокойно, без потрясений, без конвульсий».

Выписки, сделанные нами, достаточно показывают интерес сочинения Жюрьен де ла Гравьера. Перевод безукоризненно хорош. К изданию приложены планы и чертежи сражений, описанных в книге. Вообще достоинство издания соответствует прекрасному выбору сочинения.

Награда за откровенность. *Сочинение* Андрея <О>вчинникова. *СПб., 1853.*

Учено-литературный журнал «Отечественные записки», в последней книжке которого находится ровно двадцать выходок против «Современника», этот учено-литературный журнал говорит неизвестно с какой целию, что «Современник», находя «нужным печатать на целых страницах разборы какого-нибудь перевода „Фауста“ г. Овчинникова или „Жезла правоты“ г. Анаевского, *не счел даже полезным уделить несколько страничек на рецензию „Повестей и рассказов“ г. Писемского»* («Отечественные записки», 1853, № XI, «Библиографическая хроника», стр. 54). Читатели! это не так, ибо *первый* из русских журналов, обративший на г. Писемского внимание публики, был «Современник», напечатавший подробный отзыв о «Тюфяке» месяц спустя после появления этой повести в «Москвитянине». Затем в обозрении русской литературы за 1850 год повестям и рассказам г. Писемского посвящено более 20 печатных страниц (см. «Современник», 1851, № II); наконец, о каждой новой повести г. Писемского говорилось в фельетонах «Современника». К чему же относится замечание учено-литературного журнала? Разве к отдельному изданию тех же самых повестей, о которых «Современник» давным-давно говорил и о которых только в нынешнем году по выходе этого издания собрались говорить обстоятельно «Отечественные записки»? Но «Современник» имел доныне и надеется сохранить впредь обычай говорить о литературных произведениях тогда, когда эти произведения интересуют публику и когда мнение о них, печатно высказанное, может в свою очередь кого-нибудь интересовать, а не тогда как эти произведения потеряют интерес новости. Итак, желание «Отечественных записок» доказать, что «Современ-

ник» отдает предпочтение г. Овчинникову пред г. Писемским, не увенчалось успехом. Но мы должны сознаться (и к этому вело начало нашей статейки), что, отдавая справедливость даровитым нашим писателям, мы в то же время не считаем, с своей стороны, справедливым умалчивать о таких явлениях, как г. Овчинников. Мы уделяли и будем уделять «по целым страницам» г. Овчинникову, и читатели, конечно, не будут на нас в претензии. Один из любимых русских современных писателей серьезно утверждал, что давно уже никакая книга не доставляла ему такого удовольствия, как «Фауст» в переводе г. Овчинникова, и мы сами бывали свидетелями его живого, добродушного, счастливого смеха, который иногда оканчивался тем, что этот высокорослый человек падал с дивана на ковер или, как говорится, хохотал *до упаду*. Так смеются только дети. И этот прекрасный детский смех умел извлечь из души возмужалого человека г. Овчинников! Неужели после этого проходить молчанием его сочинения? Это может делать только такой серьезный ученолитературный журнал, как «Отечественные записки». Мы же, с своей стороны, откровенно сознаемся, встретили новое произведение г. Овчинникова с живейшей радостью. И оно не обмануло нас. Едва заглянули мы в него, как с первых же строк: «Чики-чики, бух-трах — и музыка закипела!..» Да ведь какая музыка! Послушайте:

«Вот я вам скажу, как покончили мировое дельцо, вот тут бы вы поглядели, какое чудо закипело! Просто поднялся пир горою. что твоя свадьба Бувы Королевича! просто пошли званые и непрошеные... Откуль ни взялась, прилетела Шишчиха, откуль не ждали, прискакала Фирсиха, а там, откуль не просили, пришла и наша милость — сам-друг со Степашею, а там пошли, а там поехали, просто как на даровую комедию: глядишь наперед — выступает Ванюх; глядишь назад — скачет Курсик; <глядишь справа — катит Юркина управитель>; глядишь слева — жалует Сазончик... А там пошли сбираться купцы, пошли сходиться мещане, а там прибежали бургомистры и повытки... Вот тут и ну себе потешаться, и ну себе колесить; просто дым столбом пошел, просто донское полилось ручейком... Шишка целует Фирсиху. Фирсик пожимает ручки Шишчихи; глядишь, Степириха обнимается с зваными и незваными бабочками. А там чики-чики, и пошли небылицу в лицах городить; а там бух-трах, и музыка закипела, и пошли кузнечики прыгать, и пошли бабочки летать. Просто, я вам скажу, потешились на славу нашего Степирька!

— Он же какую роль разыгрывал? — спросил я.

— Да такую, я вам скажу, что наш Степирек своим и чужим бобыли в глазки пустил да и без церемонии говорит вашим мужичкам: „А что, — говорит, — ребятушки, будете ль наперед умней? Шуточное ли дело, пятнадцать лет тянули ябеду, а всё-таки

делу конца не дали! Я же, — говорит, — в неделю дельцо сладил, да и нам и вам угожденьице сделал: вы без тяжбы и вражды, а мы без хлопот и с музыкою... Спасибо, — говорит, — ребятушки, право, спасибо... Не знаете ли, — говорит, — кто у нас еще враждует, кто еще наушничает? Авось, — говорит, и того добру научим, да уж заодно, — говорит, — и подстрекателям головку почешем..." Вот, я вам скажу, Степирек распевает да ручки потирает, а мы слухаем да на ус мотаем, а Ванюхин да Курсик прижались себе в уголок да хоть бы словечно пикнули».

Признаемся, мы не успели прочесть книжку г. Овчинникова, а только перелистовали ее и потому не можем высказать о ней определенного мнения, если только оно кому-нибудь нужно после вышеприведенного отрывка. Но мы непременно прочтем ее и тогда возвратимся к ней, — разумеется, в таком случае, если найдем в ней что-нибудь замечательное. Но как не найти? Уже и при поверхностном взгляде видно, что здесь что ни страница, то *«чики-чики, и пошли небылицы в лицах городить; а там бух-трах, и музыка закипела, и пошли кузнечики прыгать и бабочки летать...»*

Дамский альбом, *составленный из отборных страниц русской поэзии. С десятью рисунками, гравированными в Лондоне. СПб., 1854.*

На днях редакция «Современника» получила следующее письмо:

«Вот уже лет пятнадцать, как я, нижеподписавшийся, почитаю себя человеком отсталым, принадлежащим к отживающему поколению (мне перевалило за пятьдесят лет), и с болью в сердце повторяю эти прекрасные четыре стиха, так понятные нам, старикам:

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!

Да, грустно! И было бы еще грустнее, если б на днях я не пришел к заключению, что, в сущности, не весело принадлежать и к этому новому племени, — и знаете ли почему? — потому, что новейшее время не только не произвело ни одного великого поэта, но даже гонит тех, которые у него есть, что оно стремится во что бы то ни стало, наперекор человеческой природе, стать во враж-

дебные отношения к поэзии. Да, наперекор человеческой природе! потому что в душе каждого человека есть клапан, отворяющийся только поэзией, — и что же делает настоящее время? Оно рискует сократить восприимчивость души, лишая ее одной из вопиющих ее потребностей: клапан зарастет наглухо, и тогда не отворите его — явись хоть второй Пушкин! Я в пример могу привести моего близкого соседа, человека отменно умного и мягкосердого, у которого, к сожалению, процесс зарастания уже совершился, так что едва ли бы и новый Гомер помог горю!.. Перестаньте же, господа, преследовать поэтов и поэзию. Обращайте больше внимание на то, что в настоящей русской поэзии есть истинно хорошего, и даже... мое требование вас удивит... не слишком накидывайтесь на посредственность. Не все люди развиты в одинаковой степени: поэтический клапан одного отворяется только образцовыми произведениями первой силы, тогда как другому достаточно каких-нибудь стансов Туманского, Трилунного, Бороздны, не говоря уже о Бенедиктове... вы сами, господа, вспомните свою молодость: разве не восхищались вы Бенедиктовым... пусть восторг ваш имел иногда ложную основу, но разве он оттого был менее благодатен и разве это помешало вам в лета более зрелые наслаждаться произведениями истинно гениальными?.. На этом основании я нахожу, что и посредственные стихи не должно гнать безусловно... Вспомните: двадцать, тридцать лет тому назад великий русский поэт был окружен целыми десятками маленьких поэтов, а ныне... где они?.. увы! нет ни больших, ни малых! И если нет больших, то малые непременно были бы, если б не вы, неумолимые гонители поэзии... если б не ты, Новый поэт! Милостивые государи! сознаюсь: я сам принадлежал к числу маленьких поэтов того счастливого времени... и сознаюсь, что они были, за исключением Баратынского, Языкова, Подолинского, действительно маленькие, посредственные поэты (и я тоже), но всё-таки они оживляли литературу, они наполняли тогдашние альманахи, доставляли разнообразием имен своих приятную глазам пестроту... И, право, сердце мое сжимается сожалением:

Мне жаль, что нет теперь поэтов,
Какие были в оны дни, —
Нет Тимофеевых, Бернетов.
(Ах, отчего молчат они?)

С семьей забвенных старожилов
Скорблю на склоне дней моих,
Что лирой пренебрег Стромилов,
Что Печенегов приутих,
Что умер бедный Якубович,
Что дремлет Константин Петрович,
Что о других пропал и след,
Что нету госпожи Падерной,
У коей был талант примерной,
И Розена барона нет;
Что нет Туманских и Трилунных,
Не пишет больше Бороздна,
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна...

Нет старых поэтов, и нет новых, которые должны были явиться на смену им. Есть один Новый поэт... но он-то и виновник бедственного состояния современной поэзии... Нет! не один он (я спешу оговорить это как можно скорее, частию потому, что знаю близкие отношения Нового поэта к «Современнику», в котором желаю поместить мое письмо): виноваты все русские журналы, виновато пренебрежение журналов к поэзии, перешедшее в публику... Да! для меня всего удивительнее, что те же самые журналы, которые с ожесточением преследуют плохих и посредственных поэтов, в то же время проходят убийственным молчанием и те немногие хорошие произведения поэзии, которые иногда встречаются в нашей литературе. Полтора года ждал я, не промолвит ли хоть один журнал доброго словечка об „Анакреоне“, стихотворении г. Майкова, которое, если не ошибаюсь, можно без преувеличения поставить рядом с удачнейшими антологиями Пушкина... ждал, разумеется, преимущественно от „Отечественных записок”[1] — и не дождался![2] „Отечественные записки”, уделяющие в своей „Хронике”, в своем обзоре журналов сколько-нибудь места каждой печатной прозаической строчке, даже иногда по два раза (вторично в своих ежегодных обзорах литерату-

[1] Здесь мы должны оговориться, что нам весьма неприятно, что автор письма назвал именно «Отечественные записки» так как этот журнал в последние месяцы преимущественно заполнялся в критическом отделе своем выходками на наш журнал, но мы не нашли возможности выключить это место, так как на нем вертится весь смысл письма. *Прим<ечание> ред<акции «Современника»>.*

[2] К «Современнику» эти ожидания не могли относиться, потому что «Анакреон» напечатан в нем. *Прим<ечание> авт<ора> письма.*

ры), —эти „Отечественные записки" ничего не сказали о *лучшем* стихотворении, явившемся в русской литературе в течение нескольких последних лет! Почему это? Неужели этот журнал вместе с некоторыми мудрецами порешил уже раз навсегда, что поэзия вздор и что лучше *отдавать отчет любознательной публике* о прозаических произведениях гг. Зряховых и Николаевичей, чем о стихотворениях г. Майкова... неужели? Это было бы весьма прискорбно... Или, может быть, молчание произошло оттого, что стихотворение г. Майкова *ростом не вышло:* в нем всего, помнится, шестнадцать строк... Должно быть, так, если взять в соображение, что на разбор поэмы г-жи Хвощинской[1] употреблено теми же „Отечествеными записками" около печатного листа. Но хоть эта поэма и расхвалена „Отечественными записками", я смею утверждать положительно, что в одном стихе названной пьесы г. Майкова больше поэзии, чем во всей тысячестишной поэме г-жи Хвощинской. Как бы то ни было, я убежден в одном, что это молчание не случайность, ибо такой же участи подвергся и недавно напечатанный „Алкивиад" г. Майкова; тем же молчанием пройдены в этом журнале и несколько других более или менее *заметных (если не замечательных)* стихотворений, появившихся в последние годы. Обо всем говорилось в „Отечественных записках" — об этих стихотворениях ни слова, ни худого, ни доброго. Как поразмыслишь об этом, и не рад, а невольно приходишь к прискорбному заключению, что этот серьезный и важный журнал (который некоторые называли даже *мрачным*) признает для себя унизительным снизойти до поэзии... но пусть бы он подумал о том, что сам же он на своей обертке ежемесячно напоминает своим читателям, что он журнал учено-*литературный*... а ведь литература не исключает поэзии, в литературе поэзия едва ли не первое дело, и если в настоящее время поэтических произведений *мало* или они *малы,* то из этого еще не следует, что их не нужно замечать... пусть бы вспомнил, что и сам он иногда, хоть, правда, редко-редко, печатает стихи... или это только холодная и неохотная дань отживающей, по мнению журнала, потребности?.. Нет, смею уверить,

[1] Эта поэма — «Деревенский случай», напечатанная в каком-то сборнике (кажется, в «Пантеоне»), недавно вышла отдельной книгой, и читатели наши найдут отчет о ней в настоящей книжке «Современника». *Прим<ечание> ред<акции «Современника»>.*

что эта потребность не отживает своего века и никогда не отживет, и „Отечественные записки", устремляющие свой пытливый и мрачный взгляд на Зряхова с таким глубокомыслием и сосредоточенным вниманием, что не замечают в нашей литературе Майкова, едва ли не находятся в некотором заблуждении... По крайней мере я, на месте господ журналистов, именно в настоящее бедное поэзиею время поставил бы своим долгом обращать внимание читателей на каждое хорошее стихотворение, появляющееся где бы то ни было, — в журналах, в отдельных книгах, в сборниках, — с любовью останавливался бы даже на тех стихотворениях, которые, не будучи выдержаны в целом, обнаруживают в авторе не лишенное поэзии намерение или две-три черты удачного исполнения... и я бы предложил такому автору мои замечания, мой посильный совет... И если б этот совет и не принес ему пользы, то всё-таки был бы для него доказательством внимания, а внимание журнала, такого солидного, как „Отечественные записки", я полагаю, должно иметь на поэтов действие поощрительное? И я думаю, что такого обращения с поэзиею, какое я предлагаю, требует не только польза, но и самая справедливость. Ибо, преследуя всё, что есть в поэзии ложного и посредственного, не ставите ли вы этим самих себя в обязанность замечать и то, что в ней прекрасно и истинно? Без этого вы рискуете прослыть преследователями не плохих стихов, а поэзии... Я высказал свое мнение, господа, и прошу вас подумать о нем...»

Нетрудно догадаться, что первая половина приведенного письма направлена против «Современника», точно так же как вторая — против «Отечественных записок». О первой, к нам относящейся половине мы скажем после; что же касается до второй, то, прочитав ее, невольно хочется воскликнуть: «О провинциальное добродушие! О золотая наивность!» — или что-нибудь в этом роде. Удивленный и опечаленный тем, что «Отечественные записки» не обратили внимания на немногие поэтические произведения последних лет, автор приведенного письма, при всей очевидной доброте своей, почти положительно обвинил их в том, будто они изгнали поэзию из области искусства, — обвинение, страшное для журнала, на котором рядом с титлом ученого стоит титло литературного! А дело, в сущности, очень просто, и мы спешим пояснить его, чтоб снять с «Отечественных записок» это несправедливое обвинение. Почти все стихотворения, о которых го-

ворит автор письма, помещены в «Современнике». И в этом вся разгадка. Бранить... но совместно ли с достоинством такого солидного журнала бранить хорошее за то, что оно помещено в «Современнике»?.. Хвалить... но хвалить — тоже несовместно... не с достоинством, так с чем-нибудь другим. «Отечественные записки» во всем прошлом году рискнули похвалить в «Современнике» роман г. Григоровича «Рыбаки», да и то поспешили прибавить, что роман для журнала писан наскоро, а вот он скоро выйдет отдельно, *вероятно*, в исправленном виде, — так тогда-де его заодно и прочесть...[1] Явись эти стихотворения не в «Современнике» (а хоть в «Пантеоне», как «Деревенский случай»), — и о них, может быть, у «Отечественных записок» нашлось бы доброе слово; впрочем, не о всех: есть между ними такие, которые этот журнал всё-таки прошел бы молчанием, где бы они ни были напечатаны, да и то ему стоило бы некоторого благородного усилия. Вот и вся разгадка!..

Разъяснив это наивное недоумение, мы не должны сказать, что согласны с мнением автора письма касательно отношений современной нашей критики к современной поэзии (почему и дали этому письму место в нашем журнале); но никак не можем согласиться с сожалением его о том, что посредственные поэты выводятся. Кажется, нечего жалеть! Если они выводятся, значит, так тому и быть должно. В поэзии наша публика представляет нечто особенное; требовательность ее в этом отношении превосходит требовательность других, даже более образованных европейских публик. В то время как в Германии и во Франции, за неимением сильных поэтических талантов, посредственные поэты издают целые тома бледных и вялых стихов (а если издают, то, стало быть, и находят читателей), у нас издание книги посредственных стихов — дело убыточное и даже бросающее на автора какую-то нелестную тень... И с некоторых пор подобные книги вовсе вывелись (произведения гг. Овчинникова, Анаевского и др. сюда нейдут: это явления особенные, которые

[1] И вышел роман отдельно, но исправлений в нем *никаких* не сделано, потому что роман писан с тою обыкновенною у г. Григоровича отчетливостию, после которой исправления, может быть, и возможны, но уже не самому автору или по крайней мере не тотчас, как он написан.

всегда были и всегда будут). Этого не могла сделать одна критика. Критика преследует же дюжинные французские романы, но они всё-таки выходят. Причины этого лежат в самой публике, и мы положительно убеждены, что те же самые гг. Строминловы, Трилунные, Якубовичи, Соколовские и легион других, которые писали гладенько и наполняли альманахи двадцатых и тридцатых годов, явись они теперь, не были бы и настолько замечены, как были замечены в свое время, а в их время писал Пушкин. Но что отношение нашей журналистики к поэзии слишком односторонне и обнаруживается почти с одной отрицательной стороны, это и справедливо и прискорбно. Тем более что русская современная поэзия не до такой же степени жалка, в самом деле, как вошло в обычай утверждать в журналах и повторять в литературных разговорах, — мы это давно думали и если не высказали ранее наших мыслей по этому предмету, так по той же причине, по которой мы часто бываем лишены удовольствия говорить с публикой о лучших произведениях современных прозаиков. Причину эту понимают наши читатели... Конечно, сильного деятеля-поэта, равного Пушкину или даже Лермонтову, наша литература теперь не имеет; но такие явления, как Пушкин и Лермонтов, всегда были и будут в мире поэзии явлениями редкими, исключительными. При этом еще напомним читателям, что поэтические таланты вообще являются реже, чем прозаические: это условие не одной нашей литературы, не одного нашего времени. Взяв всё это в соображение и пристально вглядевшись в дело, окажется, что обвинять современную нашу поэзию в бедности и ничтожности есть чистая неблагодарность со стороны критики, а может быть, отчасти и публики (заимствовавшей от критики несколько враждебный взгляд на свою поэзию). Наша поэзия дает нам немного; но то, что она дает нам, действительно стоит названия поэзия (балласта мы не хотим сами, как уже было замечено выше). Не говоря уже о г. Майкове, которого первостепенный поэтический талант, к счастью, пользуется известностью, у нас есть г. Фет, поэт с дарованием в высшей степени самобытным и симпатичным. Что-то сильное и свежее, *чисто поэтическое*, без всяких посторонних примесей, ярко пробивается во всем, что создает этот талант. Четыре стихотворения г. Фета, напечатанные в этой книжке «Современника», лучше всего могут сказать читателям, почему мы многого

ждем от этого поэта.[1] И таким талантом, как у г. Полонского, нельзя пренебрегать, потому что этот талант, несмотря на малую его производительность и частую невыдержанность в целом, всё-таки дарит нас иногда прекрасными стихотворениями, полными истины, простоты, грации, — словом, поэзии. Читателям «Современника» известно прекрасное дарование г. А. Жемчужникова, автора «Странной ночи» и «Сумасшедшего». Наконец, хотя г. Щербина и далеко не оправдал надежд, которые возбудил при своем появлении, в нем всё-таки нельзя отрицать некоторого поэтического таланта, и к тому, что он дал нам, и теперь еще прибавляет он иногда произведения, не лишенные достоинств. Назовем еще двух литераторов, посвящающих свои дарования поэзии: это г. Мин, переводчик Дантова «Ада», и г. Л*, переводчик двух стихотворений Байрона (одно помещено в «Современнике» 1853 г., № I, другое — в этой книжке «Современника») и автор превосходного стихотворения «Данте в Венеции» («Современник» 1853 г., № III). Мы назвали *семь* имен, из которых с каждым соединяется идея о большем или меньшем поэтическом даровании. Неужели это ничего не значит, когда дело идет о поэзии?

Остается сожаление, что поэты наши мало производят, но это обстоятельство, действительно прискорбное, может быть точно так же случайным, как и неслучайным, и — кто знает? — после долгого молчания поэты наши, быть может, вдруг блистательно выкупят свое бездействие.[2] Этого мы от души желаем на пользу и удовольствие читателей, на славу русской литературы!

Мы очень рады, что приведенное выше письмо дало нам случай сказать несколько слов о нашей современной поэзии, о нашем на нее воззрении. Не знаем, как смотрит публика на пренебрежение к поэзии, замеченное в наших журналах автором этого письма... Но если это пренебре-

---

[1] При этом мы не можем отказать себе в удовольствии довести до сведения наших читателей, что с наступившего года г. Фет будет *постоянным сотрудником* нашего журнала.

[2] По крайней мере нам известно, что г. Майков написал в последнее время очень много (и превосходных) стихотворений и пишет комедию. Г. Фет также вручил нам запас стихотворений, которые все не уступают помещенным в этой книжке. Кроме того, г. Фет совершил труд, который, по нашему мнению, должен дать его имени прочную и завидную известность в русской литературе: он перевел «Оды» Горация (см. «Литературные новости» в этой книжке «Современника»).

жение действительно существует и если оно хоть сколько-нибудь перешло в публику, хуже этого ничего не могло случиться И если мы сами (относясь, по выражению автора письма, к поэзии исключительно с отрицательной стороны) сколько-нибудь содействовали такому влиянию, то спешим оговориться: мы были дурно поняты, мы преследовали ложь в поэзии, но никогда самую поэзию. Поэзия — лучшее украшение всякой литературы, поэзия — венец возможного человеку творчества, поэзия — источник самых высоких, прекрасных и чистых наслаждений, какие когда-либо испытывал и будет испытывать человек. Мы всегда давали и готовы давать ей первое место в нашем журнале, как ей принадлежат наши самые горячие и искренние литературные симпатии...

Однако ж мы совсем забыли о книге, которой заглавие выписали в начале нашей статейки; но мы сочли самым удобным сказать несколько слов о поэзии вообще по поводу книги, в которой встречаются имена всех или почти всех старых и новых русских поэтов (за исключением, впрочем, Ф. Тютчева и А. Фета, которых составитель, видно, не счел достойными украшать его сборник). Оставляя в стороне явно спекулятивную цель «Дамского альбома», заметим, что подобный сборник мог бы прекрасно разойтись и принести большое удовольствие любителям поэзии, если б был составлен с бо́льшим умением и лучшим выбором. При составлении подобного сборника дело не в том, чтоб надергать как можно более отрывков у Пушкина и Лермонтова, которых сочинения у каждого читателя есть, но в том, чтоб выбрать хорошее у поэтов второстепенных и третьестепенных, которых невозможно да и не стоит иметь в библиотеке; часто даже поэтам совершенно плохим и давно забытым удалось обмолвиться прекрасным стихотворением... и вот из таких-то пьес, с примесью, конечно, и образцовых произведений русской поэзии, сборник мог бы иметь и смысл и значение... До какой степени он мог бы быть интересен, мы отчасти уверились даже на «Дамском альбоме», встретив в нем два-три стихотворения поэтов забытых или вовсе никогда не бывших известными; вот одно из таких стихотворений, принадлежащее какому-то г. Н. Н.:

Розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду, как взор пленяли мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой.

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей:
Как хорошо, как мило сплетались
С душистою волной каштановых кудрей.

И заодно они цвели с девицей.
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вилась и радость и любовь.

В ее очах — веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший венок.

Несмотря на устарелость некоторых слов и преувеличенный драматизм окончания, это стихотворение до сей поры прекрасно. Его тихий и сердечно-грустный тон невольно трогает, как прекрасная и печальная музыка.

Наткнулись мы в «Дамском альбоме» на два стихотворения г. Бенедиктова. Удивительный поэт г. Бенедиктов! Непостижимое сочетание дарования (не подверженного ни малейшему сомнению) с невероятным отсутствием вкуса... Как вы думаете, читатель: что такое любовь? Любовь — это *«Кровавый разговор Слепой мечты с огнемятежной кровью»*, — таково определение поэта. Нужно ли ему сказать, что любимая им красавица читала его стихи, он не скажет этого просто: он скажет, что она

Трепетала над тетрадью
Гармонических затей...

Вы смеетесь, — и нельзя не смеяться, — и чем более будет проходить времени, тем более будут стихи г. Бенедиктова смешить читателей (а еще не более десяти лет тому назад, вспомните, нужно было доказывать, что они смешны); но к этому смеху невольно примешивается грустное чувство: у г. Бенедиктова есть талант, несомненный и прекрасный; искры его блестят даже в этом стихотворении, из которого мы взяли определение любви...

Холодное признание

Нет, милая, не тем мой полон взор;
Он не горит безумною любовью, —
И что любовь? — Кровавый разговор
Слепой мечты с огнемятежной кровью.
Я пережил дней юношеских жар,
Я выплатил мучительные дани.
Ты видела мой бешеный разгар
Перед тобой, звезда моих желаний!
Ты видела... теперь иной судьбе
Я кланяюсь, иною жизнью молод, —
И пред тобой я чувствую в себе
Один святой, благоговейный холод.
Снег на сердце, но то не снег долин,
Почиющий под саваном тумана, —
Нет, это снег заоблачных вершин,
Льдяной венец потухшего волкана,
И весь тебе, как солнцу, он открыт,
Земля в тени, а он тебя встречает —
И весь огнем лучей твоих блестит,
Но от огня лучей твоих не тает.

И не прискорбно ли, что этот прекрасный талант пошел по ложному пути?..

Большое удовольствие доставило нам встреченное в альбоме стихотворение г. Баратынского «Послание», которое как-то прежде ускользало от нашего внимания при чтении Баратынского:

Послание

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальной.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной:
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею, —
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам, —
И назову ее моею.
И весть к тебе придет; но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим:
Мы не сердца под брачными венцами, —
Мы жребии свои соединим.

Прощай. Мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И в молодые наши леты
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Это одно из лучших стихотворений Баратынского...

Таким образом, перебирая «Дамский альбом» от первой страницы его, вопрошающей:

Зрел ли ты, певец Тиисский,
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки Российски
Под свирелью пастушка? —

до последней, на которой напечатано следующее стихотворение:

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок, —

Когда забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня, —

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Мне луч божественный участья
Весь темный путь твой осветил.
Я понял всё, дитя несчастья,
Я всё простил и позабыл!

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе пустой и лживой,
Забудь сомнения свои!
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змею в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди! —

мы провели два часа в более или менее приятных воспоминаниях и размышлениях о русских поэтах и русской поэзии, что может повториться со всяким читателем, которому попадется в руки «Дамский альбом».

1855

Антон Иваныч Пошехнин. ***Четыре части.*** *Издание* **Алексея Ушакова.** ***Москва, 1855.***

Череп Святослава, *дума.* ***Вильно, 1855.***

Святки. *Соч.* Василия Маркова. ***Вильно, 1855.***

Все эти три книги написаны стихами. Две из них довольно тощи, но третья — «Антон Иваныч Пошехнин» — состоит из двух объемистых томов: в каждом томе с лишком по двести страниц стихов! Вот до какого времени мы дожили! Сам издатель «Пошехнина», г. Ушаков, по-видимому, был поражен этим и по выходе книги напечатал в одной из московских газет следующее: «Судить о достоинстве самого сочинения издатель просит благосклонного читателя и беспристрастную критику, смело уверяя, что *со времени Пушкина и Лермонтова у нас не было издано ничего подобного, принимая последнее слово в смысле размера возможного теперь эпоса»* («Ведомости московской городской полиции», № 65, 1855 г.). Да, в *«смысле размера»* вряд ли даже г. Ушаков не излишне скромен! Все стихотворные произведения Лермонтова не составят таких двух томов, и весь «Онегин» — самое обширное стихотворное произведение Пушкина — уместится в один такой том! Имеет ли что-нибудь похожее на *«эпос»* книга эта в другом каком-нибудь смысле, скажем ниже. Теперь мы заговорили о стихотворном нашем богатстве в последнее время. Это богатство изумительно! Может быть, читатели «Современника» помнят напечатанный в нашем журнале полтора года тому назад «Плач» одного из старых, замолчавших поэтов, который сетовал на бездействие русской музы (см. «Современник» 1854 года, № I, «Новые книги»). Теперь, через полтора года, этот «Плач» был бы ужасным анахронизмом, и мы рады случаю утешить по-

чтенного старожила следующим посланием, которого справедливость, конечно, признает каждый читатель:

Послание
к поэту-старожилу

В крылах отяжелевший грач,
Когда-то на Парнас летавший!
Давно ли нам прислал ты «Плач»
О русской музе — задремавшей?

И что же? не прошло двух лет,
Как всё вверх дном перевернулось!
И поднял голову поэт,
И вновь поэзия проснулась!

Нам Музу новую свою
Представил автор «Арлекина»,
И тот, кто равен соловью,
Природу нам воспел, — Щербина!

Никитин, мещанин-поэт,
Различных пробует Пегасов,
Как птица распевает Фет,
Стихи печатает Некрасов,

Ленивый даже Огарев —
И тот пустил в печать отрывок,
Стахович нам поет коров
И вкус густых и свежих сливок.

Поэтов новых всех родов
Фаланга целая готова,
И даже старых голосов
Два-три услышали мы снова.

Что ж? в добрый час! смелее, марш!..
Проснулись Солоницын, Греков
И, может быть, проснется Шарш
И отзовется Печенегов!..

Всё это очень хорошо. Стихотворному движению последнего года обязаны мы некоторыми прекрасными явлениями, которые при прежнем охлаждении к поэзии, может быть, пролежали бы в портфелях своих авторов; но пишущий эти строки осмеливается напомнить, что крайность во всяком деле вещь опасная. Не хорошо было безотчетное гонение на стихи, но и безотчетное покровительство им едва ли может привести к чему-нибудь хорошему. Конечно, хорошее стихотворение, напечатанное рядом с дурным, выигрывает по крайней мере вдвое; но за-

чем печатать дурное стихотворение? Если цель журналов состоит в том, чтоб распространять в большинстве настоящие понятия об искусстве и очищать вкус (а в чем же она у нас и может еще состоять?..), то с этой точки зрения всякое плохое стихотворение, появляющееся в журнале, которого мнение имеет кредит, противоречит его цели. Давая место в вашем журнале слабому стихотворению и таким образом поддерживая его кредитом вашего мнения, вы вводите в недоумение и можете сбить с толку тех из ваших читателей, у которых вкус недостаточно развит, кто не доверяет собственному суду или вовсе лишен самостоятельного взгляда. Иное дело проза: там многое извиняет необходимость; но какая необходимость печатать плохое стихотворение в несколько строк, не наполняющее и страницы? Да, я решительно такого мнения, что журнал должен печатать только хорошие стихотворения; исключение допускается в одном случае: если стихотворение принадлежит автору, которого имя известно; в таком случае это имя само отвечает за достоинство стихотворения, а журнал не лишен права впоследствии высказывать о нем свое мнение. Всё это очень старые вещи, но отчего и не повторить их, если их позабывает наша журналистика? Наблюдайте, как в эти полтора года журналы наши постепенно уступали влиянию моды, переходя от хороших стихов к посредственным, от посредственных — к едва сносным и, наконец, к плохим, — и вы, может быть, согласитесь, что это старое замечание именно теперь кстати. Смешно видеть, что уже теперь ни одна книжка ни одного журнала не появляется без стихов. Не такая ли же это крайность, как и та, в которой находились наши журналы полтора года назад, когда во всех четырехстах листах годового издания журнала нельзя было отыскать двух рифмованных строк и журнал поставлял в этом свою гордость?..

Иное дело отдельные книги стихов — за них никто не отвечает перед публикой, кроме авторов, а эти авторы, ободренные возникшей модой на стихи, может быть, столько же, как и уверенностию в своих дарованиях, сделались опять довольно смелы, и мы чаще и чаще видим появление отдельных книжек стихотворений с неизвестными, начинающими именами. С грустию должно признаться, что русская поэзия до сей поры от этого ничего еще не выиграла, ибо ни в одном из этих начинающих не обнаружилось и тени дарования. Итак, видно, после по-

луторагодового опыта придется возвратиться к печальному, но верному заключению: как гонение на стихи не может убить поэзии, точно так же никакая благосклонность к стихам не создаст даровитых поэтов!

После этих общих замечаний можем перейти к трем стихотворным произведениям, которыми подарила нас Москва. Мы будем очень кратки, потому что говорить о них серьезно не стоит, а шутить над плохими стихами теперь уже стало так же старо, как рассказывать анекдот о двух купцах, которые ехали в одном и том же вагоне, — один в Москву, а другой в Петербург, что, впрочем, до сей поры непременно услышите в каждый проезд по железной дороге.

«Эпос», изданный г. Ушаковым, состоит из таких стихов:

Мною избранный герой
Имел и цели, и надежды,
Без себялюбия невежды,
Решимость, твердость, стойкость, ум
И много чистых, светлых дум,
К тому ж сноровку жить на свете,
Что, право, очень мудрено
И без чего, хотя имейте
Богатство Креза, всё равно
Не в помощь будет и оно,
Как и именье родовое.
Копейка — дело наживное,
Копейка бережет рубли...
И он сберег — и впрок пошли.
Во-первых, приобрел он знанье,
Необходимое для всех,
Потом карьер для пропитанья,
Потом по службе свой успех;
То есть он с толком и с познаньем
Добился *до всего*, потом
Вдобавок к этому трудом,
Уменьем, скромностью, стараньем
Немного далее шагнул
И в службе классного ученья
Потусклый светоч не задул,
Затеплил искрой просвещенья,
Пытаяся в ученый свет;
Но не для славы, *для карьера*
и проч.

И таких стихов с лишком *четырести* страниц. О жаркие и благородные покровители поэзии! Таких ли результатов ждали вы?

Виленский поэт г. Василий Марков воспевает «Святки»; но, впрочем, так кажется только при первом взгляде

на его брошюру; прочитав же ее, увидишь гораздо более тонкую, так сказать философическую, цель автора; небольшая выписка покажет читателю, в чем дело:

Как красно солнышко весь мир живит и греет.
Так всё под деньгами растет, цветет и зреет,
И кто не хочет гнуть подчас своей спины,
Тот прозевает всё — и место, и чины.
Старухи что творят! так мой язык немеет —
Иная в один день не раз помолодеет!
В уборной у нее вся фабрика чудес —
Бух! двадцать лет с костей — не углядят с небес!
Морщины сгладятся, и обведется бровка,
Румянец загорит — ну хоть куда красотка!
Вот так-то век живи да век же и учись:
Все люди с масками, куда ни обернись!
Ты говоришь, мой свет: не рядятся чертями;
Взгляни-ка на мужей... большая часть с рогами.
На белом свете кто по-светски хочет жить,
Так нужно где льстецом, а где нахалом быть.
Ну, словом, без души совсем должно родиться
И знать, когда и где и как *принарядиться*!..

Теперь читатель сам видит, «*куда метнул*» автор, и, конечно, отнесет его к людям тонким. Должно заметить вообще, что в брошюре г. Маркова найдут для себя кое-что люди, любящие пофилософствовать на тему: «Деньга, батюшка, всему голова» (а таких много). И то уже хорошо, если вспомним, что в 400 страницах «Пошехнина» никакие люди ничего для себя не найдут!

Прочитав первую пьесу, «Святки», читатель сюрпризом находит еще в брошюре басню «Прошлогодние календари». Басня эта недурна.

Одинаковая со «Святками» по формату, по бумаге и по обертке и также изданная в Вильне брошюра «Череп Святослава» написана вот в каком роде:

Я зрел его (Святослава) — он дик и мрачен,
И зноем солнца опален,
И дымом брани окурен,
Был строг — не знал пиров, ни брашен;
Он спал на поле боевом,
И княжеским пуховиком
Был войлок. зелень луговая...

Будет! скучно выписывать. В конце этой брошюры уже нет никакой басни, но опять есть-таки сюрприз: подпись «*В. Н. Марков*» — та же, что и на заглавном листке

«Святок». Итак, автор «Святок» и «Черепа» — одно и то же лицо. Вот самое важное открытие, которое мы сделали, перелистовав эти брошюры.

Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах, С. Аксакова, *с прибавлением статьи о соловьях* И. С. Тургенева. *Москва, 1855.*

Превосходная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию и в короткое время достигла второго издания — честь, которой в последние годы весьма редко достигали русские книги. Этот успех именно и побудил автора, как он сам говорит, «написать и напечатать все, что он знает о других охотах, которыми некогда горячо занимался». И за это, конечно, поблагодарят его читатели. «Рассказы и воспоминания» — прекрасная книга, исполненная дельных охотничьих заметок и наблюдений, живописных картин природы, интересных анекдотов и поэзии, а статья г. Тургенева «О соловьях» есть новый образец той художественной передачи простонародных рассказов, которая так пленительна в «Записках охотника». Мы прежде всего познакомим читателей с этой статьей, которую по краткости ее можем выписать целиком:

О соловьях

«Посылаю вам, л<юбезный> и п<очтеннейший> С<ергей> Т<имофеевич>, как любителю и знатоку всякого рода охот, следующий рассказ о соловьях, об их пенье, содержанье, способе ловить их и пр., списанный мною со слов одного старого и опытного охотника из дворовых людей. Я постарался сохранить все его выражения и самый склад речи.

Лучшими соловьями всегда считались курские; но в последнее время они похужели; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границе; там, в пятнадцати верстах за Бердичевом, есть лес, прозываемый Треяцким; отличные там водятся соловьи. Время их ловить в начале мая. Держатся они больше в черемушнике и мелком лесе и в болотах, где лес растет; болотные соловьи — самые дорогие. Прилетают они дня за три до Егорьева дня; но сначала поют тихо, а к маю в силу войдут, распоются. Выслушивать их надо по зарям и ночью, но лучше по зарям: иногда приходится всю ночь в болоте просидеть. Я с товарищем раз чуть не замерз в болоте: ночью сделался мороз — и к утру в блин льду на воде намерзло, а на мне был кафтанишко летний, плохонький; только тем и спасся, что между

двух кочек свернулся, кафтан снял, голову закутал и дыхал себе на пузо под кафтаном; целый день потом зубами стучал. Ловить соловья дело немудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, где он держится, а там точёк на земле расчистить поладнее возле куста, расставить тайник и самку пришпорить, за обе ножки привязать — а самому спрятаться да присвистывать дудочкой — такая дудочка делается вроде пищика. А тайничок небольшой из сетки делается — с двумя дужками; одну дужку крепко к земле приспособить надо, а другую только приткнуть — и бечевку к ней привязать: соловей сверху как слетит к самке — тут и дернуть за бечевку — тайничок и закинется. Иной соловей очень жаден, так сейчас сверху пулей и бросится, как только завидит самку, — а другой осторожен: сперва пониже спустится да разглядывает — его ли самка. Осторожных лучше сетью ловить. Сеть плетется сажен в пять; осыпешь ею куст или сухой дром — а осыпать надо слабо: как только спустится соловей — встанешь и погонишь его в сеть — он всё низом летит — ну и повиснет в петельках. Сетью ловить можно и без самки, одною дудочкой. Как поймаешь соловья, тотчас свяжи ему кончики крылышек, чтобы не бился, и сажай его скорее в куролеску — такой ящик делается низенький, сверху и снизу холстом обтянут. Кормить пойманных соловьев надо муравьиными яйцами — понемножку и почаще; они скоро привыкают и принимаются клевать. Не мешает живых муравьев в куролеску напустить: иной болотный соловей не знает муравьиных яиц — не видал никогда — ну, а как муравьи станут таскать яйца — в задор войдет, станет их хватать.

Соловьи у нас здесь[1] дрянные: поют дурно, понять ничего нельзя, — все колена мешают, трещат, спешат; а то вот еще у них самая гадкая есть штука: сделает эдак туў и вдруг: ви! — эдак визгнет, словно в воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станет. Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колена, а колена вот какие бывают:

Первое: *Пулькание* — эдак: пуль, пуль, пуль, пуль...

Второе: *Клыкание* — клы, клы, клы, как желна.

Третье: *Дробь* — выходит примерно как по земле разом дробь просыпать.

Четвертое: *Раскат* — тррррр...

Пятое: *Пленканье* — почти понять можно: плень, плень, плень...

Шестое: *Лешева дудка* — эдак протяжно: го-го-го-го-го, а там коротко: ту!

Седьмое: *Кукушкин перелет*. Самое редкое колено: я только два раза в жизни его слыхивал — и оба раза в Тимском уезде. Кукушка, когда полетит, таким манером кричит. Сильный такой звонкий свист.

Восьмое: *Гусачок*. Га-га-га-га... У малоархангельских соловьев хорошо это колено выходит.

Девятое: *Юлиная стукотня*. Как юла, — есть птица, на жаворонка похожая, — или как вот органчики бывают, — эдакой круглый свист: фюиюиюиюию...

Десятое: *Почин* — эдак: тии-вить, нежно, малиновкой. Это по-настоящему не колено — а соловьи обыкновенно так начинают.

---

[1] Во Мценском, Чернском и Белевском уездах. <***Примечание автора статьи «О соловьях»***>.

У хорошего. нотного соловья оно еще вот как бывает: начнет — тий-вить, а там: тук! Это отто́лчкой называется. Потом опять — тий-вить... тук-тук! Два раза оттолчка — и в пол-удара, эдак лучше; в третий раз тий-вить — да как рассыплет, сукин сын, вдруг дробью или раскатом — едва на ногах устоишь — обожжет! Эдакой соловей называется с ударом или с оттолчкой. У хорошего соловья каждое колено длинно выходит, отчетливо, сильно: чем отчетливей, тем длинней. Дурной спешит: сделав колено, отрубил, скорее другое и — смешался. Дурак дураком и остался. А хороший — нет! Рассудительно поет, правильно. Примется какое-нибудь колено чесать — не сойдет с него до истомы, проберет хоть кого. Иной даже с оборотом — так длинен; пустит, например, колено, дробь, что ли, — сперва будто книзу, а потом опять в гору, словно кругом себя окружит, как каретное колесо перекатит — надо так сказать. Одного я такого слыхал у мценского купца Ш...ва — вот был соловей! В Петербурге за 1200 рублей ассигнацией продан.

По охотницким замечаньям, хорошего соловья от дурного с виду отличить трудно. Многие даже самку от самца не узнают. Иная самка еще казистее самца. Молодого от старого отличить можно. У молодого, когда растопыришь ему крылья, есть на перушках пятнышки, и весь он темный, а старый — серее. Выбирать надо соловья, у которого глаза большие, нос толстый и чтобы был плечист и высок на ногах. Тот-то соловей, что за 1200 рублей пошел, был росту среднего. Его Ш...в под Курском у мальчика купил за двугривенный.

Соловей, коли в береже, до пяти зим перезимовать может. Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравьиными яйцами; только яйца надо брать не из красного леса, а из чернолесья, а то от смолы запор сделается. Вешать надо соловьев не над окнами, а в середине комнаты под потолком, и в клетке чтоб было нёбко мягкое, суконное или полотняное.

Болезнь на них бывает: вдруг примутся чихать. Скверная это болезнь. Какой и переживет — на другую зиму наверное околеет. Пробовал я табаком нюхательным по корму посыпать — хорошо выходило.

Петь начинают они с рождества — и ближе, сперва потихоньку; с великого поста, с марта месяца, настоящим голосом, а к Петрову дню перестают. Начинают они обыкновенно с пленкания... так жалобно, нежно: плень... плень... Не громко — а по всей комнате слышно. Так звенит приятно, как стеклышки, — душу всю поворачивает. Как долго не слышу — всякой раз тронет — по животику так и пробежит, волосики на голове трогаются. Сейчас слезы — и вот они. Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодых соловьев хорошо доставать в Петровки. Надо подметить, куда старые корм носят. Иной раз три-четыре часа — полдня просижу — а уж замечу место. Гнезда они вьют на земле — из сухой травы и листочков. Штук пять в гнезде бывает, а иногда и меньше. Молодых возьмешь да посадишь в западню — сейчас и старые попадутся. Старых надо поймать, чтобы молодых кормили. Посадишь всю семейку в куролеску да муравьиных яиц насыплешь и живых муравьев напустишь. Старые сейчас примутся молодых кормить. Клетку потом завесить надо, а как молодые станут клевать сами, старых принять. Молодые, которых в Петровки из гнезда вынешь, живучее и петь скорее принимаются.

Брать надо молодых от длинного голосистого соловья. В клетке они не выводятся. На воле соловей перестает петь, как только детей вывел, а о Петровки он линяет. Сделает на лету коленце — и кончено. Всё только свистит. А поет он всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнет, курлычет.

Молодых соловьев хорошо к старым подмешивать, чтобы учились. Повесить их надо рядом. И тут надо примечать: если молодой, пока старый поет, молчит и сидит, не шелохнется, слушает — из того выйдет прок — в две недели, пожалуй, готов будет; а какой не молчит, сам туда же вслед за стариком бурлит — тот разве на будущий год запоет, как быть следует, да и то сомнительно. Иные охотники секретно в шляпах приносят молодых соловьев в трактир, где есть хороший соловей; сами пьют чай или пиво, а молодые тем временем учатся. Оттого лучше завешивать молодых, когда их к старому приносят.

Первые охотники до соловьев — купцы: тысячи рублей не жалеют. Мне белевские купцы давали двести рублей и товарища — и лошадь была ихняя. Посылали меня к Бердичеву. Я должен был две пары представить отличных соловьев, а остальные — хоть пятьдесят пар — в мою пользу.

Был у меня товарищ, охотник смертный до соловьев, — часто мы с ним ездили. Подслеповат он был — много ему это мешало. Раз, под Лебедянью, выслушал он удивительного соловья. Приходит ко мне, рассказывает — так от жадности весь трясется. Стал его ловить, — а сидел он на высокой осинке. Вот, однако, спустился — погнал его товарищ в сеть; ткнулся соловей в сеть — и повис. Стал его товарищ брать, — знать, руки у него дрожали — соловей вдруг как шмыгнет у него между ног, свистнул, запел и улетел. Товарищ так и завопил. Он потом божился, уверял меня, что он явственно чувствовал, как кто-то соловья у него из рук силой выдернул. Что ж! Всяко бывает. Принялся он опять манить его — нет! не тут-то было! Оробел, знать: смолк. Целых десять дней товарищ потом за ним всё ходил. Что же вы думаете! Соловей хоть бы чукнул — так и пропал. А товарищ чуть не рехнулся, насилу его домой притащил. Возьмет, шапку оземь грянет да как начнет себя кулаком по́ лбу бить... А то вдруг остановится и закричит: „Раскапывайте землю — в землю уйти хочу, — туда мне дорога, слепому, неумелому, безрукому...” Вот как оно бывает чувствительно.

Случается, что друг у друга норовят <хороших> соловьев отбить, пораньше зайти на место. На всё нужно уменье — да и без счастья тоже нельзя. Случается также, что отводят, колдовством то есть; а против этого — молитва. Раз я таки страху набрался. Сижу я ночью под лесом, выслушиваю соловьев — а ночь такая темная-претемная... И вдруг мне показалось, что будто уж это не по-соловьиному что-то гремит, словно прямо на меня идет... Жутко мне стало, так что и сказать нельзя... вскочил да и давай бог ноги. Мужики — те не мешают; тем всё равно; еще смеются, пожалуй. Мужик груб; ему что соловей, что зяблик — всё едино. Не их разума дело. Их дело — пахать да на печи лежать с бабой. А я вам теперь всё рассказал.

С. Спасское
6-го ноября 1854 года. *Ив. Тургенев.»*

Теперь мы сделаем несколько небольших выписок из сочинения г. Аксакова. Нам очень понравились следующие соображения автора о том, что охотники первые положили начало фантастическому миру, существующему у всех народов:

«Первый слух о лешем пустил в народ, вероятно, лесной охотник; водяных девок, или чертовок,[1] заметил рыбак; волков-оборотней открыл зверолов. Я уже говорил в моих „Записках ружейного охотника", что в больших лесах, пересекаемых глубокими оврагами, в тишине вечерних сумерек и утреннего рассвета, в безмолвии глубокой ночи — крик зверя и птицы и даже голос человека изменяются и звучат другими, какими-то странными, неслыханными звуками; что ночью слышен не только тихий ход лисы или прыжки зайца, но даже шелест самых маленьких зверков. Весьма естественно, что какой-нибудь охотник, застигнутый ночью в лесу, охваченный чувством непреодолимого страха, который невольно внушает темнота и тишина ночи, услыхав дикие звуки, искаженно повторяемые эхом лесных оврагов, принял их за голос сверхъестественного существа, а шелест приближающихся прыжков зайца — за приближение этого существа. Крик филина и маленьких сов особенной породы, который он слыхал, может быть, и прежде, но который не походил на слышимые им теперь звуки в лесу, — не мог ли показаться ему и хохотом, и стоном, и воем, и чем угодно? Если же он, дрожа и потея от страха, но подавляемый усталостью, как-нибудь засыпал или хотя задремывал, то, без сомнения, грезил во сне тем же, чем был полон и волнуем наяву; дремота даже могла придать более определенности образу неизвестного существа. С первыми лучами солнца, отыскав дорогу и возвращаясь домой, он чувствовал себя как будто изломанным, исщипанным, и, увидя свое тело, покрытое пятнами, он легко мог приписать их щипанью или щекотанью того же сверхъестественного существа. Бедняка искусали крупные лесные муравьи или другие насекомые; но такое простое объяснение не приходит ему в голову. А как событие происходило в лесу, то и дает он имя лешего его таинственному обитателю. Дома рассказывает он свою чудную повесть, показывает красные и синие пятна на своем теле; воображение рассказчика и слушателей воспламеняется, дополняет картину — и леший или лесовик получает свое фантастическое существование! Постепенно укрепляясь в народном ведении и веровании, принимает он определенный образ и черты, иногда очень подробные и разнообразные.

Вода, преимущественно большая, в поздние сумерки и ранний рассвет, особенно в ночное время, производит на человека такое же действие невольного страха, как и дремучий лес. Внезапное движение и плеск воды, тогда как производящей его рыбы или зверя, за темнотою, хорошенько разглядеть нельзя, могло напугать какого-нибудь рыбака, сидящего с удочной на берегу или с сетью на лодке. Шум и движение в камыше или осоке, производимые уткой с утятами, даже прыгающими лягушками, —

[1] В Оренбургской, а равно Казанской и Симбирской губерниях народ не знает слово «русалка». <*Примечание автора книги*>.

могли показаться устрашенному воображению чем-то похожим на движение существа несравненно большего объема. Выпрыгнувшая из воды на берег или спрыгнувшая с берега в воду поречина, мелькнувшая неясным, темным призраком, могла отразиться в его воображении чем-то похожим на образ человеческий. «У страха глаза велики», — говорит пословица, и почему же круглому, тупому рылу сома, высунувшемуся на поверхность воды и быстро опять погрузившемуся, — не показаться за человеческую голову, которая всплывала на одно мгновенье? Почему остроконечный нос и голова щуки или жереха не могли показаться локтем руки или каким-нибудь человеческим членом? Точно так же как рассказывал лесной охотник о своих ночных страхах и видениях в лесу, рассказывает и рыбак в своей семье о том, что видел на воде; он встречает такую же веру в свои рассказы, и такое же воспламененное воображение создает таинственных обитателей вод, называет их русалками, водяными девками или чертовками, дополняет и украшает их образы и отводит им законное место в мире народной фантазии; но как жители вод, то есть рыбы, немы, то и водяные красавицы не имеют голоса».

Бог знает, много ли в этих предположениях правды, но сколько в них поэзии!

Вот маленькая охотничья повесть:

Счастливый случай

«Часто случается в охоте, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборот: получаешь драгоценную добычу там, где об ней и не помышляешь. Много раз езжал я с другими охотниками на охоту за волками с живым поросенком, много раз караулил волков на привадах, много раз подстерегал тех же волков из-под гончих, стоя на самом лучшем лазу из острова, в котором находилась целая волчья выводка, — и ни одного волка в глаза не видал! Но вот что случилось со мной в молодости: это было в 1811 году, 21 сентября. Поехал я рано утром стрелять тетеревов и вальдшнепов. День был пасмурный, и по временам моросил мелкий дождь. Я убил трех вальдшнепов и пять тетеревов, которые еще не состаились, мало садились и недолго сидели на деревьях, да к тому же и ветер сгонял их. Проездив часов до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотел выстрелить во что-нибудь, чтоб разрядить ружье, заряженное средней утиной дробью, то есть четвертым нумером. Несколько раз подъезжал я к беркуту (степной орел), необыкновенно смирному, который перелетал с сурчины на сурчину; два раза подъезжал я в меру, но ружье осекалось (оно было с кремнем); наконец у самой деревенской околицы вздумал я завернуть на одно маленькое родниковое озерцо, в котором мочили коноплю и на котором всегда держались утки. Только что я своротил с дороги и стал спускаться к уреме, как вдруг кучер мой как-то оглянувшись назад, закричал: „Волки!, волки!" — и осадил лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на нас за двумя молодыми собаками, которые были со мною на охоте. Я сидел верхом на дрожках, но проворно перекинулся назад, лицом к запяткам: снял ружье, висевшее у меня за спиной, и развязал платок, которым был обернут замок, потому что шел мел-

кий дождичек. В самую эту минуту передний волк, гнавшийся по пятам за собакой, наскакав на самые дрожки, отпрыгнул и шагах в двадцати остановился, почти боком ко мне. Я мгновенно прицелился и выстрелил: волк взвизгнул, подпрыгнул от земли на аршин и побежал прочь, другой пустился за ним, собаки спрятались под дрожки; лошади почуяли волков и подхватили было нас; но кучер скоро их удержал. Волки исчезли в небольшом, но крутоберегом вражке, называющемся и теперь „Антошкин враг". Остановив лошадей, я зарядил поскорее своего испанца (так называлось мое любимое ружье) картечью, заряд которой как-то нашелся у меня в патронташе, и поскакал вслед за волками. Шагах в пятидесяти, в глубине вражка, один волк лежал, по-видимому, мертвый, а другой сидел подле него; увидев нас, он побежал прочь и, отбежав сажень сто, сел на высокую сурчину. Я, удостоверившись, что стреленный волк точно издох, лег подле него во вражке, а кучеру велел уехать из виду вон, в противоположную сторону; я надеялся, что другой волк подойдет к убитому, но напрасно: он выл как собака, перебегал с места на место, но ко мне не приближался. Я вышел из моей засады, кликнул кучера и попробовал подъехать к волку; но он, не убегая прочь, держался в дальнем расстоянии. Делать было нечего, я остановился, положил ружье на одно из задних колес и выстрелил; мера была шагов за полтораста. Вероятно, картечь слегка задела волка, потому что он сделал прыжок и скрылся. Я воротился к убитому волку. Всё это время я был в каком-то забытьи, тут только опомнился и пришел в такой восторг, какого описать не умею и к какому может быть способен только двадцатилетний горячий охотник. Убить волка, поехав стрелять вальдшнепов и тетеревов, возвращаясь домой, у самой околицы, без всяких трудов, утиной дробью, из ружья, которое перед тем осеклось два раза сряду... только охотники могут понять все эти обстоятельства и оценить мою тогдашнюю радость! И какой волк! Самый матерый, даже старый! Трудно было взвалить убитого зверя на дрожки, потому что лошади не стояли на месте, храпели и шарахались, слыша волчий дух; но наконец кое-как <я> перевалил волка поперек дрожек и привез в торжестве домой мою добычу. Полдеревни и вся дворня сбежались на такое зрелище, потому что мы с кучером кричали как сумасшедшие и звали всех смотреть застреленного волка. Рассказав не менее ста раз, всем и каждому, счастливое событие со всеми его подробностями, я своими руками стащил волка к старому скорняку и заставил при себе снять с него шкуру. Я положил волку 24 дробины под левую лопатку. Волк был необыкновенно велик и сыт; в одной его ноге нашли два железных жеребья, давно заросшие в теле. Очевидно, что он был стрелян. Желудок его оказался туго набит свежим свиным мясом вместе с щетиной. По справке открылось, что в это самое утро эти самые волки зарезали молодую свинью, отбившуюся от стада. И теперь не могу я понять, как сытые волки в такое раннее время осени, середи дня, у самой деревни могли с такою наглостью броситься за собаками и набежать так близко на людей: все охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруют* с жиру. В летописях охоты, конечно, можно назвать этот случай одним из самых счастливейших».

И, наконец, вот:

Необыкновенный случай

«Вдобавок к рассказам о странных происшествиях на охоте я расскажу случай, который самому мне показался сначала каким-то сном или волшебством. Будучи еще очень молодым охотником, ехал я в исходе июля со всем моим семейством на серные Сергиевские воды: в тридцати пяти верстах от нашего имения находилось, и теперь находится, богатое село Кротково, всеми называемое Кротовка. Проехав село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой речке, текущей в высоких берегах. Солнце садилось; я пошел с ружьем вверх по речке. Не прошел я и ста шагов, как вдруг пара витютинов, прилетев откуда-то с поля, села на противоположном берегу, на высокой ольхе, которая росла внизу у речки и вершина которой как раз приходилась на одной высоте с моей головой; близко подойти не позволяла местность, и я, шагах в <пятидесяти>, выстрелил мелким бекасинником. Для такой дроби расстояние было далеко; оба витютина улетели, а с дерева упала крестьянская девочка. Всякий может себе представить мое положение: в первое мгновение я потерял сознание и находился в переходном состоянии человека между сном и действительностью, когда путаются предметы обоих миров. По счастью, через несколько секунд девочка с большим бураком[1] в руках вскочила на ноги и ударилась бежать вниз по речке к деревне... Не стану распространяться в описании моего испуга и изумления. Бледный как полотно, воротился я к месту нашего ночлега, рассказал происшествие, и мы послали в Кротовку разведать об этом чудном событии; через полчаса привели к нам девочку с ее матерью. По милости божией, она была совершенно здорова: штук тридцать бекасиных дробинок исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала в глаза и даже не вошла под кожу. Дело объяснилось следующим образом: двенадцатилетняя крестьянская девочка ушла тихонько с фабрики, ранее срока, и побежала с бураком за черемухой, которая росла по речке; она влезла за ягодами на дерево и, увидев *барина с ружьем*, испугалась, села на толстый сучок и так плотно прижалась к стволу высокой черемухи, что даже витютины ее не заметили и сели на ольху, которая росла почти рядом с черемухой, несколько впереди. Широко раскинувшийся заряд одним краем своего круга задел девочку; конечно, велик был ее испуг, но и мой не меньше. Разумеется, мать с дочерью ушли от нас очень довольные этим происшествием».

Эти выписки могут дать некоторое понятие о характере книги — легком и простодушном. Впрочем, мы не коснулись главного в ней — рассказов о разных охотах, которым посвящено двенадцать глав. Эти главы пробежит с живым любопытством даже и тот, кому нет дела ни до каких охот. А для охотников чтение их будет приятнейшим занятием после самой охоты.

---

[1] Бураком называется круглая кадушечка из бересты с дном и крышкой. В низовых губерниях отлично делают бураки от самых крошечных до огромных и употребляют их преимущественно для собирания ягод. <*Примечание автора книги*>.

Шамиль в Париже и Шамиль поближе.

Сочинение Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллинга. *Тифлис, 1855.*

Кто хочет узнать содержание и цель этой брошюры, помещенной первоначально в газете «Кавказ», того приглашаем прочесть первую страницу:

«Ничто так не забавно, как уверенность французов в том, чего они не знают. В Париже однажды давалась драма, в которой Петр Великий является в чалме с пером и в бархатном халате с галунами. Бессмертный преобразователь России, всегда отличавшийся строгой простотой своего платья, на парижской сцене обращался к своему любимцу Меншикову и жаловал его *не только в князья, но даже в Долгорукие...* И что же? Французская публика, в самодовольном чувстве собственной образованности и превосходства своих познаний, не только не находила нелепым подобное представление, но внимала ему с радостным сожалением *о северных варварах!* Французское воображение так игриво, что из одного слова строит целую историю, иногда не лишенную занимательности. Если же эта игривость воображения соединяется еще с сердечным нерасположением к народу и подкрепляется менее чем поверхностным знанием его нравов и истории — тогда горе истине! Она приносится в жертву минутному увлечению пристрастия, служит предметом для памфлетов, носящих почтенное название ученых монографий, и даже унижается до того, что делается основой театральных эффектов самого спорного достоинства. Примеры того, другого и третьего у нас перед глазами. Шамиль занял место между политипажами французской „Иллюстрации"; Шамиль одраматизирован для сцены одного из парижских театров; наконец, о Шамиле написаны большие и многоумные диссертации *в лучших* французских учено-литературных журналах.

Каждому просвещенному русскому, каждому беспристрастному иноземцу, конечно, должно было показаться до крайности странным такое усиленное иллюстрирование предводителя скопищ кавказских дикарей. Каждый, кому попадались в руки французские периодические издания 1854 года, конечно, с улыбкой перелистывал страницы многочисленных монографий о Шамиле... Но не каждый в состоянии себе представить, в какой степени все эти ребяческие произведения французского озлобления и незнания забавны здесь, на Кавказе, для нас, живущих не за морями, а в какой-нибудь сотне верст от поприща деятельности героя, так полюбившегося в нынешнем году парижанам!

С свойственным славянскому племени равнодушием всегда взирали русские на клеветников своих, редко давая себе труд заниматься опровержением выдумок, обличавших только незнание России или озлобление против нее. Но самонадеянное незнание и слепое озлобление, эти две жалкие принадлежности ныне враждебного нам Запада, никогда еще не проявлялись с такой забавной энергией, в таких недобросовестных размерах, как в настоящее время, так что самое устойчивое славянское равнодушие готово вооружиться опровержениями, и, быть может, не вследствие одного только суетного желания ратоборствовать на бумаге, а

вследствие сознания своего долга скромное и неизвестное в Европе периодическое издание Кавказского края принимает ныне на свои страницы несколько правдивых слов, высказанных жителям Кавказа в обличение вымысла западной *шамилемании*».

Итак, брошюра сообщает настоящие сведения о Шамиле и опровергает ложные, существующие в Париже, и исполняет то и другое удовлетворительно.

Осада Севастополя, или Таковы русские. *Москва, 1855.*

Осада Севастополя! Тот темный именем и не блистающий талантом автор, который выставил это громкое заглавие над несколькими страницами плохих виршей, вероятно, и не подозревал всего величия избранного им заглавия. Этим только можно извинить смелость бедного писаки, который рассказывает в своей брошюре один из эпизодов этой колоссальной эпопеи — смерть адмирала Корнилова,— эпопеи, развязка которой находится еще в руках судеб.

Нет надобности говорить, что стихи неизвестного сочинителя нисколько не соответствуют предмету. Но это было бы и тогда, если б он имел дарование; можно сказать утвердительно, что ни один из существующих ныне талантов, не в одной России, но и во всей Европе, не в состоянии произвесть что-либо равняющееся величию совершающихся перед нами событий. Несколько времени тому назад корреспондент газеты «Times» сравнивал осаду Севастополя с осадою Трои. Он употребил это сравнение только в смысле продолжительности осады, но мы готовы допустить его в гораздо более обширном смысле, именно в смысле героизма, которым запечатлены деяния защитников Севастополя, в смысле громадности борьбы и великих неожиданных случайностей и катастроф, наконец, в смысле того глубокого и страстного интереса, с которым приковано к этой борьбе внимание целого света. «Илиада», содержание которой составляет осада Трои греками, не принадлежит к временам историческим; время, в которое совершаются эти события, — время мифическое, когда еще боги принимали явное участие в делах смертных... Можно думать, что эта отдаленность эпохи, это участие богов невольно увеличивают в глазах читателя колоссальность событий «Илиады»; но совершающееся ныне перед нами, и без участия богов, и без того покрова таин-

ственности, которую сообщает предметам дальность времени, — разве всё это лишено величия и колоссальности? Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий — и эта книга «Илиада». В обыкновенное, так сказать будничное, время не всегда и не вдруг возбуждает она в читателе сочувствие к своим воинственным событиям; но теперь, когда внимание всех трепетно приковано к театру войны, когда каждая удача, каждая неудача отзываются во всех сердцах радостию или скорбию, в это великое время «Илиада», как полнейшее выражение героического настроения, читается с наслаждением и сочувствием невыразимым. В какое иное время, как не теперь, когда воображение поневоле наполнено представлениями адского бомбардирования, кровавого поля, усеянного трупами, в какое иное время можно сильнее почувствовать, например, следующую сцену:

...Ахиллес Демолеона там же
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил сквозь шелом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападенье.
Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом олтаря Геликийского мощного бога
Юношей силой влекомый, и бог Посидон веселится:
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,
Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он,
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.
<. . . . . >
Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы; и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развевает погибельный пламень:
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
Гнал, поражал; заструилося черною кровию поле.
Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;

Быстро стираются класы мычащих волов под ногами:
Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы, забрызгались кровью
Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы.
В кон, как дождь, и от конских копыт, и от ободов бурных
Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы,
Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки.

Или смерть Астропея, погибшего также от руки Ахиллесовой:

...налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся; и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:
«В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
Спорить с сынами!» <...>
Рек и из брега стремнистого вырвал огромную пику,
Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого; там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы, и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.

Или эту мольбу о жизни сына Приамова Ликаона к Ахиллесу:

...тот подходил полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав, и копье, у него засвистев над спиною,
В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копье захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
«Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
Я пред тобою стою, как молитель, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.
После ты продал меня <...>
Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;
Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
То ж и со мною несчастие сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приблизил.
Слово иное скажу я; то слово прими ты на сердце:
Не убивай меня: Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.

Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив и величествен видом:
Сын отца знаменитого, матерь имею богиню!
Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука».
Так произнес, и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность: ниц он по черному праху
Лег, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
«Там ты лежи, между рыбами! жадные рыбы вкруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.
Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом».

Более трех тысяч лет прошло с создания «Илиады», но найдется ли в настоящее время хоть одно сердце, которое не сочувствовало бы следующему превосходному прощанию Гектора с Андромахой?

Он (Гектор) приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха, супруга, бегущая ввстречу, предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Гетиона:
Сей Гетион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей Киликиян властитель державный:
Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга; за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скама́ндрием; граждане Трои
Астиана́ксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему, и такие слова говорила:
«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! Ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
В день, как и град разорил Киликийских народов цветущий,

Фивы высоковоротные. Сам он убил Гетиона,
Но не смел обнажить, — устрашался нечестия сердцем:
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным,
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы
Нимфы холмов насадили. Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные: семь оставалось их в доме;
Все, и в единый день, преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес. быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он, с другими добычами брани;
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты всё мне теперь — и отец, и любезная матерь,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжалься же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою,
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идоменей знаменитый;
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин:
Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый
Или, быть может, самих устремляло их вещее сердце».
Ей отвечал знаменитый шеломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда, меж троянами первыми, биться на битвах,
Доброй славы отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой Гекубы.
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое! как тебя Аргивянин, медью покрытый,
Слезы лиющую в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех коneборцев троян. как сражалися вкруг Илиона!
Скажет; и в сердце твоем пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»
Рек и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашася любезного отчего вида;
Яркою медью испуган и гривой косматого гребня.
Грозно над шлемом отца всколебавшейся конскою гривой.

Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор.
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:

«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»

Рек и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына, дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:

«Добрая! сердце себе не крушп неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я знаю, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
Шествуй, любезная, в дом; озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболе ж меня, в Илионе священном рожденных».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираяся, слезы ручьем проливая.

Мы заключим наши выписки отрывком из посещения Приамом неприятельского лагеря, с целью выпросить у Ахиллеса труп убитого им Гектора, напомнив при этом читателям, что вся эта сцена — одна из величественнейших в самой «Илиаде»:

...если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом, — с изумлением все на пришельца взирают:
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумилися все, и один на другого смотрели.
Старец же речи такие вещал, умоляя героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его окружившп, соседы
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
Но по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегось в дом из-под Трои.
Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил браноносных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии рати Ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери были единой;

Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им, несчастным, колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш и граждан;
Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям Мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
Храбрый, почти ты богов! над моим злополучием сжалься,
Вспомнив Пелея родителя! я еще более жалок!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда насладился Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило, —
Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:

«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился, один, при судах Мирмидонских явиться
Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердцу крушительный плач ни к чему человеку не служит:
Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны...»

Многие даже из образованного класса гораздо более уважают «Илиаду» по преданию, нежели любят читать ее. Если эти люди и в настоящее время не поймут величия ее, то с сожалением скажем, что значение ее навсегда останется для них закрытым.

Стихотворения Виктора Красницкого. *Москва, 1855.*

Таких стихов, какие пишет Виктор Красницкий, много уже на Руси написано, много еще пишут теперь и, вероятно, много будут писать в грядущие времена. От них никому не было, нет и не будет ни теплее, ни холоднее на свете. Они, собственно, похожи на тот сорт грибов, который не употребляется ни на пользу и удовольствие людям, ни на погибель мухам, то есть никуда никем не употребляется. И, однако ж, природа их производит. Участь стихов сходного с ними качества бывает не всегда

похожа на участь подобных грибов. Если стихи принадлежат человеку, доказавшему двумя-тремя пьесами, что у него есть талант схватывать черты природы или оттенки чувства, — в таком случае они называются «менее удачными, хотя в своем роде прекрасными, произведениями грациозной музы такого-то» и печатаются в изданиях тех журналистов, которым не дано отличать дурного стихотворения от хорошего, если на том и на другом стоит одинаковое клеймо. Завидная участь! В противном случае, то есть в случае, если автор не представил ни однажды положительных признаков таланта, а пишет всё такие только стихи:

Ранняя весна

На дворе весною веет,
Солнце радостно сияет,
И широкими ручьями
Быстро снег с земли сбегает...

Снова солнце утром рано
Шлет лучи в мое окошко;
На лучах его горячих
Снова стала греться кошка...

В листья фуксия оделась,
Стала пальма зеленее,
И покрылись пышным цветом
Рододендр и азалея...

Всюду новое движенье,
Всюду новые картины...
У реки народ толпится,
Смотрит, как несутся льдины...

Вот петух, весну почуя,
Быстро крыльями махает,
И веселой, звонкой песней
Пору он любви встречает...

Вот и бабочка мелькает
Бледно-желтыми крылами,
И за ней следит ребенок
Темно-карими глазами... —

в таком случае участь стихов уже нисколько не разнится с участью произрастения, о котором мы говорили. И если какой-нибудь рецензент серьезно посердится на такие стихи, это уже много! Автор их должен считать себя счастливым. Случается, однако ж, всегда наоборот. Встречая у поэтов так называемых известных стихотворения ничуть не лучше своих, поэты неизвестные, поэты, ищущие

известности, обыкновенно восклицают: «Да чем же моя „Ранняя весна“ хуже „Осени“ такого-то или „Весенней поездки в Парголово“ такого-то?» — «Так, господа,— могут отвечать им известные поэты,— ваша „Ранняя весна“ ничем не хуже нашей „Поездки“ и нашей „Осени“; может быть, даже лучше, но... где у вас что-нибудь подобное нашей „Зиме“?.. Опомнитесь, господа, вы забываете стихи Крылова:

Орлу случается и ниже кур спускаться,
Но курам никогда до облак не подняться».

И «неизвестные» должны будут умолкнуть. Впрочем, если они люди находчивые, то могут в утешение себе и в пику «известным» воскликнуть не без основания нечто в таком роде: «Мы не куры, да и вы не орлы, господа!»

А мораль сей рецензии такова: если мы видим, что даже и даровитейшим теперешним поэтам, описывающим исключительно природу и тонкие движения чувства, из десяти стихотворений удается только одно, то браться за такой род, не имея больших и дознанных сил, дело неблагодарное: самое большее, чего можем достигнуть, — это произвесть несколько подражаний слабейшим произведениям образцов. Так и случилось с г. Красницким.

Говор простого народа. *Написал* А. Месковский *(1. Петушинцы). СПб., 1855.*

«Петушинцами» автор называет, собственно, французов. Не можем сказать, чтобы прозвание это было народно у нас, но то, что автор называет «говором простого народа», отразилось в его книге довольно верно, ибо убеждение, что французы вообще пустой и пропащий народ, довольно у нас распространено, хотя, собственно, и не в простом народе. А это именно убеждение о французах развивается в книжечке, носящей название «Говор простого народа», и развивается не без искусства.

Стихотворения Я. П. Полонского. *СПб., 1855.*

Издание полного собрания стихотворений такого поэта, как г. Полонский, в настоящей нашей литературе составляет явление редкое и приятное. Никто не станет

оспоривать у г. Полонского таланта; но при таланте он обладает еще другим очень замечательным качеством: с течением времени он не подается с большей или меньшей стремительностию назад, как весьма часто случается с отечественными талантами, но хотя медленным, но твердым и верным шагом идет вперед — совершенствуется. Почти каждое его позднейшее стихотворение лучше предыдущего; каждая позднейшая повесть в прозе — непременно лучше написанной перед нею. Тайна этого лежит, конечно, в страстной, не охлаждаемой ни годами, ни терниями избранного поприща любви к искусству, — любви, соединенной с благородной и бескорыстной преданностью ему. В наше время писателю, чтоб достойно проходить литературное поприще, недостаточно одного таланта; самая личность его много значит. Любовь к истине, превосходящая всякую другую любовь, вера в идеал как в нечто возможное и достижимое, наконец, живое понимание благородных стремлений своего времени и если не прямое служение им, то по крайней мере уважение и сочувствие к ним — вот что спасает талант от постигающей его нередко апатии и других спутников упадка и вот в чем скрывается загадка того, почему иногда бóльшие таланты перестают развиваться именно тогда, как все ждут полнейшего их цветения, и наоборот: таланты сравнительно меньшие удивляют нас своим как бы неожиданным развитием. Безнаказанно нельзя закрывать глаза на совершающееся вокруг нас. Нет спора, много обольстительного в теории служения «искусству как искусству»; но не слишком ли много в ней также самонадеянности? Впрочем, вопрос, которого мы коснулись, слишком важен, чтоб говорить о нем мимоходом; мы хотели сказать только, что произведения г. Полонского кроме достоинства литературного постоянно запечатлены колоритом симпатичной и благородной личности, что придает им ту внутреннюю прелесть, чистоту и теплоту, которые, независимо от степени дарования, располагают читателя к ним и к автору их. Читайте стихотворения г. Полонского, собранные теперь в одну книгу, чтоб убедиться в наших словах. Мы намерены посвятить этим стихотворениям особую статью и потому теперь скажем только о составе книги и ее внешности. В состав книги вошли все стихотворения, написанные г. Полонским в течение его поэтического поприща (до ста пьес), разумеется кроме тех, которые автор откинул как наименее удачные. Таким образом составилась

довольно объемистая книга (в 200 с лишком страниц), — книга, изданная *изящно,* как и следует издавать стихи — этот изящнейший род произведений словесности. Мы смело рекомендуем эту прекрасную и по наружности, и по содержанию книгу вниманию наших читателей, которые давно знают г. Полонского как поэта даровитого. Для тех же, кому в деле литературы необходим авторитет, напомним, что талант г. Полонского как поэта был признан уже давно, при самом начале его поприща, тем замечательным русским критиком, который редко ошибался в своих литературных приговорах и которого эстетическому вкусу, беспристрастию, энергическому заступничеству за всё истинное и прекрасное и еще более энергическому протесту против всего фальшивого и мишурно-блестящего русская публика много обязана в деле очищения вкуса и развития понятий об искусстве. Но вот и еще свидетельство авторитета. Недавно нам случилось рассматривать бумаги, оставшиеся после Гоголя. Между прочим, Гоголь имел привычку выписывать для себя каждое стихотворение, которое ему нравилось, не справляясь, кто его автор. В числе стихотворений, выписанных его собственною рукою, мы нашли стихотворение г. Полонского. Вот оно для любопытных:

Пришли и стали тени ночи —
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Ее волос моей небрежной
Рукой измятое кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаяся, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!

О жизни и трудах Дорджи Банзарова.
Соч. П. Савельева. *СПб., 1855.*

Очень дельная, интересная и хорошо написанная брошюра, знакомящая публику с весьма замечательной личностью.

«В последних числах февраля 1855 г. скончался в Иркутске ученейший из монголов и один из примечательных европейских ориенталистов, буддист по вероисповеданию и европеец по идеям, кандидат Казанского университета и чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, корреспондент Археологического общества, сотрудник Сибирского отдела Географического общества, сын полудикого забайкальского бурята Банзара, по прозвищу Дорджи (что по-тибетски значит «алмаз»).

Банзаров сын, Дорджи, несмотря на вицмундир, физиономией обличал свое происхождение от одной „кости" с Чингисханом и Батыем; форма головы, цвет лица, выдавшиеся скулы, узкие глаза указывали на чисто монгольскую породу. <...>

Возможностью приобрести европейское образование Дорджи обязан следующему случаю.

В 1834 году <...> тайша селенгинских бурятских родов <...> прислал прошение, в котором, изъясняя необходимость для Степной думы основательного знания русского языка, ходатайствовал о принятии в казанскую гимназию пяти малолетних бурят и с ними одного ламу. „Тем охотнее согласился я, — писал министр народного просвещения граф С. С. Уваров, — на удовлетворение сей просьбы, что, при поддержании сего первого порыва, можно ожидать многочисленного прилива азиатцев в наши учебные заведения".

В числе бурятских мальчиков, предназначенных тайшою в будущие писаря Степной думы, находился и Дорджи.

Вместе с земляками своими, по прибытии в Казань, он принят был, на казенном содержании, в первую гимназию. Степные мальчики, его товарищи, не вынесли нового образа жизни и непривычного климата, чахли и умерли; один исключен был из гимназии. Остался только Дорджи, дарование которого вскоре обратило на него внимание учителей. Он с успехом кончил полный гимназический курс и переведен был в 1842 году в университет. <...>

В университете Банзаров продолжал ревностно заниматься восточными языками и в 1846 году получил ученую степень кандидата, написав диссертацию „О черной вере, или шаманстве, у монголов"».

В 1847 году Банзаров прибыл в Петербург и здесь посвятил полгода на сближение с ориенталистами и на ученые занятия. (Мы не приводим довольно длинного списка сочинений Банзарова, ничего не говорящего неспециалистам, и ограничиваемся кратким изложением его биографии.) Из Петербурга Банзаров отправился снова в

Казань, где также не оставался праздным, а из Казани в 1849 году прибыл в Иркутск, с назначением состоять по особым поручениям при сибирском военном губернаторе. После жизни в Петербурге и Казани, в кругу ученого сословия, жизнь в Иркутске не была благоприятною для развития дарований и деятельности Банзарова. Приводим собственные слова биографии:

«Банзаров от природы был добр до бесхарактерности и мягок до слабости. В обществе ученых, в Казани и Петербурге, он был ученый, преданный своему делу, и по идеям космополит с монгольскою физиогномией. В Иркутске, ни с кем еще не знакомый, не встречая, может быть, того сочувствия, которое составляет необходимую поддержку личностей слабых, он стал дичать, брататься лишь с грязными бурятами, к которым влекло его чувство национальности, чуждаться всякого общества и знакомства. Любопытно было бы, в психологическом отношении, проследить этот обратный переход из европейца в бурята... Оставленный в европейской сфере, наш бурят окончательно перешел бы в европейца, образование вошло бы в кровь и плоть. Вступив же в соприкосновение с людьми полудикими, но родными ему по лицу, по языку, по вере, по преданиям, дорогим по неизгладимым воспоминаниям детства, Дорджи невольно увлекся чувствами. К понятному сочувствию к своим родичам примешивались, конечно, и сознание собственного достоинства, и чувство самолюбия, потому что соплеменники смотрели на него как на чудо, уважали и чтили его, несмотря на его европейскую одежду и стриженую голову без косы.

К казанским и петербургским друзьям своим он в течение пяти лет едва написал несколько коротеньких писем, несмотря на их запросы и побуждения. <...>

Здоровье Банзарова было давно расстроено. Страдая какою-то скрытою болезнью, он перемогался, не доверял врачам и сам составлял для себя лекарства по бурятским рецептам. Таким образом он часто прихварывал и выздоравливал, и никто не подозревал, чтобы он носил в себе зародыш преждевременной смерти. В последних числах февраля (1855) один из членов Сибирского отдела зашел к нему с разными учеными запросами и был поражен, увидев его мертвого на кровати. Кончина его была скоропостижная».

Банзарова похоронили по-буддийски, воротив для того с дороги недавно отбывшего из города начальника буддийского духовенства хамбо-ламу. Гроб поставили на печальную колесницу; «колоссальная фигура хамбо-ламы и находившиеся при нем простые ламы, в желтой одежде, читая молитвы, сопровождали тело за город. Весь Иркутск стекся на похороны». Вот заключительные строки брошюры г. Савельева:

«С Банзаровым рушились надежды ученых на скорое объяснение монгольских древностей южной Сибири, с каждым годом более и более истребляемых временем. Много мог бы он сделать для науки: почтим память даровитого и ученого монголиста и за то, что он успел совершить.

Как исследователь среднеазийской древности, он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят, показал, что дарования и просвещение могут быть уделом и этого поколения, которое с гордостью может приводить его имя как представителя своего в области науки.

Блеск примечательной личности отражался и на народе, и буряты отныне приобрели право на большее внимание, потому что из среды их вышел Дорджи Банзаров».

Нельзя в заключение не поблагодарить г. Савельева за его брошюру. Он сделал ею хорошее дело — совершенно бескорыстно, потому что она немного найдет покупателей. Но подобные случаи и не должны служить предметом спекуляции; тут дело не в покупателях, а в сохранении в литературе следа замечательной личности. Конечно, так! Но когда же у нас это бывает? Кто об этом думает? Живет человек — пишет, печатает, даже известностью пользуется; если он, грехом, дает свои статьи в журналы, так журналисты имя его печатают в своих объявлениях такими крупными буквами, что сам он иной раз недоумевает, а умер — не отдадут и должного. Хорошо еще, если напишут где-нибудь на заднем столбце какой-нибудь газеты, в углу между объявлениями о приехавших в сию столицу и выбывших в Динабург и другие города, — хорошо еще, если напишут, что умер, а то обходится и так.[1] А умри какой-нибудь посредственный французский фельетонист, напишут (или, точнее, переведут из французских газет) гору анекдотов, случаев из жизни, замечательных слов и доведут наконец равнодушного и скучающего читателя до того, что он в самом деле начнет жалеть: зачем умер этот человек!

---

[1] Вспомним резкий пример — Лермонтова. Не только до сей поры в литературе не раздалось слова о нем, но даже сочинения его издаются так, как непростительно издавать и сочинения Федота Кузмичева. Особенно последнее (третье) издание (в 2-х книгах) превосходит внутренним безобразием всё, что можно вообразить. Оно наполнено опечатками, искажениями, пропусками, бессмыслицами, лишено всякого порядка и приписывает Лермонтову такие пьесы, которых автором он никогда не был. Мы со временем поговорим об этом издании подробнее.

О новоизобретенном способе отделения извести из свеклосахарных сыропов посредством стеариновой кислоты, *по привилегии, выданной в 1855 году* В. Подвысоцкому, *свеклосахарному заводчику, помещику Черниговской губернии. Киев, 1855.*

Решить удовлетворительно, в какой степени полезен «новоизобретенный способ», можно было бы в таком только случае, если б свеклосахарные заводчики в России, приобретя брошюру господина Подвысоцкого, испытали его способ и напечатали бы известия о результатах своих опытов. Но такого обычая у нас не водится. Однако ж на всякий случай сообщаем объявление автора, где можно купить его брошюру: «Желающие иметь руководство это могут адресоваться за получением оного ко мне по почте в город Борзну, Черниговской губернии, с препровождением за каждый экземпляр по одному рублю серебром».

Заметки о журналах

1855—1856

1855

Заметки о журналах за июль месяц 1855 года

Читатель, вопреки вашим постоянным фельетонистам, которые каждый месяц указывают вам на столько «замечательных, прекрасных, счастливых по мысли, блестящих по изложению» литературных произведений и только скорбят об опечатках или посмеиваются время от времени над неудачными дебютами новичков, — вопреки этим фельетонистам, мы не слишком высокого мнения о современной русской литературе. (Спешим оговориться, что под словом «литература» мы разумеем на этот раз преимущественно беллетристику и то, что присоединяют к ней журналы, взявшие на себя поставку чтения на русскую публику.) Так как нам довелось говорить с вами о русской литературе (не знаем, надолго ли, — может быть, даже не более как на один этот месяц), то мы сочли долгом прежде всего объявить вам наш образ мыслей на этот счет, ибо без откровенности, по нашему мнению, нет беседы, по крайней мере такой, плодом которой бывает какая-нибудь мысль, а не простое убийство времени. Итак, послушайте, в чем

дело. Не перебранка журналов, не избыток опечаток и других мелочных погрешностей печалит нас в теперешней литературе, — мы недовольны ее физиономией, ее характером. Не то чтоб она была скучна или бедна дарованиями, — нет! мы скорбим о том, что она в последнее время измельчала. Переберите в памяти произведения новейших писателей, вдумайтесь в характер ежемесячно пробегаемых вами критик, рецензий, фельетонов, — и вы, может быть, согласитесь с нами. Все это нередко пишется с дарованием, не без такта, иногда даже с искусством, все это *легко читается* (и забывается) людьми, пожившими в свете, искушенными опытом и несколько охлажденными, — но что могут дать все эти повести, рецензии, фельетоны молодым и горячим юношам, только что начинающим жить и читать, юношам, которые видят в книге, в журнале совсем не то, что видим теперь мы; которые, подобно нам, читают все эти повести и фельетоны, но не так скоро забывают их, как забываем мы? Вспомните, какое впечатление производили на вас книги в лета отрочества и юности и скольким вы сами обязаны книгам, — и вы, может быть, разделите с нами боязнь, что теперешней литературе готовится в будущем тяжкий и справедливый упрек. Кто не знает и не повторяет, что русская литература с давних времен шла всегда впереди общества, отличалась постоянно, так сказать, характером воспитательным? Имена ее благородных тружеников, начиная с Кантемира и Ломоносова до недавних честных деятелей — славных и обойденных почему-либо славой, сошедших в могилу на наших глазах, — эти имена навсегда завоевали себе видное место в истории русского просвещения. Иных она уже вписала на свои страницы, других, ранее или позднее, но непременно и неизбежно внишет. И каждый доныне литературный период ознаменован такими именами... Но мы желали бы спросить: что представляет собою литература настоящей минуты с точки зрения, как мы выразились, воспитательной? Не совсем приятно отвечать на этот вопрос. Известно, что русское общество в своих наиболее развитых представителях начало с некоторого времени усваивать себе характер так называемой положительности в отличие тому романтическому настроению, которым отличалось оно еще в не весьма давние времена. На последнем, сменяющем нас поколении этот характер лег довольно резко. Кто не встречал теперь в обществе людей молодых, умных, образованных,

в высшей степени приличных, для которых (в двадцать пять лет с небольшим), по-видимому, решены уже все вопросы жизни, которые говорят всегда умно, и никогда глупо, касаясь до всего слегка, не возмущаются никаким злом, сознавая (не без похвальной и интересной грусти) что оно неизбежно и неисправимо, которые с готовностию (несколько холодноватой) отдают справедливость всякому доброму делу, но сами не увлекаются никакими страстями, посмеиваясь (впрочем, умеренно и с тактом) над всяким чувством, над увлечением, и проч. и проч. ... Кто не встречал в последнее время таких молодых людей? Кто не заметил, как эти люди благоразумны во всех случаях жизни, как шаги их по пути ее тверды и верны! Если в чем можно упрекнуть этих мудрецов, так разве в одном, что с ними очень скучно; но и это, пожалуй, можно объяснить их скрытностью, следствием разумного охлаждения, а в остальном приходится только дивиться тому, где, каким образом, через какую долгую и тяжкую борьбу выработали они себе такое уменье побеждать страсти, такую силу души, такую мудрость... Увы! тут нет ни победы над страстями, тут нет ни силы, ни мудрости, и — что всего замечательнее — тут нет и *не было никакой борьбы*... Что же это такое? Нам некогда входить в подробности, и потому тем, кто хочет познакомиться с этим типом новейших молодых людей, которых особенно много развелось теперь в Петербурге, напомним повесть г. Тургенева «Затишье» и одно из действующих лиц в ней — Владимира Сергеича Астахова, и поспешим окончить эти общие замечания. Мы боимся, что если б нужно было олицетворить настоящую русскую литературу, то при всех ее прекрасных достоинствах пришлось бы нарисовать нечто вроде сейчас описанного нами молодого человека... и вот почему мы не в восторге от нее. Равнодушие, всё терпящая или холодно-насмешливая апатия, участие в явлениях жизни и действительности, какое-то полупрезрительное и бессильное,— это качества не очень почтенные и в отдельной личности, а в целой литературе господство их было бы чем-то сокрушительным в высшей степени. Утешаем себя мыслию, что до этого еще не дошла наша литература, но, повторяем, она не нравится нам именно с точки зрения впечатления, которое должна производить на всякое молодое, свежее, восприимчивое сердце (а ведь это главное, ибо для людей, искушенных жизнию, книги последнее дело; на них не книги действуют, а

разве события, да и то лишь тогда, когда гроза и сила их восходит на степень совершающихся, например, ныне)... И тем прискорбнее сказанный недостаток, что наша литература далеко не бедна дарованиями: в сию минуту в ней есть несколько превосходных талантов... Впрочем, пожелаем им больше энергии (некоторым также должно пожелать и побольше образования и соответствующего таланту развития сердца и других человеческих сторон), и да исчезнет навсегда (характеризующая новейшие дарования) какая-то *сдержанность* или, вернее, *осторожность, робость,* может быть недостаток веры в собственный ум и сердце — печальное качество, парализующее деятельность лучших и благороднейших наших дарований. В заключение оговоримся, что не всех писателей поголовно обвиняем мы в недостатке, который признаем за настоящей литературой: нет, в числе их некоторые светло понимают свое призвание, и им-то обязана наша литература тем, что ее нельзя упрекнуть *безусловно* в уклонении от своего настоящего прекрасного и благородного назначения. Нет надобности называть имена этих некоторых. Публика награждает их не только вниманием к их произведениям, но и *любовию* к ним самим. Нельзя, однако ж, не сказать, что эти симпатичные личности в настоящей нашей литературе наперечет. Пошлем же мы им из глубины души наш искренний и горячий привет, позабыв все личные отношения, вражду, мелкие расчеты корысти и самолюбия, и пожелаем, чтоб число таких деятелей с каждым днем у нас возрастало.

Теперь мы можем перейти к журналам.

С точки зрения, сейчас высказанной, очень порадовала нас страничка, которую нашли мы в июльском томе «Библиотеки для чтения», по поводу компиляции г. Лукина «Об опеке и попечительстве». Просим читателей прочесть эту страничку:

«...читатель думает, кажется, что об этом предмете напиши что хочешь, всё-таки книга выйдет скучная? Я не поклонник скучных книг и менее, нежели кто-нибудь, расположен защищать скучные предметы, но в настоящем случае не могу согласиться с читателем. Скучно то, что пусто, что мелочно, в чем нет ни смысла, ни человеческого значения: скучно ничего не делать по утрам, играть в карты по вечерам, ездить в гости к соседу, с которым у нас нет ничего общего, кроме разговора о погоде, скучно не иметь в жизни человеческого интереса, скучно растратить свою жизнь на мелочи, на пустяки, на вздор; но прочесть книгу, в которой изложены наши обязанности в отношении к обществу, не

должно быть и не может быть скучно для благородного человека. Конечно, многие считают самым скучным и несносным делом принять на себя опеку или попечительство над несовершеннолетним или несчастным, лишенным умственных способностей; многие радуются, когда им бывает можно уклониться от принятия на себя этой тяжелой, по их мнению, обязанности, но мы смеем думать, что подобное уклонение не может быть оправдано ни разумом, ни нравственностью. Если каждый член общества гражданского подумает о том, чем он обязан обществу, если вспомнит те блага, которыми он пользуется в обществе и которые вне общества решительно невозможны, то сомневаемся, чтоб нашелся такой человек, у которого достало бы духу отказаться от пожертвования, по призыву общества, частью своего времени, своих трудов, своего ума на пользу тех из младших, слабых его братий, у которых еще нет ни довольно сил физических, ни довольно сил умственных и нравственных, чтоб жить независимо, своею волею и своею головой. Надо быть слишком глубоким, слишком развращенным и ожесточенным эгоистом, чтоб думать, что общество должно делать всё для нас, а мы для него ничего, что мы одни только цель, а всё прочее — средство. Встречаются, конечно, такие уродливые личности, но явление их неестественно, на них указывают пальцами, о них говорят с омерзением, как о пресловутом современном авантюристе на Западе, которого имя, без сомнения, сделается нарицательным для выражения всего, что есть самого презренного и отталкивающего в XIX столетии. <...> Если кому-нибудь из нас, хоть когда-нибудь, хоть случайно, хоть раз в жизни, удалось прожить несколько минут для других, позабыв о себе, то пусть он вспомнит, каким чистым, живым и благородным наслаждением проникло вдруг всё его существо, как он был счастлив! А был он счастлив потому, что исполнил свое назначение, что удовлетворил высшим требованиям своей натуры, ибо только при этих условиях можно быть счастливым. Одно из таких требований для всякого человека заключается в том, чтоб он сделал что-нибудь для своих ближних, для своих сограждан, чтоб он оставил по себе что-нибудь достойное доброй памяти; но если мы не можем оставить своим согражданам ни великого государственного подвига, ни славного художественного произведения, ни бессмертного литературного труда, потому что не дано нам для этого достаточно средств и силы, то всё-таки мы можем оставить по себе, на память, доброе христианское дело, мы можем, приняв на свое попечение бесприютного сироту, образовать его умственно и нравственно, охранить его достояние, сделать его честным гражданином. Итак, не скучное и не несносное положение быть опекуном малолетнего; итак, не лишнее знать предписания закона об обязанностях опекуна...»

Вот голос, какого мы давно не слыхали в наших рецензиях и фельетонах и который желали бы слышать в них как можно чаще! Тут нет ничего нового, ни особенно хорошо сказанного, но тут есть истина поважнее той, что петербургское лето похоже на южную осень, — истина, многими забытая, а иным сроду не приходившая и в голову, которую не худо каждому знать и помнить, —

тут есть содержание подельнее обыкновенного фельетонного содержания. Кто бы ни был автор приведенных строк, даровит или не даровит окажется он впоследствии, — мы рекомендуем его настоящую рецензию в образец нашим фельетонистам и рецензентам, вечно нуждающимся в материале для своих статеек. Вот о чем могут и должны говорить люди, принимающие на себя постоянное посредничество между литературою и публикою. Учите нас быть лучшими, чем мы есть; укореняйте в нас уважение к доброму и прекрасному, не потворствуйте вторгающейся в общество апатии к явлениям сомнительным или и вовсе презренным, но обнажайте и преследуйте подобные явления во имя правды, совести и человеческого достоинства; растолковывайте нам наши обязанности человеческие и гражданские,— мы еще так смутно их понимаем; распространяйте в большинстве массу здравых, дельных и благородных понятий, — и вам будет прощен недостаток таланта. «Таланты от бога», — говорит пословица, и, может быть, читатель не вправе требовать таланта от всякого журнального рецензента или фельетониста, но он вправе надеяться, что встретит в каждом журнальном деятеле человека благородно мыслящего и чувствующего.

Журналист, легкомысленно вручающий перо для постоянной беседы с публикою через газету или журнал человеку шаткому в убеждениях, скептическому, вообще ничтожному по своим моральным качествам, рискует заслужить не совсем лестное мнение общества, с которым обходится так бесцеремонно.

Впрочем, мы забываем одно возражение, делающее бесполезным все подобные рассуждения, — необходимость. Если так в самом деле, то нельзя не сокрушаться, что это очень печальная необходимость. Да поможет нам бог как можно скорее от нее избавиться!

В «Библиотеке для чтения» мы считаем также долгом указать на помещенные недавно три статьи под названием «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений», чтоб иной читатель не пренебрег их прочтением. Вот статьи, каких мы желали бы как можно более, вот какова должна бы быть русская критика! «Умно, благородно, верно, светло и горячо!» Это не покажется удивительным, если мы скажем, что автор статей — один из даровитых русских писателей, г. Дружинин; но и у этого писателя немного найдется произведений, которые удались бы так цельно, от которых веяло бы такой прекрасной любовью

к родному слову, к искусству! Советуем прочесть эти прекрасные статьи каждому, кто еще не прочел их.

В том же нумере «Библиотеки для чтения», откуда привели мы выше рецензию, есть начало романа «Кандидат в романисты», — начало, которое в состоянии убить не одну, а целую тысячу таких благородных статеек своим странным и жалким юмором, без разбору направленным как на то, что действительно смешно, так и на то, что составляет самую живую и светлую сторону русской литературы. Надобно подождать конца, чтоб поговорить об этом романе.

Случилось так, что мы в одно время прочли роман Диккенса «Тяжелые времена» (в «Современнике»; этот же роман переведен в «Библиотеке для чтения» — с значительными сокращениями) и роман Жоржа Санда «Лора» (в «Библиотеке для чтения»). Роман Диккенса превосходен, роман Жоржа Санда не более как посредствен, и, однако ж, последний пояснил нам, чего недостает в первом, и мы откровенно скажем, что не желали бы, чтоб вся литература состояла из одних таких романов, как роман Диккенса, несмотря на удивительную отделку частностей и целого, несмотря на благородную цель автора. В романе Диккенса вы постоянно чувствуете преобладание той положительности, против которой он сам ратует; эта положительность, *фактичность* пустила в самого автора слишком глубокие корни. Даже защищая идеальные стороны человеческой природы против так называемых фактов, против фактического воспитания, стремящегося к подавлению их, Диккенс счел нужным привести положительную, материальную причину, почему сохранение нежных стремлений сердца необходимо для человечества; в одном месте своего романа он говорит:

«Защитники взаимной пользы, чахлые образцы школьных учителей, — фактические люди, поборники ложного понятия о счастии человечества! — между вами всегда находятся бедные люди, вы всегда имеете возможность господствовать над ними. Старайтесь, пока не ушло время, разрабатывать и изощрять в них нежные наклонности сердца, которые могли бы украшать их жизнь в ту пору, когда она будет нуждаться в украшении; в противном случае в минуты вашего торжества, когда эти наклонности будут совершенно вытеснены из их души, когда они и жалкое их существование встретятся лицом к лицу, действительность примет чудовищную форму, и тогда гибель ваша неизбежна!»

Словом, во всем и везде — практичность, осязаемая польза, доказательство фактическое. Это в своем роде

прекрасно и дельно, но есть нечто неотразимо обаятельное в том вольном, безотчетном и бескорыстном стремлении к идеалу, неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному, — стремлении, которым проникнут названный нами роман французской писательницы! Пусть разум ваш не всегда оправдывает автора, но ваше сердце невольно становится на его сторону, оно привязывается к тем почти невозможным в действительности лицам, на которых автор сосредоточил симпатию своей души. Нет! если необходимы и благотворны такие романы, как роман Диккенса, то не менее нужны и такие романы, о которых мы теперь заговорили, — романы, идеализирующие действительность, лишь бы идеализация была искренняя, исходящая из благородной и высокой природы автора, жаждущего видеть человека лучшим, чем он есть, и, в тоске неудовлетворенной жажды, создающего прекрасные идеалы... Тонкий любитель искусства насладится превосходными характерами, меткой наблюдательностью в романе Диккенса; отдаст ему справедливость за счастливое сочетание с достоинствами художественного произведения полезной идеи; филантроп громко похвалит его за эту идею; имеющие власть, может быть, даже сделают на основании ее какое-нибудь улучшение в общественном быту, но никогда не подействует подобное произведение на сердце, никогда оно не наполнит его таким избытком благородных ощущений и стремлений, такой горячей жаждой деятельности, как то произведение, которое в идеальной стороне человека видит не подспорье его материальному благу, но условие, необходимое для человеческого существования! Впечатление, производимое романом Диккенса, помимо доставляемого им художественного наслаждения, не превосходит впечатления, производимого умным и честным трактатом политико-экономического содержания. Вот почему, повторяем, мы не желали бы, чтоб вся литература состояла из таких романов, как «Тяжелые времена», хотя это один из лучших романов у самого Диккенса и хотя собственно русской литературе мы в настоящее время желали бы таких романов как можно более. Впрочем, еще пламеннее желали бы мы ей романов, какие пишет Теккерей, ибо Теккерей в том отношении, о котором мы сейчас говорили, несравненно глубже Диккенса, несмотря на отсутствие в его романах чувствительности, которой так много у Диккенса. Нет надобности напоминать, что сторона

сердца, чувства всегда самая слабая (искусственная, иногда даже чисто ложная) в романах Диккенса и вводится им в роман как одна из пружин, назначенных служить основной идее произведения, или как средство для эффектов, скрывающих сухость лежащей в основе его сентенции. Заключим эти замечания советом читателю прочесть оба эти романа и поверить наши впечатления. Он не будет жалеть: ибо мистер Бондерби, мистрисс Спарсит и другие лица романа Диккенса вполне вознаградят его за потерянное время, а «Лора» напомнит ему впечатления и порывы юности, к которой всегда сладко перенестись мыслию!

Затем в VII нумере «Библиотеки для чтения» есть стихи, но между ними нет замечательных.

Переходим к «Отечественным запискам»; VII-я их книжка открывается стихами г-жи Волковой:

Когда среди толпы веселой и беспечной
<. . . . .>
Вам тайну высказав *души чистосердечной...*
и проч.

Мы имеем заметить сочинительнице только, что употребить выражение «чисто*сердечная душа*» почти так же странно, как сказать «длинно*ногая рука*». Г. Гербелю мы не имеем ничего заметить по поводу его стихотворения «Прохожий»; г. же Никитину мы скажем, что не всякое происшествие хорошо для рассказа, а, напротив, есть множество таких, которые, по своей исключительности, обыденности или безличности решительно для рассказа не годны. Зажиточный крестьянин женится на расторопной и работящей бабе; баба, пожив с ним несколько лет, умирает; вскоре за нею умирает единственный их сын; потом в деревне сделался падеж на скот и неурожай на хлеб, — крестьянин обеднел и с горя пошел в бурлаки. Все это рассказано стихами, и по тону, и по самым подробностям не совсем принадлежащими г. Никитину, притом вялыми и бесцветными, и названо «Бурлак». Как будто на Руси бурлаки идут на эту должность только вследствие подобных причин, в романтической надежде, что *разгуляют их тоску Волги-матушки синие волны?* Если бы так! Тогда бы и стихотворение г. Никитина имело смысл. От г. Никитина, как от поэта, рожденного и живущего в народной среде, мы вправе были ожидать чего-нибудь более характерного о лице, избранном им в заглавие стихотворения.

Итак, хороших стихов нет в «Отечественных записках».

Лучшая статья в этом нумере «Отечественных записок» принадлежит г. Кудрявцеву. Она составляет продолжение статей его о Данте, начатых в майской книге. Нам показалась эта вторая статья несравненно лучше первой, где дело шло о политическом положении Италии в средних веках и о борьбе гвельфов с гибеллинами. При всем нашем уважении к ученому, трудолюбивому и даровитому автору мы с сожалением должны заметить, что первая статья его о Данте относительно отчетливости в изложении далеко уступает второй. Конечно, борьба германских императоров с папами составляет такую громадную картину, которую почти невозможно сжать в одну журнальную статью, но зато журнальная статья требует не подробностей этой великой борьбы, а определения ее начал, ее существенных причин, ее преобладающих характеров, — так, чтобы для русского читателя ясно было, из чего возникла, разгоралась и кипела эта борьба и почему итальянские политические интересы так разделены были между папским престолом и германским императором. Нам, пожалуй, заметят на это, что мы хлопочем о вещах общеизвестных; так, но кому известных? Уж, конечно, не массе русских читателей, которую собственно и должна иметь в виду ученая статья в журнале. Вот эту-то любовь к просвещению русских читателей, к популярному разъяснению им результатов, выработанных наукою, мы желали бы видеть в ученых статьях, помещаемых в наших литературных журналах. К несчастию, в этом отношении наши ученые статьи подражают большею частью своим первообразам — немецким ученым статьям, вовсе не обращая внимания на огромное различие немецкой читающей публики от русской. Вероятно, к этой же причине должно отнести и ту неправильность в языке и изложении, которой отличаются большею частию ученые статьи в наших журналах.

Да, любезные читатели, вы, может быть, не поверите мне, но я еще очень живо помню время, — этому лет пятнадцать только, — когда вид русского литературного журнала возбуждал в некоторых русских ученых улыбку презрения. С схоластическим величием смотрел ученый на популяризацию науки. Взгляд на литературу как на самый могущественный проводник в общество идей образованности, просвещения, благородных чувств и понятий не приходил в голову этим, впрочем, почтенным и достойным людям, полагавшим, что наука, высказывае-

мая не с университетской кафедры, теряет уже достоинство науки. Теперь этот период науки в России, слава богу, прошел; наука не пренебрегает уже литературным журналом. Нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для облагорожения, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни; и, вопреки Пушкину, «чернь» всегда вправе сказать поэту и ученому:

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки —
И мы послушаем тебя...

Эта вторая статья г. Кудрявцева о Данте искренно обрадовала нас. Хотя она, как сам автор говорит, составляет собственно извлечение из недавно вышедших лекций покойного Фориеля о Данте, пополненное и другими источниками, но это извлечение сделано так прекрасно и с таким знанием дела, что для русской публики оно несравненно полезнее всех так называемых *самостоятельных* ученых трактатов, исполненных схоластической темноты и доступных одним немногим специалистам. Даже язык и изложение автора показались нам несравненно выработаннее и отчетливее прежнего. Словом, это во всех отношениях прекрасная, *полезная* статья. И какое интересное содержание: рыцарская поэзия, в которой отразились благороднейшие и поэтические стороны феодального общества, и именно самой образованнейшей части его — Прованса; романтическая любовь, вдохновлявшая провансальских рыцарей и трубадуров; родственность итальянской цивилизации с Провансом, которая способствовала к усвоению Италией этого рода поэзии; наконец, влияние рыцарской поэзии на итальянское общество, и преимущественно на Флоренцию — родину Данте. Всё это вместе с изложенным в первой статье г. Кудрявцева политическим положением Флоренции образует среду, под впечатлениями которой воспитался и созрел дух Данте, характеристике которого,

вероятно, будет посвящена следующая статья даровитого и трудолюбивого автора.

Случалось ли вам, читатель, видеть ребенка, прилизанного, приглаженного, который при малейшей вашей к нему ласке просит поцеловать вашу ручку, зовет вас дяденькой; он не бегает, не шумит, а сидит так чинно и смирнехонько в уголку комнаты, вынимает осторожно свои игрушки, — вытрет с них пыль и опять их уложит; он почтителен к старшим, раболепно услужлив, бережлив на всё, никогда не изорвет ни своих панталончиков, ни курточки, не любит быть со своими сверстниками, а сидит всё с взрослыми, слушает их разговоры и потом повторяет их своей няне, перемешивая их нравоучительными мыслями, взятыми из своих прописей,— вот впечатление, какое произвел на нас «Дневник чиновника», напечатанный в июльской книге «От<ечественных> зап<исок>», на котором выставлен 1807 год. Любопытных фактов в нем очень мало, так мало, что едва ли они вознаградят за скуку, с какою читается он. Особенно скучно действует на читателя старческое, резонерское изложение этого «Дневника». Хотя из него видно, что автор писал его в очень молодых летах, но, судя по монотонной сдержанности в изложении, мы вправе заключить, что, исправляя и даже, вероятно, переделывая его в зрелых летах, автор, сам того не замечая, лишил его той живости и свежести юношеских порывов и впечатлений, которые хоть сколько-нибудь могли бы вознаградить читателя за бедность и поверхностность содержания. И потом это постоянное ознакомление читателя со множеством самых ничтожных вседневных обстоятельств и встреч автора могло бы казаться интересным только в том случае, когда бы обстоятельства эти хоть сколько-нибудь характеризовали русское общество 1807 года. Вообще много бы выиграл этот «Дневник», если б автор выкинул из него по крайней мере половину. Самую интересную сторону «Дневника» — и то далеко не новую — составляют литературные знакомства автора и тогдашние литературные вечера. Но, к сожалению, у автора нет ни малейшей способности к характеристике лиц: они какими-то смутными тенями мелькают перед читателями. Из анекдотов, сообщаемых автором, нам показался особенно интересным один, о князе Шихматове, и мы считаем за особенное удовольствие познакомить с ним наших читателей:

«На литературном вечере у А. С. Шишкова хозяин приглашал князя Шихматова прочитать сочиненную им недавно поэму в трех песнях „Пожарский, Минин и Гермоген", но он не имел ее с собою, а наизусть не помнил, и потому положили читать ее в будущую субботу у Гаврилы Романовича. Моряк Шихматов, необыкновенно благообразный молодой человек, ростом мал и вовсе не красавец, но имеет такую кроткую и светлую физиономию, что, кажется, ни одно нечистое помышление никогда не забиралось к нему в голову. Признаюсь в грехе, я ему позавидовал: в эти годы снискать такое уважение и быть на пороге в академию... За ужином, обильным и вкусным, А. С. Хвостов с Кикиным начали шутя нападать на Шихматова за отвращение его от мифологии, доказывая, что это непобедимое в нем отвращение происходит от одного только упрямства, а что, верно, он сам чувствует и понимает, каким огромным пособием могла бы служить ему мифология в его сочинениях. „Избави меня боже, — с жаром возразил Шихматов, — почитать пособием вашу мифологию и пачкать вдохновение этой бесовщиной, в которой, кроме постыдного заблуждения ума человеческого, я ничего не вижу. Пошлые и бесстыдные бабьи сказки — вот и вся мифология. Да и самая-то древняя история, до времен христианских, египетская, греческая и римская, — сущие бредни, и я почитаю, что поэту-христианину неприлично заимствовать из нее уподобления не только лиц, но и самых происшествий, когда у нас есть история библейская, неоспоримо верная и сообразная с здравым рассудком. Славные понятия имели эти греки и римляне о божестве и человечестве, чтоб перенимать нелепые их карикатуры на то и другое и усвоивать их нашей словесности!"»

Достоинство анекдота автор «Дневника» еще более возвысил следующим глубокомысленным замечанием: «Образ мыслей молодого поэта, может быть, и слишком односторонен, однако ж в словах его есть много и правды».

В литературном отделе «Отечественных записок» кроме повести г-жи Марченко «Вокруг да около», о которой мы ничего не скажем, помещена пословица в драматической форме, соч<инение> г-жи Ольги Н *, под названием «Ум придет — пора пройдет». Мы не вовсе чужды симпатии к дарованию г-жи Ольги Н *, и нам очень не хотелось бы сказать ей что-либо неприятное; но тем не менее пословица ее неудачна. Вообще с этого рода драматическими произведениями у нас вошло в обычай обращаться очень нецеремонно. Мы воображаем, что стоит только взять первый попавшийся в голову сюжет для любой русской пословицы, разделить его на сцены — и непременно выйдет пьеска. Об изучении характеров, об изобразительности лиц, о метком воспроизведении действительности нисколько не заботятся господа сочинители. Помилуйте! к чему всё это, — это такая легкая форма!! Нет, милостивые государи; если вы

считаете большим трудом написать хорошую повесть, то во сколько еще раз должен увеличиться ваш труд, когда вам надобно сосредоточить ваш сюжет в несколько драматических сцен, которых вы уже не можете пополнять и пояснять вашими рассуждениями и где каждое лицо является характером, живым характером, в практической сфере, само по себе, безо всякой помощи ваших психологических объяснений; где каждое слово действующего характера должно носить в себе глубокий отпечаток индивидуальности и действительности. Наши сочинители драматических пословиц с истинно аркадскою наивностию выставляют своих марионеток, начинают говорить за них, как на кукольном театре, и, как скоро считают, что уже достаточно растолковали выставленную в заглавии пословицу, пьеска оканчивается. Разбирать подобные произведения, конечно, не стоит, но всё-таки нельзя не выразить сожаления о времени, истраченном автором с дарованием на такого рода мертвые и скучные кукольные представления. Если бы по крайней мере придумывались остроумные или веселые сюжеты для таких кукольных представлений, если б соблюдалась в них по крайней мере верность в мотивах! А то и этого нет. Например, к пословице «Ум придет — пора пройдет» придуман следующий сюжет. Валерия Николаевна, вдова 33 лет, воображает, что любит Смольнева, господина 35 лет; а Смольнев воображает, что любит Валерию Николаевну. Приходит минута объяснения, из которой оказывается, что им очень скучно вдвоем и что они вовсе не влюблены друг в друга. Почему всё это названо пословицею «Ум придет — пора пройдет» — мы решительно не понимаем, равно как и того, зачем введены в нее две другие куклы, г. Костевич и Маня, 19-летняя родственница Валерии Николаевны.

Если автор хотел показать в своей «пословице», что в те годы, когда человек понимает любовь, он уже не может любить, то, нам кажется, он очень ошибся, придумавши такой фальшивый сюжет. Во-первых: любовь вовсе не зависит от ума. Гёте влюбился в *последний* раз, когда ему было уже лет 70, и влюбился со всею пылкостию молодости, влюбился до того, что предложил руку 18-летней девушке. Любовь зависит не от ума, а от характера, от впечатлительности нерв, и притом — старая истина — для любви нет возрастов. Если при объяснении Валерии Николаевны с Смольневым оказалось, что

они вовсе не влюблены друг в друга, то это не потому, чтобы им прошла пора любить, а просто потому, что они не любили друг друга. Любовь, как голод, есть чувство очень определенное, и ошибиться в нем трудно. Конечно, бывает иногда, что хочется иного кушанья, а подадут его, — отведаешь — не нравится. Так случается часто и с любовию. Но тут не жажда любви обманчива, а предмет, который иногда не в состоянии утолить ее. Так называемое разочарование случается одинаково и с мужчинами и с женщинами... Всё это вещи известные, и мы просим прощения у г-жи Ольги Н * в том, что невольно вдались в такие общие места.

Кстати о женских произведениях: в 6-м нумере «Современника» напечатана была повесть г-жи Нарской «Первое знакомство с светом». Журналы не обратили на нее внимания; одна газета, обыкновенно не одобряющая ничего печатаемого в «Современнике», отозвалась о ней дурно.

По чувству справедливости мы считаем своим долгом протестовать против такого равнодушия и недобросовестности критики, так как дело идет о даровании начинающем. Все те, которые прочли «Первое знакомство с светом», вероятно, согласятся с нами, что это едва ли не лучшая из всех женских повестей. Милый, грациозный юмор некоторых сцен, тонкая обрисовка характеров (исключая характеры итальянца и Нелли), верность мотивов, чистая веселость, возбуждающая невольную симпатию к автору, образованный, наблюдательный ум, постепенно возрастающая занимательность в изложении, простота и изящество языка, наконец, смелость и твердость манеры — все эти редкие качества заставляют нас поздравить русскую публику с новым женским талантом.

В двух последних книжках «Москвитянина» (8 и 9) не много интересного. В 8 № заметили мы оригинальную «Челобитную князя Сулешева царю Михаилу Феодоровичу». Боярский сын Данило Низовцев (жалуется князь), «пришед ко мне, холопу твоему (в светлое воскресенье), целоватца и принес яйцо на руке, и я, холоп твой, поднес к нему яйцо ж и хотел с ним поцеловатца, и он, государь, умысля воровски, *поцеловал меня, холопа твоего, в руку*, и я, холоп твой, в ту ж пору в церкви перед архиепископом и перед товарыщи и перед всеми людьми *зашиб* тово сына боярского за то, что он меня, холопа твоего, умысля воровски, *мимо губ моих целует меня в руку,* велел его дати за пристава до твоего государева указу».

Вследствие просьбы боярина Данило Низовцев был призван к допросу преосвященным Макарием, архиепископом сибирским и тобольским, и в расспросе показал: «Пришел-де я к боярину ко князю Юрью Яншеевичу целоватца с яйцом, *а в руку не целовал*, нешто боярину <...> показалось; да, постояв немного, сказал: виноват-де я перед государем, и сделалось по грехом без хитрости, в те поры в церкви была теснота, и меня попехнули сзади, и я-де пошатнулся на боярина <...> руку губами *бесхитростно*, и боярин <...> за то на меня закричал, что-де ты, страдник, так делаешь, и ударил меня по щеке да послал в тюрьму...»

Почему боярин Сулешев так оскорбился, что Низовцев поцеловал его в руку вместо губ? Почему счел такой поступок воровским умыслом? Почему самое правительство разделяло мнение боярина, нарядив по просьбе его следствие (по которому, как замечает г. Погодин, виновным оказался битый)? Почему, наконец, сам Данило Низовцев видит в целовании руки нечто как бы преступное и старается объяснить поступок свой случайностью? Вот вопросы, разрешение которых мы предоставляем людям, специально занимающимся изучением русского старинного быта.

В 9 нумере «Москвитянина» замечательная статья г. Б. «Десять дней в Севастополе». Она отличается простотою изложения, изобилием интересных фактов, добросовестно собранных, и представляет в настоящее время интереснейшее чтение. Г. Б. прибыл в Севастополь из Кишинева в начале февраля и в первую же ночь, проведенную на северной стороне, в палатке Александра Ивановича (военного маркитанта), разбужен был сильной стрельбой. Утром оказалось, что ночью было довольно жаркое дело, завязанное неприятелем (с 11 на 12-е февраля), напавшим на новый редут, только что заложенный нашими на Сапун-горе. Нападение было блистательно отражено. Напившись чаю у маркитанта, автор спустился к пристани и вошел в какой-то сарай, где ожидали его солдаты, чтобы перевезти с пожитками в город. В этот сарай на ту пору свозили раненых <и> для погребения. Автор увидел несколько жертв ночной схватки. Русские и французы лежали рядом в одних рубашках и нижнем платье, без обуви. В головах у русских теплились восковые свечи, приткнутые к земле. Страшный вид! Бледные лица, кровь, тяжелые раны.

Автор насчитал до 30 трупов; два зуава поразили его своей красотой. Они лежали рядом. Оба были черноволосые; волосы раскинулись космами по земле; высокие лбы, правильные черты, небольшие усы и бороды; у одного были голубые глаза, выражение лица было полувосточное; коленкоровые сорочки были чисты; брюки красные. У одного из-под рубашки виднелся голубой шарф, и этот несчастный был еще несколько жив. Высокая грудь, пробитая пулей, подымалась, и он шевелил рукой. Но через минуту он уже не жил. В углу лежал тоже убитый пулей молодчик, русский фельдфебель, весь в крови. Покинув это тяжелое зрелище, автор переправился в город и поселился в гостинице Шнейдера. Ему хотелось как можно скорее видеть город, бастионы, осаду, но оказалось, что вдруг этого сделать нельзя: на бастионы нужно проводников; притом Севастополь не похож на другие города: он весь в горах и балках; его никак не окинешь взглядом весь, а надо рассматривать по частям. Итак, в первый день автор не видал осады, он провел его на северной, у Александра Иваныча, слушая толки сменявшихся посетителей. На следующий день г. Б. был в бараках и присутствовал при операциях. (Барак — длинное каменное строение в один этаж. Внутри — кровати в два ряда, направо и налево. Над ними род шкапчиков, куда больные кладут свои вещи.) Автор вошел в операционную палату вместе с доктором, князем Долгоруким, и вот что увидел: впереди кровать для операций, далее на кроватях лежали русские и французы, раненные в последнее дело. Французов было трое, и все зуавы: капитан и два солдата. Капитану только что отняли ногу. Он глядел очень бодро. У него было восточное лицо; маленькая бородка с проседью, славные усы и густые брови. Белая повязка на голове в виде чалмы, которую надевают нередко после операции, делала его совершенно похожим на араба. Он лежал довольно далеко от дверей, вблизи которых собирались делать операцию одному русскому солдату, раненному пулей в локоть. Всё столпилось около него: четыре доктора осматривали рану; две-три сестры милосердия готовили инструменты, бинты, корпию, воду... несколько солдат устанавливали кровать. В это время автор подошел к капитану. Капитан попросил его дать знать, что он съехал на один край кровати и может упасть: «Это моя смерть!» — прибавил он. «Да не могу ли я вам помочь?» — «Ну, нагнитесь». Автор нагнулся, фран-

цуз обхватил руками его шею, но едва автор стал приподнимать его, как он опустил в изнеможении руки... «Нет... оставьте, оставьте!.. — сказал он. — Вы очень скоро!» Через минуту они принялись снова, и в три приема автор положил его как надо. Налево подле него лежал зуавский солдат, бывший в деле под его командой. Ему предстояла такая же операция. Лицо его было совершенно восточное, темное, но без бороды и с легкими усами. Удивительно яркие, большие глаза блуждали в орбитах. Автор подошел к нему и спросил: не надо ли ему чего? — он отвечал неохотно: ничего! Третий лежал направо от капитана: чрезвычайно красивый, чистый араб с небольшой черной бородой, в фесе и синем мундире с галунами на плечах и рукавах. Смертная тоска была во всех его чертах; на черных глазах как бы туман. Он беспокойно двигался по кровати, то прятал руки под одеяло, то клал их под голову. Пуля попала ему ниже живота и засела в таком месте, откуда никак нельзя было вынуть. Решили не делать операции, и он должен был умереть и, кажется, знал об этом. На все вопросы окружающих он не отвечал ни слова или очень неохотно. Стали делать операцию солдату, дали хлороформ; потекла кровь... операция была трудная и тянулась долго. Солдат стонал всё время и бранился. И всегда стонут в этом странном сне. Автор с трудом высмотрел всю операцию, но зато следующие были ему уже ничего. Сестры милосердия, довольно молодые девушки, смотрят совершенно спокойно и беспрестанно подмывают текущую ручьями кровь. Ногу солдату-зуаву отрезали вмиг и стали перевязывать жилы. Тут уже отнимают хлороформ. Шесть человек держали руки, но зуав был так силен, что в минуты невыносимой боли, когда ему приставляли к ноге теплую губку, он подымал державших, крича: «Au nom de Dieu! vous me brûlez! vous me brûlez!..» * Капитан всё время смотрел на операцию и одушевлял товарища: «Tenez-vous brave, mon enfant! Nous arrivons bien, voyez-vous! »** Таков он был со своими *детьми*, но тут же находился по какому-то случаю один перебежчик, — вероятно, его сунули до распоряжений о нем. Капитан зуавов и солдат тотчас почуяли, что это не пленный, и никто с ним не хотел говорить; да и русские смотрели на него косо. Он был

* «Именем господа! вы меня жжете, вы меня жжете!» (*франц.*).

** «Будьте мужественны, мое дитя! Видите, всё идет хорошо!» (*франц.*).

в синей шинели с коротким капюшоном, белокурый, с голубыми глазами, и всё как-то жался, как будто зяб. Скоро и солдату-зуаву окончили операцию и положили его неподалеку от капитана. Все удивлялись его крепкому сложению, но один доктор заметил, что он изнурен, и потому... «Бог весть, что будет? Зачем вы его так много заставляли работать?» — сказал доктор капитану. Капитан не отвечал ни слова.

В другом бараке автор нашел пленных англичан вместе с французами. Какая разница в физиономиях! Все были белокурые, некрасивые, в шапках, совершенно похожих на наши франтовские ямщицкие, с короткими полями. Напереди был приткнут нумер. Один был в красной куртке с белыми петлицами и в голубом нижнем платье; другие в черных шинелях, похожих на французские. Красный всё расхаживал, присаживался на разные кровати, а те два занимались писанием письма.

«Вы сходите на перевязочный пункт, в город! — сказал автору Долгорукий. — *Там Пирогов; когда он делает операцию, надо стать на колени».* Выписываем эти слова, чтобы присоединить к ним наше удивление к благородной, самоотверженной и столь благодетельной деятельности г. Пирогова, — деятельности, которая составит одну из прекраснейших страниц в истории настоящих событий. Одно из самых отрадных убеждений, что всякая личность, отмеченная печатью гения, в то же время соединяет в себе высочайшее развитие лучших свойств человеческой природы, — эта истина как нельзя лучше оправдана г. Пироговым, покинувшим свой пост под Севастополем только после долгой, тяжкой и изнурившей его силы деятельности, имевшей результаты — неоценимые, невознаградимые! Это подвиг не только медика, но и человека. Надо послушать людей, приезжающих из-под Севастополя, что и как делал там г. Пирогов! Зато и нет солдата под Севастополем (не говорим об офицерах), нет солдатки или матроски, которая не благословляла бы имени г. Пирогова и не учила бы своего ребенка произносить это имя с благоговением. Пройдет война, и эти матросы, солдаты, женщины и дети разнесут имя Пирогова по всем концам России, оно залетит туда, куда не заглядывала еще ни одна русская популярность... Если есть в настоящее время личности, которым сердце отдает охотно и безраздельно лучшие свои симпатии, то, конечно, к таким личностям принадлежит г. Пирогов. Припоминая и

соображая его прекрасную и неутомимую деятельность, приходишь к убеждению, что слова: «бескорыстное служение Добру и Науке», столь часто и легкомысленно повторяемые, не всегда же одна пошлая фраза... иногда заключают они в себе великий и благородный смысл!

Осмотрев бараки, автор воротился домой и вечером наблюдал полет неприятельских бомб, пускаемых в город. Эти же бомбы разбудили его очень рано поутру; он подошел к окну: на улице уже двигался народ, не обращая никакого внимания на бомбы. Только двое стоявшие на противоположном тротуаре, по-видимому купцы, взглядывали вверх всякий раз, как слышался взрыв, и крестились, потом опять начинали разговаривать.

Затем автор начинает посещать бастионы. Описание их подробно и, должно думать, верно; но после художественного описания 4-го бастиона в статье Л. Н. Т. «Севастополь в декабре месяце» оно показалось бы читателям «Современника» несколько бледным, и потому мы его пропускаем, повторив только следующие слова г. Б.: «О, если б написать историю этих бастионов, не вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты, сколько умиляющего, поучительного, исторгающего слезы было бы на ее страницах!» Но мы думаем, что читателю, верно, будет любопытно взглянуть во внутренность мины. Вот как автор спускался туда. Он пошел с одним офицером, нагнувшись, сперва в полусвете, потом в совершенных потьмах. Когда слышно было, что кто-то идет навстречу, кричали «Держи налево» или «направо», чтобы не столкнуться. Но было так узко, что всегда задевали друг друга. Наконец автор устал и пополз на руках и коленях. Товарищ отделился от него далеко, ему был слышен только его голос: «Держи налево, направо!..» — вдруг автор почувствовал под руками воду: надо было встать. Мина шла ýже и ýже. Сперва он ощупывал по бокам доски и столбы, но потом всё это кончилось: пошел голый земляной коридор. Тягостное чувство испытывает непривычный человек под этими тесными сводами, что-то сдавливающее, удушающее. Автор дошел до того места мины, где наша галерея сошлась с неприятельскою. Тут зажжен фонарь и сидят на полу солдаты. Автор видел неприятельские работы. Их мины немного шире, больше нет никакой разницы. Говорят, встретясь с нами, они бросили копать и ушли. Тут поставлена большая воронка с порохом и засыпана землей. Отдохнув, поворотили назад. Хотелось скорее вылезть из это-

го длинного гроба. В конце, уже близко к выходу, товарищ пригласил автора зайти к штабс-капитану Мельникову, заведывающему минными работами, в его нишь, которая устроена тут же в мине. Из гроба автор очутился в довольно порядочной комнате, увешанной коврами. Посреди стоял столик и кипел самовар. По стенам шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подле одной стены была печь, ростом с человека, не доходившая до потолка. На ней, сверху, лежали разные тетради, бумаги, чертежи и — «Мертвые души»...

Хозяин и вместе создатель этой комнаты, — молодой человек, украшенный георгиевским крестом, — прозван в шутку моряками «обер-крот».

Автору показывали также церковь, устроенную в каземате. В большой мрачной комнате, уставленной ружьями, заваленной амуницией, сияла лампадами одна небольшая частица стенки, покрытая образами, — это был иконостас бастионной церкви. Бомба пробила в одном месте потолок, но, не повредив ничего, даже не ранила никого из солдат, находящихся тут постоянно. Всех их человек десять. Здесь говела на первой неделе команда бастиона. Бомбы и ракеты вообще не разбирают, куда опускаться. Так, однажды автор спал в своем нумере, как вдруг над домом разразился удар. Раздался взрыв, подобный взрыву бомбы, полетели жужжащие верешки и зазвенели стекла. В коридоре поднялись шум и беготня. Автору лень было встать и осведомиться тотчас, в чем дело. Утром оказалось, что это была ракета, ударившая в старый нумер. Она пробила часть крыши у самого края, потом капитальную каменную стену насквозь, стол и зарылась в мешке с овсом. В соседних нумерах лопнули все стекла; в занимаемом автором, четвертом, ни одного. На диване подле стола, который пробило, спал денщик. Его не задело.

— Испугался ли ты? — спросили его.

— Нет, только проснулся, — отвечал он, — значит, не моя смерть.

Заметим эту черту, довольно общую в русском солдате и вообще в нашем народе. Русский солдат полагает, что от своей пули не спрячется, и на этом основании часто доводит свою неосторожность до крайней степени. Это вы беспрестанно замечаете, читая письмо г. Б. В одном месте он прямо говорит: «Вообще наши <...> неосторожны. Когда нужно идти траншеями, идут где случится, попрямее; часто высовываются из-за валу. Или уж так смело

создан русский человек?» Смелость смелостью, но дело идет в настоящем случае, собственно, об увеличении шансов быть убитым или раненным; тот же г. Б. говорит о французах следующее: «Я взглянул в отверстие щита у одного орудия (с 5-го бастиона): далеко в поле шел едва заметный желтый вал, сливаясь с грунтом земли, — это были траншеи неприятелей. Местами выскакивает дымок, выстрел из штуцера, но без звука, — и только. Больше никакой жизни; никто не показывается из-за вала, и не веришь, что там много народу. А между тем смерть поминутно несется из-за этого безжизненного вала... Французы очень осторожны. Впоследствии я глядел на их траншеи по целым часам: ничего, кроме вала». Мы думаем, что, не нуждаясь в уроках храбрости, русскому солдату не худо бы занять у французов этой благоразумной осторожности, и г. Б. напрасно приходит в восхищение от убеждения своего проводника: «Э! ваше благородие! которая пуля наша, от ней нигде не схоронишься!» В этой логике более героизма, чем здравого смысла, и нам она именно потому не нравится, что из-за нее может погибнуть напрасно не один храбрый. Кстати о пулях. Любопытны шутливые названия, которыми окрестили их русские солдатики. Однажды г. Б., удивленный каким-то особенным звуком пули, спросил: «Точно ли это пуля?» — «Точно так». — «Отчего же она так странно свистит?» — «Да это *молоденькая*». «Молоденькими» солдаты называют пули Минье, с чашечками. «А это какая?» — «Это *лебедушка*». Так называют они пулю глухую, без чашечки, с небольшой впадиной...

Мы проследили с читателем всю статью г. Б. и повторяем, что она весьма любопытна.

Затем — мы откланиваемся вам, читатель!

Надолго? — Навсегда, быть может.

Каков бы ни показался вам случайный наш голос, раздавшийся среди привычных и, быть может, более приятных вашему сердцу голосов, мы просим вас думать, что этот голос принадлежит людям, горячо любящим свою литературу и еще более свое отечество...

Заметки о журналах за сентябрь 1855 года

Читатель, нынешний раз вы будете иметь дело с автором, который беседовал с вами о журналах в VIII книжке «Современника». Книжки журналов по поводу осеннего

времени полнее и любопытнее, и потому беседа наша будет если не живее, то продолжительнее предыдущей. Мы приступаем к ней под самым приятным впечатлением, которое сообщил нам рассказ г. Григоровича «Школа гостеприимства» («Библиотека для чтения», № 9). Наконец г. Григоровичу удалось выполнить задачу, которую он упорно преследовал во всех своих произведениях, не относящихся к народному быту, именно: в «Накатове», в повести «Новый год», в «Свистулькине», и которая состояла в том, чтоб написать нечто легкое, игривое, одной стороной прикасающееся к действительности, другой — к карикатуре, — словом, нечто такое, что с виду только легко, а в исполнении представляет огромные трудности. Задача и цель такого произведения: возбудить в читателе смех, тот беззаботный, добродушный смех, который, по словам Гоголя, «как бы излетает из светлой природы человека». Несколько искр этого редкого и дорогого смеха вырывает у читателя новая повесть г. Григоровича — вот лучшая похвала, которую мы можем сказать ей. Не пускаемся ни в изложение содержания, ни в выписки, потому что черты добродушного комизма, которым исполнена повесть, могут производить впечатление только в целом, когда читатель проникнется мирным, веселым и не лишенным своей грации тоном и колоритом рассказа. Читатели, уважающие в г. Григоровиче даровитого автора народных повестей и романов, так серьезно и благородно понимающего свою задачу и так прекрасно служащего ей, в авторе «Школы гостеприимства» полюбят веселого, беззаботного рассказчика, по-видимому думающего об одном: чтоб посмешить их и самому посмеяться вместе с ними. Есть, впрочем, черта в новом рассказе г. Григоровича, которая может произвесть неприятное впечатление, но она, собственно, не относится ни к литературе, ни к читателям, ее заметят только немногие, и потому мы умалчиваем о ней, предоставляя себе при другом случае коснуться вопроса о том, в какой степени можно вносить свои антипатии в литературные произведения?

В IX № «Библиотеки для чтения» помещено стихотворение г. Бенедиктова «Малое Слово о Великом». Если б стихотворение было только слабо, мы оставили бы его в покое: чье «слово» не побледнеет перед личностью Петра? о нем, собственно, и не может быть великих слов. Но... вот для примера, как отразилось в стихотворении г. Бе-

недиктова одно из бессмертных дел великого — основание Петербурга:

Раз, заметив *захолустье*,
Лес, *болотный уголок*,
Глушь кругом, — при Невском устье
Заложил Он городок.

Шаток грунт, да сбоку море:
Расхлестнем к Европе путь!
Эта дверь не на затворе,
Дело сладим *как-нибудь*.

Нынче — сказана граница,
Завтра — срублены леса,
Чрез десяток лет — столица,
Через сотню — чудеса!

Кто не почувствует, как эта картина бедна, неполна и неверна, начиная с природы до того, что думает или говорит у г. Бенедиктова преобразователь, решаясь заложить город? *«Захолустье»,* «болотный *уголок»* — разве эти слова сколько-нибудь дают понятие о пустынной, грандиозной и дикой природе, среди которой гениальная мысль великого угадала необходимость русского города? А то, что думает он... но, впрочем, припомним лучше картину, нарисованную Пушкиным по тому самому фону, — тогда всё будет ясно само собою:

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; утлый челн
По ней стремился одиноко.
<. . . . .>
И думал Он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Судьбою здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе!

Мы не думаем требовать, чтоб г. Бенедиктов дал нам нечто равняющееся достоинством Пушкину,— мы только обращаем внимание его и наших читателей на тон, которым говорит Пушкин сравнительно с тоном г. Бенедикто-

ва. Не правда ли, тон не последнее дело в литературном произведении, не говоря уже о других требованиях? До какой степени удовлетворяет стихотворение, например, внутреннему пониманию характера и верному его отражению до малейших подробностей, можно уже видеть по приведенной выписке: у Пушкина Петр думает:

Судьбою здесь нам *суждено*
В Европу прорубить окно...
и проч.

Г. же Бенедиктов заставляет его думать так:

Эта дверь не на затворе,
Дело сладим *как-нибудь*...

Но возвращаемся к тону стихотворения, не предъявляя никаких других требований. Великое дело введения в России флота отразилось у г. Бенедиктова в следующих четырех стихах:

Взял топор — и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик — флотик,
Этот флотик — флот родил.

Указ о бороде — в следующих:

Надо меру взять иную!
Русь пригнул Он... быть беде!
И хватил ее, родную,
Топором по бороде:

Отскочила! — Брякнул, звякнул
Тот удар... легко ль снести?
Русский крякнул, русский всплакнул:
Эх, бородушка, прости!

Кое-где и закричали:
«Как? Да видано ль вовек?»
Тсс... молчать! — И замолчали.
Что тут делать? — Царь отсек.

Важные исторические факты, имевшие столь сильное влияние на судьбу целого народа, не являются ль несколько в чуждом им свете, переданные таким тоном, с такой точки зрения?

Это не народный язык и не язык людей образованных, — что же это такое?.. Не беремся отвечать, — знаем только, что на такой тон нельзя написать удовлетворитель-

ного произведения о предмете, который избрал г. Бенедиктов.

Заметим еще, что стремление к оригинальности, к обычной у г. Бенедиктова вычурности и ухарской громозвучности (о которой мы ничего не сказали, потому что о ней уже было говорено слишком много) местами привело автора к неверному употреблению слов, как, например, в следующем куплете:

И в тот век лишь взор *попятишь*,
Всё оттоль глядит добром —
И доселе, *что ни схватишь*,
Отзывается Петром...

Возможно ли: *попятить взор?* Для этого единственное средство, чтоб глаза выскочили на затылок, но, *попяченные* таким образом, они едва ли сохранят способность что-нибудь видеть. Вторая половина куплета тоже неверна. Схватить можно и недостойный предмет.

Мы не распространились бы так о новом стихотворении г. Бенедиктова, если б не считали его человеком даровитым, но идущим, к сожалению, по ложной дороге (что мы несколько раз говорили и теперь повторяем с полным убеждением). Самое удачное место в стихотворении следующее:

И с ремесленной науки
Начал Он, и, в деле скор,
Крепко в царственные руки
Взял Он плотничий топор.

С бодрым духом в бодром теле
Славно плотничает царь;
Там успел в столярном деле;
Там — глядишь — уж и токарь

Приловчил к станку Он руку
И Данилыча зовет:
«Эку выточил я штуку!» —
Да и штуку подает.

К мужику придет: «Бог помочь!»
Тот трудится, лоб в поту.
«Что ты делаешь. Пахомыч?»
— Лапти. батюшка, плету;

Только дело плоховато,
Ковыряю как могу,
Через пятое в десято. —
«Дай-ка. я те помогу!»

Сел. Продернет, стянет дырку, —
Знает, где и как продеть,
И плетет в частоковырку,
Так, что любо поглядеть.

Это место хорошо — именно своей тривиальностью. Так и должно говорить о плетении лаптей, кто бы их ни плел. Но когда хотим говорить об основании города среди пустыни вследствие соображений, гениально прозревающих в даль грядущего, об устройстве флота, о распространении просвещения «на Руси, немножко дикой» (стих г. Бенедиктова), ясно, что тогда нужен тон другой.

Всё сказанное в той же степени относится к другому стихотворению г. Бенедиктова — «Отечеству и врагам его», в котором, между прочим, есть такие стихи о любви автора к родине:

Я люблю тебя во всем:
<. . . . .>
В русской деве светлоокой
С звонкой россыпью в речи,
В русской барыне широкой,
В русской бабе на печи, —

В русской песне залюбовной,
Подсердечной, разлихой,
И в живой, сорвиголовной,
Всеразгульно-плясовой, —

В русской сказке, в русской пляске,
В крике, в свисте ямщика
И в хмельной с присядкой тряске
Казачка и трепака.[1]

В пирогах, в ухе стерляжей,
В щах, в гусином потрохе,
В няне, в тыковнике, в каше
И в бараньей требухе...

Последних четырех строк нет у г. Бенедиктова, мы их сочинили, увлекшись примером поэта. Но не правда ли, они очень идут тут? Их как будто недоставало! Выражать любовь свою к отчизне любовью к трепаку или к няне и к ботвинье (блюдам, впрочем, прекрасным), смешивая эти пустяки с предметами действительно существенными и достойными сочувствия *каждого* русского, теперь уже слишком несвоевременно. Такой патриотизм давно и достойно

[1] «Библ<иотека> для чт<ения>», № 8.

отмечен прозванием квасного. Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь; в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию, указываемый ему пекущимся о благе его монархом. Пожалуй, к этим *необходимым* принадлежностям каждого истинного сына своей земли можно присоединять и любовь (как оно часто и бывает) к каждой мелочи родного быта, обычаев, нравов — до вкуса в пище. Но это уже не есть условие необходимое. Можно не любить трепака или квасу — и умереть за отечество, жертвою любви к нему и сознания своего долга. И наоборот. Любя и квас, и трепака, и очищенную, можно дойти до забвения своих обязанностей, если сознание долга в человеке слабо и любовь к родине не имеет основы разумной. Сколько у нас иностранцев, которые, пожив в России два-три года, утверждают, что не могут обойтись без русской ботвиньи, блинов, щей, каши, простого вина, но это не дает им права быть русскими, а нам предполагать в них наших братьев, горячих сынов нашей родины. Русский же, какими-нибудь судьбами проведший бо́льшую часть жизни вне отечества и даже не знающий о существовании ботвиньи или трепака, всё-таки наш брат, всё-таки русский... Дело, очевидно, не в трепаке! Обо всем, сейчас сказанном, в свое время было уже очень много говорено в русской литературе, но после прекрасных образцов разумного и благородного патриотизма нам неприятно встретиться с прежней манерой... Ничего не может быть приятнее для русского, как чтение таких произведений, где торжествует чувство патриотизма. Но надобно, чтоб это великое чувство было выражено достойным его образом!

Переходим к «Отеч<ественным> запискам».

X № «Отечественных записок» открывается повестью г. Писемского «Плотничья артель». Дарование г. Писемского достаточно известно читателям «Современника», напечатавшего в течение последних трех лет несколько более или менее удачных произведений этого писателя, как-то: «Богатый жених», роман; «Раздел», комедия; «Леший», рассказ из народного быта; «Фанфарон», нравоописательные очерки, внушенные автору, как он сам заметил, «Снобсами» Теккерея; «Виновата ли она?», повесть. Которое из этих произведений более понравилось

публике и которое действительно должно назвать лучшим, сказать теперь уже можно положительно: это «Леший», рассказ из народного быта. Подобные рассказы особенно удаются автору, и после мастерских очерков гг. Даля, Тургенева и Григоровича народные очерки г. Писемского, конечно, лучшие в русской литературе. Рассказ г. Писемского «Питерщик» доныне остается лучшим его произведением. «Плотничья артель» также принадлежит к этому роду рассказов автора, но как мы имеем намерение вскоре говорить подробно о г. Писемском, то и отлагаем суждение о ней до того времени. Это нам не мешает заметить теперь же, что народный язык в этом рассказе удивительно верен.

«Отечественные записки» относят также к отделу «Словесности» печатаемый в них уже пятый месяц «Дневник чиновника». Продолжение «Дневника» есть и в IX №. Высказав в 8 № «Современника» наше откровенное мнение о последней статье «Дневника», мы возбудили неудовольствие автора, выразившееся, во-первых, в том, что он переменил намерение поместить в «Современнике» свою статью, и, во-вторых, в письме к одному из редакторов «Современника», г. Панаеву, — письме странном, исполненном бездоказательных и ничего не доказывающих показаний; письме, которое может быть объяснено только раздраженным авторским самолюбием (см. «С.-П<етер>б<ургские> ведомости»). Так как мы вызвали эту бурю, то мы считаем долгом и отвечать г. Ж—ву, избавляя г. Панаева от лишних хлопот. Факт сам по себе прост, ясен и очень обыкновенен во всех делах жизни. Мы объясним его в двух словах. Когда начал появляться «Дневник чиновника» в печати, в нем были места довольно интересные: именно места о театре и литературе. Эти места постоянно одобрялись в «Современнике», и даже были приводимы из них значительные выписки. Очень естественно, что г. Панаев, как редактор журнала, встретясь с г. Ж—вым, изъявил ему свое желание иметь что-нибудь из его «Дневника» для «Современника»; очень естественно также, что при этом г. Панаев, может быть, не поскупился на комплименты автору, которые, надо сознаться, в таких случаях не портят дела, что может засвидетельствовать каждый журналист. Автор «Дневника» обещал свою статью, и редакция «Современника» упомянула об этом, между прочим, в своем объявлении. Между тем «Дневник» продолжал печататься, но подробности о

театре и литературе в новых статьях уже не были интересны, потому что ничего не заключали в себе, кроме сказанного в первых статьях. С потерею своей живой стороны, «Дневник» низошел в ряд таких произведений, молчать о которых или поддерживать при начале высказанное мнение становилось делом, не согласным с правилами редакции «Современника». Пришлось сказать правду, чему г. Панаев не желал противиться, ибо уважает публику и литературу более, нежели боится затронуть чье бы то ни было самолюбие. Правда эта не понравилась автору и повела за собою упомянутое выше письмо. Если бы г. Ж—в в этом письме просто объявил, что он не намерен уже печатать в «Современнике» обещанной статьи (о чем, впрочем, редакция «Современника» объявила сама *прежде* появления в печати письма г. Ж—ва, — «Современник», № 9, «Смесь»), этим бы дело и кончилось. Мы с своей стороны не имели бы ничего сказать более, но г. Ж—в распространяется о свидании с г. Панаевым, о настоятельной просьбе последнего упомянуть в программе его имя в числе сотрудников «Современника», о неоднократном *превознесении* «Дневника» ему *в глаза* (за эту вежливость скорее следовало бы поблагодарить), о бесплатном доставлении журнала г. Ж—ву (и за это также), о напечатании его имени вопреки будто бы его желанию, о двукратном извинении при встрече... к чему всё это? Что за дело до всего этого читателям? И что вышло бы, если бы г. Панаев в ответ на это в свою очередь стал передавать публике *с своей точки зрения* о своих свиданиях и разговорах с г. Ж—вым, о его обещаниях, данных г. Панаеву, и о прочем, не идущем к делу?..

Мы сказали всё, и нам остается пожелать только, что статья г. Ж—ва уже не будет в «Современнике». Но, мы надеемся, «Современник» перенесет это мужественно, помня мудрое слово Гомера:

Сердцу крушительный плач ни к чему человекам не служит.

Кстати заметим, что нет худа без добра. По поводу объяснений с «Современником» автор «Дневника» объявил свое имя. Итак, если б не наш отзыв, читатели до сей поры не знали бы, кто вел этот дневник, а для дневников и мемуаров имя — дело очень важное. Необходимо прежде всего иметь доверенность к лицу, ведущему дневник, а для этого нужно знать, кто это лицо. Теперь читатель знает, что это г. Жихарев, — вот имя, которое должно слу-

жить ему ручательством в справедливости всего того, что говорилось и будет говориться в «Дневнике». Это, будем надеяться, увеличит интерес «Дневника» для его читателей.

Что же касается до нас, то, несмотря на бурю, вызванную нашею откровенностью, мы всё-таки остаемся при нашем мнении о «Дневнике». Статья пятая, помещенная в IX № «Отеч<ественных> зап<исок>» служит новым ему подтверждением, и мы призываем судьею между нами и автором публику. Пятая статья содержит в себе более 60-ти компактных страниц. Мы их прочли — и нашли в них решительно только одну страницу интересную, которую спешим привести. Это завещание Ивана Михайловича Морсочникова, умершего в глубокой старости. Послушайте, что, между прочим, завещал своему племяннику старик-оригинал:

«Пункт IV. Поелику означенному племяннику моему Гавриле с Егорьева дня, сиречь с 23-го числа апреля, от роду минуло 21 год и оный совершеннолетний племянник мой старанием моим записан на службу в Сенатский архив, в который, по благословению родительницы своей, а моей родной сестры, ежедневное прилежное хождение иметь начал, а потому завещаю ему, племяннику моему Гавриле, первое: идучи из дома на службу, такожде и со службы домой, ни в какие увеселительные сходбища, а наипаче зазорные места не заходить, и долговременного стояния на улицах у лотков с блинами и пирогами не иметь, и разных неприличных речей и прибауток бывающих около них во множестве разного звания людей не слушать; второе: по приходе в архив довлеет ему, племяннику моему, сотворить вначале троекратное поклонение, при крестном себя знаменовании, образу Пресвятыя богородицы Казанския и по сем, с учтивостию, как благовоспитанному юноше надлежит, раскланявшись с товарищи, благочинно сесть на свое место и с достодолжным вниманием приступить к переписыванию порученной от повытья бумаги безошибочно; а буде бы таковой бумаги не случилося, то в молчании ждать приказа от начальства, а тем временем не сидеть в праздности, но иметь занятие или чинением перьев, каковых должно иметь всегда немало в запасе, или пробою оных на подкладочном листе, дабы почерк был всегда одинаков, без царапанья и крючков, на каковые крючки и разводы начальствующие особы ныне весьма негодуют. А как бывает, что в товарищах тех случаются такие насмешники и озорники, что того и глядят, как бы над благовоспитанным человеком учинить какое невежество или издевку, как то неоднократно случалось со мною в начале моего в Экспедиции служения, сиречь: якобы ненароком закапать тебя с обеих сторон чернилами, или напудрить песком, или, стянув из кармана носовой платок, запачкать оный разною дрянью и всунуть его опять в карман, а потом и спросить: „Что-де у тебя замаран нос, ты бы, мол, утерся" — а ты, бывало, хвать и вытащишь из кармана платок такой загаженный, что самому противно станет; или

же оные насмешники доходят и до такого нахальства, что иной раз приколют, невдомек тебе, сзади какую хульную картину, наприклад козла с рогами или облезьяну, и подпишут, это, мол, такой-то, а как ты из должности выйдешь, так народ на тебя смеяться станет и указывать пальцем. Почему в таковых оказиях завещеваю племяннику моему Гавриле не иметь огорчения и жалобами своему начальству не стужать, а поступать по обычаю христианскому и всякую таковую издевку и обиду принимать со смирением и в молчании, поелику обидчикам и కознестроителям судит бог, а ты им не судья.

Пункт VI. Известно моему племяннику Гавриле, что я от рождения моего никаких хмельных напитков не употреблял, и не точию заниматься горелкою или пивом, но и красного бутылочного не вкушал, и великое к оным напиткам отвращение имею, чего ради за таковую трезвость от начальства всегда похвален бывал и господом богом в здоровье не оставлен; почему и следует также и племяннику моему от горячих напитков всемерно воздерживаться и, окроме двукратного в сутки пития чаю, никаких заморских и российских ошаление производящих напитков не вкушать.

Пункт VII. Известно также племяннику моему от матери его, а моей сестры, скорбное житие мое при покойнице жене моей, Авдотье Никифоровне, — царство ей небесное и вечная память, — колико претерпел я от нее истязаний биением палкою и бросанием горячими утюгами; наипаче же за непринятие от просителей богопротивных подносов неоднократно залеплением мне глаз негодными и протухлыми яйцами: того ради племяннику моему Гавриле завещеваю жить в безбрачии; прошу господа бога, да избавится он от неистовства женского, меру терпения человеческого превосходящего; а буде бы оный племянник мой, по божию попущению, каким ни на есть случаем обрачился, то да не мудрствует и не препирается с сожительницею своею, паче же удаляется гнева ее, понеже наваждением бесовским поразить его может ударом смертельным».

Эта страница точно очень интересна, но она, повторяем, единственная. Кому не интересно знать, какой день автор, 48 лет тому назад, провел в театре и какой у Гаврилы Романовича (Державина); какие лица «разламывали пирог» над головою автора-именинника; кто на сколько похудел или пополнел в 1807 году с последнего свидания с автором, — кому подобные вещи не интересны, тот смело может не читать остальных 59-ти страниц. Или нет! Он может прочесть еще анекдот о двух секретарях посольства (англичанине и австрийце), которые поехали на охоту на медведя и убили корову, «*приняв ее за лосиху*». Их обманул мужик: «...крестьянин добыл где-то старую, яловую и комолую корову бурой шерсти, отвел ее в самую чащу леса и, бросив голодной яловке охапку сена, явился ни свет ни заря к охотникам с донесением, что он обошел следы молодой лосихи и что для удачной охоты должно следовать за ним тотчас, чтоб на месте быть до рассвета.

Разумеется, охотники тотчас же поскакали с вожатым своим в лес и, несмотря на темноту ночи, успели разглядеть в чаще лосиху, смирно стоящую и не замечающую их появления. Думать было нечего: оба Нимврода взвели курки, прицелились и в одно время» и прочее.

Если б хоть таких характерных и правдоподобных анекдотов было больше в «Дневнике» (хотя и трудно придумать, к чему они могли бы пригодиться)... Впрочем, есть еще нечто подобное. Будем точны, укажем всё, в чем есть хоть что-нибудь кроме слов и повторений старого. Вот как угощает автора какой-то Леонтий Герасимович, затащивший его к себе насильно вместе с спутником его Кобяковым:

«...долговязый хозяин явился с несколькими стаканами горячего пуншу и прямо к нам: „Милости просим выкушать!" Товарищ мой схватил стакан, но я попросил увольнения, потому что неохотно пью пунш, да и запах родимой горелки как-то неприятно подействовал на мое обоняние. „Отчего же вы не пьете?" — „Признаюсь, не люблю". — „Не хотите ли мадеры?" — „Нет, благодарю покорно". — „Да, впрочем, мадеры-то у меня и нет; не хотите ли лучше шампанского?" — „Извините, что-то не хочется". — „У меня и шампанского нет; но, может быть, вы любите сладкие напитки, малагу например?" — „За обедом иногда пью". — „Ну и малаги нет у меня. Чем же просить вас?" — „Не беспокойтесь: право, ничего не хочется". — „Да надобно же выпить что-нибудь". Тут, приставив указательный палец ко лбу и как бы спохватившись: „Знаете ли, — сказал он, — у меня есть отличный квас: не выпить ли квасу?" — „Квасу выпью с большим удовольствием, — отвечал я, — это мой обыкновенный напиток". И вот услужливый хозяин мой побежал за квасом, но через несколько минут возвратился с извинением, что квас весь вышел, но зато есть свежая колодезная вода, которую многие предпочитают невской, и потому он советует мне выпить хоть воды. Разумеется, я согласился на воду, едва-едва удерживаясь от смеха».

Каковы бы ни показались читателям два приведенные анекдота, это *лучшие места* в пятой статье. Смело и решительно утверждаем, что во всем остальном не только нет ничего достоинством превышающего их, но даже ничего равного им: всё остальное несравненно слабее и незначительнее. Кто не верит нам, тот пусть читает пятую статью «Дневника», пусть читает!

Следуя порядку размещения статей в «Отечественных записках», нам теперь должно бы говорить о статье «Очерки из старинной русской литературы», но мы не читали начала статьи, помещенного где-то в прежних нумерах журнала, и потому проходим продолжение молчанием. Критика и библиография «Отечественных записок» от-

личаются обычною дельностью, вполне выкупающею тоже обычную сухость статей. Затем следует «Смесь», в которой помещены «Просто случай», драматическая сцена И. Горбунова, и «Провинциальные типы» Ивановского-Елецкого. Обе эти вещи совершенно незначительны, но как под ними стоят новые имена, то мы скажем о них по нескольку слов. «Просто случай» — дагерротипный список с купеческого разговора — разговора не интересного, не характерного и не забавного. Под громким же заглавием «Провинциальные типы. Листки из записной книги светского человека. I. Феденька» напечатан пустой рассказ, наполненный дешевым глумлением над провинцией, которой сочинитель не знает, — может быть, потому, что не живал в ней, а вернее потому, что не в состоянии был бы узнать ее, если бы прожил в ней даже полстолетия. Ни тени дарования, наблюдательности, ума не встретите в этом *типе*. Но что всего хуже — это, так сказать, внутренний смысл повести. Герой ее, Феденька, — так называемая «широкая русская натура». Эту натуру, как многое, чем пробавляется теперь беллетристика, пустил в ход г. Тургенев своим Каратаевым (в рассказе того же названия). С той поры ее трепали, трепали и не перестают трепать, схватывая только внешние приемы и нисколько не понимая сущности характера, так верно подмеченного и художнически поставленного г. Тургеневым. Недавно еще мы встретили фразистое и надутое изображение Томилина (в повести «Поездка в деревню») с его титанической страстью к цыганке; теперь нам дают «Феденьку». Что такое «Феденька»? Автор, или «светский человек», приезжает на какой-то званый обед в провинции и жестоко отделывает с помощью своего ядовитого остроумия провинцию и провинциалов, делая на каждом шагу замечания вроде следующих:

«...на больших *провинциальных* обедах *всегда* приходится сожалеть о том, что *подают суп на донышке* <...> *провинциальные* барышни *считают за стыд* съесть кусок говядины».

Ничто и никто ему не нравится; между гостями он отличает только одного Феденьку, худенького мужчину, с волосами наполовину седыми, в поношенном сюртуке, застегнутом доверху. Это-то и есть широкая натура; он пьет лихо, задорен в ссорах, говорит отрывисто и под конец повести, как водится, рассказывает свою историю, служащую, так сказать, пояснением его меланхолии, неприличия в

поступках и страсти к спиртным напиткам. История вот какая. Феденька был игрок и забулдыга. В полку он проигрался и попросил у своей свояченицы денег. Но лучше пусть говорит сам Феденька — он так удивительно говорит!

«— Жду, стало быть, ответа... долго жду... Нет ничего!.. Я, то есть, еще, стало быть, пишу... Бац, ответ!.. Читаю, стало быть; нет, говорит, денег... неурожай, то... другое... подожди, говорит... Хорошо ждать-то!.. пить, стало быть, есть надобно... Тут, знаешь, сердце... ну, молод, стало быть, 21 год... фррр — вспыхнуло!.. влюбился, стало быть... Женился... Ангел была она, то есть, стало быть, жена-то моя... Помнишь?.. да нет, вы ее не знали..

Феденька махнул рукой и, бросив вокруг печальный взгляд, продолжал:

— Да, ангел была... вот, стало быть, женился... глядь — ей 16 лет (он написал 16 и сделал тире); мне 21 год (он поставил 21 и, подчеркнув оба числа, воскликнул): долгу, стало быть, сто тысяч!.. (И, взглянув на нас значительно, он крупными цифрами выставил под чертою: 100 000.)

Феденька задумался, снова глотнул шампанского и продолжал:

— Тут, стало быть, вдруг, здорово живешь, батюшка того... стало быть, удар... скончался... Поразило меня, знаешь... Хожу как шальной... А она, ангел, говорит: „Что, Феденька?.. воля божья...". Ну, и то и сё говорит... Знаешь, легче, как она-то тут... Хорошо-с... Не прошло, стало быть, и году, вдруг — горячка!.. девять дней, и матушка — фю!.. прощай!.. Обмер, знаешь, теряюсь... Опять она, ангел-то, жена моя... „Что, говорит, Феденька? Я, говорит, стало быть, заменю тебе всех!.." И точно... всех заменила, всех!.. Чудная была... ангел, просто ангел!.. Вот, знаешь, приехали сюда... живем... ну, и того... дети... *Глядим*, пятеро. *Откудова?* пять, стало быть... Пошли заботы... учить нужно, присмотреть... Она, бывало, смотрит, учит... Она — всё... я — ничего... Бывало, вот как... деньги возьмешь, ну, и в город... а там, глядь — стало быть, и проиграл... Скверно!.. вернешься скучный... а она тут... „Что ты, Феденька?" — „Так", — говорю... „Ну, стало быть, так". — „Да отчего?" — „Отчего... известное дело!.." — „Играл?" — „Стало быть, играл" — „И проиграл?" — „Да". Иная бы весь дом вверх дном... Фу! что бы такое!.. А она говорит: ничего, стало быть, денег достанем, — и достанет... Это там то продаст, другое — и деньги... Веришь ли, на гумно ли, например, — она... на погреб ли — она... в кухне ли там, дом ли, ну и всё — везде она... а я ничего... Я, стало быть, только с собаками...»

Так они жили двадцать лет. Он играл, пил и ездил с собаками, она изнывала в хроническом самопожертвовании и наконец умерла.

«— Умерла!.. — проговорил он дрожащим голосом. — Умерла, стало быть!.. Боялся с ума сойти... Места нет мне нигде... пусто, стало быть... Там — она, здесь — она, везде она... а здесь-то, — продолжал он, ударяя себя в грудь, — в сердце-то, стало быть, она...

всегда она!.. Вот где только нет ее! — и, быстро схватив стакан, он выпил залпом и воскликнул: — Выпьешь — и забудешь, стало быть.. Запил, братцы!.. Пью, стало быть... горе убиваю...

Он махнул отчаянно рукой, встал из-за стола, отворил дверь в переднюю и крикнул: „Степка, лошадей!" — и снова вернулся на свое место.

— Ночью, — продолжал он, — страшно... Спать, стало быть, не могу... она, вижу... Встанешь — то, другое... размежеванье... спрашивают — не понимаю... сердит всё... желчь, стало быть... Погиб без нее... пропал!.. Вот где счастье-то, стало быть... вот где!..

Феденька схватил бутылку, налил стакан и выпил всё, не переводя духу».

После этого рассказа «светский человек» молча и *«с чувством»* пожал рассказчику руку, и Феденька уехал. Не говорим уже о пошлости содержания, о неверности языка, с точками после каждого слова (что делает печатную страницу похожею на то, как будто на нее просыпали горсть пороху), — языка, которым никто не говорит, кроме заик и сумасшедших; умалчивая о ничтожности рассказа вообще, скажем два слова о смысле его. Феденька, вступающий в брак, имея на шее сто тысяч долгу, которых нечем ему заплатить; Феденька, который, женившись, нимало не делается лучше, но продолжает пить, играть и ездить с собаками, забывая о жене, о детях до такой степени, что когда ему однажды случилось счесть их и насчитать пять, он восклицает: *«Откудова?»* Феденька, принимающий любовь и самоотвержение своей жены, как животное, без мысли, без сознания, и в течение *двадцати лет* ни разу не подумавший о том, что ей это стоит? Наконец, Феденька, на которого не подействовала даже смерть жены, будто бы бесконечно им любимой; Феденька, продолжающий и по смерти жены, без всякой мысли о детях, так же точно пить и играть, как пил и играл при ней, — что такое этот Феденька, как не отъявленный неисправимый негодяй? Дайте такому человеку другую жену, он опять поступит точно так же... Кажется, ясно? И между тем всё сочувствие повести на стороне Феденьки! «Светский человек», при его рассказе *«растроганный и увлеченный, чуть было не бросился к нему на шею»,* и автор, видимо, разделяет увлечение своего «светского человека». «Светский человек», наивно очарованный вместе с автором своим Феденькою, старается (конечно, безуспешно) навязать свое сочувствие и читателю, восклицая в одном месте: «Читатель! полюбите, как и я, моего Феденьку!» Но читатель не ребенок: он, к счастию, знает, что думать о таких личностях и та-

ких авторах. Если автор хотел подражать г. Тургеневу, то пусть бы он вспомнил, что тот же г. Тургенев, написавший «Каратаева», создал лицо Веретьева (в повести «Затишье»). Веретьев также натура широкая, но которой хватает только на мерзости, — и вот этот-то Веретьев мог бы пояснить автору, что такое его Феденька. Но, впрочем, оставим автора; он не мог сделать того, чего не сделал, ибо руководился в своем рассказе только желанием написать «тип», не имея способности ни понимать характеров, ни оценивать поступки людей. Нас более занимает вопрос, зачем напечатан этот вздор в дельном журнале? Неужели из пренебрежения к той отрасли литературы, которую называют легкою? В одном месте того же нумера «Отечественных записок» сказано: «Кажется <...> число читателей, желающих чему-нибудь научиться, а не убивать время над *пустейшими сказками и романами английских фабрик,* и ныне не много увеличилось: нам часто случалось видеть неразрезанными те страницы „Отечественных записок", на которых помещены многие превосходные исторические и критические статьи» («Библиогр<афическая> хр<оника>», стр. 6). Эти слова несколько странно читать в журнале, *половина* которого ежемесячно наполняется *русскими повестями* (или — если хотите — *сказками)* и *английскими романами.* Неужели таков взгляд журнала на легкую литературу? Если таков, тогда, разумеется, всё равно напечатать «Феденьку» или «Плотничью артель», но едва ли он таков. Эта фраза, очевидно, дело опрометчивости, как и самое напечатание «Феденьки». Иначе мы не хотим думать. Можно и должно скорбеть, что дельные ученые статьи у нас не всеми разрезываются, но нет причины негодовать и огорчаться, что в журналах наших отдел словесности постоянно разрезан и, следовательно, прочтен. Это всё-таки лучше, чем если бы оба отдела оставались неразрезанными. Довольно ограничиться заботою, чтоб читаемый отдел заслуживал прочтения, и посильным содействием, чтоб наука и искусство шли у нас рука в руку, помогая друг другу в деле общественного воспитания. Нельзя сказать даже, чтоб последнее время вовсе не представляло утешительных признаков в этом отношении; вспомним, что менее 15 лет назад требования читающей публики вполне удовлетворялись романами Дюма и Фудраса, которых наперебой переводили лучшие тогдашние журналы, как теперь Теккерея и Диккенса. От Дюма и Фудраса к Теккерею и Диккенсу, от Теккерея и Дик-

кенса к русским туристам и ученым, владеющим искусством живого литературного изложения, — к Боткину, Грановскому, Никитенко (которых произведения и самые имена столько же не чужды теперь массе публики, как произведения любимых ею беллетристов — Гончарова, Григоровича и Тургенева), это всё-таки движение вперед. И оно совершилось на наших глазах, в какие-нибудь пятнадцать лет, и сами же «Отечественные записки» были едва ли не главною его причиною!

Вообще заслуги «Отечественных записок» для русского общества так велики, что каждый читатель охотно простит этому журналу и не один такой промах, как помещение слабого или лишенного смысла рассказа, но мы распространились о «Феденьке» не с намерением упрекнуть «Отечественные записки». Подобные явления, как бы они ничтожны ни были сами по себе, всегда будут обращать на себя наше внимание, если только они касаются, так сказать, нравственного значения литературы. И вот по какой причине. Мы уже имели случай заметить (в № 8 «Современника»), что литература наша в последнее время, при многих своих хороших сторонах, неприятно поражает своим всетерпящим равнодушием, апатиею, неопределенностию в воззрении своем на такие явления действительности, о которых, собственно, не должно быть двух разноречивых мнений. Доказательств этому, к сожалению, слишком много. Станем ли оправдывать такие повести, которые, представив, например, в данных обстоятельствах любовь, принесенную в жертву расчету, малодушно отходят в сторону и предоставляют публике решить: хорошо это или худо и т. д.? А таких повестей теперь довольно, и мы выбрали еще самый не резкий пример; но ограничимся им; его достаточно, чтоб нас поняли, и спросим: достойна ли литературы подобная уклончивость? и к чему она? В обществе еще бывают обстоятельства, где вы принуждены подавать иногда руку человеку двусмысленному, назвать тот или другой факт не тем именем, которого он заслуживает, — в литературе не существует такого неудобства. Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных или сомнительных явлениях. Во что бы ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она должна ни на шаг не отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала, — идеала добра, света и истины! Иначе она потеряет всё свое благодетельное влияние и придет к самым безотрадным результатам, по-

тому что, как бы много ни извиняла литература, оправдываясь, чем только можно в таких случаях оправдываться, общество всегда будет снисходительнее литературы к самому себе, и таким образом, если б искусство, перестав служить истине единой и вечной, начало служить истине относительной, идея добра и зла, нравственности и порока смутно стала бы представляться... Какова бы ни была собственно русская литература и теперешняя ее деятельность, не забудем, что она во всей своей массе служит представительницею умственной жизни народа, и будем больше уважать ее, будем служить ей осмотрительнее! Не забудем, что все те, которые с университетской или с другой учебной скамейки унесли с собою в отдаленные и разнообразные пределы отечества бо́льшую или меньшую частицу любви к науке, к литературе, уважения и доверия к умственному труду, все они следят за нашею деятельностию, ищут в ней разъяснения волнующих их вопросов, поддержки своим благородным убеждениям, оружия против невежества и закоснелости! И чем более дадим мы здоровой и плодотворной пищи их любознательности, их благородной жажде света и истины, тем прочнее и дольше удержат они в сердце своем любовь ко всему доброму, справедливому и прекрасному, любовь, так беспощадно охлаждаемую действительностию,— и тем благодетельнее будет, в свою очередь, их влияние на тот круг, в среде которого поставлены они судьбою действовать и морально первенствовать! Многое еще можно бы сказать о значении литераторов, литературы, журналистики, но довольно. Заключим, чем начали: будем же осмотрительнее как в том, что мы пишем, так и в том, что печатаем в наших журналах. Образование не забывает услуг, ему оказанных, когда-нибудь нам скажут спасибо...

Как утешение, как подкрепление для каждого честного литератора на его тернистом пути мы можем предложить небольшую статейку г. Погодина, написанную им (№ 12 «Москвитянина») по поводу «Нового издания сочинений Пушкина и Гоголя». Статейка не чужда обычных странностей г. Погодина в манере и в слоге, даже иногда в мысли; но дело в деле, а не в форме, и не в отдельных мыслях, а в целом значении статьи:

«Здесь льется кровь, там губит огонь, везде падают храбрые, принимая на свою грудь смертоносные удары врагов отечества, сердца смущаются беспрестанно различными чувствами одно другого тягостнее, страх объемлет душу, чем кончится это *Европей-*

ское Действие, которое открыло нам сначала такой блистательный, великолепный кругозор и обнялось впоследствии со всех сторон такими темными, непроницаемыми тучами... но вот объявлены в газетах сочинения Пушкина и Гоголя! Усталое внимание отвлекается невольно от ужасов войны к любезным страницам, перевертываются листы как будто сами собою, встают знакомые милые образы, сменяются радующие взор картины, слышатся сладостные, родные звуки! Мы забылися, унеслися в какую-то волшебную даль, нас вспрыснуло, кажется, живою водою, на сердце стало легко и весело, тоска неизвестности исчезла, верится в добрый конец доброго начала, русское чувство торжествует...

Удивительная сила поэзии! Удивительная сила таланта! „Честь вам и слава и горячая благодарность отечества!" — воскликнул я недавно, обращаясь к мужественным защитникам Севастополя. „Честь вам и слава и горячая благодарность отечества!" — воскликну я теперь, поминая наших славных витязей слова и мысли, являющихся перед нами вновь с заветными откровениями своей души.

Недаром получили и они почетное место в русских летописях! Победа досталась им также приступом, с бою. Чего не испытали они при жизни! Сколько тяжелых камней брошено в их безответные могилы! Злое невежество старалось всеми силами опозорить их чистое имя, наложить свое черное клеймо на их достойную память и пламенную их любовь, преданность к добру и порядку вменить чуть не в преступное злоумышление. [1]

Да! Тернистый путь вообще достался на земле поэту, художнику, ученому! Внутренние их борьбы тяжеле еще внешних ударов, которых пример сейчас мы показали. Люди светские, люди так называемые занятые, то есть служащие дневи и злобе его, люди пресыщенные и упоенные, не имеют понятия о тех нравственных терзаниях, которыми исполнена их жизнь, хоть иногда, сознаемся, и по собственной вине, составляющей горшее мучение. Толпа не может вообразить, чего стоит им часто одно выражение, которое она называет счастливым! С каким усилием вырывается из сердца звук, которым услаждается ее тонкий и взыскательный слух! Иной отшельник переживет в глубине уединенной кельи всю жизнь своего народа, испытает на себе все его болезни, перечувствует все скорби, — тяжело ему отыскивать в веках, по кровавым следам, пути его уклонений и еще тяжелее видеть между ними прямую дорогу, усыпаемую притом цветами его послушного воображения. Какое отчаяние овладевает им по временам, когда он видит невозможность противодействовать злу! Счастлив еще, что такие минуты для него не пропадают даром, что действенный след их обнаружится непременно в его сочинениях и сделается неиссякаемым источником высших наслаждений для отдаленных потомков.

Русская словесность особенно счастлива в этом отношении. Жизнь Кантемира, Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Гоголя и других наших писателей старого и нового времени представляет много высоких явлений, кои, понятые и оцененные умною историею, воссияют ярко в венце

---

[1] Здесь разумеется множество журнальных и газетных статей и толков по поводу сочинений Пушкина и в особенности Гоголя. *Пр<имечание редакции> «Москвит<янина>».*

русской славы, не уступая в блеске никаким другим государственным заслугам и гражданским доблестям, прежним и нынешним!

Но к чему их сравнивать? Они все для нас равны и все имеют одинаковое право на нашу благоговейную признательность, — в церкви и на престоле, в суде и на полчище, в избе и на кафедре, кто жизнию, кто смертию, кто годами, кто минутами, кто трудом, кто подвигом, кто постоянною службою. Пушкин нам за то

любезен,
Что чувства добрые он лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов он был полезен
И милость к падшим призывал.

Нам дорог также Нахимов, десять месяцев ежеминутно живя умиравший и сраженный наконец роковою пулей в своем родном Севастополе. Мы не нарадуемся на Иннокентия, который поет, дондеже есть, возбуждает к деятельности за правое и святое дело, прославляет доблих, утешает скорбных, призывает к трудам усталых, ободряет робких и на пажитях смерти, несмотря ни на какие опасности, спешит везде сеять глаголы живота своими красноречивыми устами. Незабвен для нас Гоголь, пламенно алкавший совершенствования и выставивший с такою любовью, верностью и силою наши заблуждения и злоупотребления, да видя содрогаемся и исправляемся. Поклонимся низко отцу Александру, совершающему молебное шествие по стенам Соловецкой обители, под градом пуль, ядер и картечей, и храброму Хрулеву, схватывающему Брянскую роту для отражения неприятелей из занятого предместия...» и прочее.

Кем бы и как бы ни были изложены подобные мысли, им не может не сочувствовать каждый литератор, каждый истинно русский вообще! Прочитав эти строки, мы невольно задумались о судьбе Гоголя и вспомнили его же слова: «Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни?..» Тот же незабвенный покойник сказал: «Мир как водоворот: движутся в нем вечно мнения и толки, но всё перемалывает время; как шелуха, слетает ложь, и, как твердые зерна, остаются недвижные истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженным строгим значением...» Да!

Между современными литераторами нет Пушкиных и Гоголей, но настоящий факт не служит ли лучшим ручательством, что всякая деятельность, отмеченная стремлением к добру и правде, любовью к отечеству, к его благоденствию, славе и просвещению, не будет забыта. Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего, и, таким образом, время делает свое дело. «Бодрей же в путь!» Правдивое признание заслуг, честь

и благодарность ожидают всякого совестливого труженика мысли. Но горе и стыд тем, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбию! Для них нет впереди света, не греет и не животворит их надежда лучшего будущего, это лучшее — час их обличения и позора! Стыд всем сплетничающим, клевещущим, барышничающим, обращающим благородное оружие литератора — мысль и слово — в орудие личных своих интересов и страстей. Но о таких мы ни слова. Таких, к счастью, нет в нашей литературе...

Кроме приведенной статейки в XII № «Москвитянина» мы обратили внимание на «Севастопольские письма» г. Б—га. В них, однако, нашли мы мало нового после статьи того же автора «Десять дней в Севастополе», о которой мы говорили (см. наши «Заметки» в 8 № «Современника»). Дело в том, что эти письма, собственно, не назначались для печати и попали в печать потому только, как говорит г. Погодин, что предыдущие статьи г. Б. «заслужили общее одобрение». Итак, письма заключают в себе по большей части то, что потом, в обделанном виде, вошло в состав статьи «Десять дней в Севастополе». Впрочем, есть в них кое-что новое. Так, с чрезвычайным интересом прочли мы следующую страницу о генерал-адъютанте Лидерсе:

«Светлый праздник я встречал торжественно: у командующего Южною армиею (Лидерса). Он после обедни принимал всех чиновников штаба и других, даже частных лиц. Лидерс — барин, любит всё это делать на широкую руку, и притом в воздухе носится к нему любовь и расположение. Человек прекрасный: Бессарабия чает от него своего спасения. Судите же, сколько к нему наскакало, и всё это в блестящих мундирах; одних генералов — ползалы битком. Были без траура. И тут же разгавливались; он, с дочерью (семнадцатилетней красавицей), угощал всех как хозяин. Она подошла первая и разрезала первый кулич, прося начинать. Потом подошел и он. Он славный мужчина и еще очень бодрый; так и летает. Я видел его в первый раз. Было нечто высокоторжественное в этих разговинах православного воинства у своего начальника, детей у отца; Лидерс умел это сделать как надо. Всего было вдоволь, на трех огромных столах, и всё было изготовлено отлично.

Войска его любят. Когда я виделся в Севастополе с волынцами (Волынский полк принадлежит к 5-му корпусу, а Лидерс — командир его), мне говорили офицеры: „Ах, нет-то с нами нашего Александра Николаевича! одни мы здесь, сироты совсем!” Действительно сироты: только и было из 5-го корпуса два полка в Севастополе — Волынский и Минский.

О личной храбрости Лидерса не переслушаешь рассказов. Вот один: однажды граната упала в кучку солдат, где был и он; тотчас ее разорвало, и полетели верешки; солдаты стали соваться

кто куда и кланяться, один он остался спокоен: „Что суешься, ребята, — крикнул он им, — от своей не уйдешь, а на чужую наткнешься!"»

Нам понравились еще небольшие стихи г. Б—га, которые он сложил, проезжая (в начале нынешнего года) под Одессой мимо пустынного Черного моря, которое плещется у самых колес едущих:

О чем ты стонешь, сине море?
Что пасмурно твое чело?
Скажи ты мне, какое горе
В твоих пучинах залегло?

Ты плачешь, море, что не стало
Тебе знакомых кораблей,
Что смело реяли, бывало,
Одни среди твоих зыбей.

Не плачь, не плачь ты, сине море,
Глубоко вопли затаи:
Пройдет твое лихое горе,
Вернутся соколы твои!

Я видел страшные траншеи
И вал из камня и земли,
Где, притаившись словно змеи,
Рядами пушки залегли.

За ними — славны ратоборцы,
Стоят и хладно битвы ждут.
Твои питомцы — черноморцы,
Им бой не в бой и труд не в труд!

Пускай придут: всё это ляжет,
Отчизне жертвуя собой...
Кто ж будет жив, кто перескажет
Про этот день, про этот бой?..

Дуфиновка, деревня под Одессой.
1855, 28 февраля.

В этих стихах слышится живой голос, живое чувство очевидца, — вот отчего такая разница между ними и множеством стихотворений на ту же тему, сочиняемых в Москве, в Петербурге и во всех городах, где есть грамотные люди и откуда только ходит почта в редакции русских журналов.

В заключение скажем несколько слов о «Современнике», которого мы не считаем удобным исключать из нашего обзора, ибо думаем, что стремление наше отразить в очерках наших сколько-нибудь характер, направление,

достоинства и недостатки настоящей русской литературы может быть достигнуто только в таком случае, если мы будем принимать в соображение и поставлять на вид читателю все стороны ее. У нас теперь четыре литературные журнала (некоторые насчитывают даже менее четырех); итак. если умалчивать о деятельности одного из этих, положим, четырех, очевидно, что цель не может быть достигнута. Притом не странно ли: сегодня я могу говорить, например, о г. Григоровиче, потому что повесть его помещена в «Библиотеке для чтения», а завтра уже не могу, потому что повесть его помещена в «Современнике»? Ведь я, как в том, так и в другом случае, не заставляю читателя верить мне, а представляю ему мое мнение, которое он волен принять или отвергнуть, согласно с своими понятиями. Такая уступка внешнему, так сказать, признаку беспристрастия, в сущности, плохая гарантия искренности мнений журнала. Добросовестный журнал хвалит то или другое произведение не потому, что оно в нем напечатано, а печатает его потому, что оно достойно похвалы, — вот наш взгляд, и в силу его мы будем говорить о «Современнике», — разумеется, коротко и только о самом замечательном в нем. Если же нам не удастся даже настолько внушить доверия к нашим мнениям, чтоб нас хоть не подозревали в подкупе, нам останется только смиренно передать перо другому. Впрочем, то, что мы имеем сказать на этот раз, более относится к русской литературе вообще, чем к «Современнику». Дельное, так сказать, практическое направление, принятое нашей литературой в последние пятнадцать или двадцать лет и состоящее в стремлении к изучению своего, национального — во всех его проявлениях и сословиях, почти не коснулось сословия военного. Со времени фразистых повестей Марлинского, в которых и офицеры и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов, мы не имели ничего о русском солдате. И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир. Подобно г. Тургеневу, который девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров и постепенно поставил перед нами ряд оригинальных, живых и действительных лиц, о которых мы до него не имели понятия, г. Л. Н. Т. в своей «Рубке леса» представляет нам несколько типов русских солдат, — типов, которые могут служить ключом к уразумению духа, понятий, привычек и вообще

составных элементов военного сословия. Еще несколько таких очерков, и военный быт перестанет быть темною загадкою. Мастерство рассказа, полное знание изображаемого быта, глубокая истина в понимании и представлении характеров, замечания, исполненные тонкого и проницательного ума, — вот достоинства рассказа г. Л. Н. Т., который, мы уверены, прочтут читатели «Современника» с живейшим удовольствием. Полагаем также, что читатели наши прочли не без интереса «Ночь весною в Севастополе» — рассказ, так просто, верно и картинно передающий до мельчайших подробностей жизнь в осажденном городе...

Кстати, в нынешней книжке «Современника» читатели встретят рассказ «Восемь месяцев в плену у французов», который мы особенно рекомендуем их вниманию. Автор — лицо новое: это *армейский солдат*, урожденец Владимирской губернии, города Шуи, Таторский. Под Альмой ему двумя пулями пробило руку, он попал в плен, был в Константинополе, был в Тулоне, потом возвращен уже без руки в Одессу, где и вздумал описать свои похождения (или, вернее, продиктовать). Рассказ его представляет несомненные признаки наблюдательности и юмора — словом, таланта... Даровита русская земля!

Заметки о журналах за октябрь 1855 года

Читатель, в то время как Россия оплакивает столько героев, со славою погибающих за отечество на войне, ей приходится оплакать еще потерю скорбную и, может быть, незаменимую. Наша юная наука, наша литература также имеют своих героев, людей бескорыстно и доблестно служащих делу просвещения; людей, свято хранящих в сердцах своих благородный огонь лучших человеческих верований, стремлений и подвигов, неустрашимо и самоотверженно проносящих этот святой огонь под дуновением временных бурь и неблагоприятных случайностей; людей, которым скромная доля ученого, награждаемого сочувствием истинных ценителей просвещения, обольстительнее всех других поприщ, где их дарования, их деятельность могли бы открыть широкий простор их личному честолюбию и своекорыстию. К числу таких людей, которых мы, подражая Карлейлю, можем назвать без преувеличения героями, принадлежал недавно скончавшийся Т. Н. Грановский. Это был один из самых даровитых и

богатых знанием ученых, это был профессор, к которому любовь его слушателей доходила до восторженного благоговения, наконец, это был человек, в котором сила и чистота убеждений, возвышенное благородство мыслей, чудная прелесть богато одаренной и широко развитой личности соединялись в прекрасное целое, благодатно полное, неотразимо обаятельное! Да, по нашему мнению, что-то цельное, что-то полное — больше чем всякая другая русская личность — представлял собою Грановский. На нем лежала печать спокойной силы, которая должна была сказаться и сказывалась, — не тратясь в колебаниях, в исканиях, — сказывалась не напряженно, но уверенно и легко. Так великая река катится по своему направлению, совершая несуетливо и важно свой непреложный, неизменный ход. Настоящим призванием Грановского была кафедра, и каков он был на кафедре, это, к счастию, знают и не забудут многие и многие русские люди. Писал он мало, и хотя сочинения его представляют несомненные достоинства, но бледно будет понятие о Грановском того, кто вздумает судить о нем по одним его сочинениям. Каков он был, наконец, в беседе, на этой третьей и самой обширной своей кафедре, об этом вообще трудно говорить, но еще труднее говорить теперь, когда рана, нанесенная смертью любимого человека, еще слишком свежа в сердце каждого, кто знал Грановского. Мы его знали, мы его любили... Вызвать из души своей ряд воспоминаний, быть может лучших в нашей жизни, душою которых был он, мы теперь не имеем силы...

Самым замечательным, самым живым, что произвела русская литература прошлого месяца, было несколько горячих, искренних страниц, вызванных смертью Грановского. Первое место здесь принадлежит небольшой статейке г. Каткова (в «Московских ведомостях», от 6-го октября), в которой горячо, сильно и глубоко сказалось сожаление о потере прекрасного и полезного человека. В ней есть счастливо уловленные черты, которые могут дать понятие о личности Грановского тому, кто не знал его (мы их подчеркиваем).

«Кто знал покойного, — говорит г. Катков, — тот поймет всю силу этой потери, всю глубину нашей скорби. Смерть похитила его в цвете сил, посреди поприща, на котором он так прекрасно, так благотворно, так славно действовал! Он унес с собою столько сокровищ, — *это обаяние избранной природы, эту ясность и юность духа, эту чистоту убеждений, эту возвышенность помыс-*

лов, этот дар возбуждения, эту чарующую прелесть слова!.. В многочисленных слушателях Тимофея Николаевича, рассеянных во всей России, скорбно отзовется эта весть. Все они хранят в себе прекрасный образ своего наставника и высокую поэзию его уроков. Московское общество стекалось на публичные его лекции и помнит эти минуты умственных наслаждений, помнит *это лицо, столь выразительное, запечатленное думою, и этот тихий, глубокий, проникавший в душу голос, и эту речь, столь оживленную, столь изящную.* Он был создан для своей науки. Его обширная, изумительная память сохраняла все подробности событий; он владел необыкновенным даром воссоздавать их для созерцания; мысль его всегда была согрета нравственным убеждением, которое и сообщало такую прелесть его слову. Чудные образы вставали перед слушателями из исторических могил, с своими заветными думами, с своею скорбию, с своим торжеством. *Нередко два-три магические слова вызывали великую историческую тень и оживляли далекую эпоху.* Как историк, он в созерцании человеческих дел преимущественно одушевлялся идеалами нравственной красоты и видел в своей науке могущественное средство для воспитания нравственного чувства. *Он был исполнен любви, мысль его была рыцарски-великодушна...*»

Всё это справедливо и прекрасно. Удивительно тепла и трогательна статья «Два слова ученика о наставнике», написанная одним из слушателей покойного профессора, *студентом*** (в № 122 «Московских ведомостей»); любовью дышит в ней каждое слово; счастливых выражений, характеризующих личность Грановского, в ней также много (мы опять их подчеркиваем):

«Так, должно примириться с мыслию: нет Т. Н. Грановского! Знавшие его уж не найдут его в своем кругу; а мы, его слушатели, более не увидим нашего *благодушного* наставника, *входящего своею тихою поступью в аудиторию, с добрым взором, с выражением спокойной думы на лице; не услышим более его симпатического голоса.* <...> Не сухую науку передавал он; *его учение было проникнуто духом живой истины,* которая везде одна, что в науке, что в жизни. *Та же благородная душа, тот же гуманный характер, та же безоблачность взгляда, те же прекрасные порывы, которыми отличался покойник в жизни. глубоко чувствовались и в чтениях его.* <...>

Ученики чтили его как наставника, любили как человека. *В его образе для них пленительно слилось значение избранного служителя науки с значением человека, которому доступно было всё человеческое, который правду своей науки вносит не в отмеренную рамку часовых уроков, но в самую жизнь свою,* так что она слышалась у него во всех его словах и действиях.

При громадной учености *он был совершенно чужд педантизма*; он отличался готовностью с одинаким участием выслушивать возражения от равного себе и низшего; *он приобретал себе уважение и славу безо всякого с своей стороны домогательства.*

Мир его праху! Пусть же всякий из нас оценит всю важность потери, которая так неожиданно нас поразила, и пусть имя Гра-

новского навеки останется в нашем университете одним из лучших его преданий, одним из лучших его залогов.

7-е октября 1855 г. *Студент **».*

Наконец, в том же 122 № «Московских ведомостей» есть еще небольшая статья, в которой развивается весьма справедливая мысль о значении Грановского как *человека общественного*.

В заключение выразим здесь наше искреннее желание, чтоб публике недолго пришлось ждать издания сочинений Грановского. Хотя Грановский как профессор, как человек общественный далеко оставлял за собой Грановского-писателя, но сочинения его представляют достоинства первоклассные. Одна уж их живая, художнически прекрасная форма при строго ученом содержании сообщает им весьма важное значение. Издания сочинений Грановского с его биографией, портретом, с приложением всего замечательного, вызванного его смертью, — вот чего ждем теперь мы, ждет вся публика от друзей покойного, между которыми есть люди, глубоко его любившие, которые при жизни готовы были многим для него жертвовать...

Переходим к октябрьским журналам. Здесь прежде всего наткнулись мы на любезное нам имя г. Фета, и — такова сила поэзии! — тяжелое, скорбное чувство, под влиянием которого писали мы следующие строки, смягчилось при воспоминании одного чудного стихотворения, которое нам всегда приходит в голову неразрывно с именем г. Фета. Мы вспомнили «Диану». Выписываем ее здесь, чтоб не слишком резко перейти и окунуться в омут журнальной ежедневности:

Диана

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми бесцветными очами
Высоко поднялось упругое чело, —
Его недвижностью вниманье облегло.
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Зефир вечеровой между листов проник, —
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные! Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

Всякая похвала немеет перед высокой поэзиею этого стихотворения, так освежительно действующего на душу; мы искренно пожалели, что г. Фет, которому природа дала лучший из даров своих — дар поэзии; который так мастерски, так художественно пластично умеет описывать Диану, вздумал описывать Марью Ивановну и тому подобные личности (см. № X «Отечественных записок». повесть «Дядюшка и двоюродный братец»). Попытка совершенно не удалась, чему мы, признаемся, душевно рады. авось вторая неудача охладит г. Фета к прозе и возвратит его к настоящему его делу — к стихам.

За повестью г. Фета следуют в «Отечественных записках» путевые заметки г. Гончарова о Маниле. Нужно ли говорить, что статья прекрасна, отличается живостью и красотой изложения, свежестью содержания и той художнической умеренностью красок, которая составляет особенность описаний г. Гончарова, не выставляя ничего слишком резко, но в целом передавая предмет со всею верностью, мягкостью и разнообразием тонов? Не далее как в прошлом нумере нашего журнала помещена статья г. Гончарова «От мыса Доброй Надежды до Явы»; статья не велика, но уже по ней могут судить читатели, как увлекательно рассказывает романист-путешественник свои впечатления.

За «Манилой» помещено начало романа Гаклендера «Европейские негры». Перевод немецкого романа в настоящей нашей литературе — такое редкое явление, что его невозможно пройти молчанием. Мы прочли первую часть и не можем поздравить журнал с особенно счастливым приобретением. Скука, бесцветность, сентенции столько же благонамеренные, сколько и лишенные жизни, холод и отсутствие малейших проблесков поэзии — вот характеристические свойства романа. Бедняк, переводящий романы для книгопродавца по гульдену и тридцать крейцеров с печатного листа, девушка, находящаяся в распоряжении своей тетки, которая имеет на нее преступные виды, внушая ей, что нужно пользоваться молодостью и красотою, и тому подобные отношения людей составляют канву романа и определяют, почему дано ему такое заглавие. Сообразно с этим расположены сцены романа. Сначала вы видите группу танцовщиц, которых не врожденная наклонность нарядила в трико, а нужда и на которых разряженные дамы из лож смотрят с презрением или равнодушием, полагая, что танцевать для них — удовольствие:

«Нет, милостивые государыни, для немногих это удовольствие, а для большей части вовсе не удовольствие. Если б места на свете раздавались по нравственному влечению людей, быть может, многие из этих танцовщиц сидели бы в ложах, а из лож многие должны бы перейти на их места, выставляя себя напоказ публике» (стр. 305).

Очень нравоучительно, но пошло и скучно. Потом вы видите девушку-танцовщицу, воротившуюся домой, где она находит нетопленую комнату, голодного изнывающего за работой отца, просящих хлеба детей, из которых одно умерло. Третья сцена: девушка обещает детям сварить «вкусную кашицу» и идет к соседке просить молока: вы знаете, что молока ей дадут, но она должна будет заплатить за него унижением. Далее похороны бедного младенца и тут же для контраста — богатые похороны. Далее сцена в конторе книгопродавца, куда бедный отец-переводчик приходит просить денег вперед; вы знаете, что ему откажут, но вы, может быть, не знаете, что случайно придет в контору богатый Артур, влюбленный в дочь старика, узнает, в чем дело, отзовет в сторону книгопродавца, и после того книгопродавец смягчится: даст старику денег вперед и предложит ему выгодные условия на будущее время... или и это вы знаете? Ну так не ищите ничего больше — по крайней мере в первой части. И все это не согрето не только поэзией, но даже теплотою чувства, лишено малейшей энергии, вяло, бледно. Не говорим уже, до какой степени всё это лишено свежести; кому не известно, что подобные сюжеты истрепаны до последней крайности давным-давно французскими писателями, имевшими на своей стороне блеск и живость изложения, чего не ищите у Гаклендера. Манера его изложения или апатично-резонерская, в большей части романа, или пошло-восторженная, как в следующем описании героини:

«Клара была среднего роста и сложена *восхитительно прекрасно*. Нога и рука ее были миниатюрны, талья гибка и прелестна, грудь высока, и вся фигура *очаровательно грациозна* <...> бледное лицо ее было, однако ж, свежо и выразительно, глаза блестящи, зубы *ослепительно свежи*» (стр. 306).

Кто в наше время, кроме немца, да еще бездарного, в состоянии такими красками изображать свою героиню? Разве в насмешку. Нет, недаром вся Европа признала, что легкая литература в Германии переживает период упадка, что черпать из нее нечего. В политических романах Гуцкова есть хоть то достоинство, что они характеризуют на-

стоящее состояние Германии, — у Гаклендера не нашли мы покуда и этого. Недавно у нас в журналах пошли толки, что английские романы надоели; что переводить всё с английского да с английского, всё Теккерея и Диккенса, наконец, скучно и однообразно... Конечно, относительно «Редклифских наследников», «Окорока ветчины» и тому подобных, пожалуй, и так, но что касается Теккерея и Диккенса, то не худо помнить, что это лучшие *европейские* таланты нашего времени; что однообразие при постоянном печатании их произведений существует только для читателей, не идущих далее оглавления журнальных книжек, и что во всяком случае поправить дело печатанием плохих немецких романов едва ли можно. Очень однообразная вещь печь хлеб всё из муки да из муки; он даже не всегда и удается, однако ж никому не приходит в голову начать печь его из песку. Никакая реформа в литературе, даже самая незначительная, не совершается насильственно, по капризу, для разнообразия; всё приходит своим чередом, по своим законам, корень которых в действительности; упадок французской литературы и в то же время блестящее развитие английской — привели русскую литературу к необходимости знакомить своих читателей с писателями Англии; может быть, очередь дойдет и до Германии...

Лучшее в романе Гаклендера — его заглавие, но оно слишком широко... Мы возвратимся к роману Гаклендера при его продолжении, если окажется нужным.

О продолжении «Дневника чиновника», украшающего собою и X № «Записок», нового сказать нечего. На нем всё еще стоит 1807 год, который новая (шестая) статья подвигает вперед семнадцатью днями (она начинается 14-м мая и кончается 31-м). Перспектива бесконечная открывается впереди. Интересного в шестой статье менее, нежели в пятой статье. Несколько лет тому назад в нашей журналистике случился такой факт: начал появляться в одном журнале перевод «Илиады», — перевод, к которому переводчик вздумал применить манеру так называемого «маненько мужицкого» слога. С первой же песни мнение о достоинстве нового перевода ясно определилось и выразилось во всеобщем изумлении к его бестактности и бесталанности. Несмотря на это, журнал продолжал печатать перевод, напечатал вторую песню, третью, четвертую, пятую... Но упорство журнала наконец должно было уступить общественному мнению — с шестой песней пере-

вод остановился... — где он? что с ним? Никому не приходит в голову и спросить, но каждый отдал справедливость энергическому поступку журнала. Нам сдается, что подобное нечто должно рано или поздно повториться с «Дневником чиновника». Другой выход едва ли возможен... Нет, виноваты! Здесь возможна середина, которою и советуем воспользоваться автору записок и его издателю. Нетрудно согласиться, что «Дневники», веденные в годы *ранней юности*, когда по самому свойству возраста человек интересуется не тем, что в самом деле интересно и ново, а более тем, что интересно и ново *для него*, когда взгляд его еще не установился, когда многого он просто не понимает и когда, наконец, сфера его деятельности ограничивается хождением в театр да по знакомым, приискиванием квартиры да посещением нескольких литераторов-покровителей, — нетрудно согласиться, что такого рода «Дневники» едва ли могут поступать в печать без значительных сокращений, — разумеется, исключая случаи, где личность рассказывающего выдается из ряда обыкновенных личностей или когда она впоследствии проявится столь блистательно, что каждая черта, относящаяся к ней, получит интерес *автобиографический*. В настоящем случае ни того ни другого нет. На что же вы сообщаете нам день в день, час в час что делал, говорил, думал г. Жихарев, когда ему было *девятнадцать* лет? Мы по собственному опыту знаем, что в эти лета каждый человек говорит и думает много не стоящего внимания. Или, вы полагаете, нам любопытен процесс ошибочных взглядов, легкомысленных выводов, пустых дел и незрелых мыслей, неразлучных с отрочеством и первой юностью? Другое дело, если б речь шла о временах, от которых не осталось бы никаких письменных памятников, кроме записок г. Жихарева...

Мы уверены, что редакция «Записок» в тот самый день, как перестанет считать наши слова личным предубеждением против автора и убедится в их справедливости, поступит с «Дневником» так же энергически, как некогда поступила она с переводом «Илиады». Впрочем, это, быть может, будет несколько круто: средний путь, повторяем, в настоящем случае самый лучший. Но убедится ли когда редакция в справедливости наших слов?

Новое издание «Сочинений Гоголя» и пяти глав II тома «Мертвых душ» начинает вызывать толки о Гоголе, к сожалению довольно бледные или односторонние, не пред-

ставляющие ничего целого. Октябрь месяц дал две статьи о Гоголе, — одну в «Библ<иотеке> для чтения», другую в «Отечественных записках».

Насколько незначительна статья г. Р—ва в «Библиотеке для чтения», не заключающая в себе ничего, кроме благородного, но вполне не удавшегося желания сказать что-то о Гоголе хорошее и новое, настолько же любопытна статья г. Писемского по поводу второго тома «Мертвых душ». Прежде всего, однако ж, нужно сказать, что эта статья не имеет ничего общего с тем, что разумеется под словом «критика». Если вы захотите искать в ней проницательного и всестороннего проникновения в сущность поэзии Гоголя, то она вам не даст ничего или почти ничего, с этой стороны следует подступать к ней даже с осторожностию и оглядкою; но в ней вы найдете несколько, так сказать, *частных* заметок о Гоголе, заметок верных, метких, и если не всегда новых, то хорошо сказанных. К таким относим мы все, что говорит автор о Тентетникове, о Костанжогло, о генерале Бетрищеве, в особенности о Хлобуеве. Но взгляд автора на Гоголя вообще неглубок и односторонен, вследствие чего значение Гоголя, его деятельность, самое его влияние — всё под пером г. Писемского, так сказать, сужено (конечно, без намерения: г. Писемский жаркий поклонник Гоголя и не без основания называет себя учеником его). Он мерит Гоголя на довольно обыкновенную мерку и приходит иногда к странным выводам. Так, он почти вовсе отказывает Гоголю в лиризме (подумал ли критик, на какое бедное значение низводит он одним словом великого писателя и как бы это было прискорбно, если б было справедливо?). Это делает он на основании двух-трех неудачных лирических отступлений в первом томе «Мертвых душ». Но почему же г. Писемский позабыл «Невский проспект», позабыл «Разъезд», в котором найдем чудные лирические страницы, позабыл «Старосветских помещиков», чудную картину, всю, с первой до последней страницы, проникнутую поэзией, лиризмом? Ах, г. Писемский! Да в самом Иване Иваныче и Иване Никифорыче в мокрых галках, сидящих на заборе, есть поэзия, лиризм. Это-то и есть настоящая, великая сила Гоголя. Всё неотразимое влияние его творений заключается в лиризме, имеющем такой простой, родственно-слитый с самыми обыкновенными явлениями жизни — с прозой — характер, и притом такой русский характер! Что без этого были бы его книги! Они были бы только

книгами — лучше многих других книг, но всё-таки книгами. Гоголь неоспоримо представляет нечто совершенно новое среди личностей, обладавших силою творчества, нечто такое, чего невозможно подвести ни под какие теории, выработанные на основании произведений, данных другими поэтами. И основы суждения о нем должны быть новые. Наша земля не оскудевает талантами, — может быть, явится писатель, который истолкует нам Гоголя, а до тех пор будем делать частные заметки на отдельные лица его произведений и ждать, — это полезнее и скромнее. Что до нас, то мы всегда принадлежали и надеемся впредь принадлежать к тем, которые, по словам г. Писемского, питали *«полную веру в лиризм Гоголя»,* и думаем, что в России много найдется людей, думающих одинаково с нами. Напрасно г. Писемский ссылается на «горячего, с тонким чутьем, критика», который будто бы, *«по преимуществу»,* открыл в Гоголе социально-сатирическое значение. Критик, о котором говорит г. Писемский, выше всего ценил в Гоголе — Гоголя-поэта, Гоголя-художника, ибо хорошо понимал, что без этого Гоголь не имел бы и того значения, которое г. Писемский называет социально-сатирическим. Вспомним, что самое слово «поэт» в применении к писателю-прозаику начало на Руси появляться в первый раз в статьях этого критика по поводу Гоголя. А до него у нас думали, что поэтами называют только людей, пишущих стихи.

Нельзя согласиться также и с некоторыми частными замечаниями г. Писемского о второй части «Мертвых душ». Так, нам кажется, и неверно, и неуместно по тону замечание его о Кошкареве, которого г. Писемский называет карикатурой:

> «...а чтоб придать ему (продолжает он) хоть *сколько-нибудь человеческую форму*, автор называет его *сумасшедшим.* Лицо это совершенно не удалось, и в создании его вы решительно не узнаете не только юмориста, но даже сатирика, даже пасквилиста, и оно *мне* совершенно напоминает *изображения Европы, Азии, Африки, Америки в виде мифологических женщин, как будто страна, хоть, например, Азия, может быть остроумно и понятно изображена в фигуре женщины, с черными волосами, с огненными глазами и, пожалуй, с кинжалом в руке...»* (стр. 71).

Это описание лубочной картинки и красноречивое осмеяние ее, несмотря на всю тонкость свою, едва ли найдет себе сочувствователей в применении к одному из лиц,

выведенных Гоголем. Что Кошкарев, как многое во втором томе «Мертвых душ», нуждается в окончательной отделке, что он, может быть, даже нуждается в ней более, чем другие лица, с этим согласится всякий, но страсть возводить свое частное хозяйство на степень административного учреждения, откуда, как ручьи в широкий бассейн, всё притекало бы к личности хозяина, усилие поправить недостаток порядка не отвержением системы, а расширением тех же мер, самое помрачение Кошкарева на этой идее (мы сомневаемся в его полном сумасшествии и во всяком случае не думаем, чтоб Гоголь мог взять сумасшествие, это античеловеческое состояние, для придания Кошкареву *человеческой формы)* — все это задатки такого характера, который даже и в первоначальном, слабом очерке никак не дает нам права на сравнение его с лубочными картинками, украшающими комнаты станционных смотрителей. Еще менее верен, по нашему мнению, укор г. Писемского Гоголю за анекдот о *«черненьких и беленьких»,* осуждаемый критиком как неудачный и лишенный значения. «Следовало бы, — говорит он, — взять более резкий и типический случай, которых много ходит в устных рассказах». Это решительное *«следовало бы»* замечательно в устах начинающего писателя, который сам называет себя поклонником и учеником Гоголя. Очевидно, что здесь г. Писемский, как писатель не без таланта, увлекся мыслию о том, как сам бы он выполнил эту сцену, и пришел к убеждению, что он выполнил бы ее лучше. Только следствием такого убеждения мог быть приговор столь решительный и откровенный, и только поэтому читатель встречает его без улыбки. Лучше ли бы выполнил эту сцену г. Писемский — это вопрос, но в суждениях наших о недостатках и ошибках Гоголя не забудем, что он был не только художник, но и проницательный, строгий критик своих произведений. Не забудем также, что анекдот о «черненьких и беленьких» обошел всю Россию прежде, чем вторая часть «Мертвых душ» явилась в печати, возбуждая всюду смех, тысячи забавных применений и служа коротким и резким определением множества однородных с ним фактов: значение, которому суждено долго за ним оставаться. Это ли доказательство, что анекдот выбран неудачно? Нет, мы сомневаемся, чтоб кем либо мог быть выбран пример с большею меткостью и вместе умеренностию, обличающею такт истинного художника. Правда, много ходит устных рассказов, и Го-

голь, конечно, знал их не менее каждого из нас. Но многие ли удостоились чести целиком попасть в его сочинения?

Нечто родственное с замечанием, о котором мы сейчас говорили, и — так сказать — поясняющее его слышится нам в следующей фразе г. Писемского, ведущей, впрочем, к весьма дельной заметке о Костанжогло: *«Зная отчасти Россию и вглядываясь внимательно...»* — и проч. Зачем вы говорите нам о вашем знании России, когда вызвали нас послушать о Гоголе? Это невыгодно для вас.

Еще одно замечание, может быть незначительное, но когда речь идет о таком писателе, как Гоголь, то лучше сказать лишнее, чем не договорить. Нам не понравилось, что г. Писемский прилагает к Гоголю слово «пасквилист», то есть мы не думаем, чтоб подобным названием он оскорблял его память,— замечание, которое сделал об нас один критик по поводу подобного обстоятельства,[1] но мы думаем, что оно совершенно нейдет к Гоголю. Под словом «пасквиль, памфлет» в самом лучшем их значении разумеется сатира односторонняя, носящая на себе горячечный след страстей и увлечений времени, ее породившего, не обегающая решительных приговоров о лицах, еще действующих, о событиях, еще не успевших определиться. Ничего подобного не найдете в сочинениях Гоголя. Можно наверное сказать, что во всей России ни один человек не найдет, чем обидеться *лично* во всех его сочинениях, чего нельзя сказать о последнем фельетонисте с покуше-

---

[1] В «Москвитянине» № 13 и 14 г. А. Григорьев объявляет с укором, что «Современник» *позорит* память Пушкина, *перепечатывая пасквили на него,* на том основании, что мы, говоря об отношениях к Пушкину критики его времени, перепечатали, между прочим, пародию на Пушкина из «Телеграфа». Этот упрек можно только объяснить следующими словами г. же Григорьева: «Признаемся, — говорит он в своей статье, — мы с *злобной радостию* следили за промахами современной критики». В злобе редко человек сохраняет здравый смысл и способность видеть вещи такими, каковы они есть. Не г. Григорьеву учить нас любить и чтить память Пушкина, не г. Григорьеву, который, вступаясь за память одного покойника, не нуждающегося ни в чьей защите, в то же время покрывает осуждением другого, нуждающегося если не в защите, то в полном признании своих заслуг, — и с каким спокойствием делает это г. Григорьев, знающий твердо, что те, которые бы хотели вступиться за того, на кого он нападает, не имеют в руках своих равного с г. Григорьевым оружия! Это лишило нас всякой охоты говорить подробнее о статье г. Григорьева и входить с ней в какие-либо прения, чего она заслуживает по некоторым дельным и метким замечаниям, рассеянным в ней наряду с бессмыслицами и комическим самохвальством.

нием на остроумие по поводу промокших сапогов пешехода. Чем дарование слабее, тем легче и неизбежнее пасквиль закрадывается в произведение; но он *ни насколько* не входит в творчество или перестает быть пасквилем. Гоголь был юмористом в самом высоком и чистом значении слова, со всем спокойствием и беспристрастием художника, возводящего явления жизни в перл создания. Это выражение, столь часто, но не всегда удачно повторяемое, в приложении к его произведениям имеет полный и прекрасный смысл.

В заключение мы должны повторить, что статья г. Писемского всё-таки приятное явление среди фельетонной мелкоты, на степень которой низошла современная критика.

При малочисленности специальных изданий наши литературные журналы по необходимости должны иногда отдавать несколько своих листов каким-нибудь важным историческим материалам. Положим, что это дело, собственно говоря, чуждое журналу, издающемуся не для одних ученых, а для всей публики, требующей от журнала не «собрания грамот и актов», а статей, удобных для чтения. Но журналы могут отвечать в подобных случаях: «Если этот матерьял не будет напечатан у нас, то он останется вовсе не напечатанным» — и против такого ответа нечего сказать, при том условии, что матерьял, о котором идет дело, важен для истории и не был еще известен публике. Но какая необходимость помещать в журнале статью, которая состоит из утомительных перепечаток и нимало не важных выписок? Такова именно статья г. Д. Р—ого «Академия художеств до времен императрицы Екатерины II» («Отеч<ественные> зап<иски>», № X). Одну половину ее составляют выписки из «Полного собрания законов», другую — протоколы заседаний членов Академии с 8-го июня по 9-е ноября 1748 года; первые совершенно излишни по своей общедоступности, вторые — по незначительности содержания. За исключением этих бесполезных страниц и сухого перечня таких фактов, которые уже были излагаемы много раз, остаются в статье пять или шесть страниц, которые, может быть, пробежит будущий историк Академии художеств, — именно правила для художников, состоявших при Академии наук в 1756 году. Этот регламент еще не был издан и не совершенно лишен значения, хотя и не слишком важен. Г. Д. Р—ий пользовался, как видно, архи-

вом Академии и мог бы составить хороший очерк ее деятельности, если б не думал, что для составления истории довольно переписать несколько важных и гораздо более вовсе неважных бумаг.

Гораздо интереснее статья г. П. П. Семенова «Гольфштром, его причины и отношения к развитию цивилизации в Европе». Г. Семенов обещает целый ряд подобных статей под общим заглавием «Отрывки из истории природы», и мы желаем, чтоб он исполнил свое намерение, — труды, цель которых распространение воззрений науки, всегда приносят пользу и находят сочувствие в публике, если написаны с таким основательным знанием, как первый из этих отрывков (помещенный также в № X «Отеч<ественных> зап<исок>»). Теплое морское течение от берегов Америки к западным берегам Европы, известное под названием Гольфштрома, — один из важнейших феноменов природы, объясненных в последнее время, и г. Семенов подробно, ясно и довольно живо излагает его причины и благодетельное влияние на климатические условия Европы, от которых зависит развитие цивилизованной жизни. Можно заметить только, что автор, по-видимому, приписывает Гольфштрому уже слишком исключительное влияние на умеренность европейской температуры и считает это течение единственною причиною различия между теплым климатом Европы и холодным климатом Северной Америки: эти факты зависят также и от других причин, не менее сильных. Европа отделена от полюса морями, Северная Америка примыкает к полярным льдам; Африка служит для Европы огромною жаровнею, если можно так выразиться; Северная Америка не имеет под тропиками огромного материка, который бы нагревал ее; таких причин различия между климатами этих двух стран найдено много, и все они клонятся к выгоде Европы и невыгоде Америки. Поэтому нельзя вполне принять вывод г. Семенова, что «без Гольфштрома органическая жизнь Европы застыла бы под корою почти не растаивающих льдов, как на гудсонбейских прибрежьях», — для того нужно было бы совершенное изменение в расположении гор и самого материка Европы, появление вместо Африки на юге огромного открытого к полюсам материка на север от Великобритании и проч., изменение в направлении господствующих ветров и т. д.; таким образом, недостаточно и объяснение холодного климата, господствовавшего в Европе в одну из предшествовавших геологических

эпох, только несуществованием тогда Гольфштрома. Но за исключением одностороннего и преувеличенного понятия о могуществе климатических действий Гольфштрома — односторонности, которая, быть может, сгладится последующими «отрывками» г. Семенова, всё остальное изложение его статьи должно назвать прекрасным.

В «Москвитянине» № 13 и 14 (одна книжка) помещено продолжение «Севастопольских писем» г. Б—га. В них, как и в предыдущих, попадаются места интересные. Жаль только, что г. Б—г в них, так сказать, распахнулся (а это не для всякого писателя выгодно), дал полную волю своему перу и к делу начал примешивать безделье такого рода:

Всё, как прежде, в Севастополе...
Были вылазки на днях —
Много нехристей ухлопали
В их же балках и во рвах.

Ходят ялики и ботики
К Графской пристани... а я
Так же роюсь в «Библиотеке»,
Хоть от бомб там нет житья...
и пр.

Сколько необходимо и важно сохранение даже самых мелких подробностей обороны Севастополя, столько же не нужно сохранение подобных виршей, в которых не только нет ничего хорошего, но даже есть нечто неприятное, в особенности бестактное.

В «Москвитянине» нашли мы еще стихотворение «Цветок на могилу незабвенного К. Н. Батюшкова». Плохое. Не стишки нужны бы теперь о Батюшкове, а дельная его биография, но дождемся ли мы ее? Неизвестно.

Кстати о биографиях. В последних нумерах «Журнала Министерства народного просвещения» помещен «Очерк жизни и трудов князя П. А. Ширинского-Шихматова». Статья читается с большим интересом, которым она преимущественно обязана подробному изложению деятельности покойного как государственного человека, имевшего свою долю влияния на народное просвещение. Любопытно проследить, словами биографа, деятельность князя Ширинского-Шихматова в период его министерства. «Уже двадцать шесть лет пред сим, — говорит г. Елагин, — служил он беспрерывно в том же министер-

стве<...> следственно, ему вполне был известен механизм всех частей этого ведомства <...> оставалось познакомиться <...> с другими учреждениями министерства, вне столицы<...> с этой целию совершил он путешествие в Москву, Харьков, Киев, Варшаву и Вильну. <...> Во время путешествия он вел подробный дневник, весьма любопытный, в который вошли все лекции, читанные в его присутствии, все вопросы, обращенные им к преподавателям и учащимся, наставления, данные тем и другим, заключения о некоторых профессорах, обративших на себя внимание по дару слова и знанию своего предмета, и вообще все замечания, относящиеся к преподаванию наук и к хозяйственному состоянию заведений. Дневник этот, по обширности своей, не может войти в наш очерк», — говорит г. Елагин. Об этом нельзя не пожалеть: мы убеждены, что дневник покойного изобилует любопытнейшими фактами, которые необходимо должна принять к сведению история русского просвещения. Продолжаем биографию князя. При самом вступлении в управление министерством князь усилил местный надзор за преподаванием закона божия в Петербурге... Те же меры введены и в других важнейших городах России. Затем князь обратил внимание на самое преподавание закона божия. Далее по вопросу: «Полезно ли преподавание философии и не следует ли принять меры к ограждению юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительных мудрствований новейших философских систем» — последовало:

«1) С упразднением преподавания философии светскими профессорами в университетах С.-Петербургском, Московском. Св. Владимира, Харьковском и Казанском, а также в Главном педагогическом институте и Ришельевском лицее возложить чтение логики и опытной психологии на профессоров богословия, назначаемых к этой должности по сношению Министерства народного просвещения с Духовным ведомством православного исповедания;

2) программы логики и психологии утвердить по соглашению тех же ведомств».

Далее:

«При личном обозрении учебных заведений министр удостоверился, что существовавшее дотоле приготовление студентов к учительскому званию не совсем достигало своей цели <...> и потому учреждена кафедра педагогики во всех университетах, кроме Дерптского. <...> При устройстве важнейших ветвей министерства и цензурное управление в империи получило новое образование, более соответствующее потребностям времени. Число чи-

нов Главного управления цензуры увеличено назначением высшего разряда лиц и сановников по особому высочайшему к ним доверию. Цензура привозимых из-за границы книг усилена распространением состава Комитета цензуры иностранной и зависящих от него учреждений. Против ввоза запрещенных книг приняты деятельные меры: между прочим, отменен прежний порядок, которым предоставлялось самим книгопродавцам снимать таможенные пломбы с ящиков с заграничными книгами и разбирать их без свидетельства цензуры. Цензорам возвышены оклады и дарованы новые преимущества; но вместе с тем постановлено правилом, чтобы цензорская должность не соединялась в одном лице ни с какою другою служебною обязанностию. Такова была деятельность князя Платона Александровича в первый год по назначении его в министры. В следующем 1851 году он не только занимался поддержанием устроенного, но и продолжал начатое с успехом и пользою. Особенное, неослабное внимание обращал он на дух и направление преподавания. В университеты, педагогический институт и лицеи введена программа для преподавания нравственного богословия, <составленная> в Московской духовной академии, рассмотренная московским митрополитом Филаретом и одобренная Св. Синодом. <...> В Московском университете введена новая благодетельная мера. Многие родители студентов, не имея постоянного пребывания в Москве, затруднялись в приискании приличного помещения для детей своих, обучающихся на собственном иждивении. Для доставления таким родителям большего ручательства в нравственном воспитании детей их князь П<латон> А<лександрович> разрешил принять в университет до 50 своекоштных студентов пансионерами. <...>

В высших учебных заведениях и гимназиях ввелось произношение западное, так называемое *эразмово*, возникшее в Германии в XV веке из схоластических споров, которое делает западных еллинистов и последователей их непонятными природным грекам, нашим единоверцам. В отвращение сего неудобства князь П<латон> А<лександрович> всеподданнейше испросил высочайшее повеление, чтобы в высших и средних заведениях употреблять коренное греческое произношение (*рейхлиново*), введенное искони в православные духовные академии и семинарии. Вскоре после того состоялось распоряжение по поводу возникшего сомнения насчет достоверности показания преподобного Нестора о времени основания русского государства. Министр собрал мнения известнейших русских ученых об этом предмете и с своим собственным заключением представил на высочайшее воззрение, вследствие чего повелено: держаться строго летоисчисления преподобного Нестора и руководствоваться оным в точности во всех учебных заведениях Министерства народного просвещения, где преподается русская история. Таким образом отвращен ученый исторический раскол, могший подать повод к бесполезным спорам и неправильному учению в отечественной истории. В том же 1852 году, желая содействовать распространению русского языка в Финляндии, князь Платон Александрович предложил, чтобы финляндские студенты, посещающие на собственном иждивении русские университеты, были, по свидетельствам о бедности, освобождаемы от платы за слушание лекций. <...> В конце этого года тяжкая болезнь посетила князя Платона Александровича и заставила его проситься для излечения к заграничным минеральным во-

дам <...> больной, однако ж, — говорит биограф, — не терял надежды возвратиться к своим полезным занятиям, но смерть остановила усердие и рвение князя П<латона> А<лександровича> к общему благу».

Затем в биографии следует обозрение литературной деятельности покойного, также в своем роде представляющее много любопытных фактов. Нельзя не заметить, что вся биография написана тщательно и проникнута глубоким уважением и сочувствием к покойному князю и его деятельности.

В X № «Библиотеки для чтения» особенно понравился нам небольшой очерк г. Яновского «Кушник», переносящий нас в безлюдье глубокого Севера, в самую глушь Архангельской губернии. Недурен также очерк г. Максимова «Нижегородская ярмонка». Хорошо переведены г. Крешевым две «Оды» Горация: 1) «Помпею» и 2) «Слуге». Мы искренно желали бы сказать что-нибудь хорошее о стихотворении г. Никитина «Неудачная присуха», но хорошего ничего сказать не можем. Г. Никитин не без дарования, но он лишен чувства меры, не богат вкусом и не выдерживает народного тона своих стихотворений — недостатки, портящие почти каждую его пьесу. И в «Присухе» есть удачные стихи, именно всё, что относится к описанию глупого деревенского парня:

Лицо некрасиво,
На вид простоват,
Но сложен на диво
От плеч и до пят.
<. . . . .>
И с радости дома
Так парень мой спал,
Что бури и грома
Всю ночь не слыхал!
<. . . . .>
На крепкие руки
Припав головой,
Колотит от скуки
Об лавку ногой, —
<. . . . .>
И вдруг повернулся,
Плечо почесал,
Зевнул, потянулся
И громко сказал...

Но всё остальное в стихотворении, кроме выписанных нами строк, слабо, бесцветно и очень растянуто.

В «Современнике» № X мы не считаем лишним указать

на статью Карлейля «О героях и героическом в истории». Так как она принадлежит писателю с европейской известностью, то мы можем ее хвалить сколько душе угодно, не опасаясь никаких подозрений. Но хвалить Карлейля — дело лишнее. Это один из самых знаменитых людей нашего времени. Только на Руси он почти не был известен. И мы не можем достаточно возблагодарить В. П. Боткина, который взял на себя труд познакомить русскую публику с гениальным мыслителем. Подобный труд не мог бы быть выполнен обыкновенным переводчиком: нужно проникнуться любовью к писателю, сочувствием к его воззрению на жизнь и природу, нужно, сверх того, самому иметь талант, чтоб передать на другой язык эту оригинальную, увлекательную прозу, так не похожую на обыкновенный литературный язык, — прозу, приближающуюся к поэзии более, чем множество стихотворных произведений. Сила и глубина мысли при лирической стремительности, картинности выражения — вот достоинства Карлейля в подлиннике; они перешли и в перевод. К этому мы еще можем прибавить, что есть вещи, которые мало прочесть один раз: часто только при вторичном чтении раскрываются читателю их лучшие стороны. Статья Карлейля принадлежит к таким вещам.

В нынешнем XI № «Современника» попросим читателей обратить внимание на рассказ г. Окова и на стихотворение г. Гранкина. Но не считаем нужным указывать на статьи гг. Боткина и Дружинина и еще менее на повесть г. Тургенева. Что касается до г. Тургенева, то для славы ему недостает только одного: чтоб явился какой-нибудь ожесточенный гонитель его произведений, разобрал бы их по косточкам и доказал бы до очевидности ясно, что они никуда не годятся. Но что прикажете делать! Нет и нет такого человечка! Точно так, как нет и такого, который написал бы о них дельную статью, раскрыв, почему он так им сочувствует, и доказав, что сочувствие это вполне справедливо. Критика в апатии... Впрочем, что касается до брани, то не забудем, что г. Тургеневу доставалось достаточно в первое время его поприща. У всякого писателя своя судьба. Иного бранят с начала поприща, иного посередине, иного при конце; редко, но бывают и такие счастливцы, которых бранят и с начала, и посередине, и при конце.

Заключим наши заметки литературной новостью. Недавно г. Тургенев окончил и отдал уже нам новую свою

повесть под названием «Рудин». По объему это целый роман, а по содержанию, как последнее произведение таланта развивающегося, новая повесть г. Тургенева представляет и новые достоинства. «Современник» считает себя счастливым, что может начать свой следующий год таким произведением...

Заметки о журналах за ноябрь 1855 года

Читатель, вам, вероятно, часто случалось слышать, а может быть и самому говорить, что в наше время в самом воздухе есть что-то располагающее — как бы сказать? — к откровенности, к излияниям, к признаниям, — одним словом, к сознанию, с которым неразрывно связано стремление к усовершенствованию. Благородная, великая черта времени! великая и высокоутешительная черта в народе, могучее доказательство здоровья и силы, залог прекрасного будущего! Эта черта отразилась, между прочим, и на русской литературе. Кто читает журналы, тот не мог не заметить, что в последнее время критика наша вступила в акт сознания, сознания своей мелочности, пустоты, раздробленности, крайнего потворства, пристрастия и бессилия. Это сознание постоянно росло, становилось смелее и наконец в прошлом месяце выразилось ясно, резко и до самоотвержения благородно Откуда бы ни подул первый ветер, нам приятно сказать, что честь смелого и прямого признания принадлежит «Отечественным запискам». Приглашаем читателей пробежать следующую страницу:

«...когда журналы привыкли к своим рутинным пределам и заключили в них все литературные и богатую часть самостоятельных ученых трудов — все журналы начали *обозревать* друг друга... Шутка сказать! Журнал обозревает другой журнал! Можно себе представить, как прилежно, усердно они устремили друг на друга взоры. Часовой, который ходит на каланче, не смотрит так пристально на дым, вылетающий из трубы вверенной ему части, как обозреватель начал обозревать литераторов и сотрудников, — не проронит ли из них кто-нибудь обмолвки, а редакция не пропустит ли опечатки. Но это бы еще ничего: это мелочи, а мелочи всякий легко заметит. *Зло крылось не там, а в отношениях критики к литературным талантам.* Тут журналист и литератор были поставлены <...> в странные отношения. Положения между журналистами и литераторами возникли такие: или литератор (подлежащий критике) вовсе не участвует в журнале, или, напротив, он исключительно участвует в одном этом журнале. Это два самые простые положения, которые могли быть объяснены предубеждением автора против одного журнала и любовью к другому, лю-

бовью писателя к одному изданию и нелюбовью к другому, потому что с направлением одного он согласен, с направлением другого не согласен. Одним словом, какие бы ни были причины, но в этом случае они не сложны, и следствия их легко могут быть объяснены. Похвалы критики в этом случае, или справедливые, или пристрастные, для читателя могут быть ясны. Повторяем: это положение самое простое. Но дела изменялись, когда автор, участвующий в журнале, переходил в другой журнал; мнения о писателе в этом случае начинали обыкновенно колебаться по причинам, о которых публика никак не могла догадаться. С одной стороны, писателя начинали больше хвалить, с другой — начинались легкие гонения, которые крепчали и крепчали, по мере того как отступничество автора делалось невозвратным. Во всех этих положениях авторам нужна была некоторая самостоятельность и гордость, чтоб выносить хладнокровно, а может быть и с презрением, подкопы неприязненного журнала под его репутацию. Во всех этих случаях нашей журнальной жизни автор должен был обладать некоторою твердостью характера... Но что прикажете делать тому, кто не обладает этою силою характера в достаточной степени или кого, по доброте душевной, увлекают многие или даже все журналы, который не имеет твердости отказать одному, сказать прямо жесткое слово другому? Они должны участвовать во всех журналах! Это положение, самое выгодное для писателя, но в то же время и самое бесцветное, ставит журнальных обозревателей просто в тупик. *Все теории, весь вкус, весь навык писать рецензии делаются здесь недостаточными, чтобы скрыть шаткость отзывов. Посудите сами, как тут быть. Писатель, которого, например, я намерен разбирать во враждебном журнале, написал, положим, дурную статью. Что должен я сказать? — что она дурна и что у автора мало таланта? Но этот автор пишет и в моем журнале, и, отзываясь невыгодно о нем, я бросаю подозрительный свет и на свой собственный журнал. Я должен хвалить его? Но тогда автор, приобретший дурную привычку помещать свои статьи во всех журналах, пользуясь такою снисходительностью, будет помещать только дурные статьи в моем журнале, а все лучшие во враждебном...* Как быть? Ведь у нас нет еще журнала исключительно критического. Мы нуждаемся в стихах, мы нуждаемся в повестях, мы нуждаемся в ученых статьях. *Талантливые сотрудники известны наперечет. Что ж, если мы начнем прямо, добросовестно высказывать им в глаза наше мнение? Этак, пожалуй, они отойдут в другой журнал...*» («Отеч<ественные> зап<иски>», № XI, стр. 22).

Всё это истины горькие, но не подлежащие сомнению! К ним следует только прибавить, что, в то время как в верхних слоях журналистики все эти печальные явления обнаруживались постепенно, в формах более или менее приличных, доходили лишь *до известной степени*, оставляя иногда место правде, уважению к искусству и к читателям, в слоях второстепенных дело пошло иначе: пристрастие, отношения, мелочные закулисные соображения стали на первом плане, и кроме них ничего уже не хотела знать критика тех журналов, в которых уважение к истине

никогда не было первенствующим началом.[1] Критика быстро пошла к падению, — остановить этот поток не было никакой возможности, ибо в общей схватке на критической арене не осталось уже ни одного бойца без пятна и упре-

---

[1] Чтоб убедиться, до чего дошло наконец это критическое растление, довольно пробежать следующие статейки, явившиеся не далее как в прошлом месяце. Не в том дело, что разбираемые статьи не нравятся критику, но с какой точки он смотрит, какие побуждения им руководят! Вот отзывы XI № «Библиотеки для чтения» о «Современнике» и об «Отечественных записках»:

«Октябрьская книжка „Современника", журнала *чисто* литературного, очень бедна... Во всех летних книжках этого журнала вообще весьма мало было *чисто* литературного; и теперь в первом отделе много заглавий и мало содержания... Есть, правда, три стихотворения; но они слишком бледны, чтоб придать хотя некоторое значение этому *многозаглавному* отделу. Что нового, где поэзия в таких, например, стихах: *(Выписка из стихотворения г. Полонского «На Черном море».)*

Где тут поэзия? или в следующих: *(Выписка из стихотворения г. Фета «Хижина в лесу».)*

После этой колючей поэзии господин Некрасов, которого стихотворения опять *почему-то* появились в „Современнике", ведет вас в больницу. „Зачем?" — спрашиваете вы. Мы, читатели, здоровы. Лечите лучше своих поэтов... Современная поэзия становится великодушной. Она спускается в больницы, ищет больных сочинителей, попрекает им: зачем они не дают о себе знать. Кому? Не редакции ли? Поэт посещает больного *сочинителя* и потом воспевает свой благородный поступок: *(Выписка из стихотворения г. Некрасова «Больница».)*

Неужто это вся октябрьская поэзия „Современника"? Поищем, нет ли еще где-нибудь поэзии...

А, вот она, дорогая гостья! В „Смеси" на странице 169 читаем:

В пирогах, в ухе стерляжей,
В щах, в гусином потрохе,
В няне, в тыковнике, в каше
И в бараньей требухе...

Вот в чем заключается современная поэзия, *по мнению „Современника"*. Кто же автор этого прекрасного куплета? Уж не бедный ли сочинитель написал это по выходе из больницы, в порыве громадного аппетита, после непоэтической овсянки!..

После *„бараньей требухи"*, так удачно уложившейся в стих, странно было бы искать высшей поэзии в стихах журнала *чисто* литературного... Несравненно более поэзии находим в статье „От мыса Доброй Надежды до Явы". Непонятно, каким образом такая хорошенькая вещь очутилась в книге, где нашла себе место *„баранья требуха"*... *Жаль только*, что этот далекий и чисто поэтический переезд уместился *на семи* листочках *разгонистой* печати.

Вот образчик из этих путевых записок: *(Выписка из статьи г. Гончарова.)*

ка, который смело, с полным правом мог бы возвысить свой голос против распространяющегося зла. Но всему есть граница; в самом падении лежит возможность обновления и восстания, — разумеется, для тех, в ком не вовсе умерло животворящее начало истины. Влияние страстей, личных отношений, соперничества не чуждо до некоторой степени всякой деятельности в ее кипучем пылу, но когда

Непосредственно за больничною поэзиею г. Некрасова следует не повесть, не рассказ *сочинителя* — нет, следует импровизированный рассказ *рядового*, следовательно, вещь нелитературная, не имеющая никакого притязания на изящную словесность, точно так же как и *„баранья требуха"*.

За рассказом „рядового" напечатано что-то драматическое г. П. Меньшикова. Это *что-то* названо „Хорошим человеком". Что сказать вам о „Хорошем человеке", в котором нет ничего хорошего? Приведем о нем приговор какого-то г. Таубе: *(Выписка из комедии г. Меньшикова.)*

На четвертом месте изящного отдела поставлена редакциею „Елена", *всё еще не повесть*, а только *рассказ* г. Нарской. *Поместив этот рассказ после рассказа „рядового", редакция достаточно показала, что отдает преимущество последнему.* А напрасно! Рассказ г-жи Нарской едва ли не выручает первый отдел журнала: это миленькая вещь, не имеющая больших притязаний, простой полевой цветок, *явившийся только не по времени года.* <...>

— Что же это такое, скажите на милость? За кого вы меня принимаете? Пожалуйте мне книгу... Читатель надевает очки и принимается перелистывать октябрьскую книжку. Наткнувшись на Уатта, он с гневом перевертывает несколько листов и останавливается на „Героях". Читает: „Язычество, *Скандинавская мифология, Один". Это науки!* В отделе наук *переводная статья Т. Карлейля! Что же тут современного и интересного?*

Из этой назидательной статьи о героях читатель узнает, что Один, главнейший скандинавский герой, „был из того же самого вещества, как и все люди"... <...>

О летописи говорить нечего; а в журналистике мы встретили много остроумного о вышеупомянутой „бараньей требухе" да прямые и косвенные доказательства тому, что лучшие современные статьи помещаются в „Современнике".

— Хе-хе-хе, действительно, это должно быть справедливо...»

Затем следуют точно такие же отзывы об «Отечественных записках». Нельзя выдержать, чтоб не привесть некоторых особенно счастливых мест:

«Во главе октябрьской книжки „Отечественных записок" поставлен „Дядюшка с двоюродным братцем", повесть сочинения г-на Фета. От *колючей поэзии* господин Фет перешел к *пустынной прозе.* Переход совершен быстро и безопасно. <...>

— Еще так недавно вы повели меня с вашей поэзией прямо в больницу, — куда же теперь потащите?

— Куда нередко тащат из больницы, — на кладбище, *почтеннейший.* Послушайте, как там отрадно, успокоительно: *(Выписка из стихотворения г. Жемчужникова «На кладбище».)*

страсти заходят слишком далеко и ложь в ее более податливых представителях готовится праздновать полное торжество, дерзко колебля треножник искусства, а с ним и правды, — личные страсти должны умолкнуть! Иначе нас заподозрят, что никакие движения, кроме этих мелких страстей, нам недоступны, и будет гибнуть бесплодно даже и то в нашей работе, что есть в ней истинного и чистого.

— Нет, далее не хочу, не читайте... Неужто нет другой поэзии в октябрьской книжке „Отечественных записок"?

— Как не быть. Есть, да еще тропическая... Есть Манила...

— Что это? Уж не провинциальный ли тип? Вроде тех, какие были в сентябрьской книжке? Нет, избавьте меня от таких типов. Не хочу ни *Манилы*, ни *Заманилы*, ни *Приманилы*.

— Откуда вы взяли, что Манила тип? Это остров, на Великом океане, понимаете?

— Да куда вы меня тащите, всё глубже да глубже... Что мне там делать, на диком острове?

— Какой дикий остров, что вы? На Маниле вас очаруют смуглые испанки, которых вы так любите.

Начинаем читать „Манилу": (*Выписка из статьи г. Гончарова.*)»

И так далее. Кажется, нам нечего ни пояснять, ни прибавлять к выписанным строкам? И талант, и вкус, и такт, и сокровенные побуждения — всё умел высказать критик. Но вот другой пример — отзыв «С.-Петербургских ведомостей» о «Библ<иотеке> для чтения»:

«Мы начали разбор географическим словарем, потому что география преобладает в октябрьской книжке „Библиотеки для чтения", где *вовсе нет ни одной оригинальной повести* и вместо того помещены три географические статьи: „Мосуль, из путешествия по Востоку" г. Березина, „Нижегородская ярмарка", очерк г. Максимова, и „Кушник", воспоминание из Затайболы Мезенского уезда, Архангельской губернии, г. Яновского; последний рассказ *набран мелким шрифтом* и, очевидно, *перенесен из „Смеси"* в „Словесность" *для увеличения ее объема.* Заметим кстати, что все эти словесные статьи занимают всего *пять листов*, считая в том числе огромные и пустейшие стихи г. Никитина „Неудачная присуха" (до 300 стихов) и два перевода г. Крешева, якобы из Горация, в которых есть рифмы *„трусам"* и „лицом *длинноусым*" и гладкие стихи вроде следующих:

Тебе, с кем зеленью, бывало, мы увьем
Густые волосы.

Всё *остальное* занято переводными романами (*восемь* листов) и смесью (о географическом словаре мы уже говорили). Есть, правда, тут еще *несколько страниц*, посвященных литературной летописи, разбирающей *только две* книги» и т. д. («С.-П<етер>б<ургские>вед<омости>», № 249).

И к этому прибавлять нечего? Разве напомнить, что всё это называется критикой!

Вот с какой точки зрения считаем мы приведенное выше признание «Отеч<ественных> зап<исок>» чрезвычайно важным и благородным. Дело самой публики определить, кому какая доля принадлежит в ныне обличаемом зле, но, если нужно, и мы с своей стороны готовы дойти до самообвинения, лишь бы сделать возврат к прежнему ходу дел невозможным. Вот о чем должно теперь подумать — и подумать серьезно. Всякая перемена к лучшему начинается с отрицания прежде бывшего, с сознания его несостоятельности или полной негодности. Акт этого сознания совершился. Нужно идти далее. Но ведь отношения журналов к пишущим, пишущих к журналам — остаются те же... Следовательно, что же делать? как же быть? Неужели после честного и откровенного сознания в негодности системы снова возвратиться к ней? бранить чужих, хвалить своих, снова пустить в ход фигуры умолчания, уклончивости, задавая читателю шарады там, где он требует дела, и постепенно дойти опять до перечисления опечаток, переборки старых фельетонов и доброжелательных намеков, что у такого-то журнала не хватает денег на расплату с сотрудниками, тогда как у другого сундуки ломятся от золота?.. Это было бы слишком горько, это было бы постыдно. И если что-нибудь подобное будет, то мы спешим сказать, что не перо, пишущее эти строки, посягнет на такую работу и — нам приятно было бы думать — не перо, написавшее благородную статью в XI № «Отечественных записок». Но вот мы и договорились до единственного средства, которое, по нашему крайнему разумению, может помочь делу. Это средство очень простое, о котором не раз толковалось, но которое теперь само вызывается к применению. Это средство — выставлять имя под журнальными обзорами и всякими критическими и полемическими статьями. Изо ста дурных дел девяносто девять совершаются во мраке и только одно при дневном свете. Свет — хорошая вещь во всем и всегда. Чем сложнее и таинственнее машина, в которой скрипят перья, затекают десятки рук и которая на тридцатый день выбрасывает в книжные лавки толстую книгу с повестями, науками, критикой, фельетонами, тем злоупотребление мнений удобнее, соблазнительней и безнаказанней. Сегодня пишет один, через месяц другой, там третий. Кто написал ту статью, кто другую, не знает не только публика, но даже не всегда знают близкие к литературе люди. Они знают только, что в таком-то журнале работают такой-то и такой-то, и че-

ловек, напечатавший вчера нечестную статью, сегодня является в их круг совершенно спокойно, с ясным и открытым лицом. Для него, таким образом, нет суда не только общественного, но даже и своего домашнего. Совесть его с каждым месяцем делается менее щекотливою, он доходит быстро до решительного бесстыдства, и позор его деятельности разделяется между всеми его товарищами, падая даже на таких, которые имеют и честные убеждения, и любовь к искусству и только горько пожимаются при известии, что такая-то или такая-то статья приписывается им. Обтерпевшись и видя, что, как ни действуй — всё одно, и эти последние не всегда строго выдерживают характер: журнальная ржа проедает понемногу даже честные и сильные души... Не говорите нам о том, что за мнения журнала отвечает журнал, журналист, редакция. Это, может быть, было хорошо прежде, но теперь этого недостаточно. Все знают, что не вы одни пишете в вашем журнале, следовательно, вы отвечаете за других... а кто же не знает, что в деле моральной ответственности отвечать за других значит почти то же, что ни за кого не отвечать? То ли это, что отвечать за себя, за *свой* ум, за *свою* честность. Самый нещекотливый человек задумается произнесть сомнительное слово, если должен его скрепить свидетельством своего имени. Конечно, где не бывает исключений. Есть люди, ворующие среди белого дня, с открытым лицом; но если б для похищения чужой собственности достаточно было протянуть руку, не обнаруживая лица, сколько протянулось бы рук?

Вы теперь очень спокойно говорите и печатаете, что «авторы и *критика* сообща *обманывали* публику» («Отечественные записки», № XI, «Журн<алистика>», стр. 25). Какая критика? Критика журналов, отвечаете вы. Но попробуйте поставить вопрос таким образом: *кто* был орудием этого обмана в таком-то журнале? Кто в таком-то? Вы увидите тотчас, что отвечать будет не так легко. Вот почему важна подпись имен. Она важна и в другом отношении. Публика наша никогда не отдавала своей симпатии журналу без того, чтоб эта симпатия не выразилась определенно в сочувствии к тому или другому лицу, действующему в журнале. Так было с «Телеграфом», так было с «Отечественными записками» сороковых годов. И зато какая вера была к журналу, какая живая связь между им и читателями! Если лицо, влекущее симпатию публики, само не сказывалось, публика узнавала его сторонними путями и осво-

бождала журнал от великодушной и смешной роли ответчика. Только в последние годы ход дела изменился, конечно не к лучшему, — живые личности, говорящие с публикой, всегда были и будут для нее интереснее отвлеченного представления «журнал», который теперь предлагают взамен их. Итак, дайте же простор личностям, покажите, чьими устами вы говорите? публика скоро разберет, кто говорит дело, кто нет; быть может, найдутся такие люди, которые пробудят ее симпатию, — тем она будет верить, а об остальных будет знать, что думать. Таким образом, выиграет и литература и справедливость, а вы освободитесь от затруднительного положения, на которое теперь не без основания жалуетесь. Теперь говорят: «„Современник“ (или «Отечественные записки») меня обругали...», а тогда будут говорить: «Такой-то критик меня обругал». Конечно, тут остается еще выход оскорбленному авторскому самолюбию в претензии, зачем журнал напечатал неблагоприятный отзыв... Но это только до времени, пока критик не приобретет авторитета. Однако ж время кончить эти скучные рассуждения. Какими бы они ни показались читателю, мы их набросали здесь в доказательство нашей готовности сделать всё, что можем, с своей стороны, для того чтоб русская критика вышла на прямую дорогу.

Может быть, кто-нибудь нам скажет: всякое дело, предлагаемое другим, должно начинать с себя: почему ж вы не выставляете имени под вашими статьями? До сей поры мы этого не делали из опасения увеличить взыскательность читателей к нашей спешной работе, но если б наше предложение нашло сочувствие, мы с удовольствием принесли бы эту, в сущности ничтожную, причину в жертву нововведению, которое считаем полезным и нужным.

В то время как таким образом проявляется усилие облагородить современную критику, а с тем вместе и поднять в общественном мнении литературу, находятся люди, которые... действуют совершенно в другую сторону. Так, недавно «Северная пчела» возобновила свои нападения на Гоголя, но так как эти выходки были уже обличены,[1] то

---

[1] «Санкт-Петербургские ведомости», № 259. Статья М. Р. «Несколько слов о Гоголе». Вот что, между прочим, сказано в этой статье:

«Автор „Всякой всячины“, или так называемых *субботников* „Северной пчелы“, г. Ф. Б., не довольствуясь вечными нападками на Гоголя как писателя, пользуется всяким случаем, чтобы кстати

мы переходим прямо к тому, что говорится в № 255 «Северной пчелы» о Пушкине. Автор статейки г. К. П. недоволен трудом г. Анненкова и как издателя, и как биографа. Издание ему не нравится за опечатки (и в этом он прав — до некоторой степени), а биография — за то, что г. Анненков *не выставил* Пушкина таким, каким разумеет его г. К. П. По словам г. К. П., г. Анненков «как будто задал себе задачу *не договаривать ничего»,* представлять «многое в *превратном виде* и *хвалить* Пушкина, точно как члены Французской академии...» и прочее... Хвалить! а, по мнению г. К. П., следовало делать совершенно противное!

«Конечно, теперь еще нельзя говорить о нем *всего*; но чрез осьмнадцать лет после его кончины, при утвердившейся незыблемо славе его как поэта, можно и должно определить: какого рода

и некстати уязвить его достоинство как человека. Выходки его в этом роде часто переходят пределы приличия. Года два назад, при разборе вышедшей тогда книги „Опыт биографии Гоголя", г. Ф. Б. излил весь запас своего гнева: он перебрал, как говорится, всю роденьку покойного; вывел на сцену незнание иностранных языков; издевался над малороссийским его произношением, над всем, над всем!.. Наконец, г. Ф. Б. представил Гоголя человеком сомнительной честности... Вспомните тон, с каким он отозвался тогда насчет „часов", подаренных этому последнему Жуковским...

Как ни желал я в то время по мере сил вступиться за честь драгоценного для русской литературы имени, но скрепя сердце должен был промолчать, потому что опровергать подобные вещи значило бы нанести величайшее оскорбление памяти нашего незабвенного юмориста. Между тем недавно, в субботу, 5 ноября, в № 244 „Северной пчелы" г. Ф. Б. по поводу напечатанной в октябрьской книжке „Отечественных записок" статьи о сочинениях Гоголя возобновил свою старую песню. Очень хорошо понимая, что убедительнейшим доказательством необыкновенного дарования автора „Мертвых душ" служат единодушная похвала и одобрение с которыми были встречены его творения, невзирая ни на какие увещания поклонников Хераскова, силившихся доказать противное, фельетонист „Северной пчелы" придумал средство обратить в ничто этот важный, сам за себя говорящий факт, приписав ему какую-то таинственную причину, какую-то интригу, которая будто бы обморочила в пользу Гоголя всю читающую публику. „В одной части сочинения моего «Воспоминания и проч.» (говорит он), которая, может быть, выйдет в свет *лет через пятьдесят по моей смерти*, я расскажу подробно, как и почему совершилось это чудо (?), а теперь приподнимаю только кончик завесы, за которою скрывается это происшествие". Не правда ли, — способ прекрасный унизить человека, и рассчитан недурно. Когда-то еще пройдут эти пятьдесят лет и кто станет тогда заботиться о „Воспоминаниях" г. Ф. Б.; а между тем он теперь этим глухим намеком, как безыменным письмом, может весьма удобно задеть доброе имя покойного автора и очернить его в глазах легковерных» и проч.

был он поэт? Для этого необходимо рассмотреть направление и философию того общества, в котором он воспитался до юношеских лет, изобразить теорию, господствовавшую в словесности. указать великих современных поэтов иностранных, которые имели на него влияние, наконец, представить характер и жизнь самого Пушкина — и нам объяснится всё в его сочинениях: и достоинства их, и недостатки, и легкие успехи поэта в первое время его деятельности, и озлобление, которое возбудил он против себя в современниках *своею изменчивостью, своим тщеславием, которому готов был жертвовать всем*».

Так вот чего *не договорил* г. Анненков! Пушкин отличался *изменчивостию!!!* Пушкин готов был *всем жертвовать тщеславию!!!* Но где же факты? где доказательства? Ни фактов, ни доказательств нет, да и быть не может.

«Пушкин слишком долго следовал философии, господствовавшей во Франции и у нас в начале нынешнего столетия, и хотя в последние годы своей жизни он чувствовал, как *ничтожно* растрачивались поэтические его силы, хотел расширить круг своей деятельности, делал попытки в разных родах, *но слабость характера мешала и вредила ему во всем: и в жизни, и в сочинениях, заставляя часто изменять направление.* Основною причиною этому была *сроднившаяся с ним гибкая философия, от которой не мог он освободиться*».

Всё это грустно читать. Опровержения тут не нужны, но странно — неужели г. К. П. думает, что кто-нибудь поверит ему нá слово в таком деле? От пушкинского периода, прекраснейшего периода нашей литературы, уцелело еще несколько людей, не без пользы и славы проходивших одно с ним поприще, — людей, дорогих каждому русскому благородством характера и всей своей деятельности и за то облеченных доверием общества, — пусть бы еще кто-нибудь из таких людей сказал нам что-нибудь подобное... и тогда поверить этому было бы невозможно... Но дело в том, что никто из таких людей ничего подобного не скажет,— иначе они не были бы тем, что они есть, не были бы достойными Пушкина современниками, любившими и любящими в нем и друга, и человека, и поэта — гордость и славу своего отечества.

Всё дальнейшее в статейке должно еще более удивить читателя:

«Ею (гибкою философиею) проникнут весь знаменитый рассказ об Онегине, пленительный красотою и прелестью многих стихов. умных отступлений, лирических мест, но выражающий собою и весь образ мыслей поэта. Он любуется, изображая светского шалуна, он *не понимает* ничтожности этого светского себялюбца и вместе с ним подсмеивается над многим, что вовсе не смешно.

Онегин готов, из корыстных видов, лицемерить у постели умирающего дяди, готов убить друга за пустую размолвку и важничать, почти как Хлестаков, перед провинциялами и провинциялками, чтоб (высшая цель!) наконец играть жалкую роль в светских салонах. Всё это изображает поэт, явно поставляя Онегина выше всех его окружающих, обрисовывая *с каким-то одобрительным самодовольством* его фанфаронские затеи, его ничтожность, пустоту».

Опровержения и тут излишни. Всё, что усиливается заподозрить в Пушкине г. К. П., — его глубокая любовь к искусству, серьезная и страстная преданность своему призванию, добросовестное, неутомимое и, так сказать, стыдливое трудолюбие, о котором узнали только спустя много лет после его смерти, его жадное, постоянно им управлявшее стремление к просвещению своей родины, его простодушное преклонение перед всем великим, истинным и славным и возвышенная снисходительность к слабым и падшим, наконец, весь его мужественный, честный, добрый и ясный характер, в котором живость не исключала серьезности и глубины, — всё это вечными, неизгладимыми чертами вписал сам Пушкин в бессмертную книгу своих творений, и пока находится она в руках читателей, ни г. К. П., ни подобные ему не подкопаются под светлую личность поэта намеками на какую-то *изменчивость, гибкую философию...* и прочее. Мы первые знаем, что Пушкин не нуждается в защите, и пишем эти строки только для успокоения нашего личного негодования... да еще, может быть, с благодарностию прочтут нас люди очень молодые, но успевшие уже полюбить литературу и в ней Пушкина. В таких юношах, очень естественно, г. К. П. может затронуть чувство ученика, перед которым оскорбили бы его любимого наставника. Им мы можем сказать: не слушайте ни г. К. П., ни подобных ему. Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде, — и поучайтесь из них. Читайте биографию Пушкина, написанную Анненковым, — верьте приведенным в ней фактам (они не выдуманы и не преувеличены), поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину и, если бог дал вам талант, *идите по следам Пушкина,* стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!

За мнениями о характере Пушкина следует в статейке приговор его литературной деятельности. Опровергать эту часть не стоит, но можно, для забавы читателей, вы-

писать некоторые суждения г. К. П.: «...его повести в прозе — произведения умного, искусного писателя, но не вдохновенного поэта. Он писал их с *трудом,* и сначала очень неудачно». Далее следует уверение, что пушкинская метода сочинения напоминает *работу наборную,* и в пример приводится пять строк из «Летописи Горохина», почти слово в слово повторенных в «Дубровском» (описание запущенного барского двора). Так. Но г. К. П. позабыл прибавить, что «Дубровский» и «Летопись» явились в печати уже после смерти Пушкина. Если б Пушкин печатал эти повести сам, то, конечно, изменил бы сходное место; а что подобные перемещения больших и малых отрывков из одного сочинения в другое встречаются в черновой работе у всех писателей — и великих и малых, — об этом, кажется, не нужно и говорить. Затем следует обвинение: зачем Пушкин не был поэтом всеобъемлющим, писателем превосходным во всех родах.

«Хорошо почти всё, что писал он; даже хороши „История Пугачевского бунта" и критические его статьи; но не такие сочинения дают право называть его первостепенным поэтом. Он великий поэт лирический, лучший наш версификатор; *но* вдохновение его *всегда кратковременно, изменчиво,* и оттого, можно сказать, *недоставало его ни на поэму, ни на роман, ни на драму.* Что такое его „Борис Годунов"? Прекрасные отдельные сцены, *но не драма, которая могла бы быть представлена на театре».*

В заключение своей статейки г. К. П. простодушно замечает: *«...вот какого* рассмотрения сочинений Пушкина *желали мы...»* Верим, но любопытно знать, много ли в России найдется людей, разделяющих ваше желание?

В ноябрьских журналах после прекрасной статьи (или, вернее, поступка) «Отечественных записок» замечательны некоторые строфы стихотворения г. Бенедиктова «К России». Оставляя слабую сторону стихотворения, выписываем удачные строфы, доказывающие, что г. Бенедиктов, когда захочет, может явиться истинным поэтом, без погремушек, без трескотни, сильным простотой и правдой, неразлучными спутниками поэзии:

Пусть нас зовут врагами просвещенья!
Со всех трибун пускай кричат, что мы —
Противники всемирного движенья,
Поклонники невежественной тьмы!
Неправда! Ложь! — К врагам готовы руку
Мы протянуть: давайте нам науку!

Уймите свой несправедливый шум!
Учите нас: мы вам «спасибо» скажем;
Отстали мы? Догоним и докажем,
Что хоть ленив, но сметлив русский ум.

Вы хитростью заморскою богаты,
А мы спроста в открытую идем,
Вы на словах возвышенны и святы,
А мы себя в святых не сознаем.
<. . . . .>

И кто из нас или нечестный воин,
Иль гражданин, но не закона страж,
Мы скажем: «Царь! Он Руси не достоин,
Изринь его из круга: он не наш».
Твоя казна да будет нам святыня!
Се наша грудь — Отечества твердыня,
Затем что в ней живут и бог и царь,
Любовь к добру и пламенная вера!
И долг и честь — да будут наша сфера!
Монарх — отец, Отечество — алтарь!

Не звезд одних сияньем лучезарен.
Но рвением к добру страны родной,
Сановник наш, будь истинный боярин,
Как он стоит в стихах Ростопчиной!
Руководись и правдой и наукой
И будь второй князь Яков Долгорукой!
Защитник будь вдовства и сиротства!
Гнушайся всем, что криво, низко, грязно!
Будь в деле чужд Аспазий, Фрин, соблазна,
Друзей, связей, родства и кумовства!

И закипят гигантские работы,
И вырастет богатство из земли,
И явятся невиданные флоты,
Неслыханных размеров корабли,
И *миллион громаднейших* орудий,
И явятся — на диво миру — люди,
И скажет царь: откройся свет во мгле
И мысли будь широкая дорога
Затем, что мысль есть проявленье бога
И лучшая часть неба на земле.

Повесть г. Михайлова «Наш дом» («Библиотека для чтения») не кончена, роман г. Григоровича «Переселенцы» («Отечественные записки») только что начат. Итак, по отделу словесности говорить не о чем, но можно выписать следующие строки, доказывающие, что г. Дружинин и в самой легкой своей вещи умеет обронить умную мысль, теплое слово:

«Кто из нас не провожал когда-либо приятеля, на минуту внесшего небольшое развлечение под тихую нашу кровлю, не следил глазами за его исчезающим экипажем и не дивился странности ощущений своих в это время? Действительно, странные ощущения испытывает деревенский житель в день отъезда своего гостя! Как длинны кажутся часы, еще вчера проходившие так быстро! Как холодно и пусто глядит окрестность, которою за несколько часов назад восхищался наш посетитель! Боже мой, какою уныние наводящею пеленою лежат эти ровные, вспаханные поля и другие поля, налево, с которых только что снят яровой хлеб! Как всё глухо и неприветливо в старой роще, сколько желтых листьев навалилось за один день и как шелестят они под ногами! Сад противен, прислуга бродит нехотя, яблоки валяются по дорожкам, бабы приходят на озеро с какими-то грязными лоскутьями и, намочивши их, колотят колотушками, от которых раздается резкий однообразный стук по всему берегу! Солнце как будто перестает греть, и с наступлением вечера небо подернивается зеленоватыми тонами — признаком наступающих холодов. Ночью надо ждать мороза, а вы как будто приготовились к тому, что завтра все цветы ваши померзнут, листы опадут все, а соседние пригорки исчезнут под белой скатертью снега, посреди которой серыми волнами станет плескаться холодное, шумливое, печальное озеро!» («Деревенский черкес», рассказ, «Библиотека для чтения»).

В «Отечественных записках» выше всяких похвал статья г. Кудрявцева «Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском». Все знавшие, любившие и ныне оплакивающие Грановского, конечно, пошлют из глубины сердца благодарность г. Кудрявцеву за эти трогательные строки. В статье о «Пропилеях» заметили мы стремление к витиеватости слога, которое, кажется, пора оставлять. Пусть судят читатели, — вот небольшой пример:

«Жуковский свершил, *по-видимому*, свое человеческое и авторское поприще, *которому положены известные пределы самою природою*. В продолжение целого полувека он *сиял незакатным светилом на горизонте* русской *поэзии* и, по прекрасному выражению одного известного нашего писателя, много оставил нам „нетленных слов", равносильных „благим делам". Судьба, так безжалостно похитившая у нас Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя в пору высшего развития их таланта, по отношению к Жуковскому была, *по-видимому*, милостивее к русской литературе» и прочее.

В заключение мы должны приветствовать нового деятеля на журнальном поприще. Читатели уже знают из объявлений о предпринятом в Москве г. Катковым «Русском вестнике». Судя по программе и по именам сотрудников, это будет дельный и прекрасный журнал. Во всяком случае имена людей, стоящих в<о> главе издания, служат

несомненным ручательством, что наша литература приобретет в «Русском вестнике» деятеля доброкачественного и добронравного...

N3. Только что заключили мы эти «Заметки», а с ними и настоящую книжку «Современника», как получили от Ап. Ник. Майкова следующее стихотворение, которое и спешим представить нашим читателям, извиняясь перед поэтом, что помещаем стихотворение здесь, так как первый отдел книги уже заключен:

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Земная комедия

(Памяти Пушкина)

Над прахом гения свершать святую тризну
Народ притек. Кто холм цветами украшал,
Кто звучные стихи усопшего читал,
Где радовался он и плакал за отчизну.
И было сладко всем. Одним в его стихах
Всё новая краса и сила открывалась;
В тех — к родине любовь сильнее разгоралась,
И всякий повторял с слезами на глазах:
«Да, чувства добрые он пробуждал в сердцах».
Но вдруг среди толпы я крик ужасный внемлю.
То наземь кинулся как жердь сухой старик.
Он корчился, кусал и рыл ногтями землю,
И пену ярости точил его язык.
Его никто не знал. Но старшие в народе
Припомнили, что то был старый клеветник,
Из тех, чья ненависть и немощная злоба
Шли следом за певцом, не смолкли и у гроба,
Дерзая самый суд потомства презирать.
И вот, поднявшися и бормоча без связи,
На холм могильный стал кидать он комья грязи.
Народ, схватив его, готов был растерзать,
Но Вождь мой удержал: «Ваш гнев певца обидит, —
Сказал, — Стекайтеся, как прежде, совершать
Поэту память здесь и гроб его венчать,
А сей несчастный — пусть живет и видит!».

А. Майков.

1856

Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года

Читатель, прежде чем говорить о новых книжках журналов, необходимо хоть бегло оглянуться на истекший литературный год: каков бы ни был он в других отношениях, не помянуть его добром со стороны русского литератора было бы величайшею неблагодарностию. В литературе нашей давно не было года столь живого, богатого, благотворного по своим последствиям. В этом году русская публика получила издание своего национального поэта, — издание, достойное того великого значения, которое имеет Пушкин в истории развития русского общества. В этом же году русскому обществу дан был Гоголь, которого прежних изданий едва достало для десятой доли читателей, желавших наслаждаться и поучаться творениями великого русского комика. Уже этих двух фактов достаточно, чтоб сделать 1855 год надолго памятным для каждого истинного ревнителя отечественного просвещения. Но это еще далеко не все: пути, которыми вливается просвещение в публику, значительно расширены: в 1855 году получили право существования несколько новых журналов. Не касаясь столетнего юбилея Московского университета и многого другого, что не относится прямо к литературе, но будет иметь благодетельное влияние на развитие нашего просвещения вообще, — переходим к отдельным литературным явлениям, характеризующим 1855 год.

Здесь прежде всего мы опять должны остановиться на труде, связанном с именем Пушкина. Мало сказать, что в 1855 году русская публика получила удовлетворительное издание «Сочинений Пушкина». Нужно еще сказать, что публика в этом году в первый раз получила понятие о личности своего любимого поэта, — личности,

достойной, по своим возвышенным качествам, изучения, подражания и поклонения. Первый том нового издания Пушкина, носящий название материалов для его биографии, есть капитальная книга, каких немного во всей русской литературе. Ее, без сомнения, должно поставить в<о> главе литературных явлений 1855 года. Мы уже довольно сказали в первой нашей статье, по поводу нового издания Пушкина («Совр<еменник>», 1855, № 2), о труде г. Анненкова, который дал нам возможно полную картину жизни и творчества Пушкина, возведенную строгой обработкою к форме самостоятельного литературного произведения, и теперь должны только прибавить, что труду г. Анненкова кроме его литературного достоинства принадлежит, по справедливости, значение важной общественной заслуги. Когда вопрос касается биографии Пушкина и честного исполнения такого труда, подобное выражение не должно никому казаться преувеличенным.

Не забудем также, что издание Анненкова обогатило русскую поэзию несколькими новыми сокровищами, которые должно считать принадлежащими 1855 году, так как только в нем они сделались достоянием публики. Мы говорим о новых стихотворениях и прозаических отрывках Пушкина, найденных г. Анненковым при тщательном пересмотре бумаг поэта и украсивших собою новое издание. Такие пьесы, как «Воспоминания в Царском Селе», «Муза» («Наперсница волшебной старины...» — см. «Совр<еменник>», 1855, № 2), вторая половина превосходной пьесы «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...» — см. «Совр<еменник>», 1855, № 2), как пушкинский «перевод XXIII песни Ариостова „Orlando furioso"», новые строфы из «Домика в Коломне» и мн. др., конечно, увеличили богатство русской литературы более, чем некоторые современные изделия большого объема. А сколько пьес неоконченных, недоделанных, блещущих искрами поэзии, рассеяно в биографии, составленной г. Анненковым! Кто умеет наслаждаться поэзией, для того в перечитывании «Материалов» скрывается источник бесконечного наслаждения. Один такой отрывок, как сейчас следующий, может наполнить на целый день душу, склонную к изящному, избытком сладких и поэтических ощущений:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Какая поэзия! какая музыка! и сколько тут читаешь между строками! Поэт жалеет о своей няне; а кого нам жаль? Нам жаль его самого больше, чем няню, о которой мы забываем, слушая эту музыку любви и сиротливой грусти, исходящую из благородного, мужественного, глубоко страдающего сердца! Или, лучше сказать, нам никого не жаль: при чтении подобных вещей господствующее чувство — наслаждение.

И таких отрывков в издании Анненкова десятки! Не умеет наслаждаться поэзией тот, кому ничего не говорят эти отрывочные, недописанные строки, оставляющие за собой перспективы для мысли, для чувства, как звук

Внезапно порванной струны...

Нам случалось встречать и таких людей, которые, запасшись первым изданием Пушкина (в 11 томах), думают, что они знают великого русского поэта и что им узнавать более нечего: «всё-де остальное — обрывки да обракованный автором хлам». С такими господами мы не намерены входить в спор и можем только изъявить свою радость, что таких господ немного, в чем убеждает нас быстрый, блистательный успех издания г. Анненкова.

В 1855 году кроме издания прежних сочинений Гоголя вышли в свет его последние произведения — второй том «Мертвых душ» (5 глав) и «Авторская исповедь».

В 1855 году по поводу столетнего юбилея Московского университета вышло несколько важных сочинений, связанных с значением и деятельностью учреждения, торжество которого послужило поводом к их появлению. Все эти сочинения в свое время были рассмотрены в «Современнике».

В 1855 году писатель с талантом первоклассным после пятилетнего молчания возобновил свою деятель-

ность, подарив русскую публику богатым запасом своих путевых впечатлений. Еще недавно мы говорили подробно о путевых заметках г. Гончарова по поводу отдельно изданной им книги «Русские в Японии».

К 1855 году относится если не появление, то развитие деятельности нового блестящего дарования, которого первое произведение появилось в 1852 году и на котором останавливаются теперь лучшие надежды русской литературы. По характеру нашего беглого очерка здесь не место входить в анализ таланта графа Толстого (Л. Н. Т.); но нам приятно заметить, что теперь уже нет ни одного русского читателя, интересующегося успехами родной литературы, которому было бы чуждо недавно обнародованное имя автора повестей «Детство» («Соврем<енник>», 1852, № 9), «Набег» («Соврем<енник>», 1853, № 3), «Отрочество» («Современник», 1854, № 4), «Записки маркера» («Современник», 1855, № 1), «Севастополь в декабре месяце» («Современник», 1855, № 6), «Рубка лесу» («Современник», 1855, № 9) и, наконец, напечатанной в нынешнем году повести «Севастополь в августе 1855 года». Эта последняя повесть как своими достоинствами, так и недостатками окончательно убеждает, что автор наделен талантом необыкновенным. Недостатки ее, кроме некоторой небрежности изложения, — отсутствие строгого плана, в котором частности сводились бы к общему и единому, представляя соразмерное, замкнутое целое; отсюда некоторая неполнота впечатления, лежащая, впрочем, главным образом в самом названии повести, настраивающем читателя к ожиданию колоссальной картины разрушения осажденного города, — картины, общее изображение которой не входило в план автора, о чем мы не сожалеем: как истинный художник, автор понял. что едва ли возможна такая картина, — воображение читателя, настроенное целым годом страшной действительности, едва ли подчинилось бы самому широкому, мастерски набросанному изображению. Достоинства повести первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных заметок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — сила, всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в

каждом небрежно оброненном слове, — вот достоинства повести. В самой мысли провести ощущения последних дней Севастополя и показать их читателю сквозь призму молодой, благородной, младенчески прекрасной души, не успевшей еще засориться дрянью жизни, видим мы тот поэтический такт, который дается только художникам. Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе,— может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется теперь над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети, — по крайней мере, многие пали так, — и слава богу, что воспоминание о дорогих потерях будет сливаться в вашем воображении с таким чистым, светлым, поэтическим представлением, как смерть Володи! Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце!

Мы хотели еще поговорить о других лицах повести, в особенности о характерах солдат и между ними Мельникова; но мы и так написали уже целую страницу, собираясь сказать несколько слов, и притом подверглись опасности, что нас обвинят в «самохвальстве» (как будто граф Толстой и мы — одно и то же), — обвинение, которое повторяется каждый раз, как нам случится только заикнуться о каком-нибудь произведении, помещенном в «Современнике». Но почему же мы не можем сказать своего мнения об интересующем нас (и публику) писателе, тогда как другие журналы расточают ему громкие, даже преувеличенные похвалы? Если думать о том, «что скажут», то придется сложить руки. Есть такие положения, где — что ни делай и как ни делай — непременно что-нибудь скажут, и скажут что-нибудь нехорошее. И беда была бы, если б над всеми толками и пересудами не господствовало убеждение, что толки останутся толками, а дело делом; что у публики есть свои глаза. Итак, сказав в нынешнем нумере несколько слов о последней повести графа Толстого, в следующем будем говорить о «Рудине», повести г. Тургенева, потому что — скажем прямо — повесть г. Тургенева и повесть графа Толстого мы почитаем самыми живыми литературными явлениями настоящего времени.

Переходим к заключению нашего беглого очерка ха-

рактеристических черт 1855 года. Нет сомнения, что мы многое пропустили, и притом мы почти не выходили из области так называемой изящной словесности; но и указанных фактов достаточно для подтверждения нашей мысли, что в русской литературе давно уже не было такого плодотворного года, как прошлый. Деятельность лучших наших писателей в 1855 году также не противоречит этому заключению, равно как и достоинство журналов, в которых в настоящее время нельзя не видеть признаков оживления, вместе с искренним стремлением улучшить и облагородить существенную часть журналистики — критику... Да! мы забыли еще замечательное явление 1855 года, перевод Дантова «Ада». «Современник» изготовляет критический очерк о труде г. Мина, а между тем появление Данта в русском переводе побудило нас поспешить помещением статьи Карлейля о Данте. Здесь, кстати, мы сообщим несколько замечаний о Карлейле, набросанных одним нашим литератором, — замечаний, с которыми нельзя не согласиться. <...>

Переходя к декабрьским книжкам журналов, о которых мы еще не говорили, мы должны прежде всего принесть благодарность г. Мокрицкому за его «Воспоминания о Брюллове» («Отечественные записки», 1855, № XII). Несмотря на их несколько риторическое изложение, они чрезвычайно любопытны. Жаль только, что г. Мокрицкий сообщает мало, собственно, из разговоров Брюллова. Но и то, что сообщает он, вполне подтверждает не всеми признаваемую истину, что большой талант прежде всего отличается большим умом и глубоким взглядом на вещи. Беглые заметки Брюллова, рассеянные кое-где у г. Мокрицкого, поражают своим глубокомыслием и высоким чувством красоты, которую носил в душе своей этот человек. «Смотрите побольше на антики, — сказал он однажды, — в них всегда выдержано спокойствие, гармония общей линии, — оттого они и прекрасны, оттого они важны и величественны: а изломайте их спокойные линии — ну и будет барок, и надоедят они скоро; так и в красках: не подчинять ярких колеров общему тону — и будут они хлестать по глазам, как пестрые лоскутки на дверях у красильщика. Колер в картине силен не от яркости своей, а от согласия и подчинения общему тону». Вообще вся личность Брюллова была необыкновенно интересна. В этом отношении «Воспоминания» г. Мокрицкого кажутся нам драгоценными.

В 17-м (он же и 18-й) нумере «Москвитянина», продолжение которого, к сожалению, нам, кажется, не суждено увидеть, помещена комедия г. Островского «Не так живи, как хочется». Считаем долгом сказать несколько слов об этом новом произведении[1] нашего, бесспорно, первого драматического писателя. «Не так живи, как хочется» не имело большого успеха на сцене, и, читая эту комедию, понимаешь, почему это должно было так случиться; но спешим прибавить, что разве только в первом известном произведении г. Островского можно найти такие живые и мастерски очерченные лица, как в «Не так живи, как хочется». Не говорим уже о верности языка, русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более, чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом. Содержание «Не так живи, как хочется» совсем просто: у Спиридоновны, хозяйки постоялого двора, живет дочь Груша, веселая, бойкая и умная девка, превосходный тип мещанки-кокетки. В нее влюбляется Петр Ильич, сын зажиточного купца, строгого и благочестивого. Петр бросил жену, вышел из повиновения у отца, — загулял, словом. Груша принимает его сперва за холостого, потом узнает от его же жены, что он женатый, и расстается с ним. Петр спешит домой, разъяренный и хмельной, выбегает куда-то с ножом в руке и возвращается уже совсем другим человеком. Он рассказывает, что, услышав колокольный звук, он вдруг очнулся на берегу полыньи на Москва-реке. Потрясенный близостью смерти, он внезапно чувствует отвращение к своим бесчинствам, раскаивается и мирится с семьей. Кроме поименованных выше лиц в комедии мы находим еще лица Агафона и Степаниды, бедных уездных мещан, родителей Петровой жены, Даши; лица Васи, молодого купеческого сынка, добродушного и смирного, тетки Афимьи и кузнеца Ерёмки, развращенного и пропащего человека, опасного балагура и плута. Лучше и выдержаннее всех лиц — Груша. Кажется, так и видишь ее, слышишь ее смех. Это настоящая русская девушка, смышленая, даже лукавая, но с душой, — беззаботно веселая, но с характером. Автор сумел, нисколько не нарушая ис-

---

[1] Во 2-м нумере «Русского вестника» появилась еще комедия г. Островского под заглавием «В чужом пиру похмелье». Поговорим о ней в мартовской книжке «Современника».

тины, придать ей особенную прелесть. Мать ее тоже очень хороша. Видно, что она была такой же Грушей в молодости, и дочка вышла в нее. Вася мил и невольно привлекает к себе читателя. Из остальных лиц нам больше всех понравился отец Петровой жены, Агафон, тихий и кроткий человек. Из Ерёмки автор мог бы сделать многое: в нем видятся начатки какого-то мещанского Мефистофеля; но дело так и осталось при этих начатках: автор не развил их, — и Ерёмка, такой, каким он представлен в комедии, является лицом обыденным и чуть не пошлым... А жаль! Мы считаем уместным именно по поводу этого Ерёмки выразить, в чем, по нашему мнению, можно упрекнуть г. Островского. Обладая замечательной сценической сноровкой, тонким пониманием условий театральных, он жертвует для них полнотой и шириной своих лиц; они сло́ва лишнего у него не вымолвят, — всё, так сказать, пригнано у них как раз в меру, как платье от модного портного. Многие, пожалуй, готовы похвалить за это г. Островского; но нам кажется, что с его талантом можно и должно иметь гораздо высшие притязания, чем на лавры какого-нибудь Скриба, этого Шармера драматического искусства. Вообще мы готовы просить г. Островского не сужать себя преднамеренно, не подчиняться никакой системе, как бы она ни казалась ему верна, с наперед принятым воззрением не подступать к русской жизни. Пусть он даст себе волю разливаться и играть, как разливается и играет сама жизнь; пусть он разовьет в себе дух истинной художнической свободы и справедливости. У Шекспира король Лир восклицает: «На земле предо мной нет виноватых!» Великий дух Шекспира веет в этом слове, и да опочиет он на каждом писателе! Точно: лица, выводимые писателем-художником, перед ним не виноваты; он не судья им, он не имеет права питать к ним злобу, определять им наказания, точно так же как не его дело награждать, раздавать венки и выставлять образцы добродетели или примеры для подражания. Это всё дело самой жизни, самих лиц. Глядите на них прямо и открыто, и они, как в чистом зеркале, отразятся в вашем произведении. И нравственный урок скажется сам собою. Без чистой любви к истине нет художества; но и излишняя боязнь отступать от истины также вредна. Уверяем г. Островского, что ему не для чего с таким, можно сказать, археологическим рвением гоняться за точностью народного языка; ему менее

чем кому-либо следует бояться выпасть из русского тона: тон этот в нем самом, в свойствах ума его. Мы решаемся всё это высказать г. Островскому потому, что ценим его дарование и не можем не сожалеть о том, что он сам связывает себе руки. Считаем также долгом сказать ему два слова о пристрастии его к крутым и неожиданным развязкам. (В комедии, помещенной во 2-м нумере «Русского вестника», оно выступает еще заметнее.) Мы так уверены в таланте г. Островского, что никак не ищем причины этого факта в неуменье совладать с прямым развитием характера до конца; мы думаем, что крутые развязки являются у г. Островского также от желания угодить сценическим условиям — избежать длиннот. Желание это доводит его до торопливости и преувеличенной сжатости и тем самым не достигает своей цели. Вследствие того же самого желания он, например, в «Не так живи, как хочется» в половине 2-го акта сводит все свои действующие лица в комнате постоялого двора так неправдоподобно, хотя бы Скрибу <впору>, хоть и не так ловко, как бы француз сумел это сделать. Внутреннее чувство зрителя не может не смутиться при внезапной перемене возвращающегося Петра, и никакая игра актера тут помочь не может. Отчего г. Островский не захотел показать нам самую эту ночную сцену на Москве-реке со всей ее фантастической и грозной обстановкой. Сценические условия этому препятствовали; да бог с ними, с этими сценическими условиями!

Повторяем: при всех недостатках комедии г. Островского в ней есть много такого, что мог написать только он один... Одно лицо Груши чего стоит! Кстати, мы слышали от некоторых пуристов упрек автору за то, что он заставляет Грушу отпить вина из рюмки и отвечать потом Петру, спрашивающему, что с нею: «Я пьяна». Но эти упреки так вздорны, что о них и говорить не стоит. Все сцены, где она является, особенно последняя, в которой она на пиру с подружками принимает Петра, про свадьбу которого она уже знает, сцена, где жена Петра выпытывает у Васи, куда ездит ее муж, последняя сцена Петра с теткой — прекрасны. Нам остается желать, чтобы г. Островский шел вперед своею дорогою, не стесняя и не задерживая самого себя, и он сам, быть может, удивится, что произведут его силы, когда он им даст полный простор и свободу.

Затем по части беллетристики лучшим (из окончен-

ных) произведением декабрьских книжек должно признать повесть г. Зотова «Докторша» («Отеч<ественные> записки»). Особенное значение придают ей мысли и соображения, к которым она приводит. Потому мы решаемся посвятить ей две-три страницы.

Чувство сиротливости и одинокости невольно сообщается человеку, прочитавшему эту повесть. Стоишь в раздумье, точно умер старый знакомый; хоть и ничего не имеешь с ним общего, а всё-таки жаль, всё-таки задумаешься... Признаться,«Докторша» произвела на нас странное, тоскливое чувство: она повеяла рутиной двадцатых и тридцатых годов, а между тем повесть написана добросовестно, толково и даже тепло. Вы чувствуете, что попали в теплую и опрятную комнату, видите плачущих и смеющихся людей; но вы остаетесь совершенно глухи и к смеху их и даже к страданиям... Ни слезы их, ни смех не действуют на вашу душу. Боже! неужели мы такие эгоисты? неужели наше сердце так очерствело в собственных несчастиях, что мы холодно и равнодушно взираем на эту страшную драму, на сумасшествие графа Перского, на низкие происки его братца, Корсалинского, на ползание и пресмыкание пана Жончика? Неужели в нас не пробудили симпатии этот честный и образованный доктор Грохович, его жена, возвышенная и благородная натура? К сожалению, нет, потому что и порок и добродетель под пером г. Зотова не получают живой физиономии, они не шевелят вашего сердца и остаются какими-то мертворожденными намеками на живые чувства. Много сделала вреда старая романическая школа: много она убила талантов, много она завещала готовых формочек, в которые легко отливать добродетельных людей...

Какой-то юморист назвал музыку самым шумным из всех предрассудков, а мы скажем, что в наше время писать повести по мерке прежних нравоописательных романов — один из самых грустных предрассудков.

Как вам понравится подобное содержание? Послушайте: в Царском Селе поселился доктор Грохович, образованнейший и благороднейший человек. У него есть жена, от природы несколько дикая и неловкая, но, как убеждает автор, необыкновенно привлекательная, с большим умом и очень возвышенною душою. Обстоятельства супругов плохи. Доктор, преданный весь науке, пренебрегает пациентами и никого не лечит. А между тем обстоятельства жмут счастливых супругов, деньги нужны

дозарезу. В это время является какой-то богатый франт Корсалинский, рекомендуется губернским секретарем и рассказывает доктору страшную и драматическую историю. Дело в том, что брат его, Корсалинского, некто граф Перский (они сводные братья) лишился умственных способностей от любви к какой-то, по его словам, авантюристке. Он начинает умолять доктора взять к себе несчастного помешанного, окружить его попечениями просвещенного надзора и вместе с тем предупреждает врача, чтобы он не доверял тому, что больной иногда прикидывается не больным... Корсалинский несколько замипается, говорит, что это пустяки, что это не более, как только lucida intervalla, т. е. светлые промежутки, которые случаются иногда в помешательстве. Сказав это, Корсалинский, увертливый, как змея, очень ловко положил на стол доктора несколько бумаг, поклонился и исчез. Гость, говорит автор, «не дал доктору сказать ни слова и исчез чрезвычайно быстро. По уходе его доктор погрузился в раздумье, потом перебрал бумаги, оставленные посетителем: всё было в порядке; предложения (доктору) самые щедрые: триста рублей в месяц». Вы уже чувствуете, что интрига завязывается, что этот Корсалинский, хотя и льстит и вьется ужом около доктора, хотя и оставил ему вместе с бумагами триста рублей наличными, — чувствуете, что это злодей утонченный и прикрытый манерами большого света.

Подозрение ваше еще более подтверждается тем обстоятельством, что собака Калибан ощетинилась на него и зарычала, когда вы хорошо знаете, что собака, романическая собака, на добродетельных героев не лает. Действительно, целая громадная интрига выдвигается на сцену. Привозят больного; но больной, красавец собою, какой-то странный. Подле него увивается камердинер, пан Жончик, при одном взгляде на которого сумасшедший граф вздрагивает, бледнеет. Корсалинский весьма тонко настаивает, чтоб этот Жончик ни на минуту не оставлял больного. Плохо бедному сумасшедшему! тут, должно быть, скрывается что-нибудь нехорошее: это так ясно.

Всё успокоилось; но эта тишина — предвестница страшной бури. В антракте перед бурей, которая стоит уже за дверью, сумасшедший знакомится с докторшей и рассуждает с доктором о системе лечения Броуна, Галиена, Бруссе, Санградо, приводит изречения Бомарше и

Мольера насчет докторов, даже касается родоначальника медицины — Иппократа. Кончено: граф Перский — возвышеннейший ум, олицетворенная привлекательность и изящество, он только страдалец! и может быть героем, по правилам старинных романов. Страшно несчастлив и страшно умен... плохо бедной докторше!

Остальное нечего и рассказывать; вы уж наперед догадались, в чем дело: крушительная любовь, сумасшедший граф, страдающая добродетель. Корсалинский и его матушка давно, еще до начала рассказа, опутали несчастного, они уже отравили его счастие, расторгли брак с достойной женщиной, Катей; Жончик участвовал в кровавой драме — в смерти любимой женщины. Злодеи боялись, чтоб он не женился; они хотят завладеть его богатством, раздражают его, отправили в Царское Село и насильно вталкивают в могилу: посредством родственных ласк они поддерживают в нем сумасшествие. Перский близок к могиле. «Мозг мой, — кричит он, — раскалился и жжет изнутри череп... Катя! Катя! спаси меня!..» Но вы не отчаиваетесь: добродетель не может погибнуть. Действительно, граф Перский, в которого докторша влюблена до сумасшествия, выздоравливает; порочная мать, наказанная небом, умирает в Палермо. Корсалинский, желая отбить у него богатое наследство, затевает с ним тяжбу; но вы всё-таки не отчаиваетесь. Злой Корсалинский предъявляет огромное количество заемных писем, и вся вероятность выиграть процесс на его стороне; но злодей умирает при столкновении паровозов. Затем собака Калибан довершает судьбу другого злодея. Калибан взбесился и бросился на Жончика. Заметьте, этот верный пес исполняет и свой настоящий долг: он мстит пану Жончику за смерть своего господина, старика Васютина.

Итак, перед успокоенным читателем лежат уже три трупа. Затем замерз на ступеньках докторского крыльца некто Иоиль, бедный идиот, тянувший руку Жончика. Наконец и докторша умирает от любви к графу Перскому. Вот вам пятый и безвинный труп. Чем же кончится дело? Перский принят в высшем обществе, великосветские дамы от него в восторге, и, заключает автор, «его очень хорошо *позирует* в свете то, что две женщины умерли из любви к нему». То есть автор почувствовал под конец повести несвоевременность своего героя, сделал маленькое отступление от прежних романов: подпустил маленькую иголочку добродетели под конец романа.

Боже мой, как всё это избито, в какие закутано старые складки романических приемов! Складки тяжелые, потертые, давно оставленные... Ведь дело вот в чем: разбираемая нами повесть написана искренно; пером автора руководила не литературная спекуляция, а убеждение, что будет хорошо, занимательно. Не грустно ли видеть автора, который тратится на то, на что не стоит терять и сил, и времени. Какая цель повести г. Зотова? что он доказал ею? Одно только то, как легко и бесполезно писать подобные романы, для которых не нужно ни поэзии, ни правды, ни художественных приемов, ни мысли, взятой из жизни. Подобные произведения — анахронизм в настоящее время и живое доказательство, как жалки романы во вкусе Поля Феваля, Дюма и т. д., как грешно современному литератору сочинять подобные побасенки... Гораздо лучше подражать гг. Гончарову, Тургеневу, Григоровичу, графу Толстому, хотя вообще подражание вещь нехорошая, но по крайней мере могут удаться хоть две-три теплые и свежие страницы. Неужели автор полагает, что медицинские рассуждения в его повести о Кондильяке, Гейнроте, Эскироле, Линнее, Соваже, Коллене, Дарлинге и т. д. и т. д. выкупают пустоту, отсутствие вкуса в его повести? О вкусах, конечно, не спорят; но странно видеть человека, ныне пишущего, который грудью стоит за рутинные предания устаревших литературных понятий, который с добросовестностью вызывается идти по тропе, заглохшей крапивой и диким папоротником. Как же после этого смеяться, если, например, какая-нибудь добрая и честная старушка сидит себе одиноко в уголку и всё рассказывает про старину, вспыхивает, и волнуется, и дрожит, и всё рвется в родимое село, в сердечную сторонку?

Первые книжки журналов на 1856 год представили довольно много русских сочинений; в них начаты три русские романа: «Крушинский» г. Потехина («Библиотека для чтения»), «Плен у Шамиля» г. Вердеревского («Отечественные записки»), «Последнее действие комедии» г. Крестовского («Отечественные записки»). Если к ним присоединить «Рудина», который назван автором повестью, но более относится к области романа, да две повести — «Севастополь в августе месяце» («Современник») и «Переписку» И. Тургенева («Отечественные записки»), то надо будет сознаться, что по части беллетристики начало 1856 года блистательно. И тут еще не всё:

новый журнал «Русский вестник» кроме «Старушки», повести Евгении Тур, дал комедию г. Островского «В чужом пиру похмелье», а «Отечественные записки» напечатали в первом своем нумере первую книгу «Од» Горация в прекрасном переводе г. Фета. Мы покуда лишены возможности говорить о большей части названных здесь произведений, так как почти все они не окончены. О «Переписке» г. Тургенева мы могли бы и желали бы говорить; но нам удобнее будет говорить о ней в связи с другими произведениями того же автора, которого деятельности вообще мы думаем коснуться по поводу «Рудина». Но мы можем сказать несколько слов о статье «Взгляд на русскую критику», относящейся, по нашему мнению, к области юмора и ошибочно попавшей в критический отдел. Три эпохи издания «Современника»: пушкинская, плетневская и нынешняя — в этой статье странно смешаны автором: деятели одной эпохи упрекаются в противоречии тому, что говорили деятели другой эпохи; сводятся мнения за восемнадцать лет разных лиц, от Пушкина и Гоголя до Анненкова, Боткина, Галахова, Гаевского, Грановского, Дудышкина, Некрасова, Панаева, Тургенева, Чернышевского и других, писавших и пишущих критические и библиографические статьи в нынешнем «Современнике», — эти мнения сводятся, и противоречия, встречаемые в них, возбуждают то удивление автора, то усмешку, то благородное и горячее негодование. Если автор желает быть последователен и довести свой «Взгляд» до конца, то в последующих статьях ему должно бросить взгляд на противоречия, существующие между «Отечественными записками» Свиньина и «Отечественными записками» г. Краевского. Тут найдется не менее места для удивления, для юмора, для негодования автора. И труд будет не менее полезный. Но к чему так далеко ходить? Довольно будет, если автор коснется разных годов «Отечественных записок» за время редижирования их одним лицом и посмотрит, например, в каком отношении между собою находятся статья «О Бородинской годовщине» Жуковского, статьи о Пушкине и статья о переведенной г. Ордынским «Поэзии» Аристотеля? Впрочем, длинная шутка редко удается, и потому всего лучше будет, если автор остановится на первом «взгляде». Да притом и неловко будет «Отечественным запискам» печатать «взгляд» на самих себя; а что касается до «Современника», то он спешит объявить, что не примет

подобного «взгляда» на свои страницы, как бы ядовито ни были в нем доказаны противоречия нынешних «Отечественных записок» с свиньинскими. <...>

В заключение сообщим литературную новость. В конце февраля или начале марта появится роскошное — в полном смысле слова — издание «Стихотворений» А. А. Фета. В состав его войдут только лучшие пьесы, окончательно и строго пересмотренные. Только по выходе издания, таким образом отделанного, публика увидит, какого поэта в г. Фете имеет современная русская литература.

Заметки о журналах <за> февраль 1856 года

Читатель, в добрый час молвить, оживление русской литературы, о котором мы недавно говорили, продолжается. Лучшие современные таланты, как бы соревнуя друг другу, дарят публике произведения, которые обещают сделать нынешний год памятным в нашей литературе. Весело — не правда ли? — быть читателем в такое время... и даже — поверите ли? — не совсем печально быть журналистом. Благодаря великому и святому закону вознаграждения и он, многострадальный поставщик чтения (которого не всегда позволительно смешивать с поставщиком дров или свеч), и бедный русский журналист делается иногда причастным некоторым радостям, соединенным с его призванием. Кто испытал муку, и стыд, и тоску недовольства, печатая вещи, недостойные печати, кто по сту раз читал и перечитывал и бросал под стол иную рукопись, а кончал-таки тем, что со скрежетом зубов посылал ее в типографию (как будто, подобно некоторым сортам вин, плохое сочинение может улучшиться, полежав несколько времени), мы должны признать за тем и право наслаждения, когда приходится выбирать из хорошего, теряясь в соображениях, что напечатать прежде, что потом. Редкое время, золотое время в жизни журналиста, — на этом пути не без терний... но что до терний! На каком пути их нет?

И всё то благо, то добро...

Покуда достает любви, не страшны тернии, и память о них живет не далее жесткого слова, сказанного любимым существом, и не труднее прощается... но опять-таки: покуда достает любви... И пусть же родник ее стру-

ніся неиссякаемо в сердцах русских писателей, русских журналистов, понимающих свое призвание! С нею много доброго, много прекрасного сделает русская литература, много уже сделавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль в развитии нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его цели, чуждой материального результата: только успехи отечества на поприще просвещения могут обеспечивать его личный успех, состоящий в стремлении оставить по себе память честного и полезного деятеля, на могилу которого, по неизменному закону провидения (благословенный закон!), *непременно,* рано или поздно, упадет один из лучей той славы, в блеске которой желает он и самоотверженно стремится видеть свое отечество!

Сознавая великую цель русской литературы, радуясь ее оживлению, видя в ее настоящем много даровитого, самобытного, мы в то же время не ослепляемся насчет ее настоящих достоинств. Между нами нет гениев. Ко всем ныне действующим писателям вообще и к каждому порознь можно применить следующие стихи:

...Заметен ты;
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мир доживает боязливо,
Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал;
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно.
Дрожащей искрою, впотьмах,
Он чуть горел, мигал, метался...
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Так. Нет сомнения, когда явится это желанное солнце, этот будущий великий русский поэт, подобный тем, которые делают эпохи в литературе и в истории развития своего народа, — нет сомнения, тогда многое из производимого теперь потускнеет или представится в другом свете; но от того не умалятся заслуги теперешних русских писателей, — тех писателей, которые твердо держали светоч Знания, Истины и Добра среди сумерек, не освещенных лучезарным сиянием гения... Итак, читатель, не требуя от русской литературы того, чего она дать не мо-

жет, оцените в ней два неоспоримые ее качества: *Даровитость*, часто блестящую, и *Честность* стремлений, изумительную, если о ней пристально подумать, — и полюбите ее, если вы еще принадлежите к тем, которые ее не любят...

Переходим к журналам. <...>

Новый московский журнал «Русский вестник» в двух последних книжках представил довольно значительное по объему стихотворение г. Огарева «Зимний путь». Особенную важность этому стихотворению придает то обстоятельство, что это покуда лучшее из беллетристических произведений, представленных новым журналом. Достоинства этого стихотворения, свойственные вообще г. Огареву, определяются во всем своем объеме следующею строфою:

Еще в избах кой-где мерцает
Лучины дымный огонек,
И дева вечный свой клубок
В полудремоте напрядает.
Я живо помню, как порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня пленяла в прежни лета;
Но ныне девы сонный лик,
Храпящий на печи старик,
И вечно плачущий ребенок
В дырявой люльке, и теленок
Над грязным месивом — ей-ей —
Как жалкий образ жизни скудной,
Тоской болезненной и трудной
Тревожат мир души моей.
Милей мне в этой деревушке
Воспоминанье об одной
Соседке, добренькой старушке
С нехитрой детскою душой.
Она, бывало, пред иконой
Взывает в искренней мольбе,
Чтоб бог *ему* был обороной
И пекся о *его* судьбе;
Иль молча, сидя на диване,
Гадает трепетно о *нем*,
И все о *нем*, о милом Ване,
О внуке ветреном своем.
«Ну что ваш внук?» — «Писал недавно». —
«Чай, денег просит милый внук?» —
«Ну что ж, что просит? Вот забавно!
Ему ведь нужно для наук.
А мне?.. стара я для наряда,
И ничего самой не надо!»
И вынет дочери портрет,

В живых которой больше нет,
И смотрит с грустною отрадой,
И смотрит долго, и потом
Утрет слезу свою тайком.

Много таких задушевно-грустных, небрежно-поэтических строф читатель найдет в «Зимнем пути», и если он не встретит в остальных строфах ничего свежее, энергичнее, выработаннее по форме, то не встретит также и ничего такого, что было бы ниже приведенной нами строфы, в своем роде прекрасной.

Кстати о стихах. Во 2-м № «Русского вестника» прочли мы пьесу г. К. Аксакова «Солнце и Луна». Это стихотворение напомнило нам другую пьесу, сходную с ней по содержанию, которую доставил автор ее для напечатания в «Современнике», но которую напечатать мы не решились. Теперь печатаем ее здесь, уверенные, что те, кому понравилась пьеса «Солнце и Луна», отдадут справедливость и стихотворению г. Лебедева, написанному на ту же тему:

Работай, юноша-поэт,
Во славу мысли и искусства!
Гони мечту, туманный бред
И неосмысленные чувства...
Законы истины святой
Средь нашей жизни многосложной,
То величавой, то ничтожной,
Подметь и миру их открой.

Зачем ты ищешь вдохновенья?
Оно в тебе заключено, —
Великих душ и песнопенья
Благоуханное зерно.
Оно, быть может, плод богатый
Произрастит: не заглуши
Ты негой сил и их растратой
Сокровищ истинных души.

Ах, как обманчивы и милы
Мечты и рой кипучих грез, —
Отрава деятельной силы,
Залог грядущих горьких слез!
Укор тому, кто их лелеял,
Кто силы духа промотал,
Кто много-много в жизни сеял
И только плевелы пожал;

Кто на земле — лунатик странный —
Душой мечтательной летел
В какой-то области туманной...

Там много слов, но мало дел;
Там всё милей, там всё чудесней,
И грезы, радужной семьей
Слетаясь в хоры, звонкой песней
Голубят сон души больной.

Но всё идет к разумной цели,
Всему приходит череда;
Мечтанья быстро пролетели,
Настало поприще труда.
Но где же он, поклонник неги?
Он здесь, измученный, больной;
Он — робкий путник на ночлеге
В стране безвестной и чужой.

Почуял он впервые муки
В сознанье немощи своей,
Как перед ним вставали звуки
Иных, неведомых речей:
Он в этой жизни, в этом мире
Томится скорбью и трудом;
Он — лишний гость на светлом пире,
Он — нищий сердцем и умом!

А прежний мир? Он так чудесен!
Ему бы вновь отдаться сну,
Ему бы грез и сладких песен
И бледноликую луну...
. . . .
Во славу мысли и искусства
Работай, юноша-поэт!
Гони мечту, туманный бред
И неосмысленные чувства.

И. Лебедев.

Признаться, мы не умеем сказать, которое стихотворение лучше, но можем сказать положительно, что ни то, ни другое не удовлетворяет нас в смысле поэтического произведения.

Отметив лучшее (и оконченное) в московских журналах, мы должны были бы перейти к петербургским; но петербургские журналы продолжают статьи, начатые ими в первых книжках. Покуда мы можем сказать только о «Рудине», оконченном во втором нумере «Современника» и возбудившем в публике жаркие и разнородные толки.

Не знаем, лучшая ли повесть г. Тургенева этот «Рудин». Вообще спор о литературных рангах большею частью бывает бесплоден, даже в том случае. по-видимому более всего уместном, когда дело идет о присуждении безусловного первенства тому или другому произведению

известного автора. Обыкновенно бывает, что по одним качествам надобно поставить выше остальных одно произведение, по другим — другое, по иным качествам — третье и т. д. Настоящий случай, кажется, подходит под это правило. Уступая некоторым другим произведениям г. Тургенева в художественной выдержанности целого, «Рудин» должен быть поставлен, по глубине и живости содержания, им охватываемого, по силе и самому характеру впечатления, им производимого, очень высоко. Существенное значение последней повести г. Тургенева — ее идея: изобразить тип некоторых людей, стоявших еще недавно в<о> главе умственного и жизненного движения, постепенно охватывающего, благодаря их энтузиазму, всё более и более значительный круг в лучшей и наиболее свежей части нашего общества. Эти люди имели большое значение оставили по себе глубокие и плодотворные следы. Их нельзя не уважать, несмотря на все их смешные или слабые стороны. Они, вообще говоря, оказывались несостоятельны при практическом приложении своих идей к делу, — отчасти потому, что еще недостаточно приготовлена была почва к полному осуществлению их идей, отчасти потому, что, развившись более помощью отвлеченного мышления, нежели жизни, которая давала для их воззрений и чувств одни отрицательные элементы, они действительно жили более всего головою; перевес головы был иногда так велик, что нарушал гармонию в их деятельности, хотя нельзя сказать, чтобы у них сухо было сердце и холодна кровь. Эту отрицательную сторону полно и прекрасно изобразил г. Тургенев. Не столь ясно и полно выставлена им положительная сторона в типе Рудиных. Вероятнее всего произошло это оттого, что г. Тургенев, сознавая в себе очень сильное сочувствие к своему герою, опасался увлечения, излишней идеализации и вследствие того иногда насильственно старался смотреть на него скептически. Оттого характер Рудина действительно не столь отчетливо представлен, как многие другие характеры в той же повести. Но неясность его, однако же, не так велика, чтобы трудно было читателю угадать и те его черты, которые оставлены несколько туманными. Мы не все стороны его жизни знаем одинаково хорошо; но тем не менее он живой является нам, и появление этой личности, могучей при всех слабостях, увлекательной при всех своих недостатках, производит на читателя впечатление чрезвычайно

сильное и плодотворное, какого очень давно уже не производила ни одна русская повесть. Остальные лица повести очерчены почти безукоризненно, а создание такого характера, как Лежнев, открывает ту благодатную и желанную сторону в таланте г. Тургенева, которой вообще не встречалось в русских писателях последней эпохи... По поводу Лежнева мы когда-нибудь еще возвратимся к повести г. Тургенева. Прибавим, что при многих недостатках «Рудина» в художественном отношении он показывает, что для г. Тургенева начинается новая эпоха деятельности, что его талант приобрел новые силы, что он даст нам произведения еще более значительные, нежели те, которыми заслужил в глазах публики первое место в нашей новейшей литературе после Гоголя.

Заметки о журналах за март 1856 года

Читатель, хотя дело и не касается журналов, но вам будет отрадно прочесть следующие строки, которыми открывается речь графа Д. Н. Блудова по случаю назначения его президентом императорской Академии наук:

«Милостивые государи!

Я не в первый раз вступаю в сие святилище наук, — наук и словесности, которая в наше время, может быть, еще теснее прежнего с ними соединяется. Но доселе я был только посторонним, так сказать, свидетелем действий Академии, посторонним усердным почитателем трудов и достоинств ее членов. Ныне, по воле и милостивому доверию государя императора, имею честь председательствовать в сем первом из наших ученых обществ и думаю, однако ж, что во многом, в главном, мои отношения к Академии не изменились. И теперь, не чувствуя себя в состоянии быть настоящим, в собственном смысле сего слова, ее сотрудником, я буду по обязанности, как прежде по одной любви к познаниям и к изящному в литературе, следовать тщательно и беспристрастно за ходом ее разнообразных, почти всеобъемлющих в области ума занятий, душевно радоваться успехам ее и, как смею надеяться, свидетельствовать о них перед августейшим ее покровителем. Нужно ли прибавлять, что, именуя всемилостивейшего государя нашего покровителем Академии, мы следуем не одной обыкновенной форме выражения? Его величество есть в самом деле покровитель нашего ученого общества, потому что он есть справедливый ценитель всех трудов полезных, что ему вполне известна важность науки повсюду и, может быть, еще более в его обширном исполненном жизненной силы царстве».

Убеждение в необходимости и в благотворном влиянии просвещения, проникающее ныне каждую благородную русскую душу, есть лучшее ручательство славы, прочного процветания и могущества всем нам равно любимой отчизны. И не в высшей ли степени утешительно читать слова мудрого государственного сановника, пред лицом всей России возвещающего, что тот, без чьей воли ничто не делается в русской земле, проникнут тем же убеждением. И особенно теперь, когда одни воины сходят с поприща деятельности для мирного отдыха и настает черед деятельности другим — воинам слова и мысли, — благоденствующие слова нового президента Академии наук полны значения. Во скольких сердцах радостно отзовутся они! Скольких дух ободрят и окрылят! Благословенна рука, написавшая их!

Вообще вся речь графа Блудова чрезвычайно замечательна по обилию светлых идей, обещающих оживотворить деятельность первенствующего в России ученого учреждения:

«Она (Академия) не есть заведение учебное, как была отчасти при начале своем; но ее предназначение осталось двоякое. За первым и главным: содействовать успехам наук, расширению пределов их — следует непосредственно другое, может быть столь же важное: распространять вкус к познаниям и самые познания вне круга, всегда довольно тесного, собственно ученых, стараться сделать сии знания доступными, привлекательными и для тех, кои по обстоятельствам или по роду иных наук не могли приобрести их при первоначальном воспитании. Вернейшим или и единственным к тому средством, единственным, так сказать, орудием может служить изящная словесность».

И далее:

«Не будет ли нужно, сверх того, что уже сделано и продолжается, употребить для скорейшего достижения цели, нам предуказанной, еще другие способы действия, и в том числе установление постоянного, так сказать, посредничества между жаждущими познаний и обществом, которое может удовлетворять сей благородный жажде? Осмеливаюсь, м<илостивые> г<осудари> ныне же, хотя и мимоходом, предложить вам сей вопрос! Впоследствии он может быть предметом ваших размышлений и соображений, в коих и я дозволю себе принять некоторое, по мере сил моих, участие»

Действительно, приближение науки к обществу составляет одну из самых живых и важных потребностей нашего времени, и этот вопрос может быть быстро подвинут вперед только таким высоким ученым учрежде-

нием, какова императорская Академия наук. Литературные журналы, которые теперь служат посредниками между наукою и массою публики, будучи предприятиями частных людей, располагающих только незначительными и нравственными и материальными средствами, представляют недостаточные органы для быстрого распространения в обществе знакомства с сокровищами всемирной литературы, для распространения, по выражению нового президента императорской Академии наук, и «вкуса к познанию и самих познаний». Еще менее могут сделать отдельные лица. Опыт многих лет доказывает это. Не говорим уже о том, что со времени почтенного Мартынова почти никто у нас не посвящал своей жизни передаче классических произведений древности: такие примеры, как не поддержанный публикою перевод творений Платона, предпринятый профессором Карповым, конечно, охлаждают ревность каждого браться за подобное дело. Даже классические произведения литературы новой Европы, которые, по-видимому, гораздо легче могли бы найти себе поддержку в публике, остаются до сих пор или известными у нас только в незначительных частях, или совершенно неизвестными. До сих пор мы не имеем полного перевода творений Шекспира, до сих пор у нас не переведены ни испанский театр, ни Гёте, ни Сервантес... Частные люди, как мы то испытываем при каждом новом предприятии подобного рода, еще не находят себе достаточной опоры в обществе. Только государственные ученые учреждения — и во главе их императорская Академия — обладают достаточными средствами, чтобы, не нуждаясь в вознаграждениях от нашей публики, еще слишком малочисленной, совершать в обширных размерах труды, целию и воздаянием которых бывает польза общественная, доставление тем людям, которые не могли получить ученого воспитания, всегда редкого, полной возможности на своем родном языке знакомиться с плодами общего человеческого достояния — классическими произведениями литературы и науки всех стран. То, что было издано Академиею наук в славное царствование Екатерины Великой, до сих пор остается едва ли не важнейшею частию всего совершенного у нас для осуществления прекрасной цели, указываемой графом Д. Н. Блудовым. Этот пример достаточен, чтобы доказать всю высокую справедливость благотворных желаний нового президента императорской Академии наук,

мудрые слова которого радостно отзовутся в сердце каждого просвещенного русского, видящего в них предвестие новой эпохи для развития и распространения отечественного просвещения. Нельзя не повторить здесь с полным сочувствием заключительных слов из речи академика И. И. Давыдова, обращенной к новому президенту, в общем собрании Академии наук 23 декабря 1855 года: «Видя ваше сиятельство среди нас, мы радуемся тройственной радостью — радуемся за себя, за Академию и за отечественное просвещение».

Переходим к журналам. В 3-м № «Отечественных записок» окончены два романа, начавшиеся с первой книжки, и мы теперь должны говорить о них. Но прежде скажем несколько слов о превосходном стихотворении г. Майкова «Рыбная ловля», украшающем тот же 3-й № «Отеч<ественных> записок». Мы всегда любили поэтический талант г. Майкова, всегда ценили его и верили в него, верили даже тогда, когда талант этот несколько удалился от истинных условий творчества, не допускающих ничего преднамеренного, заданного самому себе самим же поэтом или кем бы то ни было. Кто так начал, как начал г. Майков, и так продолжал:

I

На дальнем Севере моем
Я этот вечер не забуду.
Смотрели молча мы вдвоем
На ветви ив, прилегших к пруду;
Вдали синел лавровый лес
И олеандр блестел цветами;
Густого мирта был над нами
Непроницаемый навес;
Синели горные вершины;
Тумана в золотой пыли
Как будто плавали вдали
И акведуки, и руины...
При этом солнце огневом,
При шуме водного паденья
Ты мне сказала в упоенье:
«Здесь можно умереть вдвоем...»

II

Fortunata

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Что тебе отчизна, сестры, братья?
Что нам в том, что скажет умный свет?
Или холодны мои объятья?
Иль в очах блаженства страсти нет?

<. . . . .>

Верь в любви, что счастью не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам век с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя ввек...

(«Очерки Рима», 1847)

Тот, кто так начал и так продолжал, конечно, не мог возбудить сомнения в своем таланте; но одно время поэт начинал внушать опасение, чтоб талант его, принявший направление, ему не свойственное, не остановился в своем развитии. И мы душевно рады, что теперь уже подобное опасение должно назвать совершенно неосновательным. «Рыбная ловля» г. Майкова — лучшее доказательство, что талант его растет и совершенствуется. Ее, бесспорно, должно назвать лучшим произведением г. Майкова:

Тихонько удочки забравши, впопыхах
Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
Но быстро я челнок свой оттолкнул от плота
И, гору обогнув, зарылся в камышах.
Злодеи-рыбаки уж тут давно: вон с челном
Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...
Есть что-то страстное в вниманье их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосяная,
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за́ другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,
Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, снетков веселых стая
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.
<. . . . .>
Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как ярки горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
С той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,

Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая;
От сердца пылкого всё злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить меня?..

Эти два превосходные отрывка сами за себя говорят достаточно. Нам остается только сказать, что любое место во всей пьесе не уступит им в поэтическом достоинстве.

«Последнее действие комедии», роман В. Крестовского (псевдоним дамы-писательницы, как было сказано в одном объявлении), замечательно во многих отношениях: в нем высказались все достоинства и недостатки этого автора. Из ныне пишущих женщин-писательниц г-жа Крестовская серьезнее других посмотрела на литературное дело, внимательнее вгляделась в изображаемый ею мир и обнаружила стремление пойти дальше женских чепцов, гримас, салонных шпилек и огорчений своих героинь, поняв, что только тот из писателей имеет право на симпатию и уважение читателя, кто шевелит его сердце, пробуждает негодование ко всему низкому и презренному, кто касается серьезных общественных вопросов, в ком энергия, мысль и правда идут дружно об руку. Нельзя не сознаться, что влияние женщин-писательниц в нашей литературе далеко не так благотворно, как следовало бы ожидать: они вдались в мелочность наблюдений, в фальшивый экстаз, в мелодраматическую искренность и наводнили нас по большей части утомительными болтливо-педантическими размышлениями в форме повестей, рассказов, пословиц и т. д. Иногда берет, право, досада, как это они позволяют своим героям пить вино и играть в карты, когда этим шалунам следовало бы как несовершеннолетним драть за такие проделки уши или ставить их в угол. Кроме шуток, в деле обрисовки мужских характеров наши писательницы решительно слабы. Другой недостаток наших писательниц следующий: в каждой их повести по крайней мере двадцать два бала или десяток вечеринок и бесчисленное множество визитов, французских фраз и карточек. Всё это очень *интересно* в жизни, но скучно, мелко и незанимательно в литературе. Факт грустный, но не подлежащий сомнению: *почти* у всех наших писательниц лучшие произведения их — первые повести; остальные — вариации на одну и ту же тему. Вообще всем им вместе и каждой по-

рознь вредит — как бы деликатнее выразиться? — то, что они, если можно сказать, преисполнены «нужных слов и мыслей, ставших общим местом».

В произведениях г-жи Крестовской менее всего слышится напряженной крикливости и светской болтливости. Ей иногда удаются даже мужские характеры; хотя они не рельефны, но в них слышатся наблюдательность и мысль. И вообще если б в повестях г-жи Крестовской было поменьше «книжности» и побольше жизни, они поспорили бы с лучшими произведениями новейшей литературы. Резонерство и ум, переходящий в умничанье, — вот коренной их недостаток, тем более важный, что благодаря ему, при всех своих достоинствах, повести г-жи Крестовской *скучны*. После первых своих не совсем удачных литературных дебютов она заметно развивается и идет вперед.

Содержание романа «Последнее действие комедии» можно рассказать в нескольких словах. В одном губернском городе живет семейство, принадлежащее к губернской аристократии. Глава семейства — пустейший человек, красавец собою, мот, картежник и любезник; жена его (старуха сравнительно с ним) — черствое существо, благодушное по внешности, но безобразное по своим понятиям, лицемерка и ханжа. У нее на всё есть готовый афоризм. Спрашивают ее, например: «Вы расстроены болезнию вашей дочери?» Она с величавой кротостью отвечает так: «Я? Нет. Что такое болезнь? На то мы рождены. Кто переносит с терпением, тому и болезнь в сладость». Всё, что ни делается вокруг ее, она называет безумием. Скажут ей, например, что такая-то девушка — хорошенькая собой, она с укоризной ответит: «Красота человеческая есть прах и тление. Чем меньше этого безумия — браков, тем лучше». У этих супругов есть сын — кислый, ничтожный юноша, и дочь, немолодая, но замечательная девушка по уму и сердцу. Всё дело в романе заключается, главным образом, в мелких семейных отношениях и в характеристике губернских нравов. Промотавшийся отец хочет поправить свои расстроенные обстоятельства и трактует об этом самым циническим образом с своим достойным сынком. Молодая девушка, впавшая в какую-то страшную апатию и безотрадную сосредоточенность, наконец оживляется. Оживить печальную жизнь немолодой девушки, конечно, может только одно — любовь. В этой любви, накипевшей го-

дами, так давно и тщетно ею ожидаемой, высказались вся энергия и благородство этого несчастного существа, начинавшего уже глохнуть среди тяжелой семейной обстановки. Но это чувство не спасло ее: брак, по стечению обстоятельств, расстроился, а с ним, скоро после того, окончилось и ее земное существование.

Содержание просто и не ново, но тем больше чести автору, что он умел совладать с этим старепьким сюжетом. Лучше всех выдержан характер лицемерки-ханжи, г-жи Оршевской, и ее приятельницы Пелагеи Михайловны. Обе они корчат постные физиономии, никого не обвиняют и всех ненавидят, ничем тленным не интересуются, а между тем Пелагея Михайловна, вся воплощенное сребролюбие, имеет капитал, одолжает людей и жмет их с холодностью ростовщика. Елена Ивановна, которая считает себя безгрешною, ничтожная жена, дурная мать, но которой вся цель жизни состоит в том, чтоб служить своими добродетелями живым укором другим людям. Они друг друга ненавидят, ссорятся, вздыхают и мирятся. Одна скажет: «Не ропщите, не ропщите! Ох, ропот... вы знаете, что такое... или уныние. Боже избави!» Другая, которая не умеет еще так ловко маскироваться, взбесится, а потом с сокрушением прибавит: «Да, гордость — начало всякого греха!»

Отдавая должное прекрасному таланту г-жи Крестовской, мы укажем и на его недостатки. Главный мы указали уже в коротких словах выше; скажем о нем подробнее. В ущерб художеству она любит слишком много анализировать и рассуждать. Эти анализы длинны, как монологи в старых драмах, утомительны, как прописные морали. Так, например, одно вступление в роман производит самое неловкое впечатление. Это какое-то оправдательное словопрение, и оно значительно предубеждает читателя против всего романа, который, вопреки ожиданиям, оказывается интересным. В этих рассуждениях есть что-то детское, словно автор боится того, чтоб не сказали, что он пишет безделушку, и он спешит рассеять это сомнение и доказать серьезность своих занятий тремя-четырьмя страницами философских рассуждений. Пусть автор отрешится от этой замашки незрелых талантов, пусть он вспомнит, что все истинные художники скупы на слова, от своего лица говорят кратко и мало; пусть автор, не жалея, уничтожает целые страницы своих анализов и рассуждений, если только он горит желанием

совершенствовать свой художнический талант. Кроме утомительности эти анализы более всего затемняют отношения действующих лиц (это более всего заметно в ее последнем романе), придают мертвенность там, где вспыхнула неподдельная жизнь, ослабляют и свежесть и поэзию рисунка, придавая всему характер книжности. Еще посоветуем автору, для будущих его успехов, прятать как можно подальше от читателя свою личную мысль, нерасположение к тому или к другому лицу и казнить своих героев их же поступками. Осветите только ровным, правдивым светом ваши фигуры, и, поверьте, читатель всё поймет. Тепло, гуманно перо автора, но торопливо и слишком резко там, где должен всплыть наружу весь герой, и часто автор, совершенно некстати, выскакивает сам на страницы своего романа. Это вредит делу.

Повесть г. Вердеревского «Плен у Шамиля» чрезвычайно интересна. Это невымышленный рассказ о восьмимесячном пребывании в плену у Шамиля семейств князя Орбелиани и князя Чавчавадзе. Не рассказываем его содержание, потому что оно отчасти уже известно читателям из наших газет, и отсылаем любопытствующих к самому рассказу. Скажем одно: повесть г. Вердеревского представляет в высшей степени интересную и мало известную нам картину нравов воинственных горцев. Поэтому его повесть сверх литературного интереса имеет еще интерес политический и исторический и впоследствии может служить весьма важным мемуаром для историка далеко не исследованного нами края. Здесь в особенности любопытны характеристика домашней жизни Шамиля, портреты его жен, приближенных сановников, влияние имама на народ, выкуп и размен пленниц и переговоры по этому случаю. Благодаря рассказу г. Вердеревского для нас несколько уяснилась загадочная личность Шамиля, человека, бесспорно, замечательного, хитрого и изворотливого, лукавого и недоверчивого. Его дипломатические переговоры, осторожность и недобросовестность, пламенное желание получить миллион за выкуп и столь же пламенное желание увидеть своего сына, поручика Джемаль-Эддина, исполнены живого интереса. Наконец, драматизм всего происшествия, пребывание в плену еще более придают колорита этой оригинальной картине. Мы уверены, если б перевести эту повесть на иностранные языки, она имела бы за границею успех: так ново, драматично и картинно всё событие.

Что же касается собственно до исполнения повести, то в этом отношении она не совсем удовлетворительна, и хотя автор говорит в своем предисловии, что он «постиг всю важность простоты в настоящем (описываемом) случае», но, к сожалению, он менее всего придерживался этой простоты. Слог его напыщен и витиеват, обилует излишеством эпитетов, и вообще видно, что г. Вердеревский как будто старается разжалобить своего читателя и вследствие этого историю, и без того драматическую, усиленно тянет вверх, так сказать на самую верхушку пафоса и красноречия. Неприятно также поражает тон его повести: словно читаешь песнопение какого-нибудь миннезингера, живописующего семейные огорчения благотворительных владетелей замка. Но, повторяем, интерес повести так велик, что даже и это, с течением рассказа, исчезает и не делается столь резким. Мы поздравляем «Отечественные записки» с приобретением такой истинно капитальной статьи, потому что недостатки произведения нимало не относятся к журналу — это уже вина самого автора.

В 3 № «Библиотеки для чтения» в высшей степени замечательная статья г. академика Устрялова «Первые морские походы Петра Великого в 1693 и 1694 гг.». Вообще обнародованные доныне эпизоды из громадного труда г. Устрялова несомненно свидетельствуют о высоком и всеобщем интересе, который должна возбудить «История Петра Великого», таким образом изложенная. Нет сомнения, что она завоюет себе столько же читателей и такую же славу, как завоевала «История...» Карамзина, и что труду нашего академика предстоит в своем роде роль столь же блистательная и благотворная по влиянию, какая долго принадлежала «Истории государства Российского».

Появился 21 (он же и 22) номер «Москвитянина». В нем, к сожалению, не встретили мы продолжения писем Гоголя к г. Погодину, и вообще содержание его небогато. В «Крымских письмах» Н. В. Б., интересу которых журнал наш уже не однажды отдавал справедливость, любопытнейшим на этот раз показалось нам следующее место:

«*Приписка к письму от 28-го октября.*

Государь приехал сегодня во втором часу. Замечательное обстоятельство: тотчас после того как он из церкви пришел в дом, назначенный для его помещения, над этим домом явилось 22 орла, которые кружили долго и потом полетели по направлению к Евпатории. Немного погодя явилось опять столько же (и все со

стороны Севастополя) и опять покружили над его домом и полетели к Евпатории. Надо заметить, что до сих пор орлов здесь было очень мало. Во всё время, как мы здесь живем, пролетели орла два-три».

Да еще очень хороши стихи, навеянные автору ханским дворцом в Бахчисарае:

Проснулись вновь дворца немые сени:
В жилище непробудной тишины,
В чертоги сладострастия и лени
Повеяло дыханье войны.
Где осенял высокоствольный тополь
Веселых одалиск игривую семью —
Сидит солдат, израненный в бою,
И видит в снах своих гремящий Севастополь...
О мрамор старых плит рукой он оперся...
Там прежде бил фонтан и царствовала нега...
Вдруг, слышит он, гремит почтовая телега,
И русский колокольчик залился —
И сердце ёкнуло у русского солдата;
И сон другой он видит наяву —
И Русь широкую, и матушку-Москву;
Пред ним жена и малые ребята —
И слезы каплют на траву...

Не правда ли, удивительные стихи? И прочувствовано сильно, и сказалось хорошо. В том же письме нашли мы прекрасный перевод сонета Мицкевича «Странник»:

Так, я достиг давно желанной цели:
У ног моих цветущий край земли,
И моря шум, и реют корабли,
Качаяся в волнах, как в колыбели.

Но снятся мне родимые метели...
О Русь, леса дремучие твои
Отраднее и слаще сердцу пели,
Чем звонкие Байдара соловьи.

И кажется мне краше и дороже
Немая ширь и глушь моих степей,
Чем пышное цветов душистых ложе...

Там я любил на утре лучших дней.
Там и она... но снится ли ей то же,
Что снится мне о прошлом и об ней?

Кстати, снимем с г. Б. обвинение в некоторых мелочах и чисто личных подробностях, которые попадались в прежних его севастопольских письмах и казались не всегда уместными: ныне г. Погодин объявил, что он, вопреки желанию автора, не хотел исключить таких мест из

опасения нарушить искренность и безыскусственность писем.

В последних книжках «Русского вестника» появилось несколько замечательных статей ученого содержания. Мы будем говорить о них в следующем месяце. Журнальная деятельность в Москве обещает и еще более оживиться изданием нового журнала «Русская беседа», предпринятым гг. Кошелевым и Филипповым. Мы можем ошибиться, но у нас есть твердое убеждение, что «Русской беседе» так или иначе суждено играть благородную и благотворную роль в русской литературе и вообще в развитии нашего общества. Как бы ни проявились убеждения людей, соединяющихся в «Беседе», в основе их убеждений лежит начало животворящее — бескорыстная и глубокая любовь к России; а такая основа уже сама собою исключает апатию, разрешающуюся в деятельность рутинную и бесплодную. С нетерпением ждем первого № «Беседы», обещанного в начале апреля.

Упомянув о новом журнале, нельзя умолчать и о журнале, который в своем роде также производит впечатление новости. Это «Пантеон», которого первая книжка на 1856 год на днях появилась в Петербурге. «Пантеон» никогда не был журналом лишним в русской литературе, и мы душевно рады его возобновлению и обещанию впредь издаваться аккуратно.

Желая ему всяких успехов, не можем не указать издателю его на следующее обстоятельство. Главнейшая причина неуспеха его журнала заключается, по нашему мнению, в неопределенности его направления: хочет ли «Пантеон» быть журналом вроде «Отечественных записок», «Современника», или же основная цель его быть изданием специальным, согласным с его первоначальным назначением? От этой двойственности цели «Пантеон» не имеет никакой определенной физиономии. Было бы гораздо лучше, если б он избрал одну которую-нибудь цель и строго держался ее. К чему подражать другим журналам, когда «Пантеон» может иметь собственный, совершенно самобытный характер? Нам кажется, что журнал по преимуществу драматический (пожалуй, с прибавлением иногда повестей, но только не таких, какие появились в прошедшем «Пантеоне»), — журнал, который поставил бы своею целию драматическую отрасль искусства и, в случае недостатка русских пьес, переводил бы классические произведения иностранных литератур, — такой журнал скоро

приобрел бы уважение публики, получил бы физиономию и сделался бы необходимым. Но «Пантеон» сгубила гоньба за многосторонностию: никто никогда не пестрил своих оберток таким разнообразием (кажущимся), как «Пантеон». Знамя с надписью: «Русский театр и стремление к его развитию» — казалось ему слишком легким и ничтожным. Он взял и театр, и литературу, и науку... и сломился под тяжестию такого многоцветного знамени. Теперь он снова поднялся, и мы желаем, чтоб обновление его было прочно.

В заключение, хотя и не без сердечного сокрушения, должны мы посвятить страницу наших заметок журнальным объяснениям. Вот в чем дело. В прошлом нумере «Современника» поместили мы стихотворение «За днями дни идут чредой...», которое нашел Е. Н. Эдельсон в альманахе «Весенние цветы» с подписью «А. Пушкин» и сообщил нам.

В № 58 «С.-Петербургских ведомостей» явилась «Литературная заметка», доказывающая, что стихотворение принадлежит не Пушкину, а Туманскому и помещено было первоначально в альманахе «Северные цветы», 1825, с буквою Т. Всё это покуда хорошо. «Современник» с тем и печатал стихотворение, чтобы разъяснить вопрос: почему оно не вошло в издания Пушкина? И очень может быть, что стихотворение точно принадлежит Туманскому, а не Пушкину, хотя дальнейшего разъяснения и доказательств этого дела мы еще ожидаем от библиографов и издателей Пушкина. Но вот что нехорошо. Из этого весьма простого обстоятельства газета, издаваемая г. Краевским, старается сделать обвинительный факт для редакции «Современника». Она доходит даже до уверений, будто стихотворение Пушкина выставлено у нас на обертке какими-то *«крупными буквами»* (эти буквы не крупнее тех, какими постоянно печатается оглавление в «Современнике»), и крепко стыдит редакцию «Современника», что ее *«поддел»* (выражение газеты) неизвестный собиратель «Весенних цветов»: нехорошо-де так обходиться с «именами, составляющими гордость и украшение нашей литературы», и многое другое, высказанное с таким же благородным негодованием и достоинством.

Читатель, мало знакомый с делом, подумает, что мы в самом деле совершили бог знает какое преступление. Та-

кому читателю мы должны сказать, что преступления тут нет, что такие случаи бывали, бывают и могут случиться впредь, и нужно иметь особые причины, чтоб делать из них обвинительные факты. Например, тот же самый издатель «С.-Петербургских ведомостей», г. Краевский, издающий тоже «Отечественные записки», украшал в 1855 году свой журнал стихотворениями г-жи К. Павловой, из которых иные были уже напечатаны в «Москвитянине» 1841 года. Знает ли он это? Если не знает и желает узнать, мы ему докажем. Тот же самый г. Краевский, стыдящий нас неуважением к именам, составляющим гордость и украшение литературы, напечатал в своем журнале в прошлом году («Отечеств<енные> зап<иски>», 1855, февраль) «Завещание помещика сыну времен императрицы Анны Иоанновны». Эту драгоценность доставил ему, как он известил в примечании, *Г. П. Данилевский.* «Нечего прибавлять здесь, как интересны все лица, о которых упоминает покойник, сам себя, *к сожалению,* нигде не назвавший в рукописи» и проч. («Отечественные записки», 1855, № 2, отд. 2, стр. 155). Что ж оказалось? Оказалось, что г. Краевский был в этом случае жертвою доверчивости к авторитету Г. П. Данилевского и выдал своим читателям за драгоценную новость искаженные обрывки из давно известного завещания Татищева, напечатанного в 1773 году Сергеем Друковцовым.[1] Мы тогда не обнаружили, как был *«поддет»* г. Краевский (употребляя выражение его газеты), потому что, по нашим отношениям к «Отечественным запискам», считали неловким выставлять на вид этот неблагоприятный для них факт; но в настоящем случае мы вынуждены упомянуть о нем, чтобы спросить г. Краевского: хорошо ли будет, если теперь, когда литературе возвращается ее достоинство, журналы наши займутся с прежним рвением ловлею мелких промахов друг в друге и превращением их в обвинительные факты? Нет, это время прошло, и слава богу! Возвращаться к нему не должно; по крайней мере, мы не намерены и за себя ручаемся, лишь бы г. Краевский не подавал поводов до такой степени резких, как настоящий. Многое мы готовы смолчать — и смалчиваем. Мы позволяем ему в своей газете сколько угодно хвалить свой

---

[1] Вот полное заглавие книги: Духовная тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году, сыну его Евграфу Васильевичу. Печатано в С.-Петербурге, 1733. По каталогу Смирдина № 2950.

же журнал и всячески унижать наш: это явление совершается уже четвертый год перед лицом всей русской публики, и публика сама знает, как должно на него смотреть. Мы позволяем ему печатать «Взгляды на русскую критику», которых единственное достоинство — тысячу раз повторенное во всех падежах слово «Современник» с прибавлением всяких неблагосклонных эпитетов. Но зачем же он еще хочет уверить десять тысяч читателей своей газеты, что мы не уважаем того, что «составляет гордость и славу нашей литературы»? Всех десяти тысяч он, конечно, не уверит; но если предположить, что только десять человек могут поверить, то этого уже довольно, чтобы сделать невозможным молчание на подобные обвинения.

Кстати. В нынешнем нумере «Современника» напечатали мы «Семейную картину» г. Островского, которого сотрудничество приобретено редакциею. Спешим сказать, что эта пьеса была напечатана в 1846 году в «Московском листке». Мы ее перепечатываем потому, что она заслуживает внимания публики и как прекрасная пьеса, и как первое произведение автора комедии «Свои люди — сочтемся», — произведение, в котором находятся уже данные таланта, подарившего впоследствии русской литературе одну из ее немногих образцовых комедий. А между тем «Семейная картина», по малочисленности читателей «Городского листка», прекратившегося за неимением подписчиков, была доныне очень мало известна. Всё это мы спешим сказать, а то, чего доброго, опять явится обвинение в перепечатке с присоединением советов «быть впредь осмотрительнее» и проч. Будьте же спокойны, г. издатель «С.-Петербургских ведомостей». Здесь никто никого *«не подде́л»*. Мы знаем, что делаем, и даже убеждены, что наши читатели будут нам благодарны за доставление им возможности познакомиться с первым произведением г. Островского.

Заметки о журналах за апрель 1856 года

Читатель, поздравляем вас с новым журналом!

28-го апреля вышел в Москве и сейчас только получен здесь 1 № «Русской беседы». Нам еще не было времени посмотреть книжку, но спешим сказать, что наружность журнала производит самое приятное впечатление. Содержание, судя по обертке, разнообразно. Из него мы успели

прочесть только несколько стрихотворений и в числе их нашли два превосходные. Они принадлежат И. Аксакову. Приводим их здесь:

Усталых сил я долго не жалел;
Не упрекнут бездействием позорным
Мою тоску; как труженик, умел
Работать я с усердием упорным.

Моей душе те годы не легки;
Скупым трудом не брезгал я лукаво,
И, мнится мне, досуга и тоски
Купил себе я дорогое право!..

В былые дни поэта чаровал
Блаженства сон, эдем в неясной дали...
Почуяв ложь, безумец тосковал,
И были нам смешны его печали!

И, осмеяв его бессильный плач,
Я в жизнь вступил путем иных мечтаний:
К трудам благим, к решению задач,
На жаркий бой, на подвиг испытаний

Все помыслы, все силы, всю любовь
Направил я и гром далекий слышал!..
Лгала и ты, о молодая кровь,
Исчез обман, едва я в поле вышел!

И понял я, что спит желанный гром,
Что вместо битв нередко с бранным духом
За комаром бежим мы с топором,
За мухою гоняемся с обухом!

И понял я, что подвигов живых,
Блестящих жертв, борьбы великодушной
Пора прошла. — и нам в замену их
Борьбы глухой достался подвиг скучный!

Отважных сил не нужно в наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны нам, — затем, что все они
Так хороши, так ярки, так красивы!..

Есть путь иной, где вера не легка:
Сгорает в нем порыва скорый пламень;
Есть долгий труд, есть подвиг червяка:
Он точит дуб... Долбит и капля камень.

Невзрачный путь! тебе я верен был!
Лишен ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложил
Тяжелый гнет упорного терпенья!..

Но слышно мне порой, в тиши работ,
Что бурных сил не укротило время!..
Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?

Ярославль. 23 ноября 1850 г.

Добро б мечты, добро бы страсти,
С мятежной прелестью своей,
Держали нас в могучей власти,
Сбивали нас с прямых путей!
Нет! счастьем мелкого объема
Довольны мы, без бурь и грома,
И мирно путь проходим свой —
И, тратя жизнь разумной мерой,
С туманным днем, с погодой серой
В согласный лад живем душой.

Но эта жизнь — ни сон, ни бденье,
Бог знает что! Подчас, друзья,
Какое горькое презренье
К себе и к вам питаю я!
Нам всё дано! Мы грубой ложью
Затмить не в силах правду божью:
Так ярок свет ее вдали!
Ее мы чтим, о ней мы тужим...
Но где же храм, в котором служим?
Какие жертвы принесли?

А впрочем, мы, дворянской ленью
Врачуя совести недуг,
Святому истины служенью
Свой барский жертвуем досуг!
Мы любим к пышному обеду
Прибавить мудрую беседу
Иль в поздней ужина поре,
В роскошно убранной палате,
Потолковать о бедном брате,
Погорячиться о добре!

Что ж толку в том? Проходят лета:
Любовь по-прежнему мертва!
О, слово старое поэта: [1]
«Слова, слова, одни слова!»
Не то чтоб лгали мы бесстыдно,
Но спим, но дремлем мы обидно,
Но постепенно силы в нас,
Пугаясь подвигов суровых,
Средь мелких благ, средь благ дешевых,
Счастливо гаснут каждый час!

---

[1] Шекспир. <*Примечание редакции «Русской беседы»*>.

Не всё же сон! Худых желаний
Соблазн послышав иногда,
Обману ловких оправданий
Мы поддаемся без труда.
Мудрец умом, хитрец душою,
Как примирился ты с собою?
Как столько выгод согласил
Ты с духом мудрости змеиной,
Какой «златою серединой»
Ты путь опасный проходил?..

Нет! темных сделок, боже правый,
С неправдой нам не допусти,
Покрой стыдом совет лукавый,
Блаженство сонных возмути!
Да пробудясь в восторге смелом,
С отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самым делом
Почтим веления твои!

1853 г Апрель.

Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, строгого и сильного голоса. Замечательно также следующее стихотворение г. Хомякова:

Ночь

Спáла ночь с померкшей вышины,
В небе сумрак, над землею тени,
И под кровом темной тишины
Ходит сонм обманчивых видений.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Освяти молитвой час полночи!
Божьи духи землю сторожат:
Звезды светят, словно божьи очи.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Разорви ночных обманов сети!
В городах к заутрене звонят:
В божью церковь идут божьи дети.

Помолися о себе, о всех,
Для кого тяжка земная битва,
О рабах бессмысленных утех!
Верь, для всех нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Пусть зажжется дух твой пробужденный
Так, как звезды на небе горят,
Как горит лампада пред иконой.

Март 1854 г.

Да еще пробежали мы вступительные страницы журнала, которые не худо пробежать всякому, кто желает получить понятие о «Русской беседе». Вот как сама она излагает цель свою:

«Любезный читатель! „Русская беседа" просит твоего благосклонного внимания. Всякий журнал имеет свой характер, свое значение, свой образ действия. „Беседа" определяет свое значение самым именем своим. Простая, искренняя, непритязательная русская беседа обо всем, что касается просвещения и умственной жизни людей. Кажется, тут и объяснять нечего: всё остальное узнается из дальнейшего хода журнала. Оно и так; но всё же приятно, прежде вступления в какую бы то ни было беседу, узнать хоть сколько-нибудь направление и характер собеседников. „Русская беседа" понимает это естественное желание с твоей стороны, любезный читатель, и постарается удовлетворить ему, сколько возможно.

В „Русской беседе" ты встретишь людей, искренно любящих просвещение, от которых услышишь дельное или приятное слово, но которые более или менее разногласят между собою в мнениях касательно важных и отчасти жизненных вопросов; при всем том „Беседа" постоянно сохранит единство характера и направления. Какие бы ни были различия в мнениях почтенных и радушно принятых гостей, домашний кружок связан единством коренных, неизменных убеждений. Полное изложение их и приложение ко всем предметам мысли и знания — впереди. <...>

Форма „Беседы"... Но как исчислить формы человеческой беседы? Критика, рассуждение, исторический рассказ, повесть, стихи — всё входит в ее состав. Разумеется, будут в издании отделы; но тебе, конечно, случалось не раз, любезный читатель, проводить с друзьями вечера, на которых не было рассказано ни одного анекдота, не пропето ни одной песенки, и всё-таки вечера оставляли в тебе приятные и добрые впечатления, и ты не роптал, а был доволен. Приложи это правило к нашей „Беседе" и, если какого отдела не найдешь, скажи себе, что, видно, не было на этот раз анекдотического или стихотворного вдохновения, и поставь: „*не имеется*", как ставят в грамматиках, когда какой-нибудь формы недостает в глаголе. Слово „*не имеется*", право, лучше пошлой повести и плохого стиха.

Предметом „Беседы" будут, как уже сказано, служить все разнообразные проявления умственной жизни человека; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получает всё свое достоинство от жизни нравственной. Ее современная слабость отзывается в том, что можно назвать пустодушием европейского просвещения. Вопросы нравственные должны присутствовать при разрешении почти всех умственных вопросов. Поэтому не удивляйся и не гневайся, если иногда услышишь слово несколько строгое, даже, может быть, несколько оскорбительное для уха, избалованного крайнею нежностию нашей печатной словесности. „Беседа" не считает себя вправе обходить требования нравственной правды. Без сомнения, стараясь разрешать, сколько возможно, старые или новые вопросы, беспрестанно представляемые жизнию и мыслию человеческою, она нисколько не льстит себя надеждою на безошибочность решения. Она даже позволит себе, может быть

и нередко, ставить новые, еще не разрешенные вопросы, в полной уверенности, что вопросы неразрешенные далеко не бесполезны: они будят деятельность ума и готовят его к будущему разрешению. „Беседа" не обещает ни безошибочности, ни всезнания, но обещает искренность и добросовестность; от тебя же просит внимания и беспристрастия, дабы общий труд мог совершаться успешно: ибо все, как пишущие, так и читающие, одинаково сотрудники в деле знания, в деле просвещения, в деле жизни.

«Русская беседа».

Подробнее мы познакомим читателей с 1-м нумером «Русской беседы» в следующем месяце, а теперь перейдем к «Русскому вестнику»...

<Из статьи «Заметки о журналах за май 1856 года»>

Читатель, мы еще ничего не говорили вам о комедии графа Соллогуба «Чиновник», игранной с успехом на сцене, напечатанной в 3 № «Библиотеки для чтения» и наделавшей, как говорится, шуму. И мы очень рады, что ничего не говорили, потому что от нас вы, верно, не услышали бы о ней такого дельного и меткого слова, какое сейчас услышите. Дело в том, что комедия графа Соллогуба, затронув один из самых живых современных вопросов, вызвала, между прочим, следующее суждение о ней специалиста, — суждение, с которым мы совершенно согласны и которое поэтому с удовольствием помещаем здесь...

1866

Таинственная капля, *народное преданье,*
в двух частях. Берлин.

Стихотворения М. А. Дмитриева,
в двух частях. Москва.

Эпопея тысячелетия. *Паломничество.*
Ипполита Завалишина. *Москва.*

Дневник девушки. *Роман* графини Ростопчиной.
С.-Петербург.

Сон и пробуждение. *Поэма, сочинение* Божича-Савича.
С.-Петербург.

Оттиски, *стих.* Я. П. Полонского. *С.-Петербург.*

Переводы из Мицкевича, Н. Берга. *Варшава.*

Евгений Онегин, *роман в стихах, сокращенный*
и исправленный по статьям новейших лжереалистов
Темным человеком. *С.-Петербург.*

Пишет ли современная Россия стихи? Вот вопрос, который представляется для многих напрасным. «Разумеется, не пишет!» — отвечают они. Современная Россия пишет проекты банков и железных дорог, раскладки земских повинностей, она говорит в собраниях о том, что нет ни у кого денег, и предлагает средства самые верные от безденежья, какие прежде предлагались только от зубной боли... словом, она всё делает, обо всем пишет и про всё говорит, только ничего не делает по части стихов, ничего не пишет стихами и не говорит ими — даже на сцене Александринского театра говорит редко!

Так думают читатели; но иначе, совсем иначе думают редакторы литературных журналов!

Говорят, из десяти писем, получаемых в редакции, в девяти непременно стихи! Из десяти человек, приходящих

в редакцию в обычные приемные дни, девять непременно со стихами.

Стихи пишут! $^{9}/_{10}$ всей грамотной России пишет стихи! Это мы узнали: редакция «Современника», со свойственною ей нескромностью, не скрыла от нас этого. Но что стихи печатаются, то есть издаются на собственный риск и кошт, подобного не могло себе представить наше воображение, покуда нам не был прислан целый ворох испечатанной стихами бумаги (с лишком 150 листов!). И чего-чего только нет в этих полутораста листах! И элементы патриотические (на сотне без малого листов!), и нравственно-религиозные, и безнравственно-любовные, есть даже магнетические («Магнетизм любви» г. Божича-Савича); нет только элементов поэтических. Крошечной брошюрке г. Полонского, с небольшим в $1^{1}/_{2}$ печатных листа, одной суждено быть исключением и представлять собою гомеопатическую крупинку поэзии (собственную). Переводы г. Берга показывают тоже поэзию — Мицкевича.

Как бы то ни было, ввиду всеобщего писания стихов и самоотверженного печатания их многими авторами, мы находим, что молчать о стихах более невозможно, и посвящаем им настоящую статейку.

Соединение воедино имен и произведений, выставленных в начале нашей статейки, подводит итоги деятельности стихотворствующих россиян начиная за полвека назад и до наших времен. Тут есть и такие книжки, как г. Дмитриева и «Таинственная капля», которые еще шевелили сердца наших бабушек и настраивали дедушек на патриотический и возвышенный лад. Тут есть и г-жа Ростопчина, беспокоившая наших дядюшек, и г. Полонский, тревоживший нас самих. Одна только стихотворная работа г. Завалишина, очевидно сверстника двух первых, кажется, напрасно тщится расшевелить кого-либо. Почтенные старики так искренно и так благодушно поют свои рапсодии, сидя у края дороги, по которой уже давно отказались идти их неподвижные ноги, что всё бегущее вперед, живое и бодрое, с улыбкой снисхождения должно проходить мимо. Какое, в самом деле, чувство может оскорбить «Таинственная капля», в двух толстеньких томах рассказывающая подробно и длинно, как подобает старости, стихами в рифмах и без рифм, в сценах прозою и без прозы, коротенькое предание о разбойнике, покаявшемся Христу на кресте? Какое кому до того дело, что к легенде, созданной наивным воображением народа, автору вздумалось

приделать предание о падении трехсот идолов, беседы ада с сатаною и смертью, «песнь о шестодневном», говорящие стихами кометы, «тревоги в высшем воздухе от движения летящего мира» и т. п. и т. п.? Никто не оскорбится, разумеется, и тем, что в избытке пиитического пламенения автор мечет образами без всякой умеренности и, описывая бегство святого семейства в Египет, живописует так одежду пресвятой девы:

В одежды алые жена одета,
Скроенные (?) как будто из зари (?!),
И голубой покров — *отрезок неба* (?!?) —
Вился вокруг главы ее прекрасной.

Это применение кройки и портняжного искусства к заре и небу несколько игриво. Но опять-таки кто за это станет гневаться на старика?

Сочинение издано в Берлине (отчего не в Москве?) и, говорят, *не могло быть издано* до сей поры в России. Странно, почему бы это?

Второй обломок прошлого, г. Дмитриев, собрал всего себя, и тоже в двух томах, хотя более лепешкообразных и похожих на блин, как и подобает быть изданию, рожденному в самом сердце отечества — в Москве, и притом на Малой Молчановке. Будучи старцем, подобно таинственному автору «Капли», московский поэт существенно отличается от этого мироносца своим темпераментом: он более холерик. Он весь предан суетам мира сего, и даже на Белинского (названного «безымянным критиком») ополчается не хуже всякого современного писателя, подвизающегося на страницах «Русского вестника».

Нет, твой подвиг не похвален! —

говорит г. Дмитриев, —

Не *привет* России он (?)!
Карамзин тобой ужален,
Ломоносов уязвлен!

Точно назначение критика — делать *«приветы»* России! «Сделай, мол, душенька, ручку тете!»

Но далее еще лучше — уже прямо предчувствие приемов самих «Московских ведомостей»:

Подточивши цвет России,
Червем *к корню* подползать...

Радикал, значит!

Дух ли это анархии...

Замечаете, куда гнет! Да еще в 1842 году! «Дух анархии»!! Подумайте только, чем это в <18>42 году пахло! Даже и подумать страшно!

В противоположность анархическому направлению петербургских умов москвич рисует следующую увлекательную картину благонравия Москвы:

Нет, у нас в Москве *смиренной*
На гробах (каких?) *священный страх* (кого?!).
Имя дедов нам священно...
<. . . . .>
Плод и в корне почитаем,
Но не чтим растленный плод!

Само собою разумеется, что нашему времени достается еще более:

Оттого, что век реальный
Хочет денег, *пить и есть.*

За такие пороки, конечно, следует «*погонять*» хорошенько. Вишь чего захотел!

Скороспелому прогрессу
Я не верую, друзья, —

говорит далее г. Дмитриев, —

Да и грамотность народа
Разведет одних плутов.

Разумеется! Это уже и в прозе объясняемо было неоднократно.

Еще загвоздка нашему времени и назидательное изображение не нашего. Пьеса называется «Льстецы народа»:

Поэты наши в стары годы
Вельможам льстили и царям:
О том свидетельствуют оды
И их *обильный* (верно) фимиам!

И, между прочим, ваша собственная ода московскому генерал-губернатору.

А вы, газетные клевреты,
Кому плетете вы венцы?
Не душ вы доблестных поэты.
Толпы безграмотной льстецы!

А вот и еще сказание г. Дмитриева — последнее, — больше не станем. И это-то уже потому только, что уж очень хорошо:

Визиты

Вот замолчали уж ранних обеден призывные звоны;
А поздним торжественно-громко звонят...
и т. д.
А у нас начались уж езда и *каретная скачка.*

№3. В Москве, значит, бывают особые скачки — не с препятствиями, но «каретные», которым г. Дмитриев, впрочем, весьма не прочь подставить препятствия:

Прадеды наши (говорит он) в день этот сидели
с семьей, *не шатались*!
Только на *третий день* (и почему именно на третий?)
праздника ездили
в гости; к кому же?
К старшему в роде, потом к кумовьям *да к*
родным попочетней;
Вступят в хоромы, крестом осенясь; похристосуясь,
сядут;
Умную речь поведут *да закусят*, степенные
люди!

Уж точно степенные! А еще жили в век, который есть и пить не хотел. Что же, если б они жили в наш «век реальный?» Умрите, г. Дмитриев, если вы еще живы! Лучше этого вы ничего не напишете!

Воспевшему «Эпопею тысячелетия» г. Завалишину непременно простятся его стихотворные прегрешения за ту беспредельную детскую незлобивость и наивность прилежного ученика, упражняющегося в стихосложении, какими дышит его эпопея. Вот бы кому воспевать каплю! Он до того добр, сердце его так не очерствело, что он даже слова «разумное» и «прогрессивное» употребляет не в замену игл, для уязвления молодого поколения, а взаправду. В его любящем сердце столько любви, в его горячей голове столько воображения, что в России для него «что *этот* шаг, то великое событие! что *эта* мысль, то великое воспоминание!» Он пишет целый путеводитель по России рифмованными стихами (уж какими — за то его простит пусть Аполлон!) «в ее <...> памятниках и великих людях, благородных порывах и утешительных надеждах...» И, поверьте, автор дает всё, что обещает, даже более, чем обещает: он описывает все мосты (стихами!) и все постройки,

какие ему попадаются на пути. Он очень добросовестен! Он увековечивает такие имена, о которых не всякому и слышать приходилось. В Крыму, например, перед ним проходят ряды вот каких героев последней войны:

И Тетеревников, и Белевцов с полками,
Отшибшие не раз врага от сих валов;
Немчинов, Бельгард и Гордеев, *памятями*
Отважных для своих живущи (?). Огарев
Бесстрашный, Галман и Тимашев (,) с именами
Которых *слава* есть с хвалой (?); Прескурняков,
Кишинский
и проч., и проч.

Может быть, и вероятно, всё это очень были храбрые люди, но мы по крайней мере их до сих пор мало знали, в чем и раскаиваемся чистосердечно.

Г. Завалишин обходит всю Россию и везде найдется сказать что-нибудь приветливое: Петербургу, Москве, Киеву — уж и подумать страшно, каких только он наговорил комплиментов. Да чего! в Шуе, даже в самой Шуе он побывал, можно сказать, не всуе! И ее подарил двумя стихами:

Вот Шуя (говорит), городок фабричности богатый,
Трудолюбивый край — *себя он разовьет.*

Впрочем, это только из любезности он так говорит; вообще же, по его мнению, не фабрики, но

Для нас суть вот что: труд сохи и *скот, двойной*
Залог спокойствия и силы родовой.

Да, такому человеку, как г. Завалишин, решительно всё прощается — даже заблуждение насчет значения его «песен», как он зовет свою тяжелую работу над стихами. Представьте себе, он в одном месте восклицает:

Я памятник себе воздвиг, чудесный, славный,
Гранитов лучше он и тверже пирамид;
А каждую черту сей песни *православной,*
Родной, *понятной всем* (уж это едва ли!),
народ мой сохранит.

И далее:

Да, верю я, что Русь *немудры* песни эти
Почтит сочувствием, их *родственность* поймет,
Что ими заслужил *народного* (?) *поэта*
Названье — и меня воспомнит мой народ!
<. . . . .>

Ибо я первый здесь тысячелетье славы
В едино собрал, их (кого их?) значенье указал
И *в формах столь простых* воздвиг им *величавый*,
Прекрасный «Памятник», как новгородский,
и проч.

Жалко разочаровывать, но нельзя не сказать, что даже хуже новгородского!

И вспомнит мой народ, когда меня не будет,
Певца народности, —

настаивает г. Завалишин. Ну, бог с вами совсем! думайте как знаете, — от этого ведь никому не хуже.

Соблазнительница наших дядюшек, уже покойная графиня Ростопчина извлекает нас из области любви к отечеству (от Новгорода до Шуи включительно) и ввергает непосредственно в горнило страсти к Владимиру... не подумайте тут чего-нибудь другого, — нет, просто-таки к Владимиру, к господину Владимиру, по всем вероятиям даже Петровичу или Семенычу, с которым г-жа Ростопчина сперва помещается «в просторной ложе»; потом ссорится и по этому случаю:

За чаем <...> не села близ него,
Как принято у нас.

Но он приехал звать ее «для санного катанья» (в Москве то каретные скачки, то санные катанья — покоя себе люди не дают!), и они помирились. Да и немудрено, — с таким редким молодым человеком никак нельзя долго жить в ссоре:

Не делит он хлад века своего,
Не увлечен *припадком* (?) вычислений!

Напротив того:

Он разгадал весь мир своей *мечтой*.

За что же с ним ссориться? Притом г-жа Ростопчина узнала, что «походу должно быть»:

И полк его из первых выступает, —
Поэтому из первых будет он
В бою...

А сама г-жа Ростопчина, как только полк уйдет, «вернется тотчас в Стрельну». Даже и времени нет для ссор!

В Стрельне происходит между тем следующее достопамятное в жизни графини событие. Случилось ей найти клочок бумаги, где Владимир, — теперь, увы, выступающий перед своею ротою в ногу, — писал прежде всякий вздор, который учил г-жу Ростопчину повторять за собою. Но нет, пусть лучше она сама расскажет: это обстоятельство капитальное и притом такое невероятное, что если мы его расскажем, нам, чего доброго, и не поверят. На страницах 272—274 рукою г-жи Ростопчиной начертано:

...И вот, попался мне
Клочок *простой* бумаги, где однажды
Карандашом чертил он.
<. . . . .>
Случилась фраза целая по-шведски:
Як-эльзкар-дыг... И, говоря ее,
Он на меня смотрел с своей улыбкой,
Опасной мне...
<. . . . .>
...Долго я
В раздумии твердила и шептала,
Как чудный талисман, как заклинанье,
Магический девиз «Як-эльзкар-дыг»!
Як-эльзкар-дыг! о звук *небесный* (пощадите!!)!
<. . . . .>
В уме живет, в *устах* (?) всё вьется (?),
В ушах и сердце раздается:
Як-эльзкар-дыг!

Вы думаете, излилась г-жа Ростопчина по поводу шведского небесного звука! Далеко нет!

Як-эльзкар-дыг (продолжает она, не переводя духу), любви преданье
и проч., и проч.

И через пять строк опять кричит:

Я долго вслед за ним шептала:
Як-эльзкар-дыг!
Як-эльзкар-дыг! в разлуке скучной
Отрада сердцу моему;
Язык чужой, но *сладкозвучный*
Понятен страстному уму,
И в час желанного свиданья
Скажу ему, забыв страданья:
Як-эльзкар-дыг!

Минута будет высококомическая! и он, наверное, расхохочется.

После этого говорить о «романе девушки» нечего. Еще по-шведски можно бы; но, к нашему душевному прискорбию, нас этому сладкозвучному языку не обучали. А ведь можно бы, как говорит, кажется, Хожалкин у Гоголя, — стоило только посечь, и мы бы выучились, непременно бы выучились!

Темный человек написал пародию на «Онегина» Пушкина или, вернее, на «Онегина» «Русского слова», и это одна из самых остроумных его пародий: сущность учения этого «Слова» мастерски усвоена стихом и приемом очень близким пушкинскому. Нам особенно понравилась сцена Онегина с Татьяной после знаменитого письма:

Татьяна вздрогнула, глядит:
Пред ней в саду стоял Евгений
И, сняв фуражку с головы,
Ей говорит: «Здоровы ль вы?

Ну, духота! Пот льется градом...»
Потом он, вынув свой платок,
Стер пот с лица; сел с Таней рядом
И начал длинный монолог
О том, что физик Маттеучи
Был ярким солнцем в темной туче,
Что всем нам праотцом — полип,
И что похож на мелкий гриб
Acetabulum известковый,
Что от несчастий всех народ
Ассоциация спасет,
Что реалист закалки новой —
Иль пьянства мрачного поэт,
Иль гениальный Архимед...

и т. д.

Всё это остро и смешно. Но спросим откровенно автора: не меркнет ли его удачное выворачиванье наизнанку чужого произведения перед этим собственноручным выворачиванием самой себя г-жою Ростопчиною? Пари можно держать, что *такой* пародии, какую сочинила г-жа Ростопчина, не придумать никакому Темному человеку в мире. Один только г. Божич-Савич, автор поэмы «Сон и пробуждение», еще до некоторой степени способен до нее возвыситься Угадайте. например, чье это: г-жи Ростопчиной или ее ученика?

Проснулось всё... Рука горела...
Меня ты *быстро ухватил* (?)!
В самозабвении танцуя,
Со мной *беспечно ты играл*!

Действие происходит, по-видимому, в одном из *поющих кафе* (café chantant) северной Пальмиры, где только и можно играть, да еще беспечно, *хватая* свою даму.

Потом ты в польку устремился...
<. . . . .>
Схватив *за талию* (еще!) в испуге,
Боясь, чтоб я бы не ушла (?),
В ребуре (?!) быстром и летучем
Меня на руки подымал.

Ну что, угадали? Нет? Так еще слушайте:

Зачем *тряхнул* ты головою
И медленно пошел от нас?
Зачем в гостиную *убрался*?
Зачем опять ко мне, *бесстыдный*,
Ты приближаешься...

Нет, где же графине Ростопчиной! Так может писать только мужчина! Зато г. Божич-Савич до того доигрался и дохватался, что вынужден сознаться печатно, что он

Здоровье, благо жизни милой,
И счастье, *силы потерял*!

И вдруг, среди всего этого вранья, карканья ворон и рева петухов и индюшек, услышать хоть маленькую, отрывочную, как бы сквозь зубы спетую, но всё же песенку г. Полонского. Право, растаешь! жаль только, что в «Оттисках» тоже попадаются пьесы вовсе не поэтические.

«Поцелуй меня...
Моя грудь в огне...
Я еще люблю...
Наклонись ко мне...»
Так в прощальный час
Лепетал и гас
Тихий голос твой,
Словно тающий,
В глубине души
Догорающей.
Я дышать не смел,
Я в лицо твое,
Как мертвец, глядел, —
Я склонил мой слух...
Но, увы! мой друг,
Твой последний вздох
Мне любви твоей
Досказать не мог.

И не знаю я,
Чем развяжется
Эта жизнь моя!
Чем доскажется
Мне любовь твоя!

Право, ведь это соловей поет! А вот это, воля ваша, ворона каркает:

Жизнь наша — развратная барыня,
У ней на пиру ты не скромничай
И не идеальничай.
Бездушная, своекорыстная,
Она, вишь, не любит чувствительных,
Она любит чувственных.
В гостях у нее Расточительность
Целуется с Жадностью — да пьянствует
Разврат с Безобразием.
В гостях у нее Чванство с Пошлостью,
Обман — *да еще два приятеля:*
Успех с Лицемерием...
и т. д.

Нет, сердиться вы не умеете, так и не заставляйте уж себя, не прикидывайтесь зверем, когда вы соловей.

У нас, как известно, водятся поэты трех родов: такие, которые «сами не знают, что будут петь», по меткому выражению их родоначальника, г. Фета. Это, так сказать, птицы певчие. Потом поэты с тенденциями, или поэты-граждане:

Эти не блещут особенным гением,
Но ведь не бог обжигает горшки,
Скорбность главы возместив направлением,
Пишут изрядно стишки! —

и, наконец, птицы певчие, наряжающиеся, по мере надобности, в платья гражданского покроя, какой бывает в моде. Этих иные видят даже во сне — *к перемене погоды*, и к ним-то менее всего следует пристраиваться поэтам категории г. Полонского.

Если его лира (выражаясь классически) имеет и немного струн, зато струны, какие на ней есть, звучат верным и поэтическим аккордом...

По поводу переводов г. Берга из Мицкевича следовало бы многое кое-что сказать о переводах вообще и переводчиках, которых итальянцы называют не без основания предателями: traduttore — traditore, — но легкая статья наша и без того уже грозит сделаться тяжелою по своему объему; а потому ограничимся несколькими словами.

Передавать близко стихи иностранного поэта русскими

стихами вообще трудно, часто труднее, чем прямо писать русские стихи. Причин тому множество, и между прочим длина наших слов, особенно причастий, деепричастий, прилагательных и проч., так что переводить тем же размером, тем же количеством строк, сохраняя по возможности самый наружный вид стихотворения (а это-то и значит переводить близко), иногда почти невозможно! Есть поэты, как А. Шенье например, которого передать таким образом нет средств. Да и не он один, — всякий поэт изящной формы и у кого внешнее изящество выше внутреннего содержания (как и у Шенье) непереводим близко. Какой-нибудь грубиян по форме, Барбье, но силач по содержанию, поддается гораздо легче переводу. А попробуйте перевести близко Петрарку — не выйдет ничего: букет выдохнется, а вкуса не останется.

Мы не можем пожаловаться, чтобы у нас переводили мало стихами, напротив! Кто только и чего у нас не переводит! Но несправедливо было бы жаловаться и на то, что, переводя слишком много, переводят слишком хорошо. Тоже напротив — это случается особенно редко.

Г. Берг (Н.) чуть ли не один из самых неутомимых и неисчерпаемых переводчиков в России: он переводил с французского, немецкого, английского, кажется даже с индейского и калмыцкого, и теперь переводит с польского. Переводы его грешат менее всего близостью к подлинникам. Но стихи *его* хороши. Есть переводчики, у которых *свои* стихи до того же плохи, что готов подарить им и близость, только бы немножко отлегло от уха...

Мицкевич, которого теперь перевел Н. Берг, — один из тех редких поэтов, у кого форма и содержание нераздельны: одно превосходно и другое превосходно. Значит, переводить Мицкевича тоже нелегко. Особенно эта трудность должна увеличиваться родственным сходством языков польского и русского. С близкого по духу языка переводить еще труднее, — может быть оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника. С итальянского, например, легче переводить иногда, чем с малороссийского. Невероятно, а между тем верно.

Но какой же, однако, общий итог нашего стихотворства по всем этим частным итогам, нами приведенным? — спросят нас. Отвечаем: дефицит, как и в других итогах, и потому не будем сокрушаться много, вспомнив, что *тот* дефицит, в *век реальный, который хочет есть и пить,* еще гораздо сокрушительнее...

1867—1868

Записки охотника Восточной Сибири А. Черкасова. *С рисунками в тексте. СПб., 1867. Издание книгопродавца* С. В. Звонарева.

Книга г. Черкасова должна представлять весьма значительный интерес для лиц, имеющих страсть к охоте и досуг для занятия ею, так как она заключает в себе весьма подробное описание всех технических особенностей охоты в Восточной Сибири, заметки о зверях, населяющих огромные леса и степи этой местности, особенные способы их лова и т. д. Но кроме охотников она может заинтересовать собою и обыкновенного читателя, так как в ней встречаются не лишенные занимательности этнографические описания быта сибиряков, заметки об особенностях сибирской природы и множество подробностей о быте зверей, водящихся в этом отдаленном крае. Последние заметки будут, кроме того, небесполезны и для естествоиспытателей, так как наблюдения эти приводятся автором не голословно, а с фактов, которые он или наблюдал лично, или слышал от лиц, заслуживавших полного доверия. Искренности же г. Черкасова не доверять нет основания: его простые, безыскусственные описания дышат всею откровенною простотою правды. «Чего не видел, чего не испытал сам,— говорит он в предисловии,— того и не утверждаю. <...> Я решился написать, что дал мне мой охотничий опыт». В этом же предисловии он, между прочим, извиняется в слабых сторонах своего труда в литературном отношении и в неловкости своего обращения с пером. Такое извинение, по нашему мнению, совершенно напрасно. Книга написана просто, правдиво, живым языком, и, следовательно, извиняться автору не в чем. Публике уже давно набили оскомину различные литературные исхищрения и претензии в ущерб простоте и правде. Простой, своеобразный и несколько грубоватый,

как сама жизнь *«звериных промышленников»* (так в Восточной Сибири называют охотников), язык автора производит на читателя, напротив, весьма приятное впечатление какой-то необычной свежести, напоминающей и степное раздолье, и влажную прохладу чистого зеленого бора...

1869

Журнал охоты и коннозаводства, *выходит 2 раза в месяц, с картинками, цена 8 руб. Редактор-издатель* А. Ф. Паули.

В России, стране всевозможных охот и всяческой дичи, охотничий ежемесячный журнал — явление небезынтересное. Чем другим, а уж охотами и обилием дичи (в буквальном значении слова) мы не обижены, и едва ли есть уголок в России, где бы не было людей, страстно любящих охоту, а есть много и таких, которые, ввиду чрезвычайного истребления дичи в последнее время, начинают заботиться об устройстве правильных, неистребительных охот. Белковщик-сибиряк или вятский черемис еще долго могут охотиться зря, не разбирая ни самцов, ни самок, ни способов охоты, ни времени года, хотя и там, как повсюду, замечается оскудение дичи; но в местностях густонаселенных и особенно пристоличных, где, ради скорого сообщения по железным дорогам, всякая убитая дичь дает деньгу, и немалую, истребление дичи увеличивается страшно, и, не будучи пророком, можно предсказать наверное, что недалеко время, когда от теперешних обильных результатами охот останется одно воспоминание, а от такой дичи, как лоси и олени, сохранятся одни легенды. Наши крупные и некрупные землевладельцы, печальники упраздненной барщины, напирают больше на обязательный труд и не думают пока о пользе эксплуатации охоты, и в их обширных владениях волен всякий и во всякое время истреблять дичь, тогда как, например, в Шотландии есть владельцы, получающие до 20 000 фунтов годового дохода за одно право охоты на их землях. В пристоличных местностях, и особенно в Петербурге и его окрестностях, охотники начинают сознавать необходимость правильных охот, а владельцы — пользу эксплуатации охоты. Этим объясняется, что теперь в Петербурге существует уже несколько охотничьих обществ, довольно правильно организованных, у которых есть свои правила и уставы для ведения охот, значительно опередившие существующие у нас законы об охоте, которые предусматривают пока только два вида охотничьих преступлений: охоту в недозволенное

время и охоту в недозволенном месте, вместе с запрещением ловить дичь силками, разорять гнезда; тогда как на самом деле весьма возможно и в дозволенное время, и в дозволенном месте, без силков и сетей, охотиться безобразнейшим образом и истреблять дичь нещадно, например преследуя лосей по насту и убивая их вместо ружей дубинами или перестреливая у тетеревиных выводков всех маток и перелавливая собаками молодых. Этим же объясняется и то, что в окрестностях Петербурга, почти до 100 верст в окружности, уже нельзя охотиться, не заручившись арендой какой-либо местности у частных владельцев по большей части за весьма порядочную годовую плату. Оттого ли, что близость взморья и замечательное обилие перелетной болотной дичи благоприятствует Петербургу в страсти к охоте, или потому, что геморроидальное население его сознает потребность движения не в одних бильярдных и других увеселительных заведениях, — словом, так или сяк, а охотников в Петербурге не одна сотня, оглашающих летом своими выстрелами Круглые, Буяны, Вольные и иные острова петербургского прибрежья.

И вот в этом-то Петербурге, где охотников так много, где существуют правильно организованные общества охотников, где, наконец, способы и условия охоты вообще далеко опередили другие местности России, является периодический охотничий журнал, издаваемый г. А. Ф. Паули. Посмотрим же теперь, что обещает в своей программе немецкий издатель-редактор русского охотничьего журнала и как выполняет он свое обещание. В предисловии г. Паули говорит: «Выпуская в свет первый нумер нашего журнала, мы считаем не лишним сказать несколько слов в пояснение цели его и направления (заметьте, читатель, даже направление обещается), и прежде всего должны объяснить, что, не замышляя ничего необыкновенного и небывалого (скромен очень г. Паули; далее читатель увидит, что в журнальчике этом много необыкновенного и даже небывалого), желаем только пополнить один из пробелов нашей прессы и дать русским читателям (умилительно, как эти г<оспода> с некоторых пор стали заботиться о пользе русских читателей) такой орган, в котором совмещались бы, по возможности, все новейшие сведения» об охоте. Далее: «...мы не ограничимся переводами замечательных», по охоте, иностранных статей, «но обратим преимущественное внимание на состояние

<...> охоты <...> в нашем отечестве, для чего уже имеем в своем распоряжении большое количество весьма разнообразного и любопытного материала». Еще далее издатель обещает «сообщить журналу <...> возможно бо́льшую степень <...> интереса и представить <...> не сухой перечень фактов из охотничьего мира», так чтобы журнал сделался справочной книгой для «любителей всех родов и видов охоты», для чего издатель решился не щадить ни трудов, ни издержек, надеясь поставить свой журнал, по тексту и рисункам, «наряду с лучшими заграничными изданиями этого рода». Вот что обещает г. Паули; теперь посмотрим, что он дает своим читателям; посмотрим тем охотнее, что в заключение г. Паули объявляет, что он «с благодарностию примет каждое замечание, каждый добрый совет, могущий послужить к улучшению его журнала».

Перед нами два первые (конечно, не худшие) №№ его журнала. Они начинаются статьей «Об охоте вообще и о псовой охоте в особенности». Просматривая эту статью, занимающую чуть не два №№ журнала и, вероятно, передовую, указывающую и обещанное «*направление*» журнала, мы почувствовали, что на нас повеяло чем-то давно знакомым, забытым современными охотниками. Сличая эту статью со старыми, случайно у нас сохранившимися охотничьими книгами сороковых го́дов или, выражаясь по-охотничьи, выслеживая г. Паули «след в след» и «пята в пяту» по его «ходам и лазям» в чужих изданиях, мы открыли диковинные вещи и поняли отчасти то, что называет г. Паули «*направлением*» своего журнала. Оказывается, что *от слова до слова, от буквы до буквы* г. Паули (как бы это выразиться полегче) *позаимствовал* не только эту, но и все оригинальные статьи своего журнальчика из книг «Псовая охота», государева стремянного Венцеславского, издание 1847 года, «Псовая охота», сочинение Реутта, издание 1847 года, и «Справочная егерская книга», московское издание 1853 года, неизвестного автора. И не то чтобы г. Паули заимствовал одну статью у одного автора, а другую у другого, и не то чтобы сначала у одного, а потом у другого, но особым, своеобразным способом, вперемешку, способом, сильно напоминающим путающего свои следы зайца, что и дало нам повод сказать в начале нашей заметки, что будем не разбирать писание г. Паули (оно этого не стоит), а выслеживать г. Паули в его «ходах и лазях» по чужим изданиям:

Государев егерь и стремянный Венцеславский в 1847 г. говорит на странице первой своей книги:

«Определять: что такое охота — было бы делом если не излишним, то почти ненужным. Она не есть наука, о которой можно бы читать лекции положительные, неизменные, а страсть, известная сердцу только одних охотников. Но им и без определения всё понятно: для них при слове «охота» вся теория — если только охота может иметь теорию — и практика, главное условие охоты, не определяются в сухих, безжизненных словах; но рисуются в воображении их картинно, восторженно, и всегда почти неразлучно с воспоминаниями различных случаев, восхитивших их за несколько десятков лет.

Страсть эта не может быть подвергнута осуждению: она столько же благородна, как любовь к музыке и к живописи; это любовь к поэтическим картинам, выражающим быстроту, гибкость и ловкость».

Г. немецкий издатель Паули в 1869 году говорит в своем журнале № 1 на странице 3-й:

«Определять: что такое охота — было бы делом если не излишним, то почти ненужным. Она не есть наука, о которой можно бы читать лекции положительные, неизменные, а страсть, известная сердцу одних только охотников. Но им и без определений всё понятно; для них при слове «охота» вся теория — если только охота может иметь теорию — и практика, главное условие охоты, не определяются в сухих, безжизненных словах; но рисуются в воображении их картинно, восторженно и всегда почти неразлучно с воспоминаниями различных случаев, восхитивших их за несколько десятков лет.

Страсть эта не может быть подвергнута осуждению: она столько же благородна, как любовь к музыке и к живописи; это любовь к поэтическим картинам, выражающим быстроту, гибкость и ловкость».

Здесь г. Паули из книги Венцеславского делает сметку (охотничье выражение — от слова «сметнулся со следу, бросился в сторону») в книгу Реутта, на страницу от 18-й до 28-й, и продолжает:

Реутт

«Влияние охоты весьма замечательно в характере всех эпох. В диком состоянии человека, хотя он не ощущал еще влечения страстей, но самоохранение и естественные нужды заставляли его порабощать бессловесных» и т. д. на десяти (от 18-й <до> 28-й) страниц<ах>.

Г. Паули

«Влияние охоты весьма замечательно в характере всех эпох. В диком состоянии человека, хотя он не ощущал еще влечения страстей, но самоохранение и другие потребности заставляли его порабощать бессловесных» и т. д. Г. Паули похищает целиком все десять страниц у Реутта.

Далее г. Паули уже сам сочиняет и говорит: «Но оставим в стороне дальнейшее изложение значения охоты и обратимся к рассмотрению собственно псовой охоты, которую мы избрали предметом настоящей статьи» Чтобы

понять всю комичность этого «оставим в стороне» и пр., надо знать, что у Реутта на этом месте кончается глава и начинается речь о другом. Три строки собственного сочинения г. Паули подходили бы ближе к делу, если бы он просто объявил своим незлобивым читателям: но оставим в стороне Реутта и снова примемся за Венцеславского или «Справочного егеря», смотря по тому, из которого пригоднее делать выписки.

Вслед за тремя строками единственного собственного сочинения г. Паули вновь слово в слово выписывает *двадцать три* (от 29-й до 52-й) страницы из Реутта, а в № 2-м своего журнала всю статью «О составлении псовых охот», буква в букву, из Венцеславского, со страниц его книги 71-й, 72-й, 73-й, 74-й и 75-й. Здесь г. Паули оканчивает первую статью 2-го № своего журнала, потому, конечно, что и у Венцеславского начинается речь о другом, а это другое может пригодиться для следующих №№ журнала сообразительного г. Паули. Далее вторая статья журнала «Охота на лосей» выписана опять-таки слово в слово сначала из «Справочного егеря» — страница 16-я, а потом вся статья до конца из Венцеславского, из страниц его книги: 46-я, 47-я и 48-я. Далее в журнале помещено несколько мелких и крайне плохих переводных статей, без объяснения, по обычаю г. Паули, что это статьи переводные. О достоинстве этих переводов можно судить по следующим выпискам: «В ясные осенние и зимние дни над тем местом, где лежит заяц, вследствие испарения теплоты его тела, поднимается *легкий пар*, по которому опытный охотник догадывается о его присутствии на *невероятно далеком расстоянии*». Если перед гончими будет затравлен заяц, то надобно «тотчас закричать об *этом* собакам (как и на каком языке, чисто немецком или немецко-русском, каким написана вся статья, надобно сообщить *об этом* собакам, г. Паули не объясняет); если же они будут бежать мимо, то показать <...> зайца, чтобы они получили, по охотничьему выражению, *удовлетворение* (смеем уверить г. Паули, что русские охотники так не выражаются); заяц в знойную сухую погоду, в особенности, если его ищут с борзыми собаками (в знойную-то погоду?), так крепко *прижимается* к земле, что не оставляет своего места до тех пор, пока его не выгонят *плетью* или не возьмут руками». Смилуйтесь, г. Паули! за что же зайца-то плетью; он хоть и *путает свои следы,* но делает это не из каких иных целей, а спасая собственную шкурку, за

что тем более его плетью бить не следует, что то же самое делают и не зайцы, и с иными целями. К статье «Охота на зайцев с борзыми» приложен рисунок, изображающий улепетывающего зайца, за ним каких-то собак с отрубленными хвостами (не борзых только), а за собаками, на лошадях, охотников во фраках и высоких круглых шляпах. Что сей картиной желал изобразить г. Паули, ведомо ему одному; несомненно только, что с куцыми хвостами — не борзые собаки, а люди во фраках — не русские охотники.

В конце 1-го № журнала приложен «Охотничий календарь».

Календарь этот также взят из книги «Справочный егерь», замечательной своими нелепостями, из которых главнейшая — этот самый календарь. Но, выписывая чужой календарь в свой журнал, г. Паули отступил на этот раз от своего обычая выписывать слово в слово и вздумал, вовсе некстати, кое-что присочинить к календарю от себя, отчего календарь вышел еще нелепее. Например, у «Справочного егеря» про охоту в январе сказано о тетереве: «Охота на будках, подъездом и подходом», о куропатке — «подходом»; г. Паули, не довольствуясь чужим вздором, прибавил собственного и повествует о тетереве, что он в январе держится «в *чистом кустарнике, на березах и низменностях*»; о рябчике, что он держится в январе «*под мерзлым снегом на озими*»! Какой шутник рассказал г. Паули такую небылицу о рябчике — птице умной, хорошо знающей, что под мерзлым снегом не достанешь озими, которою рябчик, кстати, и не питается.

Итак, в двух №№ журнала г. Паули только три строки его собственного сочинения — всё остальное позаимствовано, понадергано из чужих статей, и этим чужим добром немецкий редактор-вырезыватель угощает русскую публику. Желательно, однако ж, знать, на каких читателей рассчитывает г. Паули? Русская публика уже настолько облагодетельствована всякими немецкими рачителями об ее пользе, что молит бога только об одном, чтобы ее оставили в покое. И вам, г. Паули, лучше оставить ее в покое. Искусство ваше издавать, не «щадя» при этом, как говорится в объявлении, «*ни трудов*» по вырезыванию чужих статей, «*ни издержек*» по покупке старых брошюр, она признает; развязности вашей удивляется, но выписывать ваш жалкий журналец едва ли станет.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

«АНТОН ИВАНЫЧ ПОШЕХНИН» А. УШАКОВА

Части первая — четвертая;

«ЧЕРЕП СВЯТОСЛАВА», «СВЯТКИ» В. МАРКОВА

(С. 113)

Варианты ГБЛ

Послание к поэту-старожилу

С. 114.

7–8 Давно ли написал я плач,
Что дремлют русские поэты
11–12 Поэты русские проснулись
Вновь без стихов журнала нет
15–16 И он — подобный соловью —
Природу восхвалил Щербина
24 И вкус густых холодных сливок
29 Вперед, друзья! Смелее — марш!

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

С. 113.

7 в каждом томе / и в каждом томе
10 был поражен / удивлен был
18 вряд ли даже г. Ушаков не излишне скромен!/ вряд ли даже не слишком г. Ушаков скромен.
18 После: скромен! — *начато:* Удивительно <?>
21 уместится / составит <?>
22–23 Имеет ли ∾ скажем ниже. *вписано на полях*

23–25 Теперь мы заговорили ∾ Это богатство изумительно! / И вообще стихотворное богатство изумительно!

27–29 «Плач» одного из старых, замолчавших поэтов, который сетовал на бездействие русской музы / «Плач» одного из старых и замолчавших поэтов, сетова<вших> на без<молвие> русской музы. *Далее начато:* Теперь этот «Плач»

С. 114.

3–4 *Заглавие:* Послание к поэту-старожилу *вписано*

15–16 И он — подобный соловью —
Природу восхвалил Щербина

33–35 Всё это очень хорошо. ∾ прекрасными явлениями / Всё это прекрасно. Стихотворному движению последних лет обязаны мы некоторыми прекрасными сти<хотворениями>

41–42 Конечно, хорошее стихотворение ∾ по крайней мере вдвое / *Начато:* Конечно, хорошее стихотворение выиграет вдвое <?>, напечатанное рядом с дурным, едва

С. 115.

6–7 *После:* противоречит его цели. — *начато:* Не у всякого вкус одинаково развит

8 поддерживая / как бы поддерживая

9 в недоумение / в заблуждение

11–12 или вовсе лишен / или настолько <?> лишен

12–13 там многое извиняет необходимость/там часто вынуждает <?> необходимость

17 в одном случае / в одном только случае

23 *Перед:* Наблюдайте — *начато:* Затем

23–28 Наблюдайте ∾ теперь кстати. *вписано на полях*

29 не появляется / не является

31–32 во всех четырехстах листах / во всех пятистах листах

С. 116.

45–47 О жаркие и благородные покровители поэзии! Таких ли результатов ждали вы? / О жаркие и благородные покровители стихов! Таких ли результатов ждали вы от ваших действий!

49 но, впрочем, так кажется / *Начато:* но, впрочем, это

С. 117.

23 *Перед:* Должно заметить — *начато:* Но

27 если вспомним, что в 400 страницах «Пошехнина»/ ибо в 400 страницах «Пошехнина»

С. 118.

2 Вот самое важное открытие / Вот единственное открытие

«РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХ ОХОТАХ» С. АКСАКОВА

(С. 118)

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

С. 118.

10 в последние годы / особенно в последние годы

С. 123.

20 Бог знает, много ли в этих предположениях правды / Сколько бы ни было в этих предположениях правды

С. 125.

41–42 Эти выписки могут дать некоторое понятие о характере книги / Эти выписки если и не могут познакомить с книгой г. Аксакова, то могут дать некоторое понятие о характере этой книги

43–44 рассказов о разных охотах, которым посвящено двенадцать глав./ и рассказов о разных охотах, которые занимают с лишком двадцать глав.

46 А для охотников чтение их будет / А для охотника это будет

«ШАМИЛЬ В ПАРИЖЕ И ШАМИЛЬ ПОБЛИЖЕ» Е. ВЕРДЕРЕВСКОГО И Н. ДУНКЕЛЬ-ВЕЛЛИНГА

(С. 126)

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

С. 126.

4 узнать / познать

С. 127.

5 сообщает / хочет распространить

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ, ИЛИ ТАКОВЫ РУССКИЕ

(С. 127)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

С. 127.

17 в руках судеб / в руках судьбы

21 если б он имел дарование / если б он не был лишен дарования

22 не в одной России, но и во всей Европе / во всей Европе

27 но мы готовы / *Начато:* но его можно

31 случайностей и катастроф / и случайностей, и катастроф, которыми запечатлена она

35—36 не принадлежит к временам историческим ∾ время мифическое / не принадлежит к временам историческим, но к временам мифическим

36 совершаются эти события / совершаются изображенные в ней события

С.127—128.

38—2 Можно думать, что эта отдаленность ∾ лишено величия и колоссальности? / Эта отдаленность эпохи, это участие богов невольно, может быть, сообщают событиям «Илиады» вместе с мастерством Гомера величие и колоссальность вечного <*не закончено*>

40—2 но совершающееся ныне перед нами ∾ лишено величия и колоссальности? / но то, что на глазах читателя совершается ныне перед нами, без <*нрзб*> на отдаленность от нас времен, без участия мифологических богов, разве это не [так же велико] лишено величия и колоссальности [величия]?

С. 128.

3 Мы решительно утверждаем / Можно сказать смело

3—4 Мы решительно утверждаем ∾ величию настоящих событий / Да, переживаем великое, чудное время, как будто вновь воротились времена героические... И теперь мы знаем одну только книгу, достойную величия совершающихся событий

5—9 В обыкновенное, так сказать будничное, время ∾ приковано к театру войны / *Начато:* В обыкновенное, так сказать будничное, время содержание «Илиады»

дается сердцу не всегда вдруг и не всегда <*2 нрзб*>, и не вдруг возбуждает она в читателе сочувствие к своим простым воинственным событиям; но теперь, когда все сердца прикованы <*не закончено*>

С. 130.

26 Более трех тысяч лет / Может быть, более трех тысяч лет

СТИХОТВОРЕНИЯ В. КРАСНИЦКОГО

(С. 133)

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

С. 133.

36 Красницкого / Красницева

37 Красницкий / Красницев

39 *После:* в грядущие времена. — *начато:* Они, собственно, похожи

44 *После:* И, однако ж, природа их производит. — [Стало быть] Лучшее в участи таких грибов, идеал возможного для них счастья, так сказать, пафос их [бытия] существования — это если проходящий человек пнет их ногою. Но бо́льшая часть подобных грибов сгнивает на своем корню даже без этого вожделенного события. И, однако ж, природа их производит. Поэтому не должно сердиться и на то, что некоторые [поэты] люди на этом свете производят подобные стихи.

С. 133—134.

45—2 бывает не всегда похожа ∾ Если стихи принадлежат / бывает иногда другая. Если они принадлежат

С. 134.

6—9 и печатаются в изданиях тех журналистов ∾ стоит одинаковое клеймо. / *Начато:* и печатаются в этих журналах с платою (иногда даже платят по 5 или 10 или 15 целковых за стихотворную штучку), потому что не всякий же различит хорошее и дурное стихотворение с [одним] одинаким клеймом на обоих даже и для

10–12 не представил ни однажды∾ всё такие только стихи/ *Начато: а.* представил сплошь только такие стихи, не проявил себя ни однажды *б.* не проявил ни однажды

38–39 нисколько не разнится с участью произрастения, о котором / ничем не разнится с участью грибов, о которых

39–41 И если какой-нибудь рецензент∾ это уже много! Автор / *Начато:* И если какой-нибудь рецензент [на них серьезно посердится] посердится на такие стихи, то он сочтет это за великое благо, сделает более, чем они заслуживают. А между тем [поэты] авторы

С. 135.

2 «Ранняя весна» хуже «Осени»/«Ранняя весна» хуже «Весны» или «Осени»

5 ничем не хуже нашей «Поездки» и нашей «Осени» / ничем не хуже нашей просто «Весны» или «Осени»

19–20 дело неблагодарное / неблагоразумно

21–22 слабейшим произведениям образцов./ слабейшим произведениям нашим.

«ГОВОР ПРОСТОГО НАРОДА» А. МЕСКОВСКОГО

(С. 135)

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

С. 135.

26–27 чтобы прозвание это было народно / чтобы это было [особенно удачно или] народно

27–28 то, что автор называет «говором простого народа» ∾ довольно верно, ибо / то, что [он] автор называет «говором простого народа» в его книге верно, ибо у нас

29 что французы вообще пустой и пропащий народ / что французы глупы, ветрены, неспособны к развитию, непочтительны <?> к начальству, хвастливы и вообще пустой и пропащий народ

31 убеждение / мнение

33 и развивается не без искусства./ и развивается с искусством, достойным г. Григорьева 1-го и некоторых других драматургов наших.

СТИХОТВОРЕНИЯ Я. ПОЛОНСКОГО

(С. 135)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

С. 136.

15 *После:* Любовь к истине — *начато:* более чем

15–16 превосходящая всякую другую любовь / превосходящая даже любовь к самому себе

21 апатии и других спутников упадка / апатии, косности и других [явлений] признаков разложения

25–26 как бы неожиданным развитием./ как бы постоянным и неожиданным развитием.

29 *После:* также самонадеянности? — *начато:* по крайней

33–34 запечатлены колоритом симпатичной и благородной личности / *Начато:* запечатлены колоритом чистой и симпатичной

34–35 придает им ту внутреннюю прелесть / придает им в целом ту внутреннюю прелесть

35–37 которые∾ и к автору их. *вписано на полях*

36–37 располагают читателя к ним и к автору их./ располагают читателя к поэту и его произведени<ям>.

37–38 Читайте стихотворения г. Полонского, собранные теперь / Читайте его стихи, собранные ныне

38–39 Мы намерены посвятить этим стихотворениям / Мы намерены посвятить им

С. 136—137.

44–3 Таким образом∾ род произведений словесности./ Таким образом составилась довольно объемистая книжка стихов (до 200 страниц), содержащая в себе до 100 стихотворений, изданная чрезвычайно изящно, как и нужно <*3 нрзб*>.

С. 137.

3–6 Мы смело рекомендуем∾ как поэта даровитого./ *а. Начато:* Книга г. Полонского вполне достойна внимания читателей, которым мы и рекомендуем ее. Когда нужно <*нрзб*> *б.* Мы смело рекомендуем книгу г. Полонского вниманию читателей, которые давно знают его как поэта с даров<анием>.

6–7 Для тех же, кому в деле литературы необходим авто-

ритет / Для тех же, кому в деле литератур<ном> [может] нужен исключительный авторитет

14–15 против всего фальшивого и мишурно-блестящего/ против всего дурного, фальшивого и безвкусного

15–16 в деле очищения вкуса и развития понятий об искусстве./ в деле развития понятий своих об искусстве.

17–18 Недавно нам случилось рассматривать бумаги, оставшиеся после Гоголя./ *Начато:* Не далее как [ныне] нынешним летом нам случилось рассматривать собственные бумаги Гоголя: черновые рукописи его многих неизданных сочинений, планы, выписки и проч. В числе этих бумаг довольно

19–20 каждое/всякое

«О ЖИЗНИ И ТРУДАХ ДОРДЖИ БАНЗАРОВА» П. САВЕЛЬЕВА

(С. 138)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

С. 138.

4–5 с весьма замечательной личностью./ с жизнеописанием ученого.

43–44 и здесь посвятил полгода / *Начато:* и здесь началось его ученье. Как предполагалось

45 не приводим / не приводим здесь

46 *После:* списка сочинений Банзарова — напечатанного в конце брошюры г. Савельева и <*несколько нрзб*>

48 *Перед:* Из Петербурга — *начато:* Через полгода

С. 139.

2 с назначением / назначенный

40–42 воротив для того с дороги недавно отбывшего из города начальника буддийского духовенства хамболаму./ *а. Начато:* К счастью *б.* На его счастье в то время находился в городе начальник буддийского духовенства хамби-лама

С. 140.

16–18 потому что она немного найдет покупателей. ∾ тут дело не в покупателях / потому что немного найдет<ся> покупателей такой книги. Но в настоящем случае дело не в покупателях

17–18 Но подобные случаи ∼ предметом спекуляции; тут *вписано на полях*
17–18 предметом спекуляции / делом спекуляции
21 даже известностью / даже славою
22 свои статьи / свои труды
23 так журналисты имя его печатают в своих объявлениях / так журналисты даже имя его наперебой печатают в своих объявлениях, как будто он и бог знает что такое
24 такими крупными буквами / с такой торжественностью
24–25 такими крупными буквами ∾ недоумевает *вписано на полях*
27–29 в углу между объявлениями ∾ если напишут, что *вписано на полях*
36 Вспомним резкий пример / Укажем на самый резкий пример

О НОВОИЗОБРЕТЕННОМ СПОСОБЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИЗВЕСТИ ИЗ СВЕКЛОСАХАРНЫХ СЫРОПОВ ПОСРЕДСТВОМ СТЕАРИНОВОЙ КИСЛОТЫ

(С. 141)

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

С. 141.

6 *Перед:* Решить — *начато:* Мы не
9–10 испытали его способ / испытали бы предлагаемый ею способ
12 сообщаем объявление автора / сообщаем адрес автора
12 объявление автора / следующее объявление автора

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ИЮЛЬ МЕСЯЦ 1855 ГОДА

(С. 141)

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

С. 144.

29 Теперь мы можем перейти к журналам. / Теперь мы можем перейти к нашей <журналистике>.
35 «...читатель думает / «Впрочем, читатель думает

С. 146.

1–2 подельнее обыкновенного фельетонного содержания./ подельнее и поблагороднее обыкновенного фельетонного содержания.

8–18 *Фраза:* Учите нас ∾ недостаток таланта. — *следовала после фразы:* «Таланты от бога» ∾ благородно мыслящего и чувствующего.

9–10 укореняйте в нас уважение к доброму и прекрасному / укореняйте в нас уважение ко всему прекрасному и честному

12–18 обнажайте и преследуйте ∾ недостаток таланта./ обнажайте и преследуйте подобные явления во имя [дела и чести и] совести, человеческого достоинства; растолковывайте нам наши обязанности человеческие и гражданские, старайтесь расширить их, распространить в большинстве массу здравых, честных, дельных и благородных понятий, и мы простим вам недостаток таланта.

20–21 он вправе надеяться, что встретит в каждом / он вправе ожидать в каждом

22 *После:* благородно мыслящего и чувствующего. — *начато:* Да, таланты от бога, но ежели уж взялись вы говорить с публикой, быть постоянным [беседчиком <?>] посредником между ею и литературою, то говорите [ей о том] с нею языком достойным ее. И в этом отношении

34–35 В «Библиотеке для чтения» ∾ три статьи / *а. Начато:* Говоря о «Библиотеке для чтения» и случайности, господствую<щей> в ее редакции касательно выбора статей, мы считаем долгом *б.* Кстати, заговорив о случайности, господствующей в «Библиотеке для чтения» касательно выбора материалов, мы считаем долгом указать на помещенные недавно в этом журнале три статьи

38–39 *После:* вот какова должна бы быть русская критика! — Едва ли нужно говорить, что статейка в «Библиотеке для чтения», остановившая наше внимание, есть явление в этом журнале совершенно случайное. ◇

С. 146—147.

37–1 Вот статьи ∾ к родному слову, к искусству!/ *а. Начато:* Вот статьи, каких мы желали бы как можно более в русской критике. «Умно, благородно, верно,

горячо» [— повторим вслед за одним известным нашим писателем — в письме к нам]. Совершенно согласны с сим суждением, прибавим, что нам известен их автор: это один из даровитых русских писателей и у этого писателя не много найдется *б.* Автор статей этих — один из даровитейших русских писателей [А. В. Дружинин] — г. Дружинин, но и у этого писателя не много най<дете> вы произведений, которые [выливались бы так из души, так] [исполнены] проникнуты были [любовью ко всему] разумною и благородною любовью к великому русскому поэту, пониманием его произведений, но от которых веяло бы такой прекрасной и разумной любовью к родному русскому слову, к искусству! <*фраза нрзб*> ◇

39–2 «Умно, благородно ∾ кто еще не прочел их. *вписано*

С. 147.

6 целую тысячу / целую сотню

11 об этом романе./ *а.* об этом романе, достойном серьезного разбора не по достоинств<у> своему (оно ничтожно), а по направлению автора и его намерению; *б.* об этом романе, заслуживающем серьезного разбора если не по своим достоинствам (их немного), то по направлению и намерению автора.◇

12–13 роман Диккенса «Тяжелые времена» / превосходный роман Диккенса «Тяжелые времена»

15 роман Жоржа Санда «Лора» / довольно посредственный роман Жоржа Санда «Лора»

22–25 В романе Диккенса ∾ эта положительность, *фактичность* / В романе Диккенса вы видите преобладание той положительности, с которою вздумал бороться сам автор, защищая нежные и идеальные стороны человеческой природы. Эта положительность, практ<ичность>

30 материальную причину / почти материальную причину

С. 147—148.

44–6 Словом, во всем и везде — практичность ∾ проникнут названный нами роман французской писательницы!/ *а. Начато:* Какая разница с этим вольным, безотчетливым и горячим, может быть, даже не всегда оправдываемым холодным рассудком стремлением ко все-

му возвышенному, прекрасному, к идеалу, с этим стремлением, которое вы встретите у Жорж Санд! Не филантроп, не моралист, перед Вами человек такой же, как и вы, которому *б*. Словом, на всё смотрит автор с точки зрения практической необходимости: всё, чего бы ни коснулся он, важно или не важно в глазах его по тому, может ли оно улучшить благосостояние [человека] людей, [утвердить] упрочить человеческое согласие, или наоборот.

С. 148.

10–12 Нет! если необходимы и благотворны такие романы, как роман Диккенса ∾ романы, о которых мы теперь заговорили / Нет! нужны и такие романы, какие писывала и нынче еще пишет Жорж Санд

14–15 из благородной и высокой природы автора / из благородной и возвышенной природы автора

16–17 и, в тоске неудовлетворенной жажды / и, в избытке жажды

18–19 меткой наблюдательностью в романе Диккенса / меткой наблюдательностью автора в романе Диккенса

20 счастливое сочетание / счастливое соединение

24–27 никогда не подействует подобное произведение на сердце ∾ такой горячей жаждой деятельности / никогда не подействует такое произведение на молодое, свежее сердце так благотворно, как подействует на него роман, идеализирующий действительность, никогда не наполнит оно этого сердца таким избытком благородных ощущений, такой чистой, горячей жаждой высшей деятельности

28–29 в идеальной стороне человека видит не подспорье его материальному благу, но условие / в идеальной стороне человека видит не одну необходимость для его материальн<ого> благ<а>, а условие

33 умным и честным трактатом / умным и честным сочинением

39 Впрочем, еще пламеннее / Но еще пламеннее

40–43 ибо Теккерей ∾ несравненно глубже Диккенса, несмотря на отсутствие в его романах чувствительности *вписано на полях*

С. 149.

7 *После:* прочесть оба эти романа — один вслед за другим

10–12 за потерянное время ∾ перенестись мыслию!/ за время, употребленное на чтение «Тяжелых времен», «Лора» напомнит ему впечатления и стремления юности, [к которой редкий человек не рад бывает перенестись] к которой никогда не скучно переноситься мыслью.

15–16 Переходим к «Отечественным запискам» ∾ г-жи Волковой / Переходим к «Отечественным запискам», которые в VII своем № выводят на сцену новую деятельницу на поэтическом поприще, г-жу Волкову

25–26 не всякое происшествие хорошо для рассказа / не всякое происшествие годится в рассказ

34–36 рассказано стихами ∾ и названо «Бурлак»./ рассказано стихами, и по тону, и по фразам не совсем принадлежащими г. Никитину: некоторые подробности просто повторенье из чужого стихотворения, — и названо «Бурлак».

41–42 живущего в народной среде / живущего среди народа и не лишенного некоторого дарования

43 о лице / о труженике

С. 150.

26 *После:* в ученых статьях — *начато:* появляющихся почти

32–33 и ту неправильность в языке и изложении, которой отличаются / и то неряшество в языке и изложении, которым отличаются ◇

С. 151.

2–4 Теперь этот период ∾ литературным журналом. / Теперь этот египетский период науки в России, слава богу, прошел: наука не пренебрегает уже литературным журналом, — но, к сожалению, она переносит еще в него свое университетское изложение. А для журнала нужна не одна любовь к науке, но и любовь к читателям, [то есть] другими словами, нужно горячее желание сделать их [прича<стными>] участниками того великого, прекрасного или полезного, которое составляет сущность каждой науки. Ученый в русском обществе есть прежде всего учитель, наставник, руководитель. Он должен спускаться, наклоняться до русской публики — и мало будет проку, если в наставнике не будет любви к своим ученикам. ◇

С. 153.

35 пословица / драма<тическая> пословица

37—38 Мы не вовсе чужды симпатии к дарованию г-жи Ольги Н *, и нам / Мы чувствуем симпатию к дарованию г-жи Ольги Н *, и потому нам

43 стоит только взять / стоит только придумать

46—47 о метком воспроизведении действительности / *Начато:* о метком и ярком проявлении

48 к чему всё это / к чему столько забот

С. 154.

11—12 с истинно аркадскою наивностию / с величайшею наивностию

С. 155.

5 иного кушанья / иного блюда

7 обманчива / ошибо<чна>

16—17 одна газета, обыкновенно не одобряющая ничего печатаемого в «Современнике» / одна газета, обыкновенно бранящая сплошь всё печатаем<ое> в «Современнике»

19—20 недобросовестности критики / недобросовестности нашей критики

26—27 возбуждающая невольную симпатию / *Начато:* невольно возбуждающая

31 *После:* с новым женским талантом. — Читатели наши поймут, почему нам тяжело было видеть несправедливость журналов к первому и такому значительному произведению г-жи Нарской.

34—35 *После:* царю Михаилу Феодоровичу». — *начато:* *а.* Жалоба состоит в том *б.* Князь жаловался, что, придя к своему господину

35—36 Боярский сын Данило Низовцев (жалуется князь) ∾ (в светлое воскресенье) / *Начато:* Боярский сын Данило Низовцев (говорит князь) во светлое воскресение

С. 156.

18—20 Почему, наконец, сам Данило Низовцев ∾ случайностью? / Почему, наконец, сам Данило Низовцев видит в поступке своем нечто как бы нехо<рошее> и старается объяснить его случайностью?

25 Она отличается / Статья эта отличается

28–29 Г. Б. прибыл в Севастополь из Кишинева / Г. Б., выехав из Кишинева 5 февраля, прибыл в Севастополь

29–31 в первую же ночь, проведенную на северной стороне, в палатке Александра Ивановича (военного маркитанта), разбужен был / в первую же ночь, проведенную там, разбужен был

36–39 Напившись чаю у маркитанта ∾ в город./ *Начато:* [Когда] Напившись чаю у маркитанта, автор пришел в сарай, где поджидали его солдаты, которые должны были перевезти его

С. 157.

1 два зуава / три зуава

9 и он шевелил рукой./ и он еще шевелил рукой.

12–13 Покинув это тяжелое зрелище ∾ поселился в гостинице Шнейдера./ Затем автор переправился в город и по счастливому случаю отыскал себе номер в гостинице Шнейдера, где все нумера были заняты.

12 Покинув это тяжелое зрелище *вписано на полях карандашом*

22–25 (Барак — длинное каменное строение ∾ свои вещи.) *вписано на полях*

25 Автор / Он

С. 159.

23 г. Пирогова / великого русского ученого

25–32 Одно из самых отрадных убеждений ∾ неоценимые, невознаградимые! / *Начато:* Одно из отрадн<ейших> убеждений, что всякая личность, одаренная присутствием гения, непременно должна заключать в себе и высочайшее родство с человечеством, соединять в себе высочайшее развитие прекраснейших свойств человеческой природы — [эта отрадная истина — находить себя в великодушии, готовности жертвовать собою для ближнего <?>] — эта прекрасная <?> истина как нельзя лучше подтверждается деятельностью г. Пирогова, покинувш<его> свой пост под Севастополем только после долгой, тяжкой и изнурившей его силы деятельности, имевшей своим результатом тысячи

33–34 Надо послушать людей ∾ г. Пирогов! *вписано на полях*

35–36 нет солдатки или матроски / нет матроски или солдатки

37–38 не учила бы своего ребенка произносить это имя с благоговением./ не учила бы произносить его имя с благоговением. *Далее начато:* Если есть в наше время личности, на которых отрадно

38–40 Пройдет война∾ разнесут имя Пирогова по всем концам России∾ куда не заглядывала еще ни одна русская популярность.../ Пройдет война, и эти воины, эти женщины и дети разнесут имя врача-благодетеля по всем концам России...

С. 159—160.

41–5 Если есть в настоящее время личности ∾ великий и благородный смысл!/ Если есть в настоящее время личности, замечательные по бескорыстному служению Науке и Добру, личности, которым сердце отдает охотно и безраздельно лучшие свои симпатии, то конечно к числу таких личностей принадлежит г. Пирогов! [Перебирая в уме <?>] Припоминая и соображая его прекрасную и неутомимую деятельность, приходишь к отрадному заключению, что слова: бескорыстное служение Добру и Науке, — слова, столь часто и легкомысленно повторяемые, — [не есть лишь фраза] могут быть иногда и не фразой ... и тогда заключают они в себе великий и благород<ный> смысл.

С. 160.

8 Эти же бомбы разбудили его / Гром их разбудил его

15–16 художественного / мастерского

18 *После:* несколько бледным — новых черт оно не представляет

23–25 Но мы думаем, что читателю∾Он пошел / Читателю, верно, будет любопытно [погрузиться с автором] опуститься в мину. Вот как это происходило. Автор пошел вдвоем

С. 161.

14–15 Автору показывали также церковь, устроенную в каземате./ Автор был также в церкви, где молятся защитники Севастополя. Церковь эта устроена в каземате. ◊

21–22 Здесь говела на первой неделе команда бастиона./ Здесь говела на прошлой неделе команда бастиона, но после этого было приказано командующим вой-

сками есть скоромное, вследствие испрошенного на то разрешения Святейшего синода. ◊

32 четвертом *вписано на полях карандашом*

33 денщик / денщик офицера

37–38 черту, довольно общую в русском солдате и вообще в нашем народе./ черту, довольно общую как в русском солдате, так и вообще в нашем народе.

С. 162.

1–2 но дело идет в настоящем случае / но теперь тут дело идет

2 в настоящем случае *вписано карандашом*

16 от убеждения / *а.* от выкрика <?> *б.* от восклицания

18–19 *Перед*: В этой логике более героизма — *начато:* Эта логика едва ли сообразна

23 г. Б. / г. Берга

34–35 и, быть может, более приятных вашему сердцу / и, быть может, милых вашему сердцу

37 и еще более свое отечество.../ и еще более сво<ю> родину...

КОММЕНТАРИИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ

1847—1869

1847

«МОСКВА» Н. СУШКОВА

Части первая — пятая;

«СЛАВА О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ» Д. МИНАЕВА;

«СТРАШНЫЙ ГОСТЬ»

(С. 7)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 4 (ценз. разр. — 31 марта, выход в свет — 1 апр. 1847 г.), отд. III, с. 99—104, с подписью: «Н.».

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено В. Е. Евгеньевым-Максимовым (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50-е гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, с. 193). В «Современнике» подпись «Н.» могла принадлежать Некрасову или А. В. Никитенко, но Никитенко обычно подписывал свои статьи полным именем или публиковал их без подписи (см.: Масанов. т. 4, с. 337), в то время как Некрасов постоянно пользовался подписью «Н.» и разными ее модификациями («Н.Н.», «Н—в», «Н.А.Н.» и т. п. — см.: там же, с. 334; Боград Совр., с. 790). В пользу авторства Некрасова свидетельствуют также структура и стиль рецензии: анекдотические бытовые примеры, пародии в стихах и прозе, беллетристическая манера изложения. Прямое сви-

детельство авторства Некрасова — содержащийся в тексте рассказ о знакомом помещике-пьянице, ранее изложенный в фельетоне Некрасова «Письмо петербургского жителя в провинцию к приятелю» (ЛГ, 1844. 2 марта, № 9, с. 171—172; см.: наст. изд., т. XII). Обращает на себя внимание смысловая и стилистическая параллель между рецензией на поэму Н. В. Сушкова «Москва» и началом главы II части третьей романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», впервые обнаруженная А. Ф. Крошкиным. По его мнению, отрывок из романа: «„Чудак!" — повторил Тростников ∾ Ты называла чудаком и Шекспира, ты уморила с голоду Камоэнса, потому что он, по-твоему, был чудак...» (наст. изд., т. VIII, с. 247) — вошел в несколько переработанном виде в текст рецензии (см.: наст. кн., с. 11). Анализ чернового автографа романа противоречит этому выводу. Указанный отрывок вписан на л. 23 рукописи позднее — другими чернилами и более мелким почерком. По-видимому, Некрасов заимствовал этот отрывок из рецензии и перенес его в текст романа (см.: наст. изд., т. VIII, с. 711—712). По мнению А. Л. Гришунина, принадлежность комментируемой рецензии Некрасову представляется бесспорной (см.: Вопросы текстологии. Сб. статей. Вып. 2. М., 1960, с. 164). Ее можно оценить как наиболее значительное из антиэпигонских выступлений Некрасова.

Осмысление эпигонского романтического идеализма как явления, противостоящего реалистической литературе, — характерная особенность русского демократического сознания 1840-х гг., нового литературного направления — «натуральной школы». Превращение былого романтика в заурядного обывателя или преуспевающего дельца, намеченное в качестве одной из возможностей еще А. С. Пушкиным (рассуждение о возможной судьбе Ленского, если бы он не погиб на дуэли), в 1840-е гг. считалось неизбежной участью каждого романтического идеалиста (см. стихотворение И. С. Тургенева «Человек, каких много» (1843), очерк А. Я. Кульчицкого «Непризнанный поэт» из альманаха Некрасова «Первое апреля» (СПб., 1846), рассказ А. Ф. Писемского «Нина» (1848) и особенно роман «Обыкновенная история» И. А. Гончарова (1847)). В. Н. Майков называл «комический период романтизма» одним из «умственных и нравственных чудовищ» (*Майков В Н.* Соч., т. 2. Киев, 1901, с. 97, 236; ср.: там же, т. 1, с. 13). Критическое отношение к романтической пассивности высказывал в 1840-е гг. В. Г. Белинский в своих статьях о Пушкине, в статье «Русская литература в 1845 году», «Взгляд на русскую литературу 1847 года» и других (см.: т. VII, с. 472; т. X, с. 332—341, а также: *Гинзбург Л. Я.* Белинский в борьбе с романтическим идеализмом. — ЛН, т. 55, с. 185—202).

Образы романтических мечтателей проходят через все художественное творчество Некрасова 1840-х гг.: Зорин из рассказа «Макар Осипович Случайный» (1841), Белопяткин из стихотворного фельетона «Говорун» (1843), Текла из стихотворения «Женщина, каких много» (1845). Ср. также стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...» и «Стишки! Стишки! Давно ль и я был гений?..» (1845).

Б. Я. Бухштаб отметил текстологическую перекличку характеристики идеального романтика в комментируемой рецензии со стихотворением Тургенева «Человек, каких много» (см.: *Бухштаб Б. Я.* Сатира Некрасова в 1846—1847 годах. — Некр. сб., III,

с. 13—14). В критике «романтиков жизни» Некрасов был близок и Белинскому. Об этом свидетельствуют смысловые и стилистические совпадения в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (С, 1848, № 1, отд. III) и в рецензии Некрасова на «Москву» Н. В. Сушкова. Некрасов почти дословно повторяет то, что уже писал о «романтиках жизни» Белинский, и как бы предваряет то, что он скажет о них при разборе романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года». И хотя Некрасов не упоминает в рецензии о Гончарове, однако в ней нашли отражение впечатления от романа (первая половина романа была опубликована в № 3 «Современника» за 1847 г., вторая половина — в № 4, в котором напечатана рецензия Некрасова). По мнению М. М. Гина, характеризуя героя «Обыкновенной истории» Адуева-младшего, Белинский, возможно, опирался на многие положения рецензии Некрасова (см.: Белинский, т. X, с. 343; Гин НЛК, с. 75—77).

Н. В. Сушков (1796—1871), основной объект рецензии Некрасова, — писатель славянофильской ориентации, драматург, поэт, чиновник, в 1838—1844 гг. минский губернатор; автор поэмы «Москва», нескольких пьес, стихотворного сборника «Книга печалей» (М., 1855), издатель трех альманахов «Раут» (М., 1851, 1852, 1854), на два из которых Некрасовым написаны рецензии (см.: наст. кн., с. 66—80; наст. изд. т. XII). В молодости был близок с Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, И. А. Крыловым, Н. И. Гнедичем. В 1840—1850-х гг. литературный салон Сушкова и его жены Д. И. Сушковой посещали многие московские литераторы и ученые, в том числе близкий им с 1836 г. Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др. По словам Тютчева, «Москва без Сушкова не Москва: это словно большой колокол без языка» (см. письмо Д. И. Сушковой к Н. В. Сушкову от 5 августа 1855 г. — ЛН, т. 97, кн. 1, с. 487—488).

О предстоящем выходе в свет поэмы «Москва», написанной Сушковым к 700-летию Москвы по предложению редакции журнала «Москвитянин», в благосклонных тонах известила «Северная пчела» (1847, 3 янв., № 2, с. 6; ср.: МГЛ, 1847, 27 янв., № 22, с. 89); критические рецензии на поэму появились в «Отечественных записках» (1847, № 3, отд. VI, с. 49—58, автор — В. Н. Майков) и «Финском вестнике» (1847, № 4, отд. V, с. 49—51, анонимный автор). Сушков ответил рецензентам, в том числе и Некрасову, специальной брошюрой «Несколько слов на отзывы журналов о поэме „Москва"» (М., 1847), в которой назвал рецензию, опубликованную в «Современнике», «ругательной». По-видимому, Сушков догадывался о том, кто был ее автором, так как писал о нем: «...что же диковины, если г. Н. обращается с мужами косматыми, нечесаными, небритыми» (с. 3, 16). Косвенную поддержку антикритика Сушкова получила со стороны Ап. Григорьева, осудившего рецензию Некрасова за «малопристойный тон» (МГЛ, 1847, 11 июня, № 126, с. 506).

Д. И. Минаев (1808—1876) — автор «Славы о вещем Олеге» — стихотворец, отец поэта-искровца Д. Д. Минаева, автор вольного стихотворного перевода «Слова о полку Игореве» (1847) и фольклорных стилизаций, которые он именовал «баянками» и «былинами»; был близок к Н. В. Кукольнику, печатался в его изданиях. Критика относилась к нему иронически (см., например: С, 1847, № 8, отд. III, с. 138). По поводу его «Славы о вещем Олеге» ре

цензент «Финского вестника» писал: «Вещайте, почтеннейший автор, что вам угодно, только вот в чем дело: вещать-то надобно получше» (ФВ, 1847, № 3). В. Н. Майков в «Отечественных записках» (1847, № 3) назвал творение Минаева «разводяневием пушкинской „Песни о вещем Олеге"». К его оценке присоединился Ап. Григорьев (МГЛ, 1847, 1 апр., № 69, с. 277; 7 апр., № 74, с. 296). Это, однако, не помешало Л. В. Бранту восхвалять «баянку» Минаева, противопоставляя ее произведениям «натуральной школы» (см.: СП, 1847, 24 февр., № 43, с. 170—174).

Сборник «Страшный гость», изданный в Варшаве в 1844 г., имеет цензурную историю. Разрешительная помета цензора Шиллинга относится к 13 (25) января 1844 г.; обязательный экземпляр книги поступил в Главное управление цензуры в конце мая 1844 г. (ЦГИА, ф. 772, оп. 1, 1844 г., № 1709, л. 4). 6 августа 1844 г. в Петербургский цензурный комитет пришел запрос харьковского гражданского губернатора следующего содержания: «Харьковская губернская почтовая контора препроводила ко мне для освидетельствования найденную в оной при отношении Брестской пограничной конторы посылку под литерою R на имя Анны Карпинской. По снятии с оной пломб я нашел там две книги, изданные в Варшаве в сем 1844 году под заглавием „Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий. Соч. В. фон Роткирха". Уведомляя об этом Цензурный комитет, я имею честь просить покорнейше уведомить меня, не находится ли оная книга в числе запрещенных». Петербургский цензурный комитет ответил, что упомянутая книга им не рассматривалась и что «требуемое о ней сведение можно получить от того Цензурного комитета, с дозволения которого она выпущена в свет» (ЦГИА, ф. 777, оп. 1, 1844 г., № 1783, л. 1—2).

В Императорскую Публичную библиотеку экземпляр этого издания поступил в 1845 г. и был зарегистрирован под № 475 (ГПБ, 18. 145.2.145), а в книжные лавки Петербурга — не ранее начала 1847 г.

Из запроса харьковского губернатора явствует, что часть тиража сборника была издана с именем В. А. фон Роткирха (1821—1891) — драматурга, переводчика, занимавшегося, в частности, литовской мифологией и выступавшего в печати под псевдонимом «Теобальд» (см. его мемуары: Воспоминания Теобальда, ч. 1—5. Вильна, 1890).

Первую часть сборника (с. 1—79) составляла поэма, давшая ему название, вторую — слабые «юнкерские» стихотворения, объединенные названием «Первые опыты».

Поэма «Страшный гость» представляла собою первый русский перевод части IV поэмы «Дзяды» А. Мицкевича, произведения которого было запрещено публиковать в русской печати. Перевод обнаруживает преемственную связь с ранним переводом В. Г Бенедиктова, напечатанным под его именем лишь через 20 лет (см.: *Мицкевич А.* Поминки. Пер. В. Бенедиктова. СПб., 1865 (Классические иностранные писатели в русском переводе, кн. 2)). По-видимому, «Страшный гость» — первоначальная редакция перевода Бенедиктова, о котором сообщалось в 1841 г. в «Литературной газете» (1841, 21 янв., № 9, с. 33). Попытка напечатать перевод в Петербурге с помощью Никитенко оказалась неудачной (см. письмо Бенедиктова к Никитенко от 9 дек. 1841 г. — ИРЛИ, 18425, л. 7). Бенедиктов мог передать свой перевод в Варшаву через компози-

тора С. Монюшко, который приезжал в Петербург осенью 1842 г

Стихотворения, вошедшие в книгу «Страшный гость», — явные подражания Бенедиктову («Русский генералитет, или Слава России», «Временщикам», «К зеркалу», «Верочке», «Ф. К. Т—ну», «Ответ И. Ф. М—ру» и т. д.). Кроме оригинальных в сборник вошло несколько переводных стихотворений (с польского) и драматических переложений польских легенд.

Пространная неодобрительная рецензия на сборник «Страшный гость» была напечатана в «Отечественных записках» (1847, № 4, отд. VI, с. 62—64). Рецензент «Библиотеки для чтения», наоборот, весьма высоко оценил поэму из «народных поверий» (БдЧ, 1847, т. 81, № 3, отд. VI, с. 1—7). Однако и эти рецензенты, подобно Некрасову, не узнали в «Страшном госте» поэму Мицкевича. Нераскрытый намек на это обстоятельство прозвучал несколько лет спустя в одном из фельетонов А. В. Дружинина на страницах «Современника»: «Несколько времени, три или четыре года тому назад, издана была на русском языке поэма в стихах под названием „Страшный гость". Появление поэмы в стихах, да еще и с таким странным названием, обрадовало наших рецензентов: со всех сторон атаковали они „Страшного гостя", в котором действительно было нечто странное. Содержание поэмы было осмеяно: оно было *ниже всякой критики*, ниже своего изложения. Многие читатели прочли эти рецензии: никто не обратил на них внимания. А между тем каждая из рецензий была одним громадным промахом. „Страшный гость" был плохим переводом из одного писателя, мало известного в России, но во всей Европе, без исключения, признанного за одного из поэтических гениев! Имя его слишком известно; пусть его ищут сами рецензенты; я же не назову этого имени» (*Дружинин А. В.* XIII письмо Иногороднего подписчика. — С, 1850, № 4, отд. VI, с. 186—187; ср.: *Дружинин А. В.* Собр. соч., т. VI. СПб., 1865, с. 316—317).

С. 7. *...читая не только «Чернеца» и «Наталью Долгорукую»...* — «Чернец» (1824) и «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1828) —романтические поэмы И. И. Козлова, широко известные в 1820-е гг. Особенную популярность, которой пользовался «Чернец», Белинский сравнивал с успехом первых поэм Пушкина (т. V, с. 69).

С. 7. *...пел заунывным голосом «Черную шаль»...* — «Черная шаль» (1820) — романс А. Н. Верстовского на слова Пушкина.

С. 7. *...принимал живое участие в одной преступной деве, которая «под вечер ненастной осенью шла в пустынных местах»...* — Неточное цитирование первых строк «Романса» (1814) Пушкина. У Пушкина:

Под вечер, осенью ненастной
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.

С. 7. *...он бескорыстно уносился за поэтом туда...* — Слово «туда», выделенное Некрасовым курсивом, — усеченная цитата из стихотворения И.-В. Гете «Миньона» (1784). У Гете: «Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen» («Туда, туда, где цветут лимоны»).

С. 7. *...с самоедским аппетитом...* — Самоеды — устарелое название самодийцев: ненцев, энцев и других северных народов; слово «самоедский» употреблено в значении: «огромный».

С. 8. *И мистерилось тогда поэтам...* — К слову «мистерилось» Некрасов прибегает для иронической характеристики представления романтиков и их эпигонов о поэтическом избранничестве.

С. 8. *...тайна, которую унесли они с собою...* — Перефразированная скрытая цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 6, строфа XXXVII), где о Ленском говорится:

Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну...

С. 8. *...они громили проклятиями толпу, презренную, тупую чернь ∾ никаких битв, кроме карточных, бильярдных и шахматных, они не вели)...* — Реминисценция из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828). У Пушкина:

И толковала чернь тупая
«Зачем так звучно он поет?
< . . . . >
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

С. 8. *...горячо любили свои страдания ∾ для того, чтоб не дать очерстветь душе...* — Возможно, здесь содержится намек на стихотворения В. Г. Бенедиктова «Скорбь поэта» (1835), «К М<ейсне>-ру» (1835), «„Когда настанет страшный миг" (Отрывки (Из книги любви))» (1837).

С. 9. *...друг, по их понятиям, был такой человек, которому безнаказанно, даже с несомненной надеждой на участие, позволялось всегда и во всякое время пересказывать (переливать в душу) мелкие досады и неудачи свои, огорчения и ропот раздражительного самолюбия.* — Ср. у Ф. М. Достоевского в «Петербургской летописи» (1847): «Если этот человек заведет себе друга, то друг у него тотчас же обращается в домашнюю мебель, во что-то вроде плевательницы. Всё, всё, *какая ни есть внутри дрянь,* как говорит Гоголь, всё летит с языка в дружеское сердце. Друг обязан всё слушать и всему сочувствовать. Обманут ли этот господин в жизни, обманут ли любовницей, проигрался ли в карты, немедленно, как медведь, ломится он, непрошеный, в дружескую душу и изливает в нее без удержу все свои пустяки, часто вовсе не замечая того, что у друга у самого лоб трещит от собственной заботы, что у него дети померли, что случилось несчастье с женой, что, наконец, он сам, этот господин с своим любящим сердцем, надоел как хрен своему другу и что, наконец, деликатным образом ему намекают о превосходной погоде, которою можно воспользоваться для немедленной одинокой прогулки» (т. XVIII, с. 13). Об этом писал и В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Их тянет к дружбе <...> потребность иметь при себе человека, которому бы они беспрестанно могли говорить о драгоценной своей особе. Выражаясь их высоким слогом, для них друг есть драгоценный сосуд для излияния самых святых и заветных чувств, мыслей, надежд, мечтаний и т. д., тогда как в самом-то деле в их глазах друг есть лохань, куда они выливают помои своего самолюбия» (т. X, с. 336).

С. 10. *В стихах воспевали свои страдания ∾ бранили землю, рвались к небу...* — Некоторые из перечисленных тем и образов, ставших общими местами в романтической поэзии 1830—1840-х гг., нашли отражение в стихотворениях Некрасова «Изгнанник», «Встреча душ», «Незабвенная», «Сомнение» (см.: наст. изд., т. I, с. 196, 207, 219, 224). Некрасов иронизировал по поводу близкого перечня поэтических тем в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: наст. изд., т. VIII, с. 62, 727).

С. 10. *Мой жребий.* — Стихотворение, возможно, представляет собой автопародию Некрасова на его стихотворение «Моя судьба» (см.: наст. изд., т. I, с. 193).

С. 11. *«Пленной мысли раздраженье!»* — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839):

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души больной
Иль пленной мысли раздраженье.

С. 11. *...Новый поэт...* — Этим псевдонимом в «Современнике» подписывались стихотворные пародии на эпигонов-романтиков; чаще других им пользовался И. И. Панаев, иногда Некрасов и другие авторы (см.: *Бухштаб Б. Я.* Некрасов в стихах Нового поэта. — Некр. сб., II, с. 434—444; Боград Совр., с. 478; *Мельгунов Б. В.* Некрасов, Панаев — Новый поэт. (К истории создания журнальной маски). — РЛ, 1986, № 3, с. 153—170).

С. 11. *Сердце у него билось ускоренным, неровным биением ∾ Как же ему было сомневаться в своем призвании?* — Этот текст с незначительной правкой перенесен Некрасовым в роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: наст. изд., т. VIII, с. 152—153).

С. 11. *«...Меня зовут чудаком ∾ все чудаки, сумасброды!..* — Этот отрывок с некоторыми изменениями перенесен Некрасовым из комментируемой рецензии в текст романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: наст. изд., т. VIII, с. 246—247, 711—712).

С. 11—12. *В нем сказалась ты вся, тупая, близорукая чернь! ∾ Бедный поэт! Жалкий избранник!* — «Тупая, близорукая чернь», «жалкий избранник» — реминисценции из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа». У Пушкина:

И толковала чернь тупая
< . . . . >
Но если ты небес избранник...

С. 11. *...Шекспир для тебя — пьяный дикарь...* — Широко распространенное выражение, восходящее к Вольтеру, который в предисловии к своей трагедии «Семирамида» (1748) заметил по поводу «Гамлета»: «Можно подумать, что это произведение — плод воображения пьяного дикаря» (см. об этом: *Кагарлицкий Ю. И.* Шекспир и Вольтер. М., 1980, с. 49). Ср. в статье А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856): «Нет ста лет с тех пор как имя Шекспира в первый раз было произнесено французом как имя дикаря, не лишенного дарования...» (*Дружинин А. В.* Литературная критика. М., 1985, с. 142).

С. 11. *...и Камоэнс, которого уморила ты с голоду...* — Камоэнс (Камоинш) Луиш ди (1524 или 1525—1580) — португальский поэт,

представитель литературы Возрождения. Потеряв во время кораблекрушения свое состояние, последние годы жизни прожил в нищете, умер в больнице от чумы. Упоминается Некрасовым в рассказе «Без вести пропавший пиита» и в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (ср.: наст. изд., т. VII, с. 62, 546; т. VIII, с. 247, 749).

С. 11. *...с печатью тайны на челе...* — Цитата из стихотворения Д. В. Веневитинова «Последние стихи» («Люби питомца вдохновенья...») (1828), использованная впоследствии в поэме Некрасова «Суд» (1867) (см.: наст. изд., т. III, с. 30, 405).

С. 13. *...сложившись по красненькой...* — Красненькая — разговорное обозначение ассигнации достоинством в 10 рублей.

С. 14. *Но бо́льшая часть идеальных юношей ∾ оканчивает деревнею и халатом.* — Эта формула восходит к пушкинским стихам о возможной судьбе Ленского в «Евгении Онегине» (гл. 6, строфа XXXVIII. XXXIX):

В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганый халат...

С. 14—15. *Я знал одного помещика ∾ В юности он был романтик.* — Ср. анекдот, рассказанный в фельетоне Некрасова «Письмо петербургского жителя в провинцию к приятелю» (1844): помещик-пьяница «взял несколько десятков графинчиков, каждый наполнил водкой и на каждом прилепил ярлык с названием какой-нибудь губернии»; он умер, пытаясь «объездить в один день всю Россию» (ПСС, т. V, с. 386—387).

С. 15. *...«Москвитянин» «взывал» ∾ о приготовлении на семисотлетний юбилей Москвы «возможных» произведений.* — Имеется в виду статья М. П. Погодина «Семисотлетие Москвы» (М, 1846, № 1, с. 287—289), в которой содержался обширный перечень будущих трудов по истории памятников московской древности, московских монастырей, воспитательного дома, Английского клуба, работ по истории театра, литературы, живописи и т. д. В заключение Погодин восклицал: «Но можно ли все это приготовить?» (там же, с. 289). Семисотлетие Москвы отмечалось 28 марта 1847 г.

С. 15. *...«развило вполне чувство благоговейной любви к отечеству в детях коренного дворянства»...* — Здесь и далее Некрасов цитирует «Предисловие» Сушкова к его поэме (с. III, IV, V).

С. 15. *...«быть или не быть?»...* — Начало монолога Гамлета из одноименной трагедии Шекспира в переводе Н. А. Полевого (1837): «Быть или не быть — вот в чем вопрос» (д. III, явл. 2).

С. 18. *Русс — богатый властелин! ∾ Лес — приют и в зной и в хлад!* — Цитируется поэма Сушкова «Москва» (с. 109).

С. 18. *...тот жалкий и странный патриотизм ∾ у некоторых русских сочинителей, особенно драматургов...* — Намек на Н. А. Полевого, драматические сочинения которого, по мнению Некрасова, было бы «всего приличнее назвать так: Патриотические чувствования Н. А. Полевого. Оригинальные и переводные, изложенные в приличных разговорах» (наст. том, кн. I, с. 64).

С. 19. *У Кольцова есть стихотворение «Урожай» ∾ У него же есть другое стихотворение...* — Цитируются стихотворения А. В. Кольцова «Урожай» (1836) и «Косарь» (1836). Оба они входили в изданный Некрасовым сборник «Стихотворения Кольцова, с портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» (СПб., 1846, с. 16, 23).

С. 19. *Как Великая Понадулася* ∾ *Некрещеные!..* — Цитируется поэма Сушкова «Москва» (с. 45).

С. 19—20. *И такие странности случаются даже с сочинителями* ∾ *Право, бывали и такие примеры...* — Возможно, имеется в виду следующий факт, о котором 4 марта 1847 г. В. П. Боткин писал из Москвы А. А. Краевскому: «...славянский мир чуть было не сделался зрителем трагического происшествия. Бывший губернатор, а ныне поэт, Сушков, разъезжая всюду, объявлял и жаловался каждому, что Ф. Н. Глинка украл у него мысли (из его рукописной поэмы о Москве) и представил эти мысли в сцене, написанной им для шарады „Столица", что здесь значит: Москва. Поэт ездил к митрополиту, и к Щербакову, и к Строганову и, наконец, просил одного полицмейстера распространить даже между купечеством, что мысли в сцене Глинки принадлежат ему, Сушкову. Наконец он решительно объявил, что хочет бить Глинку, „этого щенка", как он назвал его. Глинка принужден был обратиться к Щербатову и просить у него защиты. Тот призвал к себе Сушкова и уговорил его дать ему слово, что он Глинку бить не будет. Этим все и прекратилось» (Отчет Публичной библиотеки за 1889 год. Прил., с. 134—135). Сушков не оставил замечание Некрасова без ответа в названной выше брошюре: «„Современник" заключает свою выпадку вообще на писателей, ему не современных <...> очень благородным пустяком — сплетнями... На это будет с него стиха Озерова: „Презренье — мой ответ на дерзкие слова"» (*Сушков Н. В.* Несколько слов на отзывы журналов о поэме «Москва». М., 1847, с. 19—20).

С. 20. *...особенно удачными почитаем мы подражания Тредьяковскому...* — Об отношении Некрасова к русской литературе XVIII в. и, в частности, к В. К. Тредьяковскому см.: наст. том, кн. I, с. 111, 138 и 401, 408—409.

С. 20. *Однажды, солнцу воссиявшу* ∾ *Стремясь, восторженный и сладкий...* — Цитируется поэма Сушкова «Москва» (с. 27).

С. 20. *Здесь родилась она, цвела* ∾ *Идеализм переняла...* — Цитата из стихотворного предисловия к поэме Д. И. Минаева «Слава о вещем Олеге» (с. VI).

С. 21. «*Баянка. Если вы, г. критик* ∾ *в своих исследованиях о русской истории в первом томе, на стр. 102, говорит...*» — Цитируется полемическая глава «Два-три слова», помещенная Минаевым в текст поэмы (с. 73, 74, 77).

С. 21. *Сожрут седые времена* ∾ *Потомки добрые прочтут!..* — Цитата из стихотворного предисловия к поэме (с. XI, XII).

С. 21. *...надолго, навсегда, быть может!* — Неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 8, строфа XLVIII). У Пушкина:

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда.

С. 21—22. *Скажи, Зефир* ∾ *Ты поспешил?* — Цитируется стихотворение «Ураган и Зефир», опубликованное в разделе «Первые опыты» сборника «Страшный гость» (с. 87).

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выпуски 1 и 2

(С. 22)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 4 (ценз. разр. — 31 марта, выход в свет — 1 апр. 1847 г.), отд. III, с. 127—131, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство установлено М. М. Гином на основании связи рецензии с романом Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: *Гин М. М.* Новонайденные рецензии Некрасова. — НБ, 1947, № 16—17, с. 19—23). Дополнительным аргументом, свидетельствующим о принадлежности этой рецензии Некрасову, является указанная А. Н. Лурье соотнесенность рецензии с незаконченной повестью Некрасова «Сургучов» (ПСС, т. VI, с. 318, 565).

Комментируемая рецензия посвящена защите «натуральной школы».

«Музей современной иностранной литературы» — альманах, состоящий из переводных произведений чаще всего второстепенных авторов. В течение 1847 г. вышло шесть выпусков этого издания. В рецензируемых первых двух выпусках были опубликованы следующие романы, повести и рассказы: «Домашний сверчок» Ч. Диккенса, «Заговор в Лувре» Ж. Мери, «Глаз. Рассказ доктора Редигера», «Хозе-Хуан» Г. Ферри, «Букет желтых роз» и «От добра добра не ищут» А. Карра, «Хлыст» М. Экар, «Сатисфакция» М.-М. Альтароша, «Цена жизни» Э. Скриба, «Боа» Я. Араго, «Нет больше женщин» Э. Гино. В предисловии к изданию сообщалось: «Предлагаемое издание <...> будет „Библиотекою избранных современных произведений иностранной литературы". Под наименованием современных редакция не может и не должна разуметь одних тех сочинений, которые напечатаны вчера и сегодня: современность не ограничивается днями и месяцами. В „Музей" будут входить утвердившие за собой, по суду достойных ценителей, почетную известность произведения как новые, так и появившиеся в свет хотя бы и за несколько лет перед сим. В нем могут иногда встретиться сочинения уже переведенные. „Музей", как „Библиотека избранных романов и повестей", не имея никакой надобности руководствоваться указанием и направлением журналов, справляться с появившимися в них или отдельно переводами, будет вмещать в себя все, по мнению редакции, достойное быть избранным. Между переводами, для „Музея" изготовляемыми, и теми, которые могли уже быть где-либо напечатаны, не может быть ничего общего, издание это *не журнал, не обозрение* и не имеет надобности торопиться, хватать для перевода сочинения мгновенно по их выходе. <...> „Музей" будет собранием произведений, которые в приятном чтении должны сообщать только *благородное, доброе*, встречающееся в литературе известной эпохи; *избранное*, как по художественности, так и по интересу или по направлению, желаемому и признанному полезным. „Музей" не хочет принимать на себя грустной обязанности следить за заблуждениями ума человеческого в наше время и наполняться без разбора сочинениями

знаменующими лишь упадок чистого вкуса и жалкое потворство ложному направлению вместо исправления оного...».

В. Н. Майков в своей рецензии на выпуск 1 отметил, что в «Музее» «нет решительно никакого направления» (ОЗ, 1847, № 3, отд. VI, с. 21). С аналогичной оценкой этого издания выступил Ап. Григорьев (см.: МГЛ, 1847, 14 апр., № 80, с. 322). «Сын отечества», напротив, опубликовал восторженный отзыв о первых трех выпусках «Музея» (1847, № 6, отд. VI, с. 6—13).

С. 22. *Умные люди утверждают* ∾ *Русская литература поумнела и быстро вступает в период зрелости...* — По-видимому, имеется в виду высказывание В. Г. Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости» (т. X, с. 7).

С. 22. *...Звонские, Лирские, Гремины совсем вывелись в ней...* — Имеются в виду герои повестей Марлинского («Испытание» (1830) «Второй вечер на биваке» (1823) и др.), чрезвычайно популярных в 1830 — начале 1840-х гг. Ср. у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» (1842): «Герой наш поворотился в ту ж минуту к губернаторше и уже готов был отпустить ей ответ, вероятно, ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремины. <...> Чичиков так смешался, что не мог произнести ни одного толкового слова и пробормотал черт знает что такое, чего бы уж никак не сказал ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин» (т. VI, с. 166). Ср. у Белинского в рецензии на «Физиологию Петербурга» (1845): «... „Омнибус" для нас всё-таки лучше множества произведений с изображением великих и колоссальных предметов, а купец борода и герой в тысячу раз интереснее Греминых, Звонских, Лидиных, Зоричей и тому подобных так называемых „идеальных созданий"» (т. IX, с. 221).

С. 22. *...мещанская слабость изображать большой свет с графами и графинями, мебелью от Гамбса и Тура, духами от Марса и мороженым от Резанова...* — Гамбс и Тур — петербургские мебельные мастера. Марс — владелец галантерейного магазина в Петербурге. А. П. Резанов — петербургский кондитер. Ср. у А. С. Пушкина:

> Надо помянуть, непременно помянуть надо:
> < . . . . >
> Резанова, славного русского кондитера,
> < . . . . >
> И Марса, питерского помадника...
>
> (т. III, с. 486—488)

С. 23. *Мир старух желтых и страшных* ∾ *и она приподняла ее...* — Этот отрывок связан с незаконченной повестью Некрасова «Сургучов» (1844—1847): «...я хочу ввести читателя <в мир людей> обыкновенных и бедных, каких всего больше на свете и которые всегда останутся такими, если мы будем пробегать мимо них, зажав нос и отвернувши лицо; я хочу ввести их в интересы тех желтых и костлявых старух, которые целый день просиживают над

десятком гнилых яблоков, чтоб взять на них грош барыша; посвятить их в тайны их сетований, их радостных осклаблений, которые даже нельзя назвать улыбками; в страдания и радости тех увечных и сгорбленных, убогих и морщинистых стариков, которых глубокие и частые вздохи наполняют воздух неблаговониями простой водки, которых радости грубы, страсти дики <...> тех оборванных и отвратительных женщин, которые сначала с подавленными слезами украдкой протягивают к вам руки и краснеют, потом хохочут и пьянствуют, потом пьянствуют и воруют; тех бледных и болезненных мальчиков, которые с протянутыми ручонками дрожат на улице от холода, но боятся идти домой, потому что там ждут их побои голодной и пьяной старухи, увечного, ожесточенного нищетою отца» (наст. изд., т. VIII, с. 294).

С. 23. *...она не смущается позорными упреками ∾ за то, что занимается она предметами ничтожными и унизительными для нее, роется в грязи...* — Имеются в виду постоянные нападки «Северной пчелы», «Библиотеки для чтения», «Маяка», «Москвитянина» на «натуральную школу» за внимание к социальным низам, за так называемую низкую тематику (см. об этом: *Мордовченко Н. И.* Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, с. 213—283; наст. изд., т. VII, с. 586—588 (комментарий Н. Н. Мостовской к «Петербургским углам»)).

С. 23. *Деликатных и благовоспитанных порицателей ∾ взялась возмущать их спокойствие...* — Ср. текстуально совпадающий отрывок из романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (ч. III, гл. 1): «...того только и требуете от книги! Забвения подавляющей действительности, обмана хотите вы, но его-то, предупреждаю вас, и не найдете в моей правдивой истории. Киньте же ее поскорей, читатель деликатный и благовоспитанный!» (наст. изд., т. VIII, с. 229).

С. 24. *...мы говорим о романе г. Искандера «Кто виноват?» и о романе г. Гончарова «Обыкновенная история»...* — Искандер — псевдоним А. И. Герцена; его роман «Кто виноват?» (ОЗ, 1845, № 12, 1846, № 4; полностью: С, 1847, № 1, Прил.; отд. изд. — СПб., 1847) и роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (С, 1847, № 3—4) были значительными произведениями «натуральной школы», получившими высокую оценку Белинского (см.: т. IX, с. 396, 318—344).

С. 24. *«Музей современной иностранной литературы» говорит ∾ чтение постоянное, избранное, разнообразное, приятное ∾ не совращающее понятий...»* — Здесь и далее Некрасов, по-видимому, перефразирует предисловие к «Музею современной иностранной литературы».

С. 25. *...роман «Домашний сверчок» — худший из четырех святочных романов Диккенса)...* — «Святочными романами» Некрасов называет «Рождественские сказки», или «Рождественские рассказы», которые Диккенс издавал к рождественским праздникам (святкам) в 1843—1846 гг. Это «Рождественский гимн» (1843), «Колокола» (1844), «Сверчок на печи» (1845), названный Некрасовым «Домашний сверчок», и «Битва жизни» (1846). См. аналогичную оценку романа в статье А. И. Кронеберга «Святочные рассказы Диккенса» (С, 1847, № 3, отд. III, с. 1—18; № 4, отд. III, с. 19—34).

«ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ» Т. Ч.

<Выпуск 1>

(С. 26)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 8 (ценз. разр. — 31 июля; выход в свет — 8 авг. 1847 г.), отд. III, с. 101—105, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено М. М. Гином на основании связи рецензии с фельетоном Некрасова «Современные заметки» (С, 1847, № 7, отд. IV, с. 57—70; наст. изд., т. XII), прямым продолжением которого она является (см.: НБ, 1847, № 16—17, с. 19—23).

Рецензируемая книга — литературный дебют писательницы А. Я. Марченко (1830—1880), подписывавшейся криптонимом «Т. Ч.», а также псевдонимом «А. Темризова». Ее повести «Поздно» (1848), «Тернистый путь» (1849) и др. были примечательным явлением в 1840-е гг., когда русская литература не знала еще романов И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Они встретили доброжелательный прием со стороны прогрессивной критики, увидевшей в авторе сторонницу идеи эмансипации женщин. В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал: «Из отдельно вышедших в прошлом году книг по части изящной словесности замечательны только „Путевые заметки" Т. Ч.». Однако, характеризуя современных русских беллетристов, «к менее замечательным произведениям» 1847 г. он относит новые повести А. Ф. Вельтмана, П. Н. Кудрявцева, рассказы П. В. Анненкова, А. Д. Галахова и А. Я. Марченко (Т. Ч.) (т. X, с. 351—352). С враждебной рецензией на «Путевые заметки» выступил «Сын отечества» (1847, № 7, отд. VI, с. 25—30); благоприятно отозвались о них «Финский вестник» (1847, № 8, отд. V, с. 50) и «Библиотека для чтения» (1847, № 11, с. 28—34). В дальнейшем А. Я. Марченко стала сотрудницей «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения», но в 1850—1860-е гг. ее произведения уже не привлекали к себе внимания критики (см. о ней: *Некрасова В.* Анастасия Яковлевна Марченко. — Киевская старина, 1889, № 11). Последующие повести Марченко: «Умная женщина» (1853), «Горы» (1856), «На почте» (1857), «Мыльные пузыри» (1858), «Разлучники» (1869) — имели известный успех у публики. Однако в «Заметках о журналах за март 1856 года», не называя А. Я. Марченко, но явно имея ее в виду, Некрасов писал: «...*почти* у всех наших писательниц лучшие произведения их — первые повести; остальные — вариации на одну и ту же тему» (наст. кн., с. 244).

С. 26. *...вышла книжка, заключающая в себе два рассказа ∾ О первом мы упомянули уже в прошедшей книжке нашего журнала...* — Имеется в виду фельетон Некрасова «Современные заметки», в котором в разборе рассказа «Три вариации на одну тему» фигурируют подзаголовки — «Леля», «M-r Alexis», «Алексей Петрович». «Сколько помнится, — писал Некрасов, — г-жа Т. Ч. в первый раз появляется в нашей литературе, и я спешу поздравить публику с явлением очень приятного таланта. Что в г-же Т. Ч.

есть талант писать рассказы легкие, живые, увлекательные, в том, конечно, никто не станет спорить: доказательство налицо! <...> В книжке г-жи Т. Ч. есть и другая повесть, под названием „Гувернантка", но она так замечательна, что надо поговорить о ней на досуге. Удовлетворив своему желанию поскорей поздравить г-жу Т. Ч. с прекрасным талантом, а публику с прекрасными повестями, я отлагаю разбор „Гувернантки" до следующего нумера» (С, 1847, № 7, отд. IV, с. 69). Ср. с аналогичной оценкой Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «...первая повесть больше понравилась всем, нежели вторая. В обеих виден талант, от которого можно надеяться хороших результатов, если он будет развиваться» (т. X, с. 352).

С. 28. *...критику «Сына отеч<ества>» показалось, что можно предложить в гувернантки русской провинциальной барышне или купеческой дочке Жорж Санд.* — Некрасов имеет в виду рецензию «Сына отечества» на появившийся в качестве приложения к № 1 «Современника» за 1847 г. роман Жорж Санд «Лукреция Флориани». Критикуя Жорж Санд, рецензент писал: «Можно ли с чистою совестью рекомендовать эту любезную, талантливую, очаровательную француженку — в компаньонки нашим уездным барышням и купеческим дочкам? Без сомнения, нет! <...> Писательница, подобная Жорж Занд, могла возникнуть и прославиться только в такой земле, где горькие исторические события разрушили почти все дотоле существовавшие формы; буря утихла, но море еще волнуется, сшибаются фантастические валы: сенсимонизм, социализм, коммунизм, эмансипация жен — да кто сочтет эти патогномические признаки потрясенного мозга, эти странные исчадия уже минувшей бури и еще не устроившегося порядка? В такое смутное время и самое искусство заблуждается, вмешиваясь не в свое дело» (СО, 1847, № 2, отд. VI, с. 19—20).

С. 29—30. *«Мы, женщины, можем и решимся полюбить сердцем ∾ от малейшего толчка, данного самолюбию»...* — Здесь и далее цитируются «Путевые заметки» А. Я. Марченко (с. 129—130, 91).

С. 30. *....недосозданность повести скрывается в случайности столкновения таких, а не других событий жизни ∾ из задуманной идеи должны необходимо вырастать определенные лица и события.* — Ср. высказывание Белинского в рецензии на «Уголино. Драматическое представление. Сочинение Н. Полевого» (1838): «Всякое произведение искусства только потому художественно, что создано по закону необходимости, что в нем нет ничего произвольного, что в нем ни одно слово, ни один звук, ни одна черта не может замениться другим словом, другим звуком, другою чертою» (т. II, с. 438).

С. 30. *...какой-нибудь калейдоскопический роман фабрики Дюма...* — В 1845 г. в Париже появилась брошюра Э. Мирекура «Фабрика романов, фирма Ал. Дюма и компания», обличавшая Дюма в том, что романы, которые выходят под его именем, пишутся безвестными секретарями. Об этой брошюре упоминал А. И. Кронеберг в статье «Последние романы Жорж Санд», иронизируя над плодовитостью А. Дюма: «Пока <...> на фабрике какого-нибудь господина Александра Дюма (многие не без основания подозревают, что романы его произведения фабричные; читатели, конечно, помнят вышедшую в 1845 году французскую брошюру об этом предмете) выходят штук двадцать бесконечных романов, Жорж

Санд успевает издать одно-два творения» (С, 1847, № 1, отд. III с. 87). Дюма подал на Мирекура в суд, обвиняя в клевете и требуя извинений. Мирекур принес извинения через печать.

1849

РУССКИЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПОЭТЫ

(С. 32)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 1 (ценз. разр. — 31 дек. 1849 г.), отд. VI, с. 42—74, с подписью «Н. Н.» (в содержании: «Н. А. Н—в»).

В собрание сочинений впервые включено: Собр. соч. 1930, т. III.

Автограф не найден.

Об авторстве Некрасова имеется свидетельство его самого, сообщенное А. А. Буткевич в письме к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. (см.: ЛН, т. 53—54, с. 173). Последний, по указанию Буткевич, включил статью «Русские второстепенные поэты» в список произведений Некрасова в первом посмертном издании его стихотворений (см.: Ст 1879, т. IV, с. CXLVIII).

Комментируемая статья — одно из лучших литературно-критических выступлений Некрасова. Завершая его критику 1840-х гг., она в то же время «явилась прологом его деятельности следующего десятилетия» (*Манн Ю.* «Верность, мягкость и разнообразие тонов». (О Некрасове-критике). — ВЛ, 1986, № 8, с. 138). В ней он стремится восстановить в истории поэзии крупное поэтическое имя и тем самым оказать услугу «будущему историку литературы»; дать свою оригинальную интерпретацию творчества Ф. И. Тютчева и вместе с тем пробудить угасший в начале 1840-х гг. интерес к поэзии, к стихам. Из содержания статьи видно, что «Некрасов-критик чутко ощущал необходимость нового подъема в русской поэзии, возможность такого подъема и энергично готовил такой подъем, даже предваряя Некрасова-поэта» (*Скатов Н. Н.* Н. А. Некрасов — литературный критик. — Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин. Избр. статьи. М., 1982, с. 13). Главной заслугой Некрасова является то, что он своей статьей привлек внимание читателей к поэзии Ф. И. Тютчева, едва замеченной в 1830-е и почти забытой в 1840-е гг. Не случайно статья «Русские второстепенные поэты» воспринималась современниками как статья о Тютчеве. Некрасов-критик исследовал и систематизировал все стихотворения поэта, напечатанные в «Современнике» за пять лет (см. об этом: *Пигарев К. В.* 1) Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева. — ЛН, т. 19—20, с. 373; 2) Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 131—140; ГИН НЛК, с. 86—115; *Дарвин М. Н.* Некрасов и Тютчев в литературной жизни «Современника» первой половины 1850-х годов. — Н. А. Некрасов и русская литература. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Ярославль, 1977, с. 57—76, *Скатов Н.* 1) О «двух

тайнах» русской поэзии (Некрасов и Тютчев). — В кн.: Скатов Н. Литературные очерки. М., 1985, с. 213—216; 2) Еще раз о «двух тайнах» русской поэзии (Некрасов и Тютчев). — В кн.: Скатов Н. Некрасов. Современники и продолжатели. М., 1986, с. 101—105; *Манн Ю.* «Верность, мягкость и разнообразие тонов». (О Некрасове-критике), с. 138—143). Открыв Тютчева для себя, Некрасов одним из первых увидел в нем поэта мысли, назвал его талант самобытным (проблема самобытности в это время занимала самого Некрасова-поэта и потому в комментируемой статье ей уделено так много внимания), отнес его творчество к блестящим явлениям в русской поэзии. Спустя четыре года эти наблюдения будут продолжены и развиты Тургеневым в статье «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева» (С, 1854, № 4, отд. III, с. 23—26; Тургенев, Соч., т. V, с. 423—427).

Название статьи Некрасова многопланово и полемично. В нем отражено стремление автора расширить границы «последнего литературного периода», в который входили Пушкин, Крылов, Лермонтов, Кольцов (см.: наст. кн., с. 44). Завершая статью, Некрасов назвал Тютчева «первостепенным поэтическим талантом» (с. 60) и тем самым как бы опровергнул ее название. Об этом свидетельствовала и А. А. Буткевич, пояснявшая в письме к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. не дошедшую до нас заметку Некрасова «Статья о Тютчеве. Русские второстепенные таланты»: «Об ней он мне говорил и еще жалел, что назвал второстепенными. „Талант, как бриллиант, — говорил он, — не может быть второстепенным: вся разница в величине — и осколок дает свой блеск"» (ЛН, т. 53—54, с. 173). Некрасов писал о Тютчеве как о второстепенном лишь по степени известности, а не по подлинному поэтическому значению.

Первый биограф Тютчева И. С. Аксаков назвал статью «Русские второстепенные поэты» «замечательной статьей», посвященной Тютчеву, в которой «Некрасов является истинным знатоком и ценителем поэтической красоты» (*Аксаков И. С.* Федор Иванович Тютчев. (Биографический очерк). М., 1874, с. 47). Он же отметил, что статья Некрасова вернула Тютчева в поэзию. По наблюдению И. С. Аксакова, «Тютчев, хоть и на 47 году жизни, дождался наконец оценки своему таланту; статья Некрасова, напечатанная в журнале, пользовавшемся тогда большим успехом, произвела в публике сильное впечатление» (там же, с. 48). Откликнулась на статью Некрасова и критика. В. П. Гаевский писал о ней в «Письмах о русской журналистике» в связи с обозрением июльской книжки «Москвитянина» за 1850 г., назвав при этом имя Тютчева полностью: «В ней напечатаны три стихотворения Ф. И. Тютчева (Ф. Т.), произведения которого уже очень давно не появлялись в журналах. Считаем излишним распространяться о талантливости автора, потому что читатели имели возможность ближе познакомиться с его талантом и деятельностью из напечатанной в первой книжке „Современника" нынешнего года статьи о Ф. Т — ве» (С. 1850, № 8, отд. VI, с. 312). Анонимный автор «Отечественных записок» также обратил внимание на «статью о Тютчеве, написанную Н. А. Н—м (№ 1)», отметив при этом в ней «взгляд на поэтов, взгляд исключительный, с одной только эстетической стороны» в ущерб историческому (ОЗ, 1850, № 12, отд. VI, с. 145). См. также другой отклик «Отечественных записок» (1850, № 12, отд. VI, с. 128, анонимный автор).

В текстах стихотворений Тютчева, приводимых Некрасовым, имеется ряд отличий от предыдущих журнальных публикаций. Впоследствии они вошли в первое отдельное издание произведений поэта (СПб., 1854), подготовленное по инициативе редакции «Современника» главным образом Тургеневым и Некрасовым (под редакцией Тургенева), без участия автора. Предположение А. Я. Максимовича о том, что Некрасов располагал каким-либо авторизованным списком, легшим в основу издания, не подтвердилось (см.: ЛН, т. 19—21, с. 371—418). В распоряжении Некрасова находились только тексты, опубликованные в «Современнике», которые он подверг некоторой правке (см. об этом: *Пигарев К. В.* Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева, с. 371—418; ср.: *Николаев А. А.* К истории подготовки сборника стихотворений Ф. И. Тютчева (1854), изданного редакцией некрасовского «Современника». — Некр. сб., VIII, с. 36—54). Статья Некрасова «Русские второстепенные поэты» открыла цикл статей в «Современнике», задача которого заключалась в возрождении интереса к поэзии в русской читающей публике. Как видно из письма Некрасова к А. Н. Майкову от 19 апреля 1850 г., задуман был цикл очень широко. Отдельные статьи предполагалось посвятить самым различным поэтам (В. Г. Бенедиктов, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, А. А. Дельвиг, А. И. Подолинский, И. И. Козлов) и отдельным эпохам, периодам, направлениям в русской поэзии. Однако появилось всего четыре статьи: Некрасова о Тютчеве, В. П. Боткина об Огареве (С, 1850, № 2), П. Н. Кудрявцева о Фете (С, 1850, № 3) и подписанная инициалами «А. Л.» статья о Веневитинове (С, 1850, № 7).

С. 32—33. *...времена гг. Марлинского и Бенедиктова ∾ той вычурности, которою отличались оба эти писателя.* — Подобные суждения о «фразистых повестях» А. А. Бестужева-Марлинского, о «вычурности» поэзии В. Г. Бенедиктова высказывались Некрасовым в рецензии на «Дамский альбом» и в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (см.: наст. кн., с. 109—110, 166—167, 184). Ср. с аналогичной оценкой В. Г. Белинского: «О достоинствах и значении г. Бенедиктова спор уже кончен; самые почитатели его согласятся, что он то же самое в стихах, что Марлинский в прозе. <...> Они гениально выразили, один в стихах, другой в прозе, крайность внешнего блеска и кажущейся силы искусства, чуждой действительного содержания, а следовательно и действительности жизненной. Отсюда проистекают эти блестящие, пестрые, узорочные миражи образов, столь обольстительные для неопытных глаз, поражающихся одною внешностию...» (т. VI, с. 493).

С. 33. *...написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий ∾ проза, более доступная по форме, представляет более простора его уму...* — Мысль об особенностях и различии прозы и поэзии развивается Некрасовым в ряде статей, наиболее полно — в рецензии на «Деревенский случай» Н. Д. Хвощинской (см.: наст. изд., т. XII).

С. 33. *...нет поэтических талантов ∾ и они также обратились к прозе. Это явление тоже нередко.* — На страницах «Литературной газеты» не раз отмечалось, что «стихов теперь не читают», что читатель «круто повернул на прозу» (см. рецензии на «Стихотворения И. Бочарова» (ЛГ, 1841, 13 дек., № 141, с. 540), «Стихотворения Вл. Бенедиктова» (ЛГ, 1842, 22 нояб., № 46, с. 940), «Стихо-

творения Милькеева» (ЛГ, 1843, 18 июля, № 28, с. 533—534), «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой...» И. Мятлева (ЛГ, 1844, 15 янв., № 3, с. 56), а также фельетон «Падающие звезды» (ЛГ, 1844, 20 июля, № 28, с. 484), который, очевидно, принадлежал Некрасову (см.: наст. изд., т. XII) и в состав которого вошло стихотворение «Послание к соседу» (см.: наст. изд., т. I, с. 436, 694)). Некрасовский «Современник» последней трети 1840-х гг. также критически относился к стихам (см., например, редакционное примечание: С, 1847, № 6, с. 137—138).

С. 33. *В этой самой книжке «Современника» в обозрении литературы определили мы до некоторой степени разницу между направлением нынешней литературной эпохи и той, которая ей предшествовала.* — Имеется в виду запрещенное цензурой «введение» к «Обозрению русской литературы за 1849 год» (см.: наст. изд., т. XII). В следующем номере «Современника» содержится редакционное примечание по этому поводу: «...в первой статье о „Второстепенных поэтах" есть ссылка (стр. 43. «Смесь») на „Обозрение". Она осталась по ошибке, ибо вступление, к которому относилась эта ссылка, не вошло в текст» (С. 1850, № 2, отд. VI, с. 104). См. об этом: Боград Совр., с. 500—501.

С. 33. *...«из чести лишь одной»...* — Цитата из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811; опубл. 1855).

С. 34. *...только поэтический талант, равный пушкинскому, мог бы доставить автору и Славу и Деньги...* — Намек на стихотворение А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824). У Пушкина: «Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать».

С. 34. *...поэтическую искру свою разводит он на множество прозаических статей; он пишет повести, рецензии, фельетоны...* — Возможно, автобиографическое признание Некрасова, активно занятого в эти годы журнальной работой.

С. 36. *...два следующие стихотворения г. Н. Сп.* — Имеется в виду Н. Спиглазов, автор нескольких стихотворений, напечатанных в «Современнике» в 1850 г. В «Современнике» кроме впервые опубликованных в статье Некрасова стихотворений «Я всё еще стараюсь как-нибудь...» и «Как птичка, весь день распевая...» публиковались и другие стихи Спиглазова (см.: С, № 2, отд. VI, с. 207—208; № 5, отд. VI, с. 139). Н. Г. Чернышевский в одном из своих писем упоминает их среди стихов, которые «не следовало помещать» (т. XIV, с. 339). Г. П. Данилевский, напротив, писал Я. П. Полонскому 4 февраля 1850 г. по поводу этих стихотворений: «....у Спиглазова замечательное дарование, на него обращено уже внимание (см. первую статью «Современника» «Р<усские> второст<епенные> поэты», два стихотворения)...» (ИРЛИ, 12050/2 XIXб. 8, л. 9 об.).

С. 38. *...два стихотворения, принадлежащие г. Сол—ну.* — Имеется в виду поэт и переводчик В. А. Солоницын (ум. после 1863), в молодости близкий А. Н. Майкову, сотрудничавший в «Библиотеке для чтения» и других журналах. О нем см.: РС. 1888, № 5, с. 533. Стихотворения «Пока неопытен, покамест сердцем молод...» и «Ты молода еще, покамест не буди...» в статье Некрасова публикуются впервые.

С. 39. *...влияние Пушкина и автора нескольких стихотворений который теперь уже стихов не пишет...* — Намек на самого Некрасова, стихов в 1848—1849 гг. не печатавшего.

С. 39. ...*г. Лизандер, поэт, пишущий уже давно и уже издавший книжку стихов...* — Д. К. фон Лизандер (1824—1894), поэт элегик, автор поэмы «Запорожцы» (1840) и сборника «Стихотворения фон Лизандера» (М., 1845). Его более поздний сборник стихов «Лучи и тени. Сорок пять сонетов» (М., 1859) был высмеян Добролюбовым в «Современнике» (1859, № 8) в рецензии на этот сборник (т. V, с. 190—194).

С. 41. ...*две небольшие пьесы автора «Старого дома», «Сторожа» ∾ которые всегда останутся памятны любителям стихов...* — Стихотворения Н. П. Огарева «Fatum» и «Забыто» в статье Некрасова публикуются впервые.

С. 42. ...*стихотворение, дорогое нам по личным нашим воспоминаниям. ∾ Один, опять один я. Разошлась ∾ Т. Л.* — Стихотворение И. С. Тургенева публикуется в статье Некрасова впервые. Псевдонимом «Т. Л.», т. е. Тургенев-Лутовинов, в котором использована девичья фамилия его матери В. П. Лутовиновой, Тургенев подписывал свои ранние произведения. Позднее Некрасов включил это стихотворение в сборник: Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей, т. 3. СПб., 1856, с. 252.

С. 45. ...*даже заслужил от одного критика титул гения г. Бенедиктов...* — Речь идет, очевидно, о С. П. Шевыреве, объявившем Бенедиктова первым русским «поэтом мысли» (МН, 1835, ч. III, авг., кн. 1, с. 439—459). См. полемику с ним в статьях Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835) (т. I, с. 355—371) и «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя"» (1836) (т. II, с. 148—151).

С. 45. *В 1836 году Пушкин основал новый журнал «Современник».* — А. С. Пушкин выпустил в 1836 г. четыре тома основанного им журнала и успел частично подготовить первый его том за 1837 г. В пушкинском «Современнике» принимали участие Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский и др. Журнал издавался в тяжелых цензурных условиях, подвергался нападкам со стороны враждебной журналистики. См. об этом в статье В. Ф. Одоевского «Несколько слов о „Современнике"» в защиту Пушкина от нападок О. И. Сенковского (напечатана анонимно в «Северной пчеле», 1836, 17 апр., № 86) и в его же статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» (1836; напечатана лишь в 1864 г. в «Русском архиве», № 7—8, с. 824—831). См. также: *Максимов Д.* «Современник» Пушкина (1836—1837). — В кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934 с. 369—418; *Березина В. Г.* Из истории «Современника» Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 1. М. — Л., 1956, с. 298—305.

С. 45. *Основание этого журнала ∾ сопровождалось в нашей литературе весьма замечательными толками, спорами и событиями, о которых мы скоро будем иметь случай говорить в особой статье.* — Обещанная статья о «Современнике» Пушкина не появилась.

С. 45. ...*под ними весьма четко выставлены были буквы «Ф. Т.» ∾ Подпись «Ф Т—в» ∾ окончательно подтвердила, что автор их наш соотечественник.* — Тот факт, что в комментируемой статье подпись «Ф. Т.» не раскрывается, имя поэта полностью не названо, свидетельствует лишь о следовании Некрасовым воле Тютчева, который во второй половине 1830-х и в 1840-х гг. подпи-

сывался только криптонимом, но не о незнании имени поэта. В свое время В. Н. Майков, говоря о «Стихотворениях, присланных из Германии», тоже не раскрыл подписи Тютчева, соблюдая журнальную этику: в его рецензии на «Стихотворения А. Плещеева. 1845—1846» Тютчев назван «одним русским поэтом, которого никто не помнит, хотя <...> лет десять назад его стихи и обратили на себя внимание людей со вкусом и поэтическим тактом» (ОЗ. 1846, № 10, отд. VI. с. 42; ср.: *Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985, с. 278). Белинский же, заметив ранние тютчевские публикации с полной подписью, упомянул имя поэта (т. IV, с. 342). Подпись Тютчева была раскрыта также в «Указателе содержания „Современника" за десятилетие с 1836-го по 1845-й год» (СПб., 1846) и в статье В. П. Гаевского «Письма о русской журналистике» (С, 1850, № 8, отд. VI, с. 312).

С. 46—47. *Вот несколько стихотворений* ∾ *В пещере нимф спокойно дремлет.* — Стихотворения Тютчева «Утро в горах», «Снежные горы», «Полдень» цитируются Некрасовым по «Современнику» (1836, т. 3, с. 5, 7, 10) с несколькими разночтениями: «Над усыпленною землей» вместо «Над издыхающей землей» («Снежные горы»); «В пещере нимф спокойно дремлет» вместо «В пещере нимф покойно дремлет» («Полдень»).

С. 47. *Песок сыпучий по колени.* ∾ *Глядит из каждого куста.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1837, т. 6, с. 397).

С. 48. *И миллионом темных глаз* ∾ *Сквозь ветки каждого куста...* — Неточная цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839). У Лермонтова: «Сквозь ветви каждого куста».

С. 48. *Осенний вечер.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1840, т. 19, с. 187) с одним разночтением: «Возвышенной стыдливостью страданья» вместо «Божественной стыдливостью страданья».

С. 48—49. *Что ты клонишь над водами* ∾ *И смеется над тобой.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (С, 1836, т. 4, с. 34).

С. 49. *Весенние воды.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 6).

С. 50. *Весна.* — Стихотворение А. А. Фета цитируется по первой публикации (ОЗ, 1844, № 6, с. 147). Критика Некрасова была учтена Фетом в издании «Стихотворения А. Фета» (СПб., 1856). Окончательный текст «Весны», помещенный здесь:

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом:
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучи носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

См. также пародию Некрасова в стихотворении «Лето» (1854) на цикл пейзажной лирики Фета и на это стихотворение (наст. изд., т. I, с. 139).

С. 50. *Со временем мы будем подробно говорить здесь о г. Фете.* — Имеется в виду статья из цикла «Русские второстепенные поэты», принадлежащая П. Н. Кудрявцеву. Об авторе этой статьи см.: Боград Совр. с. 502. Отзывы Некрасова о стихотворениях Фета см. также в рецензиях на «Дамский альбом», в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» (наст. кн., с. 106. 233) и в «Литературных новостях» (1856) (наст. изд., т. XII).

С. 50—51. *Весна.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1839, т. 13, с. 169) со следующими разночтениями: «Как ни браздят чела морщины» вместо «Как ни браздят чело морщины»; «В условный час слетает к нам» вместо «В условный час слетает к вам»; «И страх кончины неизбежный» вместо «И страх кончины неизбежной».

С. 51—52. *Давно ль, давно ль, о юг блаженный* ∾ *Доходит до души моей.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1838, т. 9, с. 131) с таким разночтением: «Родные призраки скользят» вместо «Святые призраки скользят». Разночтением является также написание Некрасовым с маленькой буквы слов «Юг» и «Север».

С. 52. *Как океан объемлет шар земной*∾*Со всех сторон окружены.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 19).

С. 52—53. *Я помню время золотое* ∾ *Над нами пролетала тень.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 11) с одним разночтением: «С холмом, и с замком, и с тобой» вместо «С холмом, и с замком, и тобой».

С. 53—54. *Не то, что мните вы, природа*∾*И голос матери самой!* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 21) со следующими разночтениями: «Не их вина: пойми, коль может» вместо «Не их вина: пойми, коль можешь»; «Увы! души в нем не встревожит» вместо «Души его, ах, не встревожит». В статье Некрасова третья и четвертая строки первого четверостишия были опущены и заменены строками точек. В настоящем издании строки восстановлены по тексту «Современника» 1836 г.

С. 54. *...Гейне под пером наших переводчиков явился публике в самом непривлекательном виде.* — Среди переводчиков стихотворений Г. Гейне в 1830—1840-е гг. могут быть названы М. Н. Катков (ОЗ, 1839, № 6, 7, 11; 1840, № 1), К. К. Павлова (ОЗ, 1839, № 7), К. С. Аксаков (ОЗ, 1840, № 9), А. Я Кульчицкий (ОЗ, 1840, № 12; 1841, № 10; 1842, № 5), А. И. Кронеберг (ОЗ, 1840, № 12), В. И. Красов (ОЗ, 1841, № 12), А. А. Фет (ОЗ, 1842, № 6, 12; 1843, № 2); А. Н. Струговщиков (1844, № 9). В «Современнике» стихотворные переводы Гейне стали публиковаться позднее, в 1850-е гг. (см.: *Гордон Я И.* Гейне в России (1830—1860-е годы). Душанбе, 1973). Кого конкретно имел в виду Некрасов, судить трудно. По-видимому, Некрасову не было известно, что стихотворения Гейне переводились и Тютчевым (см., например, «С чужой стороны» (Северная

лира на 1827 год, с. 338), «(Из Гейне). Как порою светлый месяц...» (Галатея, 1830, № 8), «(Из Гейне). Друг, откройся предо мною...» (Галатея, 1830, № 41, с. 191)).

С. 54. *С какою негою.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1840, т. 20, № 4, с. 299).

С. 55. *И гроб опущен уж в могилу∾В воздушной бездне голубой...* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 4, с. 36).

С. 55. *Итальянская villa.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1838, т. 10, с. 184).

С. 56. *Silentium!* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 16).

С. 56—57. *Как птичка раннею зарей∾За новым племенем брести!..* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 4, с. 38) с одним разночтением: «Сей шум, движенье, говор, клики...» вместо «Сей шум, движенье, говор, крики...».

С. 57. *...мы можем только указать на другого замечательного нашего поэта, князя П. А. Вяземского (мы со временем к нему обратимся)...* — Обещанная статья в «Современнике» не появилась.

С. 57. *...встречается подобное стихотворение∾начинается стихом: «Что день, то новые утраты...»..* — Ни стихотворения, так начинающегося, ни такой строки у Вяземского обнаружить не удалось. Речь может идти о стихотворении «Смерть жатву жизни косит, косит...» (1840) (Некрасов уже говорил о нем: наст. том, кн. 1, с. 137), которое в статье «Русская литература в 1844 году» упоминал и Белинский (т. VIII, с. 436).

С. 57. *Как над горячею золой∾Я просиял бы — и погас!* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 15).

С. 58. *Душа моя — Элизиум теней∾И сей бесчувственной толпою?..* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 4, с. 41). По представлениям античной древности, Элизиум — то место в царстве теней, где пребывают праведники, получившие бессмертие от богов.

С. 58—59. *В душном воздухе молчанье∾Зачинающей грозы?..* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 4, с. 32) с таким разночтением: «Чу! за белой душной тучей» вместо «Чу! за белой дымной тучей».

С. 59. *Через ливонские я проезжал поля∾Про них и днем молчание хранит.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1837, т. 6, с. 396).

С. 60. *О чем ты воешь, ветр ночной?∾Под ними хаос шевелится!..* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 18) со следующим разночтением: «То глухо жалобный, то шумный?» вместо «То глухо жалобный, то шумно?».

С. 60. *Душа хотела б быть звездой∾В эфире чистом и незримом.* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1836, т. 3, с. 14).

С. 60. *Так здесь-то суждено нам было∾Декабрьский воздух разогрет* — Стихотворение цитируется по «Современнику» (1838, т. 9, с. 138), где оно было напечатано с ошибочным заглавием «1 декабря 1827». У Тютчева: «1-е декабря 1837» (см. об этом: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1957, с. 351).

С. 61. *Беседующий теперь с читателями крепко не любит педантических разделений и подразделений писателей на гениев, гениальных талантов, просто талантов и так далее.* — Возможно,

здесь скрытая полемика с Белинским, выдвинувшим в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» (1846) понятие «гениальный талант» в качестве промежуточной ступени между гением и талантом (т. IX, с. 526—531). Впоследствии от этого определения отказался и Добролюбов (см. об этом: *Соловьев Г.* В борьбе за «партию народа» в литературе. — ВЛ, 1963, № 9. с. 98—99). Высказывалось предположение, что комментируемые слова — отзвук спора между Некрасовым и Белинским о Тютчеве. о месте и роли поэзии в обществе (см.: *Скатов Н. Н.* 1) Н. А. Некрасов — литературный критик. — В кн.: Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин. Избр. статьи. М., 1982, с. 14; 2) О «двух тайнах» русской поэзии (Некрасов и Тютчев). — В кн.: Скатов Н. Литературные очерки. М., 1985, с.214).

С. 61. *Выбрал же он это заглавие потому, что нужно же какое-нибудь заглавие, а лучшего он не нашел...* — См. об этом выше, с. 316.

С. 61. *...не можем сказать наверное, печатал или нет г. Ф. Т — в где-нибудь свои стихотворения, прежде чем начал издаваться «Современник».* — Первое печатное стихотворение Тютчева «Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду», являющееся вариацией на тему Горация, было опубликовано в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1819, ч. 14). Затем были напечатаны стихотворения «Урания» («Речи и отчеты императорского Московского университета» за 1820 г.) и несколько стихотворений («Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 1). В 1826—1835 гг. стихотворения Тютчева появились в «Телескопе», «Русском зрителе», в альманахах «Урания», «Северная лира», «Галатея», «Денница» и др.

С. 61. *Заключим нашу статью желанием, чтобы стихотворения г. Ф. Т. были изданы отдельно...* — Первое отдельное издание стихотворений Тютчева было осуществлено редакцией «Современника» («Стихотворения Ф. Тютчева». СПб., 1854).

1851

<ИЗ СТАТЬИ «КОМЕТА, УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ...»>

(С. 62)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 5 (ценз. разр. — 30 апр. 1851 г.), отд. III, с. 21—25, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство установлено М. Я. Блинчевской на основании обнаруженного ею свидетельства фольклориста А. Н. Афанасьева сотрудника некрасовского «Современника». В неопубликованном дневнике А. Н. Афанасьева сказано: «...разбор „Идеалиста" в „Современнике" писан Н. А. Некрасовым, приятелем Станкевича» (цит. по: *Блинчевская М. Я.* «Это, увы, современный герой...». Неизвестная статья Некрасова. — ЛГ, 1971, 26 мая, № 22, с. 7). Идейная перекличка и текстуальная связь с другими произведениями

Некрасова, в частности с пародией «Мое разочарование» (1851), опубликованной в этой же книжке «Современника», и поэмой «Саша» (1855), также свидетельствуют в пользу авторства Некрасова (см.: *Лазутин С. Г.* К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша». — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 22—23). Н. Б. Алдонина в статье «„Современник" в борьбе за передовую драматургию. (Об анонимной рецензии на альманах «Комета»)» (в кн.: Жанровое своеобразие русской поэзии и драматургии. Межвуз. сб. Куйбышев, 1981, с. 90—111 (Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та; Т. 256)), не упоминая названные публикации М. Я. Блинчевской и С. Г. Лазутина, стремится доказать, что вся статья о «Комете» может быть атрибутирована одному автору — Некрасову. (Ср.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист (малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989, с. 141). Однако этот тезис не представляется убедительным. Статья, по-видимому, составлена из текстов, написанных разными авторами. Возможно, что Некрасову в ней принадлежит не только разбор «Идеалиста» А. В. Станкевича. Во всяком случае отдельные суждения в письмах и статьях Некрасова (о Тургеневе, Щепкине) перекликаются с аналогичными высказываниями об этих авторах в статье об альманахе «Комета». Однако такой переклички все-таки недостаточно, чтобы приписать всю статью Некрасову.

Изданный Н. С. Щепкиным в Москве в 1851 г. альманах «Комета» был заметным явлением в литературе. В нем публиковались статьи А. Н. Афанасьева, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина; кроме «Идеалиста» Станкевича здесь были напечатаны «Разговор на большой дороге» И. С. Тургенева, «Неожиданный случай», драматургический этюд А. Н. Островского, «Первое апреля, сцены из светской жизни» и «Эпизод из романа» Е. Тур.

Почти все журналы откликнулись на него статьями в отделе «Критика», в которых речь шла и о повести А. В. Станкевича «Идеалист». «Москвитянин» дважды обращался к этому альманаху и этой повести (М, 1851, № 9—10, с. 169—178 — статья Ап. Григорьева; 1851, № 11—12, с. 339—340 — статья «Еще о „Комете"» за подписью: «У»). «Отечественные записки» (1851, № 5, отд. V, с. 10—20) откликнулись статьей, принадлежавшей, по-видимому, А. Д. Галахову (см.: *Егоров Б.* Очерки по истории русской литературной критики середины XIX века. Л., 1973, с. 46). О повести также писал В. П. Гаевский (БдЧ, 1851, т. 107, № 6, отд. V, с. 17—43). Одобрил ее и Ф. В. Булгарин (СП, 1851, 19 мая, № 111, с. 442—443).

С. 62. *Нам особенно приятно было встретить под такою прекрасною повестью имя г. Станкевича...* — А. В. Станкевич (1821—1912) — литератор, младший брат философа и поэта Н. В. Станкевича, близкий знакомый Белинского и Некрасова, впоследствии автор книги «Тимофей Николаевич Грановский. Биографический очерк» (М., 1869), которую Некрасов упоминает в заметке о стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» (см.: наст. изд., т. I, с. 583).

С. 62. *Эти немногочисленные произведения помещены были в разное время в «Современнике» ∾ под ними автор не подписал полной своей фамилии, выставив только первую букву.* — В «Современнике» были опубликованы следующие произведения Станкевича: «Из переписки двух барышень» (1847, № 2, отд. IV, с. 153—

164, подпись: «***») и «Ипохондрик. Письма к приятелю» (1843, № 3, отд. I, с. 26—46, подпись: «А. С—ч»).

С. 63. *Нам кажется, что автор вовсе не понял характера своего героя...* — Аналогичная оценка этой повести дана в письме В. П. Боткина к П. В. Анненкову от 16 апреля 1851 г.: «Повесть Станкевича в „Комете" замечательна по таланту автора, но лицо Левина неопределенно и туманно. Автор не отдал себе ясного отчета в характере этого лица» (П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892, с. 568). Ср. также в указанном выше отзыве Ап. Григорьева: «Везде виден в авторе человек мысливший, живший и глубоко чувствовавший, везде прекрасные цели и нигде артистичности исполнения <...> для него самого еще неясны многие странные черты в его Левине» (с. 176—178). Автор второго отзыва «Москвитянина» также считал, что тип Левина «неясен» (с. 340).

С. 63. *Левин, по нашему мнению, не «идеалист»: с этим словом мы привыкли соединять совсем другое понятие.* — Идеалистами Некрасов считал людей типа Рудина, стоявших в 1840-е гг. «во главе умственного и жизненного движения» (наст. кн., с. 238). Их Некрасов отличал от героев вроде Левина, которых после появления повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850) стали называть лишними людьми. Позже в 1860-е гг., граница между этими понятиями в сознании Некрасова в известной мере стерлась (ср. в «Сценах из лирической комедии „Медвежья охота"» (1866—1867) образ «диалектика обаятельного», «либерала-идеалиста», которого в литературе «прозвали „лишним"», — наст. изд., т. III, с. 17). См. об этом: Гин ПЛК, с. 158—159.

С. 63. *Эти кружки удивительно способны развивать в человеке самолюбие...* — Ср. в романе Некрасова «Тонкий человек» (1853—1855) о кружке, в который входил в молодости «тонкий человек» Грачов: «Этот кружок, между прочим, имеет свойство быстро развивать самолюбие каждого, кто прикоснется к нему...» (наст. изд., т. VIII, с. 302).

С. 63. *Вообще Гамлет Щигровского уезда имеет много общего с Левиным* ∾ *первый дошел до самосознания и «смирился»...* — Реминисценция из повести И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» (С, 1849, № 2, отд. I, с. 275—292). У Тургенева: «...я вам уже сказывал, что я смирился» (Тургенев, Соч., т. IV, с. 293).

С. 63. *Отнимите у Левина богатство, средства к жизни, и тогда вы ясно увидите, что это за человек.* — Ср. у А. И. Герцена в романе «Кто виноват?» (1845—1846) слова доктора Крупова о Бельтове: «Дай вам судьба определенное занятие да отними она у вас Белое поле, вы бы стали работать, положим, для себя, из хлеба, а польза-то вышла бы для других; так-то всё на свете и делается» (т. IV, с. 155). При явной перекличке суждений здесь и существенное отличие: Герцен еще верит, что Бельтовы при определенных обстоятельствах могут работать. Некрасов на «глубокого эгоиста и труса» Левина (аналогичный тип) уже никаких надежд не возлагает.

С. 64. *Любовь эта* ∾ *более находилась в голове «бесстрастного созерцателя», чем в сердце.* — Ср. в поэме Некрасова «Саша» (1855) об Агарине:

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

(наст изд., т. IV, с. 25)

«Бесстрастный созерцатель» — перефразированная цитата из повести Станкевича «Идеалист», в которой Левин назывался «наблюдателем и созерцателем», «бесстрастным холодным идеалистом» (с. 522, 609).

С. 64. *Сны, в которых орлы адресуют к Левину полные пророческого значения речи...* — Этой деталью сюжета повести Станкевича, обратившей на себя внимание и других критиков (ОЗ, 1851, № 5, отд. V, с. 14, 18; М, 1851, № 9—10, с. 176—178), Некрасов впоследствии воспользовался для характеристики Агарина в поэме «Саша», где, однако, она приобрела ироническую окраску:

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,
Словно пророчил великую долю...

(наст. изд., т. IV, с. 20)

В традиции агиографической литературы орел — символ Христа: «Я — орел, который полетом своим указывал тебе дорогу» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 159—160).

С. 64. *«Вдали показался остров ∾ и он услыхал ее мощный призыв».* — Цитируется повесть Станкевича «Идеалист» (с. 609).

С. 65. *Левин — это один из героев нашего времени.* — Ср. об Агарине в поэме «Саша»:

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

(наст. изд., т. IV, с. 24)

С. 65—66. *...грязный и запыленный после долгой дороги, он прямо кидается обниматься с дядей ∾ А приключение на пути к тетке? А штрипка?* — Некрасов пересказывает содержание главы 6 повести Станкевича (с. 553—559).

РАУТ <НА 1851 ГОД>

(С. 66)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 5 (ценз. разр. — 30 апр. 1851 г.), отд. V, с. 1—15, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено М. М. Гином на основании того, что в рецензию включено стихотворение поэта «Мое разочарование» (см.: наст. изд., т. I, с. 80—82, 601—602) — пародия на «Рассказ Лизы» К. К. Павловой, представляющий собой отрывок из ее поэмы «Кадриль». Эта атрибуция отвергнута Н. М. Гайденковым (*Павлова К.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964, с. 580 (Б-ка поэта. Большая сер.)). Приписывая рецензию И. И. Панаеву, Н. М. Гайденков делает это категорично, без какой-либо мотивировки, поэтому его мнение не может служить основанием для пересмотра указанной атрибуции.

Первый альманах под заглавием «Раут» (как и второй и третий выпуски этого издания) отличался обилием авторов, пестро-

той и разнородностью содержания. Уже в первом выпуске наряду с известными писателями (Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев, К. К Павлова. М. Ю. Лермонтов, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, С. П. Шевырев, Е. П. Ростопчина. И. И. Панаев. Н. Ф. Щербина, Ю. В. Жадовская, А. Ф. Вельтман. Н. В. Берг) широко публиковались третьестепенные стихотворцы и прозаики, которых даже не всегда можно было назвать профессиональными литераторами (А. Реймерс, М. Котельников, Н. Арсеньева, В. Головина и др.). Широко здесь представлен и сам Сушков, что не осталось незамеченным Некрасовым. Не случайно, выделив несколько значительных литературных имен, он отметил старомодность альманаха и сосредоточил свое внимание на пародийном анализе произведения К. К. Павловой. Упомянутый отрывок из ее поэмы преподносился как одно из значительных произведений сборника, что подчеркивалось примечанием издателя «Раута»: «Этот отрывок из повести в стихах „Кадриль" не отрывок, а целая поэма, написанная пятистопным хореем, очень редко встречающимся у нас, особенно в полных пиэсах...» (с. 313). Некрасов иронически обыгрывает это примечание (см.: наст. кн., с. 68—69).

К замечаниям Некрасова Павлова вынуждена была прислушаться: по свидетельству Е. Казанович, некоторые строки, подчеркнутые в рецензии, были Павловой «переработаны или исключены вовсе» (*Павлова К.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1939, с. 438).

Хвалебная рецензия на «Рассказ Лизы» была опубликована в «Москвитянине» (1851, т. III, «Критика и библиография», с. 157—158); ответ на нее см.: С, 1851. № 7, отд. VI, с. 42—44.

С. 67. *Мы начнем с Лермонтова. Отрывок из его стихотворения «Моряк» доставлен издателю гг. Павловыми.* — Поэма М. Ю. Лермонтова была напечатана в «Рауте» под заглавием «„Моряк". Отрывок из стихотворения М. Лермонтова» (с. 197—199) и сопровождалась примечанием издателя: «За стихи Лермонтова и следующие за ними стихи Языкова читатели должны благодарить К. К. и Н. Ф. Павловых».

С. 69. *...после поэмы «Двойная жизнь» (1848), которой некогда «Современник» посвятил особую статью в отделе критики...* — См. анонимную статью в «Современнике» (1848, № 3, отд. III, с. 47—60).

С. 69 *В дом была взята я к старой тетке...* — Здесь и далее цитируется «Рассказ Лизы» К. К. Павловой (с. 313—327).

С. 74. *...к нам вошел Новый поэт.* — О Новом поэте см.: наст. кн., с. 307.

С. 74. *...приняв позу, какую обыкновенно принимал при своих импровизациях г. Джустиниани.* — Д Джустиниани (1810—1866) — итальянский поэт и импровизатор, юрист по образованию. С 1840 г. жил в России, в 1851—1859 гг. был лектором Петербургского университета. Автор книги импровизаций «La muse italienne en Russie» (СПб., 1841). Некоторые стихотворения Джустиниани были переведены на русский язык С. П Шевыревым.

С. 74. *И стих и смелое созвучье ∾ Любовь и тишина!* — Строки из стихотворения Нового поэта «Отрывок», включенного в издание: [*Панаев И И.*] Собр. стихотворений Нового поэта. СПб., 1855, с. 37—38. Пародия на стихотворение К. К. Павловой «Три души»

(1845). См.: *Ямпольский И.* Литературная деятельность И. И. Панаева. — Панаев, с. XXV.

С. 77. *Перевод г. Ф. Тютчева из Шиллера «Поминки» был бы очень хорош, если бы мы не имели перевода Жуковского...* — Перевод Тютчева баллады Ф. Шиллера (на сюжет, заимствованный из «Илиады» Гомера) «Праздник победы» впервые опубликован в «Рауте» (с. 103) с примечанием издателя: «Мы имеем два прекрасных перевода этой поэмы: один <А. М.> Мансурова, другой Жуковского под названием „Торжество победителей". Знатоки немецкой литературы удостоверяли нас, что этот новый перевод — самый близкий к подлиннику. „Поминки" случайно попались нам, и мы решились поместить их в нашем „Сборнике" без ведома автора. да уж, видно, такова участь его: князь И. С. Г<агарин> собрал стихотворения Ф. Т<ютчева>, и Пушкин напечатал их в „Современнике"; а Т<ютчев>, живя тогда в Баварии, и не подозревал, что Петербург читает его произведения». Перевод В. А. Жуковского «Торжество победителей» впервые напечатан в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1828, с. 3). См. также: *Прийма Ф. Я.* Некрасов и русская литература. Л., 1987, с. 84—85.

С. 77. *Из поэтов ∾ говорливее всех на Рауте оказались гг. фон Лизандер и Долин.* — А. Долин — псевдоним издателя «Раута» Н. В. Сушкова, его стихи были напечатаны в сборнике в большом количестве и за его подлинной подписью.

С. 77. *Льются всё слезы да льются — сам я не знаю: о чем?* — Цитируется стихотворение фон Лизандера (с. 105).

С. 77. *Не играй мне так ножкой лукаво...* — Здесь и далее цитируются стихи Сушкова (с. 59—60).

С. 77. *...пройдем молчанием стихотворения гг. Зилова, Котельникова, Берга, Миллера и других...* — В «Рауте» были опубликованы три стихотворения А. Зилова («6 декабря 1850 года», «Она», «Сибирский цветок»), стихотворение Ф. Б. Миллера «У няни моей, у старушки...» (см. рецензию на его «Стихотворения. 1841—1848» (М.. 1849) — С, 1849, № 10, отд. III, с. 81—87, анонимный автор), стихотворение М. Котельникова «Падучие звезды», стихотворения Н. В. Берга «Конь (с персидского)», «Из Анакреона». К «другим», по-видимому, относились В. Головина, И. Кушнеров, А. Андреев, Е. Судовщиков.

С. 77. *...не упомянем ни слова и о «Современном ямбе» г. Щербины...* — В рецензии на «Дамский альбом» (1853) Некрасов писал: «...хотя г. Щербина и далеко не оправдал надежд, которые возбудил при своем появлении, в нем всё-таки нельзя отрицать некоторого поэтического таланта» (наст. кн., с. 107). Отдельные стихотворения Н. Ф. Щербины, в том числе и названное здесь, Некрасов не раз расценивал как слабые (ср.: наст. том, кн. I, с. 126; см. также письмо Некрасова к И. С. Тургеневу от середины ноября 1852 г.).

С. 77. *...остановимся на минуту на любопытном стихотворении г. Ф. Глинки ∾ мастерскую Брюллова во время его сна* . — Стихотворение Ф. Н. Глинки сопровождается в «Рауте» примечанием: «Эти стихи написаны наскоро при осмотре мастерской Брюллова, когда он, одержимый тяжкою болезнию, забылся сном, который не хотелось нарушать» (с. 58).

С. 78—79. *«Граф Петр Александрович. 14 ноября ∾ 6 декабря 1773 г. С.-Петербург».* — Некрасов приводит полностью текст спис-

ка, опубликованный в «Рауте», где он сопровождался примечанием издателя: «Это одна из любопытнейших бумаг, доставшихся мне после моего дяди А. В. Храповицкого» (с. 201—205). А. В. Храповицкий (1758—1819), поэт и переводчик, автор сатиры «Разговор уездных дворян о выборах в судьи» (М., 1790).

С. 79. *...лучше всех показался нам отрывок из комедии г Писемского «Ипохондрик».* — Об «Ипохондрике» А. Ф. Писемского Некрасов писал в «Петербургских известиях» (С. 1855, № 10. отд. V, с. 186—194; наст. изд., т. XII).

С. 79. *...о г. Островском вообще говорится в этой же книжке при разборе другого московского сборника — «Комета».* — Анонимный автор рецензии на «Комету» (в которой Некрасову принадлежит разбор повести А. В. Станкевича), оценивая «Неожиданный случай» Островского, опубликованный в этом альманахе, резко критикует и отрывок из «Бедной невесты», напечатанный в «Рауте» (С, 1851, № 5, отд. III, с. 10—21). На отношение критиков «Современника» к Островскому накладывала определенный отпечаток его тогдашняя близость к славянофильски настроенной молодой редакции «Москвитянина» (А. А. Григорьев, Б. Н. Алмазов, Т. И. Филиппов, Е. Н. Эдельсон и др.).

С. 79. *Отрывок г. Рамазанова «Римская натурщица» напоминает нам почему-то повести г. Каменского...* — Скульптор Н. А. Рамазанов (1815—1867) и литератор П. П. Каменский (1810—1870) сотрудничали в издававшейся студентами Академии художеств рукописной «Домашней художественной газете». Некрасов высмеивает высокопарный стиль этих авторов.

С. 80. *«— Как, — говорит художник натурщице ∾ а прямо в сердце...».* — Некрасов с незначительным разночтением цитирует «Римскую натурщицу» Рамазанова (с. 51).

С. 80. *Разве это не похоже, например, на следующий отрывок: «Фатьма! Фатьма! ∾ мои молньи уже потеряли для тебя свою огнепалящую силу ..».* — Возможно, приведенный отрывок — пародия Некрасова на подражателей Бестужева-Марлинского. Ср. пародии «Ермак и Зюлейка», «Итальянские страсти» в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского (1847) (т. I, с. 52—53).

С. 80. *Отрывок из путешествия «Два дня в Байрейте» посвящен весь памяти Жан-Поля Рихтера. Путешественник ∾ и очень сердился на Филарета Шаля...* — Автор очерка «Два дня в Байрейте. (Листки из дорожного дневника)», опубликованного в «Рауте» за подписью «...й», — И. Е. Бецкий (1818—1890), издатель альманаха «Молодик». Имеется в виду следующий отрывок из очерка: «Жан-Поль голову имел большую, широкий прекрасный лоб глаза голубые, волосы темно-русые. Все черты лица и самая поза статуи, как уверяют, схожи с натурою. Он обыкновенно одевался хотя не модным щеголем, но в одежде его видна была провинциальная изысканность. По белому вязаному весьма странной формы жилету вилась гирлянда зеленых кораллов <...> шея открытая à la Hamlet, без галстука, сюртук изношенный и очень короткий (а Филарет Шаль уверяет в своих «Caractères et Paysages», что Жан-Поль носил длинный сюртук, что совсем не согласовалось с модою того времени)...» (с. 245). Ф. Шаль (1798—1873) — французский критик, автор статьи «Очерк литературного характера Жан-Поля», в 1844 г. переведенной на русский язык И. Е. Бецким. См. отзыв В. Г. Белинского об этом переводе в рецензии на «Антологию из Жан-Поля Рихтера» (1844) (т. VIII, с. 233).

С. 80. *Прозаический рассказ г-жи Глинки...* — А. П. Глинка (1795—1863). поэтесса и переводчица, жена поэта Ф. Н. Глинки.

«МОРСКИЕ ВОЙНЫ ВРЕМЕН ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ» Ж.-П.-Э. ЖЮРЬЕНА ДЕ ЛА ГРАВЬЕРА

Части первая и вторая

(С. 80)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 8 (ценз. разр. — 8 авг. 1851 г.), отд. V, с. 23—42, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. XII.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено В. Э. Боградом на основании обнаруженного им в ЦГИА ответа И. И. Панаева от имени редакции «Современника» на запрос канцелярии Петербургского цензурного комитета об авторе комментируемой рецензии. Письмо Панаева датировано 6 сентября 1851 г.: «Имею честь уведомить канцелярию С.-Петербургского цензурного комитета, на запрос оной от 3 сентября 1851 г. за № 650, что вступление к разбору книги „Морские войны времен французской Республики и Империи" (VIII книж<ка> «Совр<еменника>» 1851 г.) писано г. Некрасовым, а остальное взято им все из самой книги, изданной Ученым морским комитетом, без всяких прибавлений» (ПСС, т. XII, с. 454).

Действительно, текст рецензии в основном представляет собой монтаж выписок из рецензируемой книги (цитаты взяты со с. 5, 8—11, 14, 15, 22—23, 27—28, 41, 43, 109, 125, 130—131, 150, 158, 159, 162, 164—165, 199—203, 208, 209, 211—213 первой части книги со с. 40—41. 113, 135—140, 149—150, 151 второй части; приводятся с редкими незначительными разночтениями). Упомянутое Панаевым вступление к рецензии — это ее первый абзац («Благодаря Морскому ученому комитету∾ утвердившей за его отечеством первенство на море»). Некрасову принадлежат также заключительный абзац («Выписки, сделанные нами∾ прекрасному выбору сочинения») и некоторые реплики, предваряющие большие цитаты

В. Э. Боградом был опубликован, кроме того, отзыв чиновника особых поручений В. Кузнецова о комментируемой рецензии: «В этой статье „Современника" меньшая часть заключает в себе замечания рецензента, бо́льшая же часть состоит из выписок означенной книги. В замечаниях рецензента я не нашел ничего, на что бы можно было обратить внимание цензуры. Посему я ограничусь рассмотрением выписок из самого сочинения Жюрьен де ла Гравьера. Желая дать понятие о книге, рецензент счел достаточным представить извлечение из биографии адмирала Нельсона. Кроме военной карьеры этого адмирала, столь прославившей его, описываются два события, бросающие тень на великого человека, именно: любовная связь его с леди Гамильтон и казнь неаполитанского адмирала Караччиоло. Картина безрассудной страсти Нельсона поражает неприятно читателя, но так как автор называет эту страсть преступною и постоянно ее осуждает, то и изображение ее законам нравственности удовлетворяет. Рассказ о казни неапо-

литанского адмирала (на с. 31—34-й) может подать повод к размышлению. Князь Караччиоло изменил своему государству, и когда он был схвачен англичанами, то Нельсон, следуя собственному произволу, приказал повесить его. Автор сильно порицает Нельсона за этот акт военного правосудия, объясняя, что, в усердии своем поддержать законное правительство, английский адмирал дошел в этом случае до фанатизма, употребил во зло свою власть и лишил королевского милосердия старика, которого оно, может быть, пощадило бы. Автор, столь безусловно обвиняя Нельсона за несоблюдение формальностей при казни изменника, конечно, не остался в пределах беспристрастия, заплатив дань предубеждениям своих соотечественников и национальной вражде к счастливым соперникам» (ПСС, т. XII, с. 455).

Некрасов, явно одобряя тенденцию французского автора, в своем монтаже подбирает цитаты так, чтобы, характеризуя карьеру адмирала Г. Нельсона (1758—1805), отметить компрометирующие его факты. Придав особое значение рассказу о жестокой расправе Нельсона над Ф. Караччиоло (1752—1799), республиканским адмиралом и патриотом, Некрасов тем самым выразил, в известной мере, сочувствие к противнику монархии. В. Э. Боград заметил по этому поводу: «Возможно, что Некрасов лишь затем и привел столь обширные выдержки из других глав рецензируемой книги, чтобы отвлечь внимание цензуры от этого рассказа, обличающего дикую и ненужную жестокость защитников самодержавного строя» (ПСС, т. XII, с. 454).

Жан Пьер Эдмон Жюрьен де ла Гравьер (1812—1892) — французский вице-адмирал и морской писатель, академик (первое издание рецензируемой Некрасовым книги: Guerres maritimes sous la République et l'Empire, par<...> E. Jurien de la Gravière. Paris, 1847).

С. 80. *Благодаря Морскому ученому комитету...* — Морской ученый комитет входил в состав Морского министерства, заведовал учебными заведениями Министерства и собирал сведения об успехах и открытиях в области мореходных наук. Упразднен в 1891 г.

С. 90. *Бесчестные казни, последовавшие затем в Неаполе, возбудили негодование всей Европы...* — В книге Жюрьена де ла Гравьера этот фрагмент звучит несколько иначе: «Бесчисленные казни, последовавшие затем в Неаполе, возбудили негодование всей Европы...» (ч. 1, с. 203). Замена определения «бесчисленные» на «бесчестные» в рецензии выглядит не случайной. По-видимому, она связана с отмеченной В. Э. Боградом тенденциозностью подборки цитат и фактов биографии Нельсона. Остальные разночтения в цитатах представляют собой скорее следствие стилистической правки перевода.

1853

«НАГРАДА ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ» А. <О>ВЧИННИКОВА

(С. 98)

Печатается по первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1853, № 12 (ценз. разр. — 30 нояб. 1853 г.), отд. IV, с. 68—70.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова устанавливается на основании свидетельства А. Н. Пыпина, по которому Некрасову в «Современнике» «принадлежали сполна или частично <...> полемические статьи против „Отечественных записок"» (Пыпин, с. 243). Эта атрибуция подтверждается также присутствием иронической скрытой цитаты из рецензируемой книги в письме Некрасова к Тургеневу (см. ниже, с. 334) и близостью характеристики А. М. Овчинникова (1811—1872) и А. Е. Анаевского (1788—1866) к той, которая дана этим авторам в рецензии Некрасова на «Дамский альбом» 1853 г. (см.: наст. кн., с. 105—106; *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист (малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989, с. 159—162).

С. 98. *Учено-литературный журнал «Отечественные записки», в последней книжке которого находится ровно двадцать выходок против «Современника»...* — В ноябрьском номере «Отечественных записок» нападки на «Современник» сосредоточены в фельетоне «Журналистика» (ОЗ, 1853, № 11, отд. V, с. 44—64). Кроме «невнимания» «Современника» к А. Ф. Писемскому фельетонист возмущается отзывами о Писемском в статьях Нового поэта, обвиняя критический отдел «Современника» в том, что его авторы пишут с оглядкой на статьи «Отечественных записок», и иронизируя по поводу похвал «Современнику» со стороны «Северной пчелы».

С. 98. *...разборы какого-нибудь перевода «Фауста» г. Овчинникова или «Жезла правоты» г. Анаевского...* — Книга «Фауст. Полная трагедия Гете, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковым» (Рига, 1851) явилась первой попыткой перевода второй части трагедии И.-В. Гете. «То, что получилось в результате этой работы, — пишет В. М. Жирмунский, — обнаруживает в авторе преждевременного и неудачливого предшественника В. Хлебникова: сочетание архаизмов, фольклорных элементов и новообразований в стиле тех и других создает своеобразный поэтический язык, отличный не только от сглаженного языка 50-х годов, но и от всего вообще известного нам в литературном языке XIX века. Так, у него встречаются такие слова, как например: щалберь, глупиндяй, дошляк, добутуситься, прокукситься, очухать, укурнуть, подсластуля, подсвистуля, хрустье, неубоимка, сотворимка, неглядимка, злобраз, зломордка, каплюга, облыжнорылый, жарынь, перетур, звездня, взмазня, терня, любня, деваха...» (*Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981, с. 426—427).

Приветствие Фалеса Океану в «Вальпургиевой ночи», например, передано в переводе следующим образом:

Какие прелести!.. я возъюнел...
Вдруг усладительно оторопел...
Я совершенство лепоты узрел!
Да! мир живучий порожден водой —
Живет и движется лишь мокротой
И истекает, что воды застой...
Ты, Океан, источнике живой!
Когда б ты облаков не рассылал,
Тяжелых туч водой не раздражал
И топей множество не разжижал,
Когда б ты реки не разводенял —

Да быстрины им не определял,
Нигде бы, о! не капало нам с крыш —
Что был бы мир без Океана?.. шиш!
Ты, синий, всё живишь и всех свежишь.

Эхо (*целым хором*)

Ты, сыне, всё жидишь и всех смешишь.

(Фауст Полная трагедия Гете,
вольнопереданная по-русски
А Овчинниковым, с. 69)

Перевод Овчинникова вызвал множество насмешливых откликов (см., например: ОЗ, 1851, № 11, отд. VI, с. 37—40; С, 1851, № 11, отд. V, с. 13—23, рецензент — В. П. Гаевский). О нем речь идет в сатирическом обозрении Некрасова и Панаева «Литературный маскарад накануне нового (1852) года (Заметки Нового поэта)» (С, 1852, № 1, отд. VI, с. 153—173; наст. изд., т. XII). На глазах у всех литературных героев 1851 г., собранных на фантастический маскарад, «Новый год торжественно возложил лавровый венок на голову Фауста — героя Гете в интерпретации Овчинникова, и поздравил его с литературной победой». «Знаменитый, никогда довольно не восхвалимый Фауст г. Овчинникова из Риги» упоминается также в анонимных рецензиях на книги «Потемкин как казак Войска Запорожского» и «Стихотворения Иосифа Неудачева» (С, 1852, № 1, отд. IV, с. 8—9, 29).

Рецензия неустановленного автора на книгу А. Е. Анаевского «Жезл правоты» (СПб., 1852) напечатана в «Современнике» (1852, № 3, отд. V, с. 43—52).

С. 98. ...*на рецензию „Повестей и рассказов" г. Писемского»...* — Имеется в виду издание: *Писемский А. Ф.* Повести и рассказы: В 3 ч. М., 1853.

С. 98. ...*первый из русских журналов, обративший на г. Писемского внимание публики, был «Современник», напечатавший подробный отзыв о «Тюфяке» месяц спустя после появления этой повести в «Москвитянине».* — Повесть «Тюфяк», открывающая ч. 1 указанных выше «Повестей и рассказов» Писемского, напечатана в «Москвитянине» (1850, т. 57—58, № 19—21, окт.—нояб.). Первым критическим откликом на повесть действительно был весьма доброжелательный отзыв «Современника», принадлежавший А. В. Дружинину, который говорил о ней в письмах XX и XXI из «Писем Иногороднего подписчика в редакцию „Современника" о русской журналистике» (С, 1850, № 11, отд. VI, с. 71; № 12, отд. VI, с. 198—225). Высокая оценка повести содержалась и в статье второй «Обозрения русской литературы за 1850 год», написанной В. П. Гаевским при возможном участии Некрасова (С, 1851, № 2, отд. III, с. 33—74; наст. изд., т. XII).

С. 98. ...*о каждой новой повести г Писемского говорилось в фельетонах «Современника».* — См. отзывы А. В. Дружинина о повести «Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицына. (Брак по страсти)» (С, 1851, № 4, отд. VI, с. 213—216) и Нового поэта (И. И. Панаев и Некрасов) о произведениях «Тюфяк», «Комик», «Сергей Петрович Хазаров...», «Ипохондрик», «Богатый жених», «М-г Батманов» (С, 1851, № 5, отд. VI, с. 54; № 12, отд. VI, с. 153; 1852, № 2, отд. VI, с. 289; 1853, № 1, отд. VI, с. 105, 121). Ср. также: С, 1851, № 5, отд. V, с. 15; наст. кн., с. 79 и С, 1855, № 10, отд V, с. 186—194; наст. изд., т. XII.

С. 99. *Один из любимых русских современных писателей* ∞ *хохотал до упаду.* — Имеется в виду, очевидно, И. С. Тургенев — знаток немецкой литературы и творчества Гете, автор рецензии на книгу «Фауст, трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко» (СПб., 1844), напечатанной в № 2 «Отечественных записок» за 1845 г. (Тургенев, Соч., т. I, с. 214—256). Овчинниковский перевод «Фауста» был темой для шуток в разговорах Некрасова с Тургеневым. Так, в письме к Тургеневу от 16 мая 1852 г. Некрасов, имея в виду предстоящую охоту, замечает: «Жаль только, что теперь вся дичь на гнездах, остались одни закадычные холостяки, как говорит Овчинников». Ср. слова Испитого из овчинниковского перевода «Фауста», относящиеся к неверной жене:

Пославше ест и чивится малатой
В охоту с закадычным холостягой.

(Фауст. Полная трагедия Гете
вольнопереданная по-русски
А Овчинниковым, с. 43)

С. 99. *«Чики-чики, бух-трах — и музыка закипела!..»* — Здесь и далее цитируется «Награда за откровенность» Овчинникова (с. 224—225).

С. 100. *...и пошли небылицы в лицах городить...* — Намек на название одного из водевилей И. Аничкова «Небылицы в лицах» (1849).

ДАМСКИЙ АЛЬБОМ

(С. 100)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 1 (ценз. разр. — 31 дек. 1853 г.), отд. VI, с. 10—12, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено А. Н. Пыпиным на основании связи со статьей «Русские второстепенные поэты» (см.: Пыпин, с. 233), а также свидетельства Некрасова в автобиографической заметке 1877 г. о принадлежности ему стихотворения «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» (ПСС, т. XII, с. 21—22), вошедшего в рецензию. Существенным аргументом в пользу авторства Некрасова следует считать и то обстоятельство, что в рецензии процитировано его стихотворение «Когда из мрака заблужденья...» (1845) в редакции, близкой к опубликованной в «Стихотворениях» 1856 г. и в последующих прижизненных изданиях. В «Дамском альбоме» воспроизведена редакция «Отечественных записок» (1846, № 4) (указано М. Я. Блинчевской). В частности, в «Дамском альбоме» строки 15—18 читаются так:

Я разделял твои мученья,
Я горячо тебя любил,
Но жалкой мыслью отчужденья,
Клянусь, на миг не оскорбил!.. (с. 257)

В комментируемой рецензии вместо этих стихов процитированы следующие:

Мне луч божественный участья
Весь темный путь твой осветил.
Я понял всё, дитя несчастья,
Я всё простил и позабыл!

С небольшим изменением в последней строке («Я всё простил и всё забыл») этот вариант строфы будет воспроизводиться во всех прижизненных изданиях стихотворений Некрасова. Вариант текста из рецензии на «Дамский альбом» не учтен в литературе о Некрасове и в данном издании (см.: наст. изд., т. I, с. 579—580). Косвенно в пользу авторства Некрасова свидетельствует также тот факт, что только это стихотворение в рецензии цитируется без упоминания имени автора, названного в альманахе (см.: ПСС, т. IX, с. 736).

Альманах «Дамский альбом», задуманный как антология русской поэзии, издавался петербургским книгоиздателем К. Кругом в виде книжек карманного формата. Первый выпуск (номера выпусков на сборниках не проставлены) был издан в 1844 г. В предисловии к нему издатель оповещал: «...мы составили для наших прелестных соотечественниц полную русскую анфологию». В. Г. Белинский в рецензии на первый выпуск альбома, приведя обширную цитату из предисловия к нему, писал: «Выбор пьес — верх безвкусия: бо́льшая их часть никуда не годится. <...> „Дамский альбом" только в типографском отношении выше серобумажных изданий в этом роде, а по содержанию, по достоинству выбора он относится к категории песенников, которые выходят у нас ежегодно с искаженными стихотворениями Пушкина, перемешанными с изделиями поэтов пятнадцатого класса» (т. VIII, с. 224—225). Столь же неразборчиво был составлен и второй выпуск, изданный в 1853 г. (ценз. разр. — 12 декабря 1852 г.; на титульном листе: 1854). В нем рядом с крупными поэтами были представлены поэты второстепенные и третьестепенные, что сближало его со сборником «Раут». Некрасов воспользовался выходом этой книги для продолжения разговора о состоянии русской поэзии, начатого в статье «Русские второстепенные поэты» (см.: наст. кн., с. 32—61). Рецензия отличается характерным для Некрасова-критика стилистически-композиционным приемом. В ней создан полушутливый-полуиронический образ «поэта-старожила» (так он назван в отклике на «Антона Ивановича Пошехнина» — см.: наст. кн., с. 113—114), выражающего сожаление, что забыты многие из его собратьев — представителей запоздалого романтизма. Они перечислены в письме, якобы полученном редакцией «Современника», и во включенном в него стихотворении «Мне жаль, что нет теперь поэтов...».

С. 100. *Как грустно полусонной тенью~ За новым племенем брести!* — Процитированы заключительные строки стихотворения Ф. И. Тютчева «Как птичка раннею зарей...» (1836), приведенного в статье Некрасова «Русские второстепенные поэты» (см.: наст. кн., с. 56—57).

С. 101. *...вы сами, господа, вспомните свою молодость: разве не восхищались вы Бенедиктовым...* — К восхищавшимся в молодости В. Г. Бенедиктовым относился и сам Некрасов: этому поэту он подражал в своем первом сборнике «Мечты и звуки» (1840) (см.: наст. изд., т. I, с. 652—655).

С. 101. *...я сам принадлежал к числу маленьких поэтов того счастливого времени..* — Автобиографическое признание: имеется в виду период работы над сборником «Мечты и звуки».

С. 101—102. *Мне жаль, что нет теперь поэтов ∾ Осталась память лишь одна...* — Ср. строфу VIII неоконченной поэмы А. С. Пушкина «Езерский» (1832—1833):

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух...

Некрасов в своем стихотворении «отталкивался» от двух последних пушкинских строк (см. об этом: *Эльзон М Д.* Об источнике стихотворения «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» — Некр. сб., IX, с. 111—112). Первые четыре строки стихотворения Некрасова процитированы с незначительными разночтениями и дополнены новым четверостишием в принадлежащей, по-видимому, М. Л. Михайлову рецензии «Аксель Повесть И. Тегнера. в русском переводе Д. Ознобишина. СПб., 1861» (С, 1861, № 8, отд. II, с. 309—317; см.: Боград Совр., с. 402, 512).

С. 101. *Нет Тимофеевых, Бернетов.* — А. В. Тимофеев (1812—1883) — поэт и беллетрист, его стихотворные «Фантазии» и песни в народном духе пользовались популярностью во второй половине 1830-х гг. «Е. Бернет» — псевдоним поэта А. К. Жуковского (1810—1864).

С. 102. *Что лирой пренебрег Строми ιов ∾ Что умер бедный Якубович...* — С. И. Стромилов (1813—1860; сообщено Б. Л. Бессоновым), А. Печенегов — третьестепенные поэты, печатавшиеся в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества». Л. А. Якубович (1805—1864) — поэт, сотрудник многих журналов и альманахов.

С. 102. *Что дремлет Константин Петрович...* — Константин Петрович — К. П. Масальский (1802—1861). поэт и беллетрист. А. Н. Пыпин писал по поводу этой строки: «Нам припоминается и цензурный вариант в 10-м стихе элегии: вместо „дремлет" было — „запил"» (Пыпин, с. 234). В ПССт 1967 т. I, с. 499 на основании свидетельства Пыпина эта поправка внесена в текст стихотворения. Редколлегии настоящего издания представляется правомерным отметить этот вариант как возможный, само же стихотворение публикуется без изменений названной строки. как это было сделано и А. Н. Пыпиным.

С. 102. *Что нету госпожи Падерной...* — М. Падерная — автор стихотворений, публиковавшихся в «Сыне отечества» и «Библиотеке для чтения».

С. 102. *И Розена барона нет ∾ Не пишет больше Бороздна...* — Е. Ф. Розен (1800—1860) — поэт и драматург; В. И. Туманский (1800—1860) — поэт-лирик; «Трилунный» — псевдоним Д. Ю. Струйского (1806—1856) — поэта, композитора, музыкального критика; И. П. Бороздна (1803—1858) — поэт и беллетрист.

С. 102. *Есть один Новый поэт...* — О Новом поэте см.: наст. кн., с. 11, 74—77 и 307.

С. 102. *Полтора года ждал я ∾ доброго словечка об «Анакреоне», стихотворении г. Майкова...* — Стихотворение А. Н. Майкова «Анакреон» («В день собранья винограда...») было опубликовано в «Современнике» (1852, № 3).

С. 102. *...этот журнал ∾ наполнялся в критическом отделе своем выходками на наш журнал...* — С 1847 г., когда «Современник» начал издаваться под новой редакцией, редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский стал видеть в нем опасного конкурента. На этой почве не раз возникала полемика, особенно острая в конце года — в период подписки. В частности, незадолго до появления комментируемой рецензии, в ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1853 г., Краевский пытался убедить читателей в «постоянной благосклонности» Ф. В. Булгарина к «Современнику», создавая впечатление о близости «Современника» направлению булгаринской «Северной пчелы» (см. об этом: Соб. соч. 1965—1967, т. VII, с. 461). Не осталась без полемического отклика и настоящая рецензия. Отождествляя «поэта-старожила» с автором рецензии на «Дамский альбом», анонимный критик «Отечественных записок» предлагал: «Если угодно, мы можем выписать еще из „Современника" 1854 года <...> обозрение всех возможных стихотворцев, где рецензент вздыхает, зачем в наше время нет Якубовичей, Трилунных и г-жи Падерной...» (ОЗ. 1855, № 8, отд. IV, с. 106). См. также: наст. кн., с. 98, 332.

С. 103. *Неужели этот журнал ∾ порешил ∾ что лучше отдавать отчет любознательной публике о прозаических произведениях гг. Зряховых и Николаевичей...* — Н. И. Зряхов (1782 или 1786 — конец 1840-х гг.) — автор «Битвы русских с кабардинцами, или Прекрасной магометанки, умирающей на гробе своего мужа» (1840: выдержала до 1861 г. 17 изданий), повести «Геройство и любовь, или Замок на берегах Дона» (1845), романа «Дагестанский пленник, или Неумолимый мститель» (1852) и др. (см. о нем: Лубочная книга. М., 1990, с. 13—14); И. Николаевич (псевдоним; наст. имя — И. Н. Меч) — автор рассказов и нравственно-исторических романов («Чигиринский лес», «Жид-островитянин» (оба — 1853) и др.). Некрасов иронизирует по поводу внимания «Отечественных записок» к произведениям незначительных писателей, хотя книги названных авторов встречались здесь насмешливыми отзывами (см., например: ОЗ. 1853, № 6, отд. V, с. 92, 103—104; № 12, отд. V, с. 86).

С. 103. *...на разбор поэмы г-жи Хвощинской употреблено теми же «Отечественными записками» около печатного листа.* — Н. Д. Хвощинская (по мужу Зайончковская; псевдоним — В. Крестовский) (1824—1889) была постоянной сотрудницей «Отечественных записок». Рецензию на ее поэму «Деревенский случай» см.: ОЗ. 1853, № 6, отд. V, с. 108—116.

С. 103. *Эта поэма — «Деревенский случай» ∾ читатели наши найдут отчет о ней в настоящей книжке «Современника».* — Поэма Хвощинской впервые была опубликована в «Пантеоне» (1853, № 1—3), в том же году она вышла отдельным изданием в Петербурге. Рецензия на эту поэму (С, 1854, № 1) предположительно атрибутируется Некрасову (см.: наст. изд., т. XII).

С. 103. *...недавно напечатанный «Алкивиад» г. Майкова...* — Стихотворение А. Н. Майкова «Алкивиад» впервые опубликовано в «Современнике» (1853, № 11, отд. I, с. 5—6).

С. 105. *«Отечественные записки» ∾ рискнули похвалить в «Современнике» роман г. Григоровича «Рыбаки»..* — Роман Д. В. Григоровича «Рыбаки. Простонародная повесть. (Посв. К. Н. Ильиной)» опубликован в «Современнике» в № 3—5 и 9 за 1853 г.; отдельное издание вышло в Петербурге в том же году. Отклик «Оте-

чественных записок» на роман: ОЗ, 1853, № 10, отд. V, с. 109—124.

С. 105. *...есть между ними такие, которые этот журнал всё-таки прошел бы молчанием, где бы они ни были напечатаны...* — Имеются в виду стихи самого Некрасова.

С. 106. *...гг. Стромиловы, Трилунные, Якубовичи, Соколовские...* — О Стромилове, Трилунном, Якубовиче см. выше, с. 336; В. И. Соколовский (1808—1839) — поэт 1830-х гг.

С. 106. *...мы часто бываем лишены удовольствия говорить с публикой о лучших произведениях современных прозаиков. Причину эту понимают наши читатели...* — Речь идет о произведениях писателей, печатавшихся на страницах «Современника».

С. 106. *Не говоря уже о г. Майкове* ∾ *у нас есть г. Фет...* — Здесь и далее называются наиболее значительные поэты, сотрудничавшие в конце 1840-х и в 1850-е гг. в «Современнике» (А. Н. Майков — с 1847 г., А. А. Фет — с марта 1852 г., Я. П. Полонский — с ноября 1851 г.), за творчеством которых Некрасов внимательно следил. В начале 1850-х гг. после успеха «Греческих стихотворений» Н. Ф. Щербины (Одесса, 1850) Некрасов и его привлек к сотрудничеству в журнале (см. письма Некрасова к Щербине от 24 июля 1850 г. и 2 января 1851 г.). Позже связи этих поэтов с «Современником» становятся слабее и в конце концов сходят на нет. См. отзывы Некрасова: о поэзии Фета — «Литературные новости» (наст. изд., т. XII); о поэзии Полонского — «Стихотворения Я. П. Полонского» (наст. кн., с. 135—137; см. также: *Теплинский М. В.* Я. П. Полонский и «Отечественные записки» (письмо Полонского к Г. З. Елисееву). — Некр. сб., IX, с. 136—139); о поэзии Майкова — наст. кн., с. 242—244.

С. 107. *...прекрасное дарование г. А. Жемчужникова, автора «Странной ночи» и «Сумасшедшего».* — Эти драматические произведения А. М. Жемчужникова были опубликованы в «Современнике»: «Странная ночь. Комедия в одном действии, в стихах» (1850, № 2, отд. I, с. 249—282), «Сумасшедший. Комедия в одном действии, в стихах» (1852, № 11, отд. I, с. 29—60).

С. 107. *...хотя г. Щербина и далеко не оправдал надежд* ∾ *и к тому, что он дал нам, и теперь еще прибавляет он иногда произведения, не лишенные достоинств.* — В начале 1850-х гг. Щербина опубликовал в «Современнике» ряд стихотворений: «Дополнение к „Греческим стихотворениям"» (1850, № 8, отд. I, с. 141—146); «Эпилог к „Греческим стихотворениям"», «Счастье» («Благодарю судьбу за бури и борьбы...») (1850, № 9, отд. I, с. 5—6, 43); «Свидание с морем» («Я не прошу покоя у судьбы...») (1851, № 1, отд. I, с. 115—116); «Музам» («Не счастья молю, не покоя...»), «Notturno» (1851, № 3, отд. I, с. 141—142).

С. 107. *...г. Мин, переводчик Дантова «Ада»...* — Д. Е. Мин (1818—1885) — врач, поэт и переводчик. Имеется в виду «Ад Данта. Перевод Д. Е. Мина», опубликованный в «Москвитянине» (1853, т. 2—6, № 6, 7, 10, 12, 14, 16, 19, 21—24); отд. изд.: М., 1855.

С. 107. *...г. Л.,* переводчик двух стихотворений Байрона* ∾ *и автор превосходного стихотворения «Данте в Венеции» («Современник» 1853 г., № III).* — Речь идет о А. В. Дружинине.

С. 107. *...г. Майков написал* ∾ *очень много (и превосходных) стихотворений и пишет комедию.* — Возможно, имеется в виду работа А. Н. Майкова над давним замыслом — лирической драмой «Три смерти», законченной в 1851 г. и опубликованной в «Библио-

теке для чтения» (1857, № 10). В начале 1850-х гг. ее первоначальная редакция, распространявшаяся в списках, воспринималась как протест против тирании. П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту 29 сентября 1851 г. по этому поводу: «Майков написал превосходное стихотворение „Выбор смерти". <...> Это что-то небывалое в новейшей поэзии нашей» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, с. 559). Ср. отзывы современников о стихотворениях Майкова этого периода: *Майков А. Н.* Избр. произведения. Л., 1977, с. 841—846. В декабре 1854 г. драма была разыграна в доме архитектора А. И. Штакеншнейдера (см.: *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 44). О какой комедии идет речь, установить не удалось.

С. 107. *Кроме того, г. Фет совершил труд ∾ он перевел «Оды» Горация (см. «Литературные новости» в этой книжке «Современника»).* — Оды Горация «К Лидии» (книга III, ода IX) и «К ключу Бандузию» (ода XIII) в переводе А. А. Фета были опубликованы в «Современнике» за 1854 г. (№ 1, отд. I, с. 77—78; № 4, отд. I, с. 144). «Литературные новости» — отклик на публикацию, о которой говорит Некрасов, см.: С. 1854, № 1, отд. V, с. 103—105.

С. 108—109. *...вот одно из таких стихотворений, принадлежащее какому-то г. Н. Н. ∾ На камне — роз моих завянувший венок.* — Имеется в виду поэт И. П. Мятлев, автор стихотворения «Розы» (1835), впоследствии процитированного И. С. Тургеневым в стихотворении в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» (1879) (Тургенев. Соч., т. XIII, с. 192—193). Стихотворение Мятлева приводится со следующим разночтением: «... как взор пленяли мой» вместо «...как взор прельщали мой» («Дамский альбом», с. 104—105).

С. 109. *Наткнулись мы в «Дамском альбоме» на два стихотворения г. Бенедиктова.* — Имеются в виду стихотворения В. Г. Бенедиктова «Холодное признание» (1837) и «Та ли это?» (1852).

С. 109. *...«Кровавый разговор Слепой мечты с огнемятежной кровью»...* — Цитата из стихотворения Бенедиктова «Холодное признание» («Дамский альбом», с. 68—69).

С. 109. *Трепетала над тетрадью Гармонических затей...* — Цитата из стихотворения Бенедиктова «Та ли это?» («Дамский альбом», с. 233).

С. 109. *..(а еще не более десяти лет тому назад, вспомните, нужно было доказывать, что они смешны)...* — Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1842), сыгравшая решающую роль в изменении отношения читающей публики к Бенедиктову (т. VI, с. 493—496). Ср. также отзыв Тургенева об этой статье Белинского в «Воспоминаниях о Белинском» (1869) (Тургенев, Соч., т. XIV, с. 23—24).

С. 110. *Большое удовольствие доставило нам ∾ стихотворение г. Баратынского «Послание»...* — Стихотворение Е. А. Баратынского «Признание» (1823), помещенное в «Дамском альбоме» (с. 129—130), ошибочно озаглавлено в нем «Послание».

С. 111. *Зрел ли ты, певец Тиисский ∾ Под свирелью пастушка?* — Первая строфа стихотворения Г. Р. Державина «Русские девушки» (1799), опубликованного в «Дамском альбоме» (с. 3).

С. 111—112. *Когда из мрака заблужденья ∾ Хозяйкой полною войди!* — О разночтении, касающемся строк 15—18 этого на-

печатанного в «Дамском альбоме» стихотворения Некрасова, см. выше, с. 335. Еще одно разночтение: «И в дом мой смело и свободно» вместо «И в дом мой гордо и свободно».

1855

«АНТОН ИВАНЫЧ ПОШЕХНИН» А. УШАКОВА

Части первая — четвертая;

«ЧЕРЕП СВЯТОСЛАВА», «СВЯТКИ» В. МАРКОВА

(С. 113)

Печатается по первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 6 (ценз. разр. — 31 мая, выход в свет — 1 июня 1855 г.), отд. VI, с. 23—28, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с правкой, пометами на полях Некрасова («Корректуру пришлите к г-ну Чернышевскому. Некрасов»; «Библиогр<афия>») и наборщиков, — ИРЛИ, 21.197/CXLУб.20, л. 1—2. Первоначальный набросок «Послания к поэту-старожилу» — ГБЛ (Зап. тетр., № 1).

Авторство Некрасова установлено А. Н. Пыпиным на основании обнаруженного и изученного им автографа (см.: Пыпин, с. 240—241).

Комментируемая рецензия посвящена современной поэзии. По своему содержанию и пафосу она примыкает к статье Некрасова «Русские второстепенные поэты», его рецензиям на «Раут» и «Дамский альбом» (см.: наст. кн., с. 32—61, 66—80, 100—112).

В 1854—1855 гг., после кризиса, пережитого в 1840-е гг., в русской поэзии обозначилось явное оживление. Стали печататься давно молчавшие поэты: Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. К. Толстой, сам Некрасов. Стихотворения публиковались в каждом журнальном номере. Этот процесс имел и свою негативную сторону: в «толстых» журналах и сборниках появлялось немало посредственных стихотворений, против которых направлена рецензия Некрасова.

В рецензии упомянуты авторы именно таких, к тому же стародавних, произведений, отважившиеся опубликовать их в обстановке оживления в поэзии. «Антон Иваныч Пошехнин» — многословный роман в стихах (11 000 строк) А. С. Ушакова, эпигона Пушкина, создавался еще в 1840-е гг., отрывки из него печатались в «Литературной газете» в 1848 г. (см. информацию о нем: П, 1856, № 2, отд. IV, с. 17). Ср. отрицательную анонимную рецензию: ОЗ, 1855, № 6, отд. IV, с. 105—111. В разное время были опубликованы прозаические сочинения Ушакова, печатавшегося под псевдонимом «Н. Скавронский»: «Были и повести» (М., 1838), «Из купеческого быта» (М., 1862), «Очерки Москвы» (М., 1862—1868, вып. 1—3).

Рецензируемые Некрасовым произведения В. Н. Маркова относятся к еще более раннему времени. Первое издание сатиры «Святки, или Нынешний свет» появилось в 1818 г., второе — в 1821; книга, о которой идет речь в рецензии, представляет собой

третье, переработанное издание. Дума «Череп Святослава» — подражание К. Ф. Рылееву, создавалась, по-видимому, в 1820-х гг. Ср. другой иронический отзыв о ней: «Великолепное издание! Дума самая мрачная: ни зги не видно» (ОЗ, 1855, № 6, отд. IV, с. 47—48).

Рецензия Некрасова вызвала полемические отклики. Явно извращая ее смысл, критик «Библиотеки для чтения» писал: «Стихи мало-помалу подействуют и на прозу, но подействуют здоровым образом. Пусть Новый поэт продолжает пародии свои на поэтов серьезных: пусть пишет он посильные рифмованные послания к поэту-старожилу; пусть издевается над поэтом-мещанином, „пробующим различных пегасов", и вспоминает, ради тяжкой рифмы, имена господ Шарша и Печенегова, которых мы решительно не помним. <...>Пусть „Современник" покровительствует, как он наивно выразился в июньской книжке своей (стр. 25), только стихотворениям *известных авторов* или *решительно* хорошим: ему одному остаться в ущербе» (БдЧ, 1855, № 7, отд. VI, с. 10—11). Фельетонист «С.-Петербургских ведомостей», цитируя эту рецензию, утверждал, что «„Современник" не следует сам тому, что проповедует», ибо печатает плохие стихи (СПбВ, 1855, 5 июля, № 145).

С. 113. *...напечатанный в нашем журнале полтора года тому назад «Плач»...* — Имеется в виду стихотворение Некрасова «Мне жаль, что нет теперь поэтов...», написанное от имени вымышленного «поэта-старожила» и включенное в его рецензию на «Дамский альбом» (см.: наст. кн., с. 101—102).

С. 114. *Послание к поэту-старожилу ∾ И отзовется Печенегов!..* — Пародийное стихотворение Некрасова. Ср. у А. С. Пушкина в стихотворении «Мордвинову» (1827): «В крылах отяжелев, он небо забывал...» (см. об этом: *Чуковский К.* Мастерство Некрасова. Изд. 4-е. М., 1962, с. 43). Стихотворение «Мордвинову» приведено в приписываемом Некрасову «Post scriptum'е» к первой статье Н. Г. Чернышевского о Пушкине (см.: наст. изд., т. XII).

С. 114. *Нам музу новую свою Представил автор «Арлекина»...* — Речь идет об А. Н. Майкове, авторе поэмы «Арлекин» (С, 1855, № 1) и стихотворения «Коляска» (1854; при жизни не печаталось), воспринимавшихся современниками как верноподданнические. Некрасов высмеял их в «Послании к М. Н. Лонгинову» (1854):

> А Майков Аполлон, с гнилой своей улыбкой,
> На днях оподлился — конечно, не ошибкой...
>
> (наст. изд., т. I, с. 430)

Ср. также приписываемую Некрасову эпиграмму «На Майкова» (1855; там же, с. 458), эпиграммы Н. Ф. Щербины «Он Булгарин в „Арлекине"...», «Он в „Арлекине" воспевал Нам Третье отделенье...» (1854?; *Щербина Н. Ф.* Избр. произведения. Л., 1970, с. 267) и более поздние пародии Н. А. Добролюбова «Неаполитанские стихотворения (написанные на австрийском языке Яковом Хамом)» (1860). См. также анонимную рецензию на стихотворение «Арлекин» в «Отечественных записках» (1855, № 2, отд. IV, с. 119). Отвечая своим критикам, Майков утверждал, что он осмеял в поэме «Арлекин» не «начала» революции, а «спекуляторов на эти начала» (см.: *Майков А. Н.* Избр. произведения. Л., 1977, с. 859).

С. 114. *Природу нам воспел, — Щербина!* — Имеются в виду стихотворения Щербины из цикла «Песни о природе», публиковавшиеся в 1850—1855 гг. в различных журналах, преимущественно в «Отечественных записках» (1855. № 1).

С. 114. *Никитин, мещанин-поэт, Различных пробует Пегасов...* — Поэта И. С. Никитина (1824—1861) не раз упрекали в критике 1850-х гг. за эклектизм и подражательность. Ср. рецензию Чернышевского «Стихотворения Ивана Никитина» (С, 1856. № 4; Чернышевский, т. III, с. 495—501), отзывы «Москвитянина» (1856, т. 1, кн. 2, с. 311), «Отечественных записок» (1855, № 8, с. 117) и более позднюю рецензию Добролюбова «Стихотворения Ивана Никитина» (С, 1860, № 4; Добролюбов, т. VI, с. 155—178). См. также: *Гин М. М.* Отзыв Некрасова о Никитине. — Некр. сб., IX, с. 118—121.

С. 114. *Ленивый даже Огарев — И тот пустил в печать отрывок...* — Редко печатавшийся Н. П. Огарев в № 12 «Отечественных записок» за 1854 г. (с. 213—214) опубликовал стихотворение «Отрывок из письма».

С. 114. *Стахович нам поет коров И вкус густых и свежих сливок.* — М. А. Стахович (1819—1858) — поэт и беллетрист, переводчик, собиратель произведений народного творчества, близкий к молодой редакции «Москвитянина»; сотрудничал и в «Современнике». Имеются в виду его сцены из народного быта «Ночное» (М., 1855).

С. 114. *Проснулись Солоницын, Греков ∾ И отзовется Печенегов!..* — Н. П. Греков (1810—1866) — поэт и переводчик, сотрудничавший в «Современнике». Некрасов относился к его творчеству критически. В письме к И. С. Тургеневу от 25 ноября 1850 г. он писал: «Напиши Панаеву, что не один я бешусь, зачем он пачкает „Современник" стишонками Гербеля и Грекова». Н. Шарш — поэт, печатавшийся в 1842—1844 гг. в «Маяке». О Печенегове см.: наст. кн., с. 336.

С. 115—116. *...после полуторагодового опыта придется возвратиться к печальному, но верному заключению ∾ точно так же никакая благосклонность к стихам не создает даровитых поэтов!* — Возможно, имеется в виду аналогичный обзор современной поэзии, предпринятый Некрасовым почти полтора года назад в рецензии на «Дамский альбом» (см.: наст. кн., с. 100—112).

С. 116. *...можем перейти к трем стихотворным произведениям, которыми подарила нас Москва.* — Некрасовым допущена неточность: в Москве издан только «Антон Иваныч Пошехнин», книги В. Н. Маркова напечатаны в Вильно, и об этом говорится в самой рецензии.

С. 116. *Мною избранный герой ∾ Но не для славы, для карьера...* — Цитата из поэмы А. С. Ушакова (ч. 1, с. 12—13).

С. 117. *Как красно солнышко весь мир живит и греет ∾ И знать, когда и где и как принарядиться!..* — Цитата из «Святок» Маркова (с. 12).

С. 117. *...читатель сам видит, «куда метнул» автор...* — «Куда метнул» — слова Городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836): «О, тонкая штука! Эк, куда метнул!» (д. 2, явл. 8). Ср. в стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин» (1856) (реплика Поэта): «А! знаю: „Вишь куда метнул!"» (наст. изд., т. II, с. 6).

С. 117. *...отнесет его к людям тонким.* — Ср. ироническое заглавие романа Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» (С, 1855, № 1; наст. изд., т. VII, с. 434—467, 613).

С. 117. *Я зрел его (Святослава) — он дик и мрачен ∾ Был войлок, зелень луговая...* — Цитата из «Черепа Святослава» Маркова (с. 8).

«РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХ ОХОТАХ» С. АКСАКОВА

(С. 118)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 6 (ценз. разр. — 31 мая, выход в свет — 1 июня 1855 г.), отд. IV, с. 55—64, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с довольно значительной правкой, пометами Некрасова («Поместить в № 6 или 7. Некр<асов>»; «Библиогр<афия>»), его указаниями наборщикам относительно цитат («NB. Набирай статью о соловьях. боргезом № 1»; «№ 2. NB. Наб<ирай> „Первый слух' и пр.»: «Счастливый случай № 3»: «Наб<ирай от> Z до Z»; «Набирай от Z до Z, № 4»), — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 40.

Охотничьи книги С. Т. Аксакова пользовались большим успехом в 1850-х гг. О предыдущей его книге — «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (М., 1852) — Некрасов писал И. С. Тургеневу 16 мая 1852 г.: «Мы с Масловым перечитываем здесь книгу Аксакова, и я в новом от нее восхищении». Этой книге были посвящены две рецензии Тургенева: «О „Записках ружейного охотника" С. Т. Аксакова» (С, 1852, № 4) и «„Записки ружейного охотника Оренбургской губернии" С. А—ва. (Письмо к одному из издателей «Современника»)» (С, 1853, № 1) (см.: Тургенев. Соч., т. V, с. 397—422; изд. 2-е, т. IV, с. 500—522). Вторая рецензия была написана по настоятельной просьбе Некрасова (см. об этом: Тургенев. Соч., т. V, с. 407). В «Современнике» комментируемой рецензии предшествовали высокие оценки опубликованных в «Москвитянине» (1854, т. 1 и 5) отдельных очерков из книги «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (см.: С, 1854, № 12, отд. V, с. 59—60; ср.: С, 1854, № 1, отд. V, с. 74—75). Один из этих очерков, «Охота с ястребом за перепелками», вызвал восторженный отзыв Н. Г. Чернышевского, который писал в статье «Журналистика» (ОЗ, 1854, № 4): «Что за мастерство описаний, что за любовь к описываемому и какое знание жизни птиц! Г-н Аксаков обессмертил их своими рассказами!» (т. XVI, с. 25). Ср. оценку этого же рассказа Тургеневым в письме к С. Т. Аксакову от 10 (22) февраля 1854 г.: «Это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым Вы один владеете» (Тургенев. Письма, т. II. с. 216).

С. 118. *Превосходная книга С. Т. Аксакова ∾ в короткое время достигла второго издания...* — Второе издание книги Аксакова. «с несколькими новыми заметками», — М., 1856.

С. 118. *...«написать и напечатать все ∾ некогда горячо занимался».* — Цитата из предисловия к книге Аксакова (с. 5).

С. 118—121. *О соловьях ∾ Ив. Тургенев».* — Некрасов цитирует очерк Тургенева из книги Аксакова (с. 179—191) с небольшими разночтениями: «сделав колено» вместо «сделал колено»; «подмешивать» вместо «подвешивать».

С. 122. *«Первый слух о лешем пустил в народ ∾ не имеют голоса».* — Цитата из книги Аксакова (с. 196—199).

С. 123—124. *Счастливый случай ∾ одним из самых счастливейших».* — Цитируется полностью очерк из книги Аксакова (с. 203—213).

С. 125. *Необыкновенный случай ∾ этим происшествием».* — Цитируется полностью очерк из книги Аксакова (с. 223—225).

С. 125. *...мы не коснулись главного в ней — рассказов о разных охотах, которым посвящено двенадцать глав.* — В состав книги Аксакова входило четырнадцать самостоятельных очерков.

«ШАМИЛЬ В ПАРИЖЕ И ШАМИЛЬ ПОБЛИЖЕ» Е. ВЕРДЕРЕВСКОГО И Н. ДУНКЕЛЬ-ВЕЛЛИНГА

(С. 126)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 6 (ценз. разр. — 31 мая, выход в свет — 1 июня 1855 г.), отд. IV, с. 64—65, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с правкой и указанием Некрасова наборщикам относительно цитаты («NB. Наб<рать> боргезом № 5»), — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 40.

Авторство Некрасова впервые установлено А. Я. Максимовичем на основании автографа (см.: ЛН, т. 49—50, с. 290). Как рецензия, принадлежащая Некрасову, опубликована А. М. Гаркави: Некр. сб., III, с. 270—271. Комментируемая рецензия соотносится с «Заметками о журналах за март 1856 года», где подробно анализируется повесть Е. А. Вердеревского «Плен у Шамиля» (ОЗ, 1856, № 3), оцененная Некрасовым в целом положительно (см.: наст. кн., с. 247—248).

Шамиль (ок. 1798—1871) — глава государства мюридов в Дагестане и Чечне (1834—1859). В борьбе народов Северного Кавказа против колонизаторской политики царизма и местных феодалов Шамиль прославился своей храбростью, искусством, с каким он вел войну в горах. Все это создало ему популярность не только в России, но и на Западе (см.: *Руновский А.* Шамиль. Биогр. очерк. (Посвящается победителю Шамиля). — Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис. Б. г.; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 7. Тифлис, 1873).

Рецензируемая брошюра, в которой Шамиль изображался как предводитель кавказских дикарей, первоначально печаталась в газете «Кавказ» (1854, 4, 8, 11, 15, 18, 22 декабря, № 95—100). Е. А. Вердеревский, поэт и журналист, был в 1850-х гг. редактором этой газеты, Н. Дункель-Веллинг — сотрудником. Кроме повести «Плен у Шамиля» Вердеревскому принадлежат поэтические сборники «Октавы» (вып. 1—2. СПб., 1847; см. рецензии В. Н. Майкова — С, 1847, № 9, и анонимного автора — С, 1847, № 10) и «Сти-

хотворения первой молодости. Песни. Думы. Послания» (М., 1857, см. рецензию Н. А. Добролюбова — С, 1857, № 11, Добролюбов, т. I, с. 295—299).

Данная рецензия не отражает отношения Некрасова к Шамилю, в котором поэт видел «человека бесспорно замечательного» (наст. кн., с. 247), хотя и не склонен был его идеализировать. В рецензии цитируется текст брошюры (с. 1—2).

С. 126. *В Париже однажды давалась драма, в которой Петр Великий является в чалме с пером и в бархатном халате с галунами.* — О какой драме идет речь, не установлено.

С. 126. *Шамиль занял место между политипажами французской «Иллюстрации»...* — Ср. в рецензируемой брошюре: «Перед нами страница французской „Иллюстрации" («L'Illustration journal universel»), та самая страница, на которой прекрасный политипаж изображает витязя, одетого кольчугой, препоясанного мечом древней рыцарской формы и увенчанного остроконечным шлемом» (с. 3). «L'Illustration journal universel» — французская газета, основанная в Париже в 1843 г.

С. 126. *Шамиль одраматизирован для сцены одного из парижских театров...* — Французская пьеса о Шамиле неизвестна. В России ему посвящена стихотворная драма «Ночь перед свадьбой» В. А. Соллогуба (напечатана в издававшемся Вердеревским альманахе «Зурна» (Тифлис. 1855); см. о ней рецензию Н. Г. Чернышевского (С, 1855, № 7; Чернышевский, т. II, с. 718—719)). О Шамиле — герое пьес и стихотворений см. также: Искра, 1859, № 40, с. 403—404, 426; № 47, с. 469.

С. 126. *...о Шамиле написаны большие и многоумные диссертации в лучших французских учено-литературных журналах.* — Первый раздел рецензируемой брошюры представляет собой обзор отзывов французской прессы о Шамиле. Ср. также: *Sollogub W. A.* Le Caucase dans la question d'Orient. Réponse aux biographes parisiens de Schamyl. St.-Pétersbourg, 1855.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ, ИЛИ ТАКОВЫ РУССКИЕ

(С. 127)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 8 (ценз. разр. — 31 июля, выход в свет — 20 авг. 1855 г.), отд. IV, с. 33—41, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с довольно значительной правкой и указаниями Некрасова наборщикам относительно цитат («Набирай из „Илиады". Песнь 20-я, 2 часть, 2-го издания, стих 395, от слов: „...Ахиллес Демолеона там же" — и далее до стиха *включительно*: „Черная; внутренность к чреву <руками> прижал он поникший". Затем поставить две строки точек и набирать песнь 20, стих 490 (страница 246), от стиха „Словно как страшный..." и проч. до стиха „Храбрый Пелид..."»; «Песнь 21 (стр. 256) начиная со стиха 179-го: „...налетел и мечом у надменного душу исторгнул" — до слов (стих 185-й): „Споритъ с сынами!" <...> — т. е. после этих двух слов поставить две строки точек и набирать со следующей страницы — песнь 21, стих 200 (стр. 257): „Рек, <и> из брега стремнистого вырвал..." и проч. — до стиха включительно: „Почечный тук обрывая и жадно его по-

…ирая”»; «Песнь 21 (стр. 251), стих 64: „...<тот> подходил полумертвый” — до стиха включительно: „После ты продал меня”. После этого стиха поставить две строки точек и набирай до следующей страницы: песнь 21 (стр. 252—253) — стих 90-й: „Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом” включительно»; «Набирай: часть 1-я (стр. 184) — песнь VI, стих 393-й: „Он (Гектор) приближался уже...” — и далее всё сплошь до стиха 496 включительно: „Часто назад озираяся, слезы ручьем проливая”»; «См. часть II-ю, песнь 24 (стр. 361), стих 480: „...если муж преступлением” и проч. — набирай сплошь до стиха 256 включительно: „боги одни беспечальны...”»), — ИРЛИ, 21.196.CXLУб.20, л. 1—3.

Комментируемая рецензия связана с осадой Севастополя в период Крымской войны. Она отражает патриотические настроения поэта, собиравшегося отправиться на театр военных действий (см. об этом в его письме к И. С. Тургеневу от 30 июня—1 июля 1855 г.). В качестве редактора «Современника» он усиленно хлопотал о разрешении перепечатывать из «Русского инвалида» военные известия (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50-е гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, с. 321—322). Августовская книжка «Современника» за 1855 г., где опубликована настоящая рецензия, была первой книжкой, содержавшей отдел «Военные известия». В этом же номере «Современника» были опубликованы «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года», в которых уделено внимание статье Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе» (М, 1855, № 9) (см.: наст. кн., с. 156—162). Ощущение грандиозности совершающихся событий. осмысление их в ряду «великих зрелищ, мировых судеб» (ср. стихотворение «14 июля 1854 года», 1854; «Внимая ужасам войны...», 1855; поэма «Тишина», 1857) обусловило повышенный интерес Некрасова к «Илиаде» и усиленное цитирование ее в рецензии. Ср. свидетельство В. П. Боткина в письме А. В. Дружинину от 27 июня 1855 г.: «Иногда вспоминаю Вас, читая Некрасову „Илиаду”» (XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, с. 481).

С. 127. *Тот темный именем и не блистающий талантом автор ∾ над несколькими страницами плохих виршей...* — Имеется в виду И. И. Башмаков (ум. в 1865), который под псевдонимом «Иван Ваненко» в 1830—1840 гг. выпустил ряд лубочных книжек для народа. Он был знаком с Некрасовым (см. его письмо к Некрасову от 12 марта 1840 г. (ЛН, г. 51—52, с. 109) и письмо Некрасова к Н. Х. Кетчеру от 13 января 1847 г.). В годы Крымской войны издал несколько верноподданнических брошюр: «Святая Русь и враги ее» (М., 1855) «Обхождение русских с врагами, подвиг донских казаков на Черном море 2-го ноября 1854 года» (М., 1855) и др. «Осада Севастополя, или Таковы русские» — одна из подобных брошюр, содержание которой составляют несколько стихотворений этого автора. Брошюра была встречена критикой с одобрением (см., например, рецензию на нее: ОЗ, 1855, № 3. отд. IV, с. 37).

С. 128. *..Ахиллес Демолеона там же...* — Здесь и далее «Илиада» цитируется по изданию: *Гомер.* Илиада. Пер. с греч. в стихах, размером подлинника, Н. Гнедича. 2-е изд. Ч. 1—2. СПб., 1839. Цитируются ч. 2, с. 242, 243, 246, 251, 253, 256, 257; ч. 1, с. 184—188; ч. 2, с. 361, 362.

«СТИХОТВОРЕНИЯ» В. КРАСНИЦКОГО

(С. 133)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 9 (ценз. разр. — 31 авг., выход в свет — 7 сент. 1855 г.), отд. IV, с. 26—28, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с довольно значительной правкой и указанием Некрасова наборщику относительно цитаты («Набирай стих<отворение> „Ранняя весна"»), — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 41.

Вскоре после появления комментируемой рецензии и рецензии «Отечественных записок» (1855, № 9) В. Красницкий опубликовал в «Северной пчеле» «Несколько слов о рецензиях „Отечественных записок" и „Современника" на „Стихотворения" Виктора Красницкого», где заявил, что его не удивило отрицательное отношение этих журналов к сборнику его стихотворений, ибо они «убеждены, что поэзия в наше время анахронизм». «Но, — писал Красницкий, — я никак не ожидал встретить в этих журналах вместо рецензий на мое издание какие-то памфлеты, где подвергаются разбору не стихотворения, а сам их автор, где его личность осыпается насмешками и сарказмами» (СП, 1855, 15 дек., № 276, с. 1461).

С. 134. *Ранняя весна.* — Стихотворение Красницкого цитируется по рецензируемому изданию (с. 16—17).

С. 135. *Орлу случается* ∾ *до облак не подняться».* — Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Орел и куры» (1808). У Крылова: «Орлам случается и ниже кур спускаться».

«ГОВОР ПРОСТОГО НАРОДА» А. МЕСКОВСКОГО

(С. 135)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 9 (ценз. разр. — 31 авг., выход в свет — 7 сент. 1855 г.), отд. IV, с. 28—29, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с правкой, — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 37.

Об А. Месковском, авторе рецензируемой брошюры, сведений найти не удалось.

С. 135. *«Петушинцами» автор называет, собственно, французов.* — Петух — одна из национальных эмблем Франции. Отсюда, видимо, насмешливое наименование, изобретенное Месковским.

С. 135. *А это именно убеждение о французах развивается в книжечке* ∾ *и развивается не без искусства.* — В первоначальной редакции эта фраза заканчивалась явной насмешкой: «...и развивается с искусством, достойным г. Григорьева 1-го и некоторых других драматургов наших» (наст. кн., с. 286).

«СТИХОТВОРЕНИЯ» Я. ПОЛОНСКОГО

(С. 135)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С. 1855, № 10 (ценз. разр. — 30 сент., выход в свет — 6 окт. 1855 г.), отд. IV, с. 31—33, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с правкой и карандашной пометой Некрасова на полях л. 1 («Библ<иография>»), — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 138, л. 1—2.

К моменту появления рецензии Некрасова Я. П. Полонский был уже автором поэтических сборников «Гаммы» (М., 1844), «Стихотворения 1845 года» (Одесса, 1846), «Сазандар» (Тифлис, 1849), писал прозу, статьи и очерки этнографического содержания, драматические произведения («Дареджана Имеретинская», 1852), занимался переводами. Публиковался в журналах и газетах самых разных направлений: «Отечественные записки», «Москвитянин», «Кавказ» и др. В «Современнике» Полонский печатался с 1851 г., наиболее активно — в 1852—1856 гг.: затем в конце 1850-х и в 1860-е гг.

Первый отзыв Некрасова о поэзии Полонского, весьма благожелательный, относился к 1854 г. (см.: наст. кн., с. 107). Комментируемая рецензия написана на итоговый сборник стихотворений Полонского. В ней Некрасов дал высокую оценку особенностей таланта поэта. Одним из первых он отметил такие существенные черты его поэтической индивидуальности, как «любовь к истине, превосходящую всякую другую любовь», «веру в идеал как в нечто возможное и достижимое», «живое понимание благородных стремлений своего времени» (наст. кн., с. 136). Одновременно он говорил о присущей Полонскому половинчатости убеждений: «...если не прямое служение им <стремлениям своего времени>, то по крайней мере уважение и сочувствие к ним...» (там же). Полонский писал по этому поводу М. М. Стасюлевичу в 1872 г.: «Я сам наполовину сочувствую отрицателям, сам не могу освободиться от их влияния — и нахожу, что в том есть своя великая законная причина, обусловившая наше развитие» (Стасюлевич, т. III, с. 499, 500). Особенности литературной позиции Полонского (см. об этом: *Полоцкая Э. А.* Письма Я. П. Полонского к И. С. Тургеневу. — ЛН, т. 73, кн. 2. с. 195—211) побудили Некрасова высказать критическое отношение к «теории служения „искусству как искусству"» (наст. кн., с. 136).

Суждения Некрасова о творчестве Полонского (в том числе его раздумья о назначении поэзии, личности художника), высказанные в рецензии, в известной мере перекликались с более поздними оценками этого поэта И. С. Тургеневым (см.: Письмо к редактору <«С.-Петербургских ведомостей»>, 1870, 3 янв., № 8: Тургенев, Соч., т. XV, с. 157—159).

Своей рецензией Некрасов стремился поддержать Полонского, так как сборник его стихотворений 1855 г. вызвал в печати разноречивые отклики. Многие журналы видели в поэте мягкого лирика, далекого от злобы дня (см.: ОЗ, 1855, № 11, отд. IV, с. 1—7; РВ, 1856, февр., кн. 2, «Современная летопись» с. 214—219; БдЧ, 1856, № 5, отд. V, с. 35—39). Критик «С.-Петербургских ведомо-

стей» не отрицал таланта Полонского, но считал, что «вдохновение его слишком мелко, преимущественно же страдает у него мысль» (1855, 8 окт., № 219, с. 1149—1150). Сдержанно-снисходительно отозвался о книге Полонского К. А. Полевой (СП, 1855, 31 окт., № 239, с. 1263—1246). Критик О. Колядин (А. И. Рыжов) отметил в поэте «теплоту общественного чувства», противопоставив его в этом отношении Некрасову (БдЧ, 1856, № 1, отд. VI, с. 9).

Как оказалось позже, разные точки зрения прозвучали даже на страницах одного журнала, в частности в «Современнике». В своей рецензии Некрасов упоминает о намерении редакции посвятить стихотворениям Полонского особую статью. В следующей ноябрьской книжке «Современника» действительно была опубликована большая статья А. В. Дружинина об этом же сборнике Полонского, в которой, рассматривая Полонского как «скромного, но честного деятеля пушкинского направления», критик советует ему отказаться от «дидактики в новом вкусе» (С, 1855, № 11, отд. III, с. 1—20). По наблюдению М. Я. Блинчевской, к моменту, когда писалась рецензия, Некрасову уже было известно содержание статьи Дружинина; не исключена возможность, что Некрасов заранее полемизировал с ней (см.: *Блинчевская М. Я.* Некрасов и молодой Чернышевский (по страницам «Заметок о журналах» 1855 года). — РЛ, 1972, № 3, с. 107).

С. 136. *В наше время писателю ∾ недостаточно одного таланта...* — Ср. у В. Г. Белинского: «Для успеха в поэзии теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире: он уже гражданин царства современной ему действительности; всё прошедшее должно жить в нем. Общество хочет в нем видеть уже не потешника, но представителя своей духовной, идеальной жизни...» (т. VI, с. 9).

С. 136. *Мы намерены посвятить этим стихотворениям особую статью...* — См. выше.

С. 137. *...талант г. Полонского как поэта был признан уже давно ∾ тем замечательным русским критиком...* — Речь идет о Белинском. Однако содержание отзыва Белинского о Полонском не соответствует этому утверждению. В статье «Русская литература в 1844 году», например, Белинский говорил о «чистом элементе поэзии» в стихах Полонского, но отметил и недостаток в них «направления и идей» (т. VIII, с. 474. 485; т. IX, с. 598—600). Очевидно, Некрасов, как и многие его современники, приписывал Белинскому рецензию на первый сборник Полонского «Гаммы» (ОЗ, 1844, № 10, отд. VI, с. 37—45), автором которой был не Белинский, а П. Н. Кудрявцев. Сам Полонский вспоминал по этому поводу: «...и теперь еще думают и печатают, что статья обо мне принадлежала перу Белинского, что это он так благосклонно приветствовал мое вступление на литературное поприще <...> статью обо мне писал вовсе не Белинский, а П. Н. Кудрявцев» (*Полонский Я П* Мои студенческие воспоминания. — Нива. Ежемесячные литературные приложения, 1898, № 12, с. 677).

С. 137. *Недавно нам случилось рассматривать бумаги, оставшиеся после Гоголя.* — Этот эпизод, возможно, относится к июлю 1855 г., когда накануне сдачи в печать «Сочинений Н. В. Гоголя, найденных после его смерти («Похождения Чичикова, или Мертвые души», том второй (5 глав), «Авторская исповедь»)» Некрасов вел переговоры с племянником Гоголя Н. П. Трушковским (гото-

вившим эту книгу) по поводу публикации одной из глав т. 2 «Мертвых душ» в «Современнике» (см. письмо Некрасова к Трушковскому от 16 июля 1855 г.).

С. 137. *В числе стихотворений, выписанных его собственною рукою, мы нашли стихотворение г. Полонского.* ∾*О солнце, солнце! Погоди!* — Текст стихотворения приводится Некрасовым по рецензируемому изданию (с. 58). Гоголь мог пользоваться другой, более ранней редакцией, опубликованной в «Отечественных записках» (1844, № 6, отд. I, с. 336).

«О ЖИЗНИ И ТРУДАХ ДОРДЖИ БАНЗАРОВА» П. САВЕЛЬЕВА

(С. 138)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С. 1855, № 10 (ценз. разр. — 30 сент., выход в свет — 6 окт. 1855 г.), отд. IV, с. 44—47, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с правкой и указаниями Некрасова наборщикам относительно цитат («Набирай из книги корпусом сподряд всё отмеченное красным карандашом, стр. 5, 6, 7»; «Набирай боргезом, стр. 33, 34, 37»; «Стр. 38, боргез), — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 138, л. 2 об. — 3.

Д. Банзаров (ок. 1822—1855) — монголовед, первый бурятский ученый. В 1846 г. окончил Казанский университет; в 1850—1855 гг. — чиновник особых поручений при сибирском генерал-губернаторе в Иркутске; поддерживал знакомство и связи со ссыльными декабристами. Основной труд Банзарова — «Черная магия, или шаманство, у монголов» (1846). Безвременно скончавшийся ученый стал объектом внимания со стороны русской общественности. В консервативных кругах разговор о нем служил поводом для восхваления политики самодержавия в отношении национальных меньшинств. В подобном духе была написана и брошюра археолога-ориенталиста П. И. Савельева (1814—1859). В ней, в частности, сообщалось об исходившей от правительства инициативе подготовки переводчиков-бурят, определившей судьбу Банзарова, о «высочайшем внимании» к отцу Банзарова при известии о зачислении его сына в университет, о присутствии на похоронах Банзарова сибирского генерал-губернатора и его канцелярии. Подчеркивая прежде всего эти факты, рецензент «Москвитянина», например, писал в полном соответствии с официальной точкой зрения: «Кроме ученого своего значения, Банзаров замечателен и потому, что представляет собою живой пример благодетельного влияния России на подвластных ей инородцев. <...>А укажите мне в Англии просвещенных ею индейцев или в Париже — ученых алжирцев» (М, 1855, № 19—20, кн. 1 и 2, отд. I, с. 162). В противоположность ему Некрасов, пересказывая брошюру Савельева, тщательно обходит все детали, послужившие основанием для подобных выводов, и уделяет особое внимание трагической участи замечательного ученого. Ср. аналогичную по тону рецензию анонимного автора в «Отечественных записках» (1855, № 10, отд. IV, с. 89—92).

С. 138. «*В последних числах февраля 1855 г. скончался...* — Здесь и далее цитируется брошюра Савельева (с. 5, 7, 33, 37, 38).

С. 138. *...тайша селенгинских бурятских родов...* — Тайша — старшина.

С. 139. *...«колоссальная фигура хамбо-ламы и находившиеся при нем простые ламы...* — Имеются в виду высшее духовное лицо у буддистов-ламаитов (тибето-монгольская форма буддизма) и рядовые монахи-священники.

С. 140. *Вспомним резкий пример — Лермонтова. ∾ до сей поры в литературе не раздалось слова о нем...* — Первые попытки осмысления творчества М. Ю. Лермонтова начались с выходом в свет его «Стихотворений» (1840) и «Героя нашего времени» (1840). В 1840-е гг. наиболее значительными явились статьи В. Г. Белинского о Лермонтове (см.: т. IV, с. 145—147, 173, 175, 193—270, 371—378, 479—547; т. V, с. 451—456; т. VII, с. 33—38). До конца 1850-х гг. изучение Лермонтова опиралось на неполные собрания сочинений, не дававшие представления о его творческой эволюции. Подлинная причина смерти поэта замалчивалась, а творческий облик его искажался (см. об этом: *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964. с. 380—459).

С. 140. *...сочинения его издаются так, как непростительно издавать и сочинения Федота Кузмичева ∾ (третье) издание (в 2-х книгах) превосходит внутренним безобразием всё, что можно вообразить.* — Некрасов имеет в виду «Стихотворения Лермонтова» (ч. 1—4. СПб., 1842—1844; изданы И. И. Глазуновым) и «Сочинения Лермонтова» (т. 1—2. СПб., 1847; изданы А. Ф. Смирдиным). Он отметил особенную неряшливость издания: Сочинения Лермонтова, т. 1—2. Изд. 3-е. СПб., 1852; несовершенным было и издание: Сочинения Лермонтова, ч. 1—2. СПб., 1856 (оба также выпущены Глазуновым). Издания Глазунова носили коммерческий характер. Тексты публиковались в них произвольно, с цензурными искажениями. Первая попытка издать критически выверенное собрание сочинений Лермонтова принадлежала С. С. Дудышкину: Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. С портретом поэта, гравированным проф. Ф. Иорданом и двумя снимками с почерка Лермонтова, т. 1—2. СПб., 1863. О Федоте Кузмичеве и изданиях его сочинений см.: ЛГ, 1842. 9 авг., № 31; 1843. 10 окт., № 40; наст. том, кн. 1. с. 13, 81.

С. 140. *Мы со временем поговорим об этом издании подробнее.* — Намерение Некрасова написать о третьем издании «Сочинений» Лермонтова не было осуществлено. О ч. 1—3 издания 1842—1844 г. см.: наст. том, кн. 1, с. 142—145.

О НОВОИЗОБРЕТЕННОМ СПОСОБЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИЗВЕСТИ ИЗ СВЕКЛОСАХАРНЫХ СЫРОПОВ ПОСРЕДСТВОМ СТЕАРИНОВОЙ КИСЛОТЫ

(С. 141)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 10 (ценз. разр. — 30 сент., выход в свет — 6 окт. 1855 г.), отд. IV, с. 78, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Беловой автограф (одновременно наборная рукопись), с довольно значительной правкой и пометой Некрасова («Библиогр<афия>»), — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 39.

С. 141. *«Желающие иметь руководство это ∾ за каждый экземпляр по одному рублю серебром».* — Цитируется рецензируемая брошюра (написано на обложке).

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ

1855—1856

«Заметки о журналах...» писались с июля 1855 по май 1856 г., в самый интенсивный период критической деятельности Некрасова.

Традиция жанра журнальных обозрений восходила к В. Г. Белинскому. После его смерти обзоры текущей литературы в конце 1840—начале 1850-х гг. вели в «Современнике» А. В. Дружинин («Письма Иногороднего подписчика...») и И. И. Панаев («Заметки и размышления Нового поэта о русской журналистике»). Однако в отличие от Белинского эти авторы предпочитали легкую фельетонную манеру изложения. Некрасов, поставив своей целью возродить традиции обозрения, каким оно было при Белинском, задумал единый цикл журнальных обзоров, в которых он предполагал высказаться по важнейшим общественно-литературным вопросам времени (см.: *Скатов Н. Н.* Н. А. Некрасов — литературный критик. — В кн.: Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин. Избр. статьи. М., 1982, с. 16—17; *Крупышев А. М.* Литературно-критическая программа Н. А. Некрасова в «Заметках о журналах». — В кн.: Некрасовские традиции в истории русской и советской литературы. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 75. Ярославль, 1985, с. 29—36).

В осуществлении этого замысла принимали участие В. П. Боткин и Н. Г. Чернышевский. Так, над «Заметками о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов работал вместе с Боткиным, над «Заметками о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» — вместе с Боткиным и Чернышевским; «Заметки о журналах за апрель 1856 года» и «Заметки о журналах за май 1856 года» писались при участии Чернышевского.

Вопросы атрибуции решаются на основании следующих данных.

1. Свидетельство Некрасова в записи его сестры А. А. Буткевич: «Я писал одно время „Заметки о журналах" (в 1855 или 1854 и <18>56 год<ах>). Эти статейки можно отличить, потому что я их, для отличия от других, начинал словами „Читатель..."» (ПСС, т. XII, с. 24). Ср. запись (правда, неточную) в составлявшемся самим Некрасовым списке его прозаических произведений: «Журн<альные> заметки 1856 (семь статеек)» (ГПБ, М. 5766.6. л. 4).

2. Сведения об авторстве Чернышевского, имеющие своим источником работу, которая была проделана его сыном М. Н. Чернышевским по наборным рукописям и корректурным листам журнала «Современник» (см.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.,

т. II, III. СПб., 1906; ср. также списки статей Чернышевского, составленные им самим: Чернышевский, т. XVI (доп.), с. 636—646, 745—749. и, кроме того: Боград Совр.. с. 39—42).

3. Сведения об авторстве Боткина, извлекаемые из переписки Некрасова с Боткиным (см. ниже, в комментариях к отдельным статьям).

Во всех конкретных случаях авторство отдельных эпизодов, частей журнальных обозрений, написанных Боткиным или Чернышевским, отмечается в комментариях, а в настоящей книге публикуется только собственно некрасовский текст. Исключение представляют «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года», в которых воспроизводится и текст, принадлежащий Боткину (с соответствующей оговоркой), поскольку он был написан в значительной мере в соответствии с замыслом Некрасова и подвергнут им существенной правке.

Полагая возможным, таким образом, опубликовать эту статью в основном корпусе тома, редколлегия издания признает всю сложность и спорность вопроса об авторстве «Заметок о журналах за июль месяц 1855 года». Основанием такого решения служит текстологический анализ найденной А. Я. Максимовичем в 1946 г. рукописи, часть которой написана рукой Некрасова, а часть — рукой Боткина. Обе части возникли в результате совместного обсуждения. Часть рукописи, написанная Боткиным, перебелена. По-видимому, ей предшествовал не дошедший до нас черновой автограф, в котором была значительная правка Некрасова (ср.: *Блинчевская М. Я.* Некрасов и молодой Чернышевский. — РЛ, 1972, № 3, с. 103—104). Здесь звучит явно некрасовская мысль: «Нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все они существуют для общества...» (наст. кн., с. 151); ср. аналогичное высказывание в письме Некрасова к В. П. Боткину от 16 сентября 1855 г.: «Станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и, наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству».

Настоящему изданию предшествовала публикация цикла «Заметки о журналах...» А. Я. Максимовичем, включившим в него девять статей (обзоры за июль, сентябрь, октябрь, ноябрь 1855 г., за декабрь 1855 и январь 1856 г., за февраль, март, апрель, май 1856 г. — см.: *Максимович А. Я.* Заметки о журналах, несобранный литературно-критический цикл Некрасова. — ЛН, т. 49—50, с. 225—232). Отрывок из обзора за май 1856 г. — отзыв о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» — был приписан Максимовичем Некрасову вслед за А. Н. Пыпиным (Пыпин, с. 232). Максимович не учел свидетельства Чернышевского, который писал Некрасову по этому поводу: «Львов (который написал разбор «Чиновника» соллогубовского...)» (Чернышевский, т. XIV, с. 341). Речь идет о начинающем тогда писателе Н. М. Львове (1821—1872). Ср. также библиографическую справку, опубликованную в «Русском художественном листке» (издававшемся В. Ф. Тиммом): «Первым из написанных его <Н. М. Львова> произведений была статья „Несколько слов о комедии «Чиновник» (из «Записок чиновника»)" помещенная в „Современнике" за июнь 1856 г.» (1858, 1 марта, № 7). В «Заметках о журналах за май 1856 года» Некрасову могло принадлежать лишь вводное замечание. Редколлегия настоящего издания в соответствии с признаком, указанным Некрасовым (тексты, начинающиеся словом «Читатель...»), считает возможным включить этот фрагмент в данную книгу. В остальной части статьи, написан-

ной Львовым и Чернышевским (разбор материалов журнала «Русская беседа»), участие Некрасова могло быть только редакторским. В ПСС, т. IX небольшая вводная часть из последнего обзора в «Заметки о журналах...» не вошла.

Цикл журнальных обозрений открывается «Заметками о журналах за июль месяц 1855 года», в известной мере определившими характер и направление последующих «Заметок о журналах...» Некрасова.

1855

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ИЮЛЬ МЕСЯЦ 1855 ГОДА

(С. 141)

Печатается по тексту первой публикации с восстановлением цензурных исключений по наборной рукописи.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 8 (ценз. разр. — 31 июля, выход в свет — 20 авг. 1855 г.), отд. V, с. 258—276, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Собр. соч. 1930, т. III.

Наборная рукопись, совместный автограф Некрасова и В. П. Боткина (рукой Некрасова: «Читатель, вопреки вашим постоянным фельетонистам ∾ Итак, хороших стихов нет в „Отечественных записках"»; «В двух последних книжках „Москвитянина" (8 и 9) ∾ горячо любящим свою литературу и еще более свое отечество...»; рукой Боткина: «Лучшая статья в этом нумере „Отечественных записок" принадлежит г. Кудрявцеву. ∾ поздравить русскую публику с новым женским талантом»), — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 38 (первые два листа отсутствуют).

В тексте, написанном рукой Боткина, правка почти отсутствует. Некрасовская часть рукописи содержит довольно значительную правку, пометы Некрасова, обращенные к наборщикам («Ставить „ у каждой строки», «Здесь конец выписки, окончание фельетона будет прислано завтра», «Вставка», «После вставки», «Окончание пришлю завтра. Некрасов», «Смотри на особом листке — поместить в текст»), и ряд его указаний наборщикам относительно цитат: «Набирай с печатного, стр. 86, 87, 88», «Набирай с печ<атного>, № 9, стр. 103 и 104». Указания эти касаются изложения содержания очерка Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе» (М, 1855, № 9, отд. I, с. 69—128), представляющего собой монтаж цитат с очень незначительной правкой Некрасова (см. об этом: *Гин М. М.* Статья Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе» и «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасова. — Некр. сб., IX, с. 117—118). Правка, очевидно, производилась Некрасовым непосредственно в тексте «Москвитянина».

В письме Некрасова к Боткину от 1 сентября 1855 г. содержится упоминание о цензурных изъятиях из эпизода о «Дневнике чиновника» С. П. Жихарева: «Милейший Боткин, вероятно, тебя рассердила вымарка о Жихареве в нашем фельетоне...». Эти цензурные пропуски в наст. кн. восстанавливаются по рукописи (см., например, с. 152, строки 3—17). Изъят цензурой был также текст о «необходимости», побуждающей помещать в журналах слабые

и посредственные статьи (с. 146; см. об этом: *Егоров Б.* Н. А. Некрасов и В. П. Боткин. (Новые материалы). — ВЛ. 1964. № 9, с. 252—253).

Значение этой и последующих статей Некрасова из цикла «Заметок о журналах...» заключалось в том, что здесь впервые после мрачного семилетия 1848—1855 гг. был поставлен вопрос о состоянии и задачах русской литературы и литературной критики в новых условиях общественного подъема. «Заметки о журналах...» положили начало большой дискуссии на эти темы, в которой приняли участие крупнейшие органы русской журналистики тех лет (см.: ОЗ, 1855, № 10, отд. IV, с. 104—107, анонимный автор, по-видимому С. С. Дудышкин; СПбВ, 1855, 20 сент., № 204, с. 1070—1071; 1856 26 янв., № 21, с. 111, автор — В. Р. Зотов; П, 1856, № 2, отд. IV, с. 2, БдЧ, 1856, № 1, отд. VI, с. 1—22, автор — О. Колядин (А. И. Рыжов)).

В критике не раз отмечалась идейная близость комментируемой статьи трактату Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Некоторые (В. Р. Зотов, С. С. Дудышкин) упрекали автора статьи за эту близость. Показателен факт, сообщенный самим Некрасовым в его автобиографической заметке: «Я писал одно время заметки о журналах. <...> Антонов<ич> принял одну за статью Чернышевского — и наделал оттуда выписок, хваля Чернышевского косвенно. Я ему сказал, что статья моя, он свою так и оставил,— не оговорил» (ПСС, т. XII, с. 24). Эти слова некоторое время никак не комментировались. Между тем Некрасов имел в виду статью М. А. Антоновича «Глуповцы в „Русском слове"» из цикла «Литературные мелочи», опубликованную за подписью «Посторонний сатирик» в «Современнике» (1865, № 2, «Современное обозрение», с. 367—386), где обильно цитируются приписываемые Чернышевскому «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» (см.: *Гин М. М.* Современники об идейной близости Некрасова и Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Вып. 5. Саратов, 1968, с. 176—178). То обстоятельство, что Антонович не счел необходимым внести исправления даже после указания Некрасова, весьма знаменательно: видимо, он был убежден, что приведенные им выписки из статьи Некрасова вполне соответствуют взглядам Чернышевского.

С. 142. *...до недавних честных деятелей — славных и обойденных почему-либо славой, сошедших в могилу на наших глазах...* — Речь идет о В. Г. Белинском, имя которого с 1848 по 1856 г. запрещено было упоминать в печати.

С. 142—143. *Кто не встречал теперь в обществе людей ∾ для которых ∾ решены уже все вопросы жизни...* — С этим осуждением общественного индифферентизма («так называемой положительности») перекликаются стихи о «мудрецах» из «стана безвредных» в стихотворении «Поэт и гражданин» (наст. изд., т. II, с. 8—9; см. об этом: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М. 1971, с. 116—119).

С. 143. *...касаясь до всего слегка...* — Измененная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 1, строфа V). У Пушкина:

Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка.

С. 143. *...напомним повесть г. Тургенева «Затишье»...* — Повесть И. С. Тургенева «Затишье» была опубликована в «Современнике» (1854, № 9).

С. 144. *...события ∾ когда гроза и сила их восходит на степень совершающихся, например, ныне)...* — Имеются в виду события Крымской войны 1853—1856 гг.: осада Севастополя, военные действия в Кронштадте и на Кавказе.

С. 144. *...(некоторым также должно пожелать и побольше образования и соответствующего таланту развития сердца и других человеческих сторон)...* — Подобные недостатки Некрасов видел в А. Ф. Писемском (см. его письмо к Тургеневу от 21 октября 1852 г. и к Боткину от 16 сентября 1855 г.). Ср. аналогичное суждение об «удивительно малообразованных сотрудниках русских журналов» в рассказе «Необыкновенный завтрак» (1843) — наст. изд., т. VII, с. 311.

С. 144. *...и да исчезнет навсегда ∾ какая-то сдержанность или, вернее, осторожность, робость, может быть недостаток веры в собственный ум и сердце...* — Ср. отзывы о Тургеневе и Писемском в переписке Некрасова с Боткиным. 24 ноября 1855 г. Некрасов писал Боткину о Тургеневе: «Умница-то он большой, но и ветрогон изрядный, и вывихнут сильно... Вырывая из себя фразерство, он прихватил и неподдельные живые цветы и чуть тоже не вырвал их! Всякий порыв лиризма его пугает, безоглядная преданность чувству для него невозможна. Всё проклятая боязнь расплыться!». 27 ноября 1855 г. Боткин отвечал Некрасову: «...правда всё, что ты пишешь о нашем милейшем младенце <Тургеневе>. Не вошел он еще в собственную колею свою. <...> Мир Ермила <Писемского> — курятник по сравнению с миром Тургенева; но Ермило искренно верит в свой курятник, — и от этого до́ма в нем; а Тургенев живет словно на квартире» (ГМ, 1916, № 9, с. 175).

С. 144. *...очень порадовала нас страничка ∾ по поводу компиляции г. Лукина «Об опеке и попечительстве».* — В. П. Лукин — юрист, автор работ «Опыт практического руководства к производству уголовных следствий и уголовного суда» (1852), «Памятные книги полицейских законов» (1857) и др.

С. 144—145. *«...читатель думает ∾ об обязанностях опекуна ..»* — Цитата из статьи Лукина «Об опеке и попечительстве» (БдЧ, 1855, т. 132, № 7, «Литературная летопись», с. 9—11).

С. 145. *...о них говорят с омерзением, как о пресловутом современном авантюристе на Западе ∾ всего, что есть самого презренного и отталкивающего в XIX столетии.* — Имеется в виду французский император Наполеон III (Луи Бонапарт. 1808—1873), пришедший к власти в результате переворота 2 декабря 1851 г. А. И. Герцен называл его «величайшим бандитом» «новейших веков» (т. X, с. 75).

С. 145. *...тут есть истина поважнее той, что петербургское лето похоже на южную осень...* — Скрытая реминисценция из «Евгения Онегина» (гл. 4, строфа XI) А. С. Пушкина. У Пушкина:

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим.

С. 146. *Учите нас быть лучшими, чем мы есть ∾ встретит в каждом журнальном деятеле человека благородно мыслящего и чувствующего.* — Ср. об этом в стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин» (1855—1856):

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви.

(наст изд., т. II, с. 9)

С. 146. *...три статьи под названием «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений»...* — Речь идет о статьях А. В. Дружинина, опубликованных в «Библиотеке для чтения» (1855. № 3—5).

С. 146. *«Умно, благородно, верно, светло и горячо!»* — Неточная цитата из письма Тургенева к Боткину от 17 июля 1855 г.: «Статью о Пушкине я прочел — с великим наслаждением. Благородно, тепло, дельно и верно» (Тургенев, Письма, т. II, с. 282); ср. прямые упоминания о письме Тургенева в рукописных вариантах статьи (наст. кн., с. 290—291); см. также: *Блинчевская М. Я.* Некрасов и молодой Чернышевский. — РЛ, 1972, № 3, с. 104. Не принимая теории «искусства для искусства» Дружинина, Некрасов солидаризировался с его общей оценкой творчества Пушкина как вечного, непреходящего явления искусства. Некрасов приветствовал присущее Дружинину понимание всеобъемлющей природы пушкинского дарования и мирового значения поэзии Пушкина; Дружинин заговорил об этом значении один из первых, одновременно увидев в поэте воплощение лучших качеств русского национального характера, «русской народности» (см.: *Скатов Н. Н.* А. В. Дружинин — литературный критик. — В кн.: Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983, с. 18—19). В письме к Дружинину от 6 августа 1855 г. Некрасов говорил по этому поводу: «Они <статьи о Пушкине> достойны человека, о котором писаны; они были бы прекрасны и заметны даже и в лучшую эпоху русской критики, чем теперешняя. В них виден не только знаток и мастер дела, но и *благородно* мыслящий человек — качество, столь редкое в теперешних авторах, т. е. в их писаниях. Я ужасно жалел, что эти статьи не попали в „Современник", — они могли бы быть в нем и при статьях Чернышевского, которые перед ними, правда, сильно бы потускнели».

С. 147. *...начало романа «Кандидат в романисты» ∾ без разбору направленным как на то, что действительно смешно, так и на то, что составляет самую живую и светлую сторону русской литературы.* — Имеется в виду памфлет-пародия анонимного автора «Кандидат в романисты и его роман» (БдЧ, 1855, № 7—8). Направленный против писателей «натуральной школы», памфлет высмеивал литературные чтения и современных литераторов — «толпу полударований-полупосредственностей», которые «бросились на мужичину в надежде быть Тургеневыми» (БдЧ, 1855, № 7, с. 48, 57). «Кандидат в романисты и его роман» вызвал критические отзывы в периодике (см.: ОЗ, 1855, № 10, отд. IV, с. 116—117; СПбВ, 1855, 22 дек., № 281, с. 1516).

С. 147. *...роман Диккенса «Тяжелые времена» ∾ и роман Жоржа Санда «Лора» (в «Библиотеке для чтения»).* — Роман Ч. Диккенса «Тяжелые времена» был опубликован в «Современнике» (1855, № 5—8) и в «Библиотеке для чтения» (1855, № 5—7); роман Ж. Санд «Лора» — в «Библиотеке для чтения» (1855, № 6, 7).

С. 147—148. *Роман Диккенса превосходен ∾ и, в тоске неудовлетворенной жажды, создающего прекрасные идеалы...* — О «сандовском» и «диккенсовском» типах романов как о возмож-

ных на русской почве впервые писал Тургенев в статье о романе Евг. Тур «Племянница» (1852) (Тургенев, Соч., т. V, с. 373). Для Некрасова это положение было одним из важных в его литературно-этической программе. Ср. его суждения о нравственном значении личности и творчества Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Т. Н. Грановского (ПСС, т. X, с. 232—233, 254—255, 259).

С. 147. *«Защитники взаимной пользы ∾ и тогда гибель ваша неизбежна!»* — Цитата из романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена» (С, 1855, № 7, отд. I, с. 88).

С. 148. *...еще пламеннее желали бы мы ей романов, какие пишет Теккерей...* — Высокая оценка романов У. М. Теккерея «Английские снобсы» (С, 1852, № 11, 12, прил.) и «Ньюкомы» (С, 1855, № 9—12, прил.; 1856, № 1—8, прил.) содержится в письмах Некрасова к Тургеневу от середины ноября 1852 г. и от 6 (18) декабря 1855 г.

С. 149. *...«Лора» напомнит ему впечатления и порывы юности, к которой всегда сладко перенестись мыслию!* — Ср. с отзывом Некрасова о повестях Тургенева «Фауст», «Яков Пасынков», «Три встречи» в письме к Тургеневу от 26 марта (7 апреля) 1857 г.: «... прошу тебя — перечти „Три встречи", — уйди в себя, в свою молодость, в любовь, в неопределенные и прекрасные по своему безумию порывы юности, в эту тоску без тоски — и напиши что-нибудь этим тоном. Ты сам не знаешь, какие звуки польются, когда раз удастся прикоснуться к этим струнам сердца, столько жившего, как твое, любовью, страданием и всякой идеальностью».

С. 149. *...в VII нумере «Библиотеки для чтения» есть стихи, но между ними нет замечательных.* — В рецензируемой июльской книжке «Библиотеки для чтения» за 1855 г. были опубликованы три стихотворения Л. А. Мея: «Слепец», «К Вакху» и «К девушке» (отд. I, с. 1—8, 45) — и два стихотворения М. Л. Михайлова: «Песня» («Убаюкай, родная, больную меня...») и «Из Корана» («Из рода в род твой глас идет...») (отд. I, с. 46).

С. 149. *Когда среди толпы ∾ души чистосердечной...* — Сокращенная цитата из стихотворения И. П. Волковой (ум. 1901) (ОЗ, 1855, № 7, с. 1).

С. 149. *Г. Гербелю мы не имеем ничего заметить по поводу его стихотворения «Прохожий»...* — Н. В. Гербель (1827—1883) — поэт-переводчик, издатель-редактор, библиограф. Печатался в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Современнике». Оригинальные стихотворения Гербеля немногочисленны. Некрасов ценил его переводческую и издательскую деятельность.

С. 149. *...г. же Никитину мы скажем, что не всякое происшествие хорошо для рассказа ∾ о лице, избранном им в заглавие стихотворения.* — Отзыв о стихотворении И. С. Никитина «Бурлак» дает возможность понять, какое большое значение придавал Некрасов подлинной художественности, особенно когда речь шла о показе народной жизни. В этой же книжке «Отечественных записок» опубликовано пейзажное стихотворение Никитина «Утро» (отд. I, с. 3—4), которое, судя по отсутствию упоминаний о нем в статье Некрасова, также, очевидно, не удовлетворило его.

С. 149. *...разгуляют их тоску Волги-матушки синие волны?* — Перефразированные заключительные строки стихотворения Никитина «Бурлак» (ОЗ, 1855, № 7, отд. I, с. 72).

С. 150—155. *Лучшая статья в этом нумере «Отечественных*

записок» ∾ поздравить русскую публику с новым женским талантом. — Эта часть «Заметок о журналах...» написана Боткиным (см. выше, с. 353, а также: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984, с. 172—178).

С. 150. *Лучшая статья в этом нумере «Отечественных записок» принадлежит г. Кудрявцеву.∾первая статья его о Данте ∾ далеко уступает второй.* — П. Н. Кудрявцев (1816—1858) — русский писатель, историк, общественный деятель, профессор Московского университета. Имеются в виду его статьи «Дант, его век и жизнь» (ОЗ, 1855, № 5, 7; 1856, № 3), в которых изображено детство и юность Данте, дан очерк литературы и политической истории Италии XIII в.

С. 150. *...о борьбе гвельфов с гибеллинами.* — Гвельфы — политическая партия в Италии XII—XIII вв., отстаивавшая интересы демократических слоев общества; гибеллины — аристократическая партия сторонников императорской власти.

С. 150. *Вот эту-то любовь к просвещению русских читателей, к популярному разъяснению им результатов, выработанных наукою, мы желали бы видеть в ученых статьях...* — Исходя из просветительских задач, редакция «Современника» стремилась, как было сказано в одном из объявлений об издании журнала, «сообщать более живости самому отделу науки, помещая в нем только такие статьи, которые с общедоступностью содержания соединяли бы легкость изложения» (ПСС, т. XII, с. 140). На этой почве возникла полемика между «Современником» и «Отечественными записками», сторонниками «серьезных» ученых статей. В одной из статей «Отечественных записок» утверждалось, что в «Современнике» «науки пишутся как повести, комедии — как водевили, критика — как смесь» (1850, № 10, отд. VI, с. 295). См. ответ Некрасова на эти нападки (ПСС, т. XII, с. 146—155). Несомненный отзвук этой же полемики находим в стихотворении Некрасова «Деловой разговор» (1851), где Подписчик заявляет Журналисту (редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому): «...„Науки" Так пишутся у вас, что просто вон из рук!» (наст. изд., т. I, с. 86). Ср. также пародию «Отечественных записок» «Сон для тех, кто рассказывает сны» (1853, № 12, отд. VI, с. 121—122).

С. 151. *Нет науки для науки, нет искусства для искусства ∾ для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни...* — Это высказывание, содержащееся в части статьи, написанной Боткиным, принадлежит, по-видимому, Некрасову (см. выше, с. 353). Ср. у Чернышевского: «„Искусство для искусства" — мысль такая же странная в наше время, как „богатство для богатства", „наука для науки" и т. д. Все человеческие дела должны служить на пользу человеку, если хотят быть не пустым и праздным занятием» (т. II, с. 271). Близость к идеям Чернышевского в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года» отмечалась и в статье «Странное мнение о современной русской литературе» (анонимного автора, по-видимому С. С. Дудышкина), опубликованной в «Отечественных записках»: «...в них <«Заметках о журналах...»> видны застарелое убеждение, заранее заданная самому себе мысль, к которой насильно подводятся все литературные явления; видна, наконец, другая, практическая сторона известной теории „Эстетических отношений искусства к действительности", усыновленной критикой „Современника" в разборе этой брошюры. Там доказывалось теоретически,

что искусство не имеет другой цели, кроме подражания, утилитарности; здесь говорится, что на практике литература оказывается мелка и ничтожна» (1855, № 10, отд. IV, с. 105).

С. 151. *«Нет, если ты небес избранник ∾ И мы послушаем тебя...»* — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

С. 151. *Эта вторая статья г. Кудрявцева о Данте ∾ извлечение из недавно вышедших лекций покойного Фориеля о Данте...* — О том, что статьи П. Н. Кудрявцева о Данте носят характер извлечений, не раз открыто говорилось в их тексте. Это, однако, не спасло их от упрека в компилятивности (см.: *Григорьев Ап.* Замечания об отношении современной критики к искусству. — М, 1855, т. IV, № 13. 14; *Григорьев Ап.* Полн. собр. соч., т. I. Пгр., 1918, с. 264—265). Основной источник второй статьи Кудрявцева о Данте — монография известного французского историка-медиевиста и филолога К.-Ш. Фориэля (1772—1844) «Dante et les origines de la littérature italienne» (t. 1—2. Paris, 1854), опубликованная посмертно.

С. 152. *...вот впечатление, какое произвел на нас «Дневник чиновника»...* — «Дневник чиновника» (ОЗ, 1855, № 7) — вторая часть большой книги мемуаров сенатора С. П. Жихарева (1787—1860) «Записки современника». Отзыв Некрасова о «Дневнике» по цензурным причинам был опубликован в «Современнике» не полностью. «Несмотря на цензорское смягчение, — писал Некрасов Боткину 1 сентября 1855 г., — Жихарев всё-таки пришел в ярость и прислал Панаеву письмо, объявив, что не желает уж дать нам обещанной статьи. Черт с ней! Вот что значит говорить правду! Жих<арев> грозит еще напечатать ответ; хорошо бы! Можно бы тогда эту старую шельму поднять на смех!». В появившемся вскоре «Письме к редактору „Современника"» Жихарев обвинил официального редактора журнала И. И. Панаева в двуличии: «...имея такое невыгодное мнение о болтовне моей. Вы неоднократно превозносили ее мне в глаза» — и потребовал объявить в «Современнике», «что возвещенная вами без моего согласия статья „Бал и домашний спектакль у Г. Р. Державина", принадлежащая к Дневнику, по требованию моему напечатана не будет» (СПбВ, 1855, 6 сент., № 194).

Некрасов предложил Боткину ответить Жихареву. Боткин 22 сентября 1855 г. писал Некрасову: «... скажу тебе, что я вовсе не смыслю в полемике, и тем более в насмешке. Но, на всякий случай, посылаю тебе то, что я набросал. Состряпай из этого что тебе вздумается; а не годится — брось. Нельзя ли воспользоваться тем, что тогда было выброшено цензурой. У тебя это, вероятно, осталось в корректуре» (ГМ, 1916, № 10, с. 97). Действительно, к письму Боткина был приложен его набросок-проект полемики с Жихаревым (ИРЛИ. 21125. CXLУб. 15; см. также: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма, с. 292). Проведенное А. Я. Максимовичем сопоставление его с печатным текстом ответа Жихареву в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» показало, что Некрасов не воспользовался присланным ему наброском (см.: ПСС, т. IX, с. 751).

С. 153. *«На литературном вечере у А. С. Шишкова ∾ и усвоивать их нашей словесности!"»* — Цитата из «Дневника» С. П. Жихарева (ОЗ, 1855, № 7, с. 128—129).

С. 153. ...*пословица в драматической форме, соч<инение> г-жи Ольги Н*, под названием «Ум придет — пора пройдет».* — Ольга Н* — псевдоним писательницы С. В. Энгельгардт (1824—1894). Другая ее пословица «Не так живи, как хочется, а так, как бог велит» была опубликована в «Современнике» (1854, № 12). Отзыв «Современника» вызвал у автора обиду. «На днях, к великому удивлению моему, — сообщал Боткин Некрасову 3 сентября 1855 г., — получил я письмо от Ольги Н., написанное и сочиненное, кажется, с великим старанием — и по-французски. Она, между прочим, говорит, что Панаев „очень окритиковал ее пословицу" — и что тон его критики заставляет ее опасаться — заплатит ли ей „Современник" деньги... Но представь мой ужас, когда, пожаловавшись на отзыв Панаева (!), она вдруг просит меня сказать ей мое мнение о ее пословице, прибавляя, что она оканчивает еще одну пословицу — и что это любимый род ее. Я решительно стал в тупик. Всего досаднее то, что Ольга Н. очень милая, добрейшая женщина, без претензий особенных. Как-нибудь отделаюсь, — а ты ответь мне, будешь ли к ней писать или нет» (ГМ, 1916, № 9, с. 173). Некрасов 9 сентября ответил: «Вместе с этим письмом я написал письмо к Ольге Н. (так и быть, для избежания сплетен решено заплатить ей по 50 р.)». Письмо Некрасова к С. В. Энгельгардт неизвестно. Письмо Боткина позволяет предположить, что отзыв об Ольге Н* написан им.

С. 154. ...*старая истина — для любви нет возрастов.* — Перефразированная строка из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. У Пушкина: «Любви все возрасты покорны» (гл. 8, строфа XXIX).

С. 155. ...*повесть г-жи Нарской «Первое знакомство с светом». ∾ одна газета, обыкновенно не одобряющая ничего печатаемого в «Современнике», отозвалась о ней дурно.*— «Е. Нарская» — псевдоним писательницы Н. П. Шаликовой (1815—1873); в 1855 г. в «Современнике» были опубликованы ее повести «Первое знакомство с светом» (№ 6) и «Всё к лучшему» (№ 12), а также рассказ «Елена» (№ 10). Одна газета — «С.-Петербургские ведомости», где первое из названных произведений было названо «плохой повестью, листов в семь, не имеющей ровно никакого значения и интереса» (см.: *Зотов В. Р.* Русская журналистика. — СПбВ, 1855, 5 июля, № 145, с. 735). Газета выпускалась А. А. Краевским, издателем «Отечественных записок», соперничавших с «Современником». Комментируемый отзыв о Нарской, очевидно, также принадлежит Боткину, что удостоверяется его перепиской с Тургеневым. Ср. письмо Тургенева к Боткину от 9 июля 1855 г., в котором он обратил внимание на эту повесть («Первый женский свежий голос в нашей литературе») и ответ Боткина от 10 июля 1855 г., почти дословно повторенный в комментируемой статье (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. М.—Л., 1930, с. 57, 59—60).

С. 155—156. ...*«пришед ко мне, холопу твоему ∾ и ударил меня по щеке да послал в тюрьму...».* — Цитата из «Челобитной...» приводится с сокращениями (ср.: М, 1855, № 8, с. 119—120).

С. 156. *Почему боярин Сулешев так оскорбился ∾ (по которому, как замечает г. Погодин, виновным оказался битый)?* — Имеется в виду следующее примечание М. П. Погодина к «Челобитной...»: «Это презабавная просьба: Низовцев на христосованье с боярином поцеловал ему руку, вместо того чтоб поцеловать в губы. Тот ударил его по щеке, посадил под стражу, да и нажаловался

еще царю за такое воровство, прося делать следствие о заговоре и умышлении. И интереснее всего, что виноват оказался битый» (М, 1855, № 8, с. 119). Низовцев воздал воеводе царскую почесть: христосуясь, руку целовали царю. Приняв публично, в церкви, такую почесть, тобольский воевода Ю. Я. Сулешев (ок. 1584—1643) мог дать повод к опасному обвинению в противопоставлении себя царю. Этим объясняется резкость его реакции: поступок Низовцева был воспринят как провокационный. О воеводе Ю. Я. Сулешеве см.: *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, с. 265—273.

С. 156. *В 9 нумере «Москвитянина» замечательная статья г. Б. «Десять дней в Севастополе».* — Имеется в виду статья Н. В. Берга (1823—1884) (в одном из вариантов автографа он назван полным именем — см.: наст. кн., с. 297) — поэта и переводчика, близкого к славянофилам, издателя «Песен разных народов» (М., 1854), автора «Записок об осаде Севастополя» (т. I—II. М., 1858). См. отзыв Некрасова о его «Переводах из Мицкевича» (Варшава, 1865) (наст. кн., с. 269—270). Ср. сочувственную рецензию Н. А. Добролюбова на «Записки об осаде Севастополя» (Добролюбов, т. II, с. 407—414). В «Современнике» (1856, № 8, 11) был опубликован очерк Берга «Из крымских заметок».

С. 157. *«Да не могу ли я вам помочь?»* — Здесь и далее цитируется очерк Берга «Десять дней в Севастополе» (М, 1855, № 9, с. 87—89, 92, 93, 95, 104, 115).

С. 159. *Там Пирогов; когда он делает операцию, надо стать на колени».* — Н. И. Пирогов (1810—1881), хирург и анатом; в 1854 г. принимал участие в обороне Севастополя, где проявил себя как выдающийся хирург-клиницист.

С. 160. *...после художественного описания 4-го бастиона в статье Л. Н. Т. «Севастополь в декабре месяце»...* — Имеется в виду очерк Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце», опубликованный в «Современнике» (1855, № 6).

С. 160. *Мина шла у́же и у́же.* — Мина, или минная галерея, — подкоп для взрыва, подземный ход под неприятельские укрепления. При обороне Севастополя подземная война получила широкое применение.

С. 161. *...полетели жужжащие верешки...* — Верешки — осколки, обломки, щепки (диалектное).

С. 162. *«Молоденькими» солдаты называют пули Минье, с чашечками.* — Имеется в виду пуля, предложенная французским офицером К.-Э. Минье (1814—1879) и после Крымской войны принятая на вооружение в русской армии.

С. 162. *Затем — мы откланиваемся вам, читатель! Надолго? — Навсегда, быть может.* — Перефразированная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 8, строфа XLIII) А. С. Пушкина. У Пушкина:

И здесь героя моего
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда...

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА СЕНТЯБРЬ 1855 ГОДА
(С. 162)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 10 (ценз. разр. — 30 сент., выход в свет — 6 окт. 1855 г.), отд. V, с. 165—185, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС. т. IX.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено И. Н. Розановым (см.: Печать и революция, 1928, № 1, с. 47), опубликовавшим письмо Некрасова к В. П. Боткину от 24 сентября 1855 г.: «Теперь 10 № будет отличный. Некогда мне писать — я оканчиваю фельетон. Но о Писемском ни слова: отложил до тебя — вместе напишем дельный отзыв». Ср. в комментируемой статье: «...но как мы имеем намерение вскоре говорить подробно о г. Писемском, то и отлагаем суждение о ней <«Плотничьей артели»> до того времени» (наст. кн., с. 169). Намерение это выполнено не было (см. ниже, с. 365). Статья, по-видимому, написана одним Некрасовым. Она тесно связана с предыдущей статьей и содержит большое количество ссылок на нее, например: «Читатель, нынешний раз вы будете иметь дело с автором, который беседовал с вами о журналах в VIII книжке „Современника"» (наст. кн., с. 162).

С. 163. *...в «Накатове», в повести «Новый год», в «Свистулькине»...* — Речь идет о произведениях Д. В. Григоровича из народной жизни: «Накатов» (1849), «Зимний вечер (повесть на Новый год)» (1853), «Похождения Свистулькина» (1855).

С. 163. *...тот беззаботный, добродушный смех, который, по словам Гоголя, «как бы излетает из светлой природы человека».* — Неточная цитата из «Театрального разъезда после представления новой комедии» (1842) Н. В. Гоголя, где Автор пиесы утверждает, что в его комедии «одно честное, благородное лицо» — смех, «тот смех, который весь излетает из светлой природы человека...» (Гоголь, т. V, с. 169).

С. 163. *Читатели ∾ в авторе «Школы гостеприимства» полюбят веселого, беззаботного рассказчика ∾ Есть, впрочем, черта в новом рассказе г. Григоровича, которая может произвесть неприятное впечатление ∾ в какой степени можно вносить свои антипатии в литературные произведения?* — Повесть «Школа гостеприимства» (1855) возникла из фарса, созданного группой писателей (В. П. Боткин, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин) во время гощения у И. С. Тургенева летом 1855 г. в Спасском. Переделывая фарс в повесть, Григорович вывел в последней в малопривлекательном виде Н. Г. Чернышевского (в образе господина Чернушкина). Угадывались в ней и портреты других сотрудников «Современника». Историю повести см.: *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Кн. 1. Пятидесятые годы. Л., 1928, с. 201—204. В известной мере повесть Григоровича «Школа гостеприимства» явилась предвестником неизбежного раскола дружеского круга «Современника».

С. 163. *...чье «слово» не побледнеет перед личностью Петра?* — Некрасов, так же как В. Г. Белинский и А. И. Герцен, преклонялся перед личностью Петра. Ср. в поэме «Несчастные» (1856):

...тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра.

(наст. изд., т. IV, с. 44)

Об отношении Некрасова к Петру I см.: *Лебедев Ю. В.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1850-х годов. Ярославль, 1971, с. 86—90; *Розанова Л. А.* Исторические взгляды Некрасова, отражение их в творчестве (к постановке вопроса). — О Некр., I, с. 17—18.

С. 164. *Раз, заметив захолустье ∾ Через сотню — чудеса!* — Здесь и далее цитируется стихотворение В. Г. Бенедиктова «Малое слово о Великом» (БдЧ, 1855, № 9, отд. I, с. 10, 2, 6—7, 4, 1, курсив Некрасова).

С. 164. *На берегу пустынных волн ∾ И запируем на просторе!* — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). Цитируя, Некрасов допускает неточность: у Пушкина «бедный челн», а не «утлый»; «Природой здесь нам суждено», а не «Судьбою здесь нам суждено» («Вступление», строфа 1, строка 4; строфа 2, строка 5).

С. 166. *И в тот век лишь взор попятишь ∾ Отзывается Петром...* — Некрасов цитирует неточно. У Бенедиктова: «Откликается Петром...» (с 10).

С. 166. *Мы не распространились бы так о новом стихотворении г. Бенедиктова ∾ (что мы несколько раз говорили и теперь повторяем с полным убеждением).* — См. рецензию Некрасова на «Дамский альбом»: наст. кн., с. 101, 109—110, а также «Заметки о журналах за ноябрь 1855 года»: наст. кн., с. 215—216. Об отношении Некрасова к Бенедиктову см.: *Максимов В. Е.* Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908, с. 72—78; *Шимкевич К.* Бенедиктов, Некрасов, Фет.— В кн.: Поэтика, вып. 5. Л., 1929, с. 105—134; *Прийма Ф. Я.* В. Г. Бенедиктов.— В кн.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983, с. 34—37.

С. 167. *Я люблю тебя во всем ∾ Казачка и трепака.* — Цитата из стихотворения Бенедиктова «К отечеству и врагам его (1855 год)» (БдЧ, 1855, № 8, с. 119—120). Название стихотворения у Некрасова передано неточно.

С. 167. *В пирогах, в ухе стерляжей ∾ мы их сочинили, увлекшись примером поэта.* — Это пародийное четверостишие, прибавленное Некрасовым к стихотворению Бенедиктова, вызвало полемические ответы «Библиотеки для чтения» (см.: наст. кн., с. 206) и самого Бенедиктова (см. об этом: *Мельгунов Б. В.* Из поэтического наследия Бенедиктова. — РЛ, 1982, № 3, с. 169; *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения, с. 745). В 1859 г. была опубликована пародия Д. Д. Минаева на это же стихотворение Бенедиктова (см.: *Минаев Д. Д.* Собр. стихотворений. Л., 1947, с. 3 и 411).

С. 167—168. *Выражать любовь свою к отчизне любовью к трепаку или к няне и к ботвинье ∾ теперь уже слишком несвоевременно. ∾ Дело, очевидно, не в трепаке!* — Ср. критику Некрасовым шаблонных сюжетов псевдопатриотических пьес Н. А. Полевого в рецензии на «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого» (1842) (наст. том, кн. 1, с. 63—64); см. также: *Мостовская Н. Н.* Пародия в прозе Некрасова. — Некр. сб., IX, с. 56.

С. 168. *Любя и квас, и трепака, и очищенную...* — Очищенная — водка, профильтрованная через уголь.

С. 168. *Дарование г. Писемского достаточно известно читателям «Современника» ∾ «Богатый жених», роман; «Раздел», комедия; «Леший», рассказ из народного быта; «Фанфарон», нравоописательные очерки, внушенные автору ∾ «Снобсами» Теккерея; «Виновата ли она?», повесть.* — Названные Некрасовым произведения А. Ф. Писемского опубликованы в «Современнике»: «Богатый

жених» — 1852, № 1—5, «Раздел» — 1853, № 1, «Леший» — 1853, № 11, «Виновата ли она?» — 1855, № 2. «Фанфарон» (С, 1854, № 8, отд. I, с. 121—182) печатался с подзаголовком «Один из наших снобсов. Рассказ исправника», а в примечании от автора указывалось: «Меткость сатиры и поучительная сила очерков Теккерея „Снобсы" дали автору мысль написать настоящую статью. Под общим названием „Наши снобсы" он предполагает привести несколько биографических очерков. Предчувствую обвинение в смелости и сам сознаюсь в своей немощи идти вслед великому юмористу. Но всё-таки решаюсь» (там же, с. 121). Роман У. М. Теккерея «The snobs of England by one of themselves» (1846—1847) опубликован в русском переводе под заглавием «Очерки английских нравов. Английские снобсы» в приложении к № 11 и 12 «Современника» за 1852 г. Слово «снобсы» возникло из-за ошибки переводчика В. В. Бутузова, принявшего форму множественного числа (snobs) за единственное. См. об этом: *Нуралова С. Э.* Слово, рожденное в Англии. — Рус. речь, 1987, № 2, с. 150—152.

С. 169. *Рассказ г. Писемского «Питерщик» доныне остается лучшим его произведением.* — Этот рассказ опубликован с подзаголовком «Очерк» в «Москвитянине» (1852, № 23, дек.).

С. 169. *«Плотничья артель» также принадлежит к этому роду рассказов автора ∾ отлагаем суждение о ней до того времени.* — В «Современнике» отзыв о «Плотничьей артели» (ОЗ, 1855, № 9) появился не так скоро и принадлежал Чернышевскому (1857, № 4; Чернышевский, т. IV, с. 561—572). Некрасов об этом рассказе Писемского писал 17 сентября 1855 г. Тургеневу: «...эта вещь никого не удовлетворила, в том числе и меня. <...> Мужики точно очень хороши, но как тяжело читается эта вещь! Она *скучна.* Безвкусие и претензия так в ней грубо высунулись и заняли бо́льшую часть страниц. Длиннейший и ненужный *приступ*, а потом предлинная — и еще менее нужная — *развязка*, с попами, попадьями, убийством и пошлыми деревенскими бедными барышнями, заслуживающими более сожаления и теплого слова, чем презрения, которым так самодовольно обременил их автор. Но всё-таки мужики отличные — вещь замечательная, и жаль, что хорошее в ней перемешано с мусором».

С. 169. *Высказав в 8 № «Современника» ∾ наше откровенное мнение о последней статье «Дневника», мы возбудили неудовольствие автора...* — Об инциденте с С. П. Жихаревым по поводу отзыва о его «Дневнике чиновника» в «Записках о журналах за июль месяц 1855 года» см.: наст. кн., с. 360.

С. 169. *Автор «Дневника» обещал свою статью, и редакция «Современника» упомянула об этом, между прочим, в своем объявлении.* — Имеется в виду объявление «От редакции „Современника"» о предстоящей публикации в журнале отрывка из «Дневника» С. П. Жихарева под названием «Литературный вечер и домашний спектакль у Державина. (Из воспоминаний С. П. Ж — ва)» (С, 1855, № 7, прил., отд. паг.; наст. изд., т. XV).

С. 170. *Сердцу крушительный плач ни к чему человекам не служит.* — Неточная цитата из «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича (песнь XXIV, ст. 524). В переводе Гнедича: «Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит».

С. 171—172. *«Пункт IV. Поелику означенному племяннику моему Гавриле ∾ поразить его может ударом смертельным».* —

Здесь и далее цитируется «Дневник чиновника» С. П. Жихарева (ОЗ, 1855, № 9, отд. I, с. 113—114, 143, 137, 150).

С. 173. *...должно бы говорить о статье «Очерки из старинной русской литературы», но мы не читали начала статьи...* — Автором двух статей под этим названием был А. Н. Пыпин, близкий к «Современнику». Каждая из них была вполне самостоятельна, имела свою тему. Первая имела подзаголовок „Сказка тысячи и одной ночи" в русском переводе XIII—XIV века» (ОЗ, 1855, № 2, отд. II, с. 109—150). Статья, упомянутая Некрасовым («Русские редакции средневековых сказаний об Александре» — ОЗ, 1855, № 9, отд. II, с. 1—44), посвящена характеристике русских редакций средневековой легенды об Александре Македонском. Критик «С.-Петербургских ведомостей» писал по поводу высказывания Некрасова: «Рецензент говорит, что не читал начала этой статьи и потому проходит ее молчанием: он даже и не заметил, что статья г. Пыпина в сентябрьской книжке „Отечественных записок" имеет общего с предыдущими статьями его только одно заглавие...» (СПбВ, 1855, 1 нояб., № 239, с. 1262).

С. 174. *...«Просто случай», драматическая сцена И. Горбунова, и «Провинциальные типы» Ивановского-Елецкого. Обе эти вещи совершенно незначительны, но как под ними стоят новые имена, то мы скажем о них по нескольку слов.* — И. Ф. Горбунов (1831—1895) — актер, известный впоследствии как мастер устного рассказа из народной и купеческой жизни. «Просто случай» — его первое выступление в печати. С 1855 г. начинаются и его публичные выступления с чтением своих рассказов. Об Ивановском-Елецком сведений найти не удалось.

С. 174. *Эту натуру ∾ пустил в ход г. Тургенев своим Каратаевым...* — Имеется в виду рассказ Тургенева «Петр Петрович Каратаев» (из «Записок охотника»), опубликованный в «Современнике» (1847, № 2, отд. I, с. 197—212).

С. 174. *Недавно еще мы встретили фразистое и надутое изображение Томилина (в повести «Поездка в деревню»)...* — Повесть «Поездка в деревню» опубликована в «Отечественных записках» (1855, № 6). Автор ее — Е. Данковский (наст. фамилия — Е. П. Новиков; 1826—1903) — филолог славянофильской ориентации, писатель, сотрудник «Библиотеки для чтения» (1862); впоследствии дипломат.

С. 174. *«...на больших провинциальных обедах ∾ считают за стыд съесть кусок говядины».* — Здесь и далее цитируются «Провинциальные типы. Листки из записной книги светского человека. 1. Феденька» (ОЗ, 1855, отд. VI, с. 5, 7, 10, 14, 15; курсив Некрасова).

С. 177. *...тот же г. Тургенев ∾ создал лицо Веретьева (в повести «Затишье»).* — Ср. об этой повести: наст. кн., с. 143.

С. 177. *...романами Дюма и Фудраса...* — О Дюма см.: наст. кн., с. 30 и 314—315; 386. Фудрас — Теодор Луи Огюст Фудра (1800—1872), — плодовитый французский беллетрист, автор многочисленных романов из великосветской жизни.

С. 178. *...это всё-таки движение вперед. ∾ и сами же «Отечественные записки» были едва ли не главною его причиною!* — Имеются в виду «Отечественные записки» 1840-х гг., периода деятельности в них Белинского.

С. 179. *...мы можем предложить небольшую статейку г. Погодина ∾ по поводу «Нового издания сочинений Пушкина и Гого-*

ля». — Статья М. П. Погодина под названием «Новое издание сочинений Пушкина и Гоголя» написана по поводу выхода в свет сочинений Пушкина в семи томах (СПб., 1855—1857), подготовленных П. В. Анненковым (в 1855 г. опубликованы т. 1 и 2), и первого посмертного издания сочинений Гоголя в шести томах (М. 1855—1856), подготовленного Н. Н. Трушковским.

С. 179—181. *«Здесь льется кровь ∾ для отражения неприятелей из занятого предместия...»* — Цитируется статья М. П. Погодина «Новое издание сочинений Пушкина и Гоголя» (М, 1855, № 12, июнь, кн. 2, с. 1—4; курсив Некрасова).

С. 179—180. *...чем кончится это Европейское Действие...* — «Европейским Действием» Погодин назвал события Крымской войны (1853—1856 гг.).

С. 181. *Пушкин нам за то любезен ∾ И милость к падшим призывал.* — Перефразируя пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836), Погодин пользовался текстом, измененным В. А. Жуковским по цензурным соображениям (см.: *Пушкин А. С.* Соч., т. IX. СПб., 1841). Тогда был неизвестен подлинный пушкинский текст:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

С. 181. *Нам дорог также Нахимов...* — П. С. Нахимов (1802—1855), русский флотоводец, адмирал, в 1854—1855 гг. руководил обороной Севастополя. Погиб в бою.

С. 181. *Мы не нарадуемся на Иннокентия ∾ Поклонимся низко отцу Александру ∾ и храброму Хрулеву...* — Иннокентий (1768—1855) — иеромонах, возглавлявший флотское духовенство Свеаборга; героически погиб в 1855 г. во время бомбардировки Свеаборга неприятельским флотом. Отец Александр (Андронник) (ум. 1874) — архимандрит, настоятель Соловецкого монастыря; в июне 1854 г. отказался подчиниться двум английским военным кораблям и организовал против них оборону. С. А. Хрулев (1807—1870) — генерал-лейтенант, отличившийся при обороне Севастополя, пользовавшийся репутацией храброго, «солдатского» генерала.

С. 181. *...мы невольно задумались о судьбе Гоголя и вспомнили его же слова ∾ вооруженным строгим значением...». ∾ «Бодрей же в путь!».* — Цитируются с некоторыми неточностями отрывки из заключительного монолога Автора пиесы из «Театрального разъезда после представления новой комедии» (1842). Ср.: Гоголь, т. V, с. 170, 171.

С. 182. *...мы обратили внимание на «Севастопольские письма» г. Б—га.∾ (см. наши заметки в 8 № «Современника»).* — «Севастопольские письма» (М, 1855, № 12, июнь, кн. 2) — вариант публикации Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе» (М. 1855, № 9), позднее вошли в кн.: *Берг Н. В.* Записки об осаде Севастополя, т. I—II. СПб., 1858. См.: наст. кн., с. 156—162, 362.

С. 182—183. *...с чрезвычайным интересом прочли мы следующую страницу о генерал-адъютанте Лидерсе ∾ от своей не уйдешь, а на чужую наткнешься!"»* — Цитируются «Севастопольские письма» Н. В. Берга (М, 1855, № 12, июнь, кн. 2, с. 43—44). А. Н. Лидерс (1790—1874) — генерал-адъютант, во время Крым

ской войны был командующим Южной армией, затем главнокомандующим Крымской армией.

С. 183. *Нам понравились еще небольшие стихи г. Б—га ∾ Про этот день, про этот бой?..* — Некрасов цитирует стихи Берга с некоторыми разночтениями: вместо «точно змеи» «словно змеи», вместо «славы ратоборцы» «славны ратоборцы» (с. 4).

С. 184. *У нас теперь четыре литературные журнала (некоторые насчитывают даже менее четырех)...* — Имеются в виду «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и «Москвитянин».

С. 184. *...сегодня я могу говорить, например, о г. Григоровиче, потому что повесть его помещена в «Библиотеке для чтения» ∾ в «Современнике»?* — В «Библиотеке для чтения» (1855, № 9) опубликована повесть Д. В. Григоровича «Школа гостеприимства». В «Современнике» Григорович печатался в 1847—1860 гг.

С. 184. *Со времени фразистых повестей Марлинского, в которых и офицеры и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов...* — Ср. критическую оценку Белинского (в статье 1834 г. «Литературные мечтания»), который писал о вычурном стиле А. А. Бестужева-Марлинского (1797—1837): «...все герои его повестей сбиты на одну колодку и отличаются друг от друга только именами <...> он повторяет себя в каждом новом произведении <...> у него более фраз, чем мыслей, более риторических возгласов, чем выражений чувств» (т. I, с. 83). О выспренности стиля и «фразах à la Марлинский» неоднократно писал Тургенев (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 110; т. III, с. 61—62). Некрасов имел в виду такие повести Бестужева-Марлинского, как «Лейтенант Белозор» (1831), «Латник» (1832), «Аммалат-Бек» (1832), «Мулла-Нур» (1836) и др.

С. 184—185. *И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир. ∾ г. Л. Н. Т. в своей «Рубке леса» представляет нам несколько типов русских солдат ∾ Полагаем также, что читатели наши прочли не без интереса «Ночь весною в Севастополе»...* — В сентябрьской книжке «Современника» были опубликованы два рассказа Л. Н. Толстого — «Ночь весною 1855 года в Севастополе» (так был назван по требованию цензора рассказ «Севастополь в мае») и «Рубка леса». Оба пострадали от цензуры, особенно сильно первый. 2 сентября 1855 г. Некрасов писал об этом Толстому: «Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья, испортила во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства. Труд-то Ваш конечно, не пропадет... он всегда будет свидетельствовать о силе сохранившей способность к такой глубокой и трезвой правде среди обстоятельств, в которых не всякий бы сохранил ее». Ср. письмо Некрасова Тургеневу от 18 августа 1855 г. и письмо И. И. Панаева Толстому (см.: *Бирюков П. И.* Биография Л. Н. Толстого т. I. Изд. 3-е. М.—Пгр., 1923, с. 116). По поводу «Рубки леса» в том же письме Толстому от 2 сентября 1855 г. Некрасов писал: «„Рубка леса" прошла порядочно, хотя и из нее вылетело несколько драгоценных черт. <...> В этом очерке множество удивительно метких заметок, и весь он *нов*, интересен и делен. Не пренебрегайте подобными очерками: о солдате ведь наша литература доныне ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой бы форме ни высказали Вы всё, что знаете об этом предмете, — всё это будет в высшей степени интересно и полезно».

С. 184. *Подобно г. Тургеневу, который девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров ∾ ряд оригинальных, живых и действительных лиц...* — Речь идет о «Записках охотника» Тургенева. Первый из рассказов этой книги — «Хорь и Калиныч» — был опубликован в «Современнике» (1847. № 1, отд. IV, с. 55—64).

С. 185. *Автор — лицо новое: это армейский солдат ∾ Таторский.* — В 1855—1856 гг. в «Современнике» был опубликован цикл рассказов участников обороны Севастополя в литературной записи и обработке одесского журналиста, редактора газеты «Одесский вестник» (с 1859 г.) Н. П. Сокальского (1831—1871); впоследствии изданы отдельной книгой: Современные рассказы из военной жизни русских солдат. СПб., 1856. Наиболее талантливым был первый из опубликованных в «Современнике» рассказов «Восемь месяцев в плену у французов (после альмского дела)», помещенный за подписью: «Рядовой Павел Таторский» (С, 1855, № 10, отд. I, с. 161—210). 17 сентября 1855 г. Некрасов писал Тургеневу: «...на днях приходит ко мне незнакомый юноша — из Одессы — с тетрадкой солдатских рассказов, которые он записал со слов солдат раненных, беспрестанно привозимых в Одессу. В числе этих рассказов один оказался удивительный. Юноша-то бездарен (что видно по другим рассказам), но солдат (Таторский по фамилии), рассказавший ему о своем восьмимесячном плене у французов (после Альмы), должно быть, человек с большим талантом — наблюдательность, юмор, меткость — и бездна *русского*. Я в восторге». Критика сочувственно встретила этот рассказ. В. Р. Зотов на страницах «С.-Петербургских ведомостей» (1856, 26 янв., № 21) рассматривал его в одном ряду с севастопольскими рассказами Толстого. Письма Сокальского к Некрасову опубликованы: ЛН. т. 51—52, с. 499—506. См. также: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и военные корреспонденты «Современника». — РЛ, 1989, № 1, с. 169—172.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ОКТЯБРЬ 1855 ГОДА

(С. 185)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 11 (ценз. разр. — 31 окт., выход в свет — 7 нояб. 1855 г.), отд. V, с. 71—87, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

В. П. Боткин писал Некрасову 18 ноября 1855 г. по поводу этой статьи: «Здесь <...> то, что ты сказал о Гран<овском>, очень понравилось. <...> Твои „Журнальные обозрения" очень здесь нравятся — продолжай их» (ГМ, 1916, № 9, с. 181). А. Я. Максимович обратил внимание на следующую автореминисценцию. В черновой рукописи стихотворения «Элегия (А. Н. Е<рако>ву)» (1874) имеются стихи:

> Старо, не правда ли, печь хлебы из муки?
> Однако ж из песку, попробуй, испеки!
>
> (наст. изд., т. III, с. 359)

Ср. в комментируемой статье: «Очень однообразная вещь печь хлеб всё из муки да из муки; он даже не всегда и удается, однако ж

никому не приходит в голову начать печь его из песку» (наст. кн., с. 191).

Тем же исследователем высказано предположение о том, что в статье имеются вставки, принадлежащие другому, неизвестному нам автору, в частности отзывы о двух специальных статьях — «Академия художеств до времен императрицы Екатерины II» Д. Р<овинск>ого и «Гольфштром, его причины и отношения к развитию цивилизации в Европе» П. П. Семенова (см.: ЛН, т. 49—50, с. 230). Следует, однако, учитывать, что Некрасову не раз приходилось писать отзывы об изданиях весьма специального содержания (см., например, его рецензии на книги «О новоизобретенном способе отделения извести из свеклосахарных сыропов посредством стеариновой кислоты» и «О жизни и трудах Дорджи Банзарова» П. И. Савельева — обе в № 10 «Современника» за 1855 г.: наст. кн., с. 138—141). Нет поэтому оснований отвергать принадлежность ему указанных отзывов, тем более что они по существу не выходят за пределы литературной оценки разбираемых статей.

С. 185. *...в то время как Россия оплакивает столько героев, со славою погибающих за отечество на войне...* — Имеются в виду потери в Крымской войне 1853—1856 гг.

С. 185—186. *К числу таких людей, которых мы, подражая Карлейлю, можем назвать без преувеличения героями, принадлежал недавно скончавшийся Т. Н. Грановский. ∾ Вызвать из души своей ряд воспоминаний ∾ мы теперь не имеем силы...* — Томас Карлейль (1795—1881) — английский историк, философ, публицист и критик. Некрасов имеет в виду его книгу «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841), отрывки из которой в переводе Боткина печатались в «Современнике» (1856, № 1, 2, 10). Т. Н. Грановский (1813—1855) — русский историк, профессор всеобщей истории в Московском университете, близкий В. Г. Белинскому, А. И. Герцену, Н. П. Огареву, литераторам круга «Современника» и пользовавшийся огромной популярностью среди своих слушателей. Некрасов благоговейным уважением относился к личности Грановского, видел в нем одного из самых замечательных деятелей 1840-х гг., тяжело переживал его кончину (см. стихи о Грановском в «Сценах из лирической комедии „Медвежья охота“» — наст. изд., т. III, с. 20—21; ср. письмо Некрасова к Боткину от 8 ноября 1855 г.). Воспоминаний о Грановском Некрасов не написал.

С. 186. *...несколько горячих, искренних страниц, вызванных смертью Грановского.* — Имеются в виду многочисленные некрологи (анонимные и с подписью), посвященные Грановскому и опубликованные в «Московских ведомостях» (1855, 6 окт., № 120, с. 1065—1066, автор — М. Н. Катков; 11 окт., № 122, с. 1083, автор — Н. М. Павлов; 12 окт., № 125); «Москвитянине» (1855, № 21—22, нояб., кн. 1—2, с. 244—245); «С.-Петербургских ведомостях» (1855, 19 нояб., № 255); «Современнике» (1855, № 11, отд. II, с. 83—86, автор — И. С. Тургенев); «Библиотеке для чтения» (1855, т. 134, № 12, отд. 3—4, с. 47—86, автор — А. И. Рыжов) и др.

С. 186—187. *«Кто знал покойного ∾ мысль его была рыцарски-великодушна...».* — Цитируется некролог Грановского, написанный редактором «Московских ведомостей» М. Н. Катковым (1818—1887) (МВ, 1855, 6 окт., № 120: курсив Некрасова).

С. 187. *Удивительно тепла и трогательна статья «Два слова ученика о наставнике», написанная ∾ студентом **...* — Речь идет о некрологической статье, принадлежавшей Н. М. Павлову (1836—1906), писателю и историку славянофильской ориентации. Впервые опубликована в «Московских ведомостях» (1855, 11 окт., № 122, с. 1083; впоследствии включена в издание: *Павлов Н. М.* Наше переходное время. М., 1888, с. 465—467).

С. 187—188. *«Так, должно примириться с мыслию ∾ Студент **».* — Цитируется с небольшими пропусками статья Павлова (курсив Некрасова).

С. 188. *...есть еще небольшая статья ∾ мысль о значении Грановского как человека общественного.* — Цитируется статья без подписи, принадлежавшая, по-видимому, М. Н. Каткову: «Грановский был не только профессор, не только ученый, он был одним из малочисленных у нас общественных людей. <...> Помянув его как профессора и ученого, помянем его как общественного русского человека» (МВ, 1855, 11 окт., № 122, с. 1083).

С. 188. *Издания сочинений Грановского ∾ вот чего ждем теперь мы...* — Сочинения Грановского в двух томах (М., 1856), подготовленные и отредактированные его друзьями по Московскому университету П. Н. Кудрявцевым и С. М. Соловьевым, вышли в свет менее чем через год после его смерти.

С. 188. *...любезное нам имя г. Фета...* — Об отношении Некрасова к А. А. Фету см.: наст. кн., с. 106—107; наст. изд., т. XII.

С. 188. *Мы вспомнили «Диану». Выписываем ее здесь...* — Некрасов цитирует стихотворение Фета по изданию «Стихотворения А. Фета» (М., 1850, с. 101) с незначительными изменениями: «упругое чело» (у Фета: «открытое чело»); «Зефир вечеровой между листов проник» (у Фета: «Но ветер на заре между листов проник»).

С. 189. *Всякая похвала немеет перед высокой поэзиею этого стихотворения...* — Ср. оценки произведения Фета И. С. Тургеневым: «Это стихотворение chef d'œuvre» (надпись на полях экземпляра указанного выше издания 1850 г., принадлежавшего И. С. Остроухову, — ГТГ) — и В. П. Боткиным: «Перл антологической поэзии есть его „Диана"» (*Боткин В. П.* Соч., т. 2. СПб., 1890, с. 381—382). См. также: *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, с. 71—73.

С. 189. *...авось вторая неудача охладит г. Фета к прозе...* — Первым прозаическим произведением Фета был рассказ «Каленник» (ОЗ, 1854, № 3).

С. 189. *...путевые заметки г. Гончарова о Маниле.* — Имеется в виду отрывок из книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада"», опубликованный в «Отечественных записках» (1855, № 10, отд. I, с. 245—298); отдельное издание в двух томах вышло в Петербурге в 1858 г.

С. 189—191. *...начало романа Гаклендера «Европейские негры». ∾ Мы возвратимся к роману Гаклендера при его продолжении, если окажется нужным.* — Роман немецкого писателя Ф.-В. Гаклендера (1816—1877) опубликован в Штутгарте в 1854 г.; автор в нем не вполне удачно выступает в роли социального сатирика-моралиста. Часть первая русского перевода романа — ОЗ, 1855, № 10, отд. I, с. 299—350; часть вторая — ОЗ, 1855, № 11, отд. I, с. 119—165. Обещание Некрасова вернуться к рассмотрению этого романа выполнено не было.

С. 1 9 0. *«Нет, милостивые государыни∾ выставляя себя напоказ публике»; «Клара была среднего роста∾ зубы ослепительно свежи»...* — Цитируется роман Гаклендера «Европейские негры» (ОЗ, 1855, № 10, отд. I, с. 305—306; курсив Некрасова).

С. 1 9 0—1 9 1. *В политических романах Гуцкова есть хоть то достоинство, что они характеризуют настоящее состояние Германии ..* — К. Гуцков (1811—1878) — немецкий писатель, общественный деятель; возглавлял литературное движение «Молодая Германия». В России известен главным образом как автор трагедии «Уриэль Акоста» (1847). Социальная тема звучала в его драмах «Вернер» (1842), «Пугачев» (1847). По-видимому, Некрасов имеет в виду многотомную эпопею Гуцкова «Рыцари духа» (1850—1851; рус. пер. — 1871), в которой выдвигалась идея борьбы за социальную справедливость.

С. 1 9 1. *Недавно у нас в журналах пошли толки∾ что переводить всё с английского да с английского∾ скучно и однообразно...* — Произведения Ч. Диккенса и У. М. Теккерея интенсивно переводились в России с конца 1840-х гг. И. И. Введенским. Возможно, реплика Некрасова связана с полемикой «Отечественных записок» и «Современника» по поводу переводов «Ярмарки тщеславия» Теккерея, печатавшихся в этих журналах одновременно. См. также: *Катарский И.* Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966, с. 250—274; *Нуралова С. Э.* Теккерей в России. Ереван, 1988, с. 13—48.

С. 1 9 1. *...относительно «Редклифских наследников», «Окорока ветчины»...* — «Редклифские наследники» (1853) — роман английской писательницы Ш. Йондж (1823—1901); «Окорок ветчины» (1854) — роман английского писателя У. Т. Энтсворта (1805—1882).

С. 1 9 1. *О продолжении «Дневника чиновника»∾ нового сказать нечего.* — О «Дневнике чиновника» С. П. Жихарева см.: наст. кн., с. 152—153, 169—173, 360, 365—366.

С. 1 9 1. *...начал появляться в одном журнале перевод «Илиады» ∾ манеру так называемого «маненько мужицкого» слога.* — Имеется в виду перевод Б. И. Ордынского (1823—1861), опубликованный в «Отечественных записках» (1853, № 1, отд. I, с. 79—114; № 2, отд. I, с. 187—214; № 3, отд. I, с. 121—164). Переводчик пытался передать античный эпос языком русского фольклора и заменить гекзаметр ритмической прозой. С критикой перевода Ордынского выступил, в частности, М. Н. Катков в статье «Несколько слов о попытках переводить Гомера на простонародный русский язык» (Пропилеи. М., 1854, кн. IV, с. 551—562). Ордынский откликнулся на критику статьей «Ответ на отзывы о новом переводе „Илиады"» (ОЗ, 1853, № 9, отд. VII, с. 27—28). См. об этом: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., 1964, с. 394—399. Характеризуя стиль перевода Ордынского, Некрасов прибегает к выражению из статьи, опубликованной в 1843 г. в № 1 журнала «Маяк», где прозвучал такой призыв: «Давайте выражать русское горячее чувство, мудрое знание и силу богатырскую души, — живым, кипучим, родным, народным, маленько мужицким словом...». Пассаж этот высмеял В. Г. Белинский (т. VII, с. 21), который затем неоднократно пользовался выражениями «маненько мужицкий слог», «маненько мужицкое слово» для иронической характеристики псевдонародной литературы. Выражение «маленько мужицкий слог» встречается также в рецензии Турге-

нева на драму С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» (ОЗ, 1848, № 8. отд. VI, с. 88—96; Тургенев. Соч., т. I, с. 262).

С. 192. *Новое издание «Сочинений Гоголя» и пяти глав II тома «Мертвых душ»...* — Имеется в виду посмертное издание «Сочинений Гоголя» в шести томах (М., 1855—1856), подготовленное Н. П Трушковским. На выход в свет первых трех его томов и публикацию в ближайшее время четвертого тома, в состав которого должны были войти пять глав второго тома «Мертвых душ» и «Авторская исповедь», Некрасов откликнулся заметкой «Новое издание „Сочинений" Гоголя» (С, 1855, № 8, отд. V, с. 293—295; наст. изд., т. XII). Об издании пяти глав второго тома «Мертвых душ» см.: наст. кн., с. 384.

С. 193. *...статья г. Р—ва в «Библиотеке для чтения» ∾ сказать что-то о Гоголе хорошее и новое...* — Имеется в виду А. И. Рыжов (1829—1872), критик «Библиотеки для чтения» (псевдоним — «О. Колядин») и его статья «Н. В. Гоголь и его сочинения» (БдЧ, 1855, № 10—11). См. о Рыжове: *Егоров Б. Ф.* Критическая деятельность А. И. Рыжова. — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1958, № 65, с. 69—92.

С. 193. *...статья г. Писемского по поводу второго тома «Мертвых душ».* — Речь идет о статье А. Ф. Писемского «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: „Похождения Чичикова, или Мертвые души", том второй (5 глав)» (ОЗ, 1855, № 10, отд. III, с. 57—76).

С. 193—194. *Но взгляд автора на Гоголя вообще неглубок и односторонен ∾ Так, нам кажется, и неверно, и неуместно по тону замечание его о Кошкареве, которого г. Писемский называет карикатурой...* — Некрасов в известной мере упростил смысл суждений Писемского о Гоголе, авторе второго тома «Мертвых душ». Высоко оценивая образы Тентетникова, Бетрищева, Петуха, сыновей Петуха, Хлобуева, Писемский критически высказывался о положительных образах Уленьки и Костанжогло, излишне прямолинейно выражавших, по его мнению, субъективные взгляды писателя. В Муразове Писемский в этой связи отметил «решительное преобладание идеи над формой» (с. 74). О Кошкареве он писал: «...читателю ради научения показывается с своими хозяйственными распоряжениями карикатура — Кошкарев» (с. 71). «Никак нельзя сказать, — заключал критик, — чтоб в задумывании всех этих лиц не лежало поэтической и жизненной правды, но автор просто не совладел с ними. Снабдив их идеей, он не дал им плоти и крови» (с. 58). Не отказывая Гоголю в лиризме, Писемский сосредоточил свое внимание на другом: «Идеал Гоголя был слишком высок; воплотить его всецельно было. мне кажется, делом неисполнимой задачи для искусства» (с. 75—76). Писемский предвидел обвинения в «односторонности». Он писал: «Желаю по преимуществу одного: чтоб статья моя вызвала ряд других статей, которые пополнили бы то, что мною не досказано, расширили бы высказанный мною взгляд или даже совершенно отринули его, как односторонний, и заменили бы его другим, более общим и верным» (с. 76). С некрасовской оценкой статьи Писемского солидаризировался Н. Г. Чернышевский в рецензии на «Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского» (С, 1857, № 4): «В своей критической статье о Гоголе г. Писемский выражал мнение, что талант Гоголя чужд лиризма. Про Гоголя, как нам кажется, этого ска-

зать нельзя, но, кажется нам, в таланте самого г. Писемского отсутствие лиризма составляет самую резкую черту» (т. IV, с. 570).

С. 194. *...г. Писемский ссылается на «горячего, с тонким чутьем, критика»...* — Имеется в виду В. Г. Белинский, автор статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя», в которой критик писал: «...г. Гоголь поэт, поэт жизни действительной» (т. I, с. 284). Эта же мысль развивалась им в других статьях о Гоголе. Некрасов цитирует статью Писемского (с. 60).

С. 194. *«...а чтоб придать ему ∾ с кинжалом в руке...»* — Цитируется с незначительными разночтениями статья Писемского, например: «совершенно не удалось» вместо «собой очень не удалось» (с. 71).

С. 195. *...с лубочными картинками, украшающими комнаты станционных смотрителей.* — Ср. описание станционной комнаты в романе Некрасова «Три страны света» (1848—1849) (наст. изд., т. IX, кн. 1, с. 191—192), а также комнаты станционного смотрителя в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» (1838) (Пушкин, т. VIII, кн. 1, с. 99).

С. 195. *Еще менее верен ∾ укор г. Писемского Гоголю за анекдот о «черненьких и беленьких»...* — Речь идет об анекдоте на тему о взяточничестве, рассказанном Чичиковым генералу Бетрищеву: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит» (в главе 2 второго тома «Мертвых душ») (Гоголь, т. VII, с. 166). Писемский писал по поводу сцены генерала с «развернувшимся, но постоянно верным самому себе Чичиковым, в котором можно разве только укорить автора за анекдот *о черненьких* и *беленьких*. Видимо, анекдот этот подслушан у рассказчика, придавшего мастерством рассказа самому анекдоту значение, которого в нем нет. Поставлен он с понятной целью вызвать от генерала несколько честных и энергичных замечаний насчет взяток; но для этого следовало бы взять более резкий и типичный случай, которых много ходит в устных рассказах» (с. 69). Анекдот о «черненьких и беленьких» у Гоголя высоко оценил Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855—1856) (т. III, с. 13).

С. 196. *...в следующей фразе г. Писемского ∾ Зачем вы говорите нам о вашем знании России, когда вызвали нас послушать о Гоголе?* — В полном виде отрывок из статьи Писемского, который здесь подразумевает Некрасов, звучит так: «Скажу более откровенно: зная сам отчасти Россию и вглядываясь внимательно в живые стороны Костанжогло, насколько их автор дал ему, сейчас вижу в нем по фамилии какого-то греческого выходца, который еще служа в полку и нося эполеты, начинал при всяком удобном случае обзаводиться выгодным хозяйством, а в настоящее время уже монополист и *загребистая*, как прекрасно выразился Чичиков, лапа, которому и следовало предоставить опытный практический ум, оборотистость, твердость характера и ко всему этому приличную сухость сердца. Поэтический взгляд Костанжогло на хозяйство, его доброе дело в отношении к Чичикову, которому он, не зная, кто он и что он за человек, дает десять тысяч взаймы под расписку, — всё это звучит таким фальшем, что даже грустно говорить об этом подробно...» (с. 73).

С. 196. *Нам не понравилось, что г. Писемский прилагает к Гоголю слово «пасквилист»...* — Имеется в виду следующее высказывание Писемского о Гоголе: «Настолько поэт, насколько философ.

настолько сатирик и, если хотите, даже пасквилист, насколько всё это входит в область юмора, он первый устремляет свой смех на нравственные недостатки человека, на болезни души» (с. 59).

С. 196. *В «Москвитянине» № 13 и 14 г. А. Григорьев объявляет с укором, что «Современник» позорит память Пушкина, перепечатывая пасквили на него ∾ перепечатали, между прочим, пародию на Пушкина из «Телеграфа».* — Это примечание — отклик Некрасова на полемическую статью А. А. Григорьева «Замечания об отношении современной критики к искусству» (М, 1855, № 13 и 14, кн. 1—2, с. 107—148). В последней содержались критические суждения по поводу истолкования творчества Пушкина, Гоголя, Островского в современной журналистике. Резкое осуждение Григорьева вызвала перепечатка в третьей статье Чернышевского «Сочинения Пушкина <...> Изд. П. В. Анненкова. Шесть томов. СПб., 1855» (С. 1855, № 7) пародии «Поэт» на стихотворение Пушкина «Поэт и толпа» («Чернь») из «Московского телеграфа» (1832 ч. 44, «Камер-обскура», № 8, с. 153). Григорьев писал, называя Чернышевского «безымянным критиком» (его статья не была подписана): «Вся цель его статьи доказать, что критика „Телеграфа" и других журналов в отношении к Пушкину была не так придирчива и пуста, как обыкновенно думают. И чем же доказывает он свое положение? 1) На стран<ице> 6 своей статьи пародией на стихотворение Пушкина „Поэт и чернь", помещенной в „Телеграфе", пародией, которую, как бесчестящую <...> может быть, одумавшегося сочинителя, не следовало перепечатывать, пародией, ругающейся над великим поэтом...» (*Григорьев Ап.* Полн. собр. соч. и писем, т. I. Пгр., 1918, с. 253).

С. 196. *Этот упрек можно только объяснить следующими словами г. же Григорьева ∾ за промахами современной критики».* — Некрасов не цитирует, а произвольно излагает заключительное положение статьи Григорьева: «...общие же замечания наши касались не исключений, а обыденных явлений в критике и, кажется, с достаточной ясностью доказали ее несостоятельность. Признаемся откровенно, что не без некоторого злобного удовольствия следили мы за ее промахами, но, вероятно, противники наши поймут, как они уже поняли, впрочем, что наша полемическая жесткость имеет источником своим не личное раздражение, а любовь и уважение к искусству» (*Григорьев Ап.* Полн. собр. соч. и писем, т. I, с. 266—267).

С. 196. *...в то же время покрывает осуждением другого, нуждающегося если не в защите, то в полном признании своих заслуг ∾ не имеют в руках своих равного с г. Григорьевым оружия!* — В статье «Замечания об отношении современной критики к искусству» Григорьев полемизировал с Белинским (не называя его имени) по поводу его суждений о «народности», «художественности», «пафосе» литературы (см.: *Григорьев Ап.* Полн. собр. соч. и писем, т. I, с. 233—236). Некрасов явно напоминает о негласном цензурном запрете писать о Белинском.

С. 197. *...художника, возводящего явления жизни в перл создания.* — Ср. слова Гоголя из первого тома «Мертвых душ» (гл. VII): «...много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья...» (т. VI, с. 134).

С. 197. *...статья г. Д. Р—ого «Академия художеств до времен императрицы Екатерины II» («Отеч<ественные> зап<иски>»,*

№ X). — Д. А. Ровинский (1824—1895) — искусствовед, библиограф, собиратель и исследователь гравюры и лубка.

С. 198. *Гораздо интереснее статья г. П. П. Семенова «Гольфштром, его причины и отношения к развитию цивилизации в Европе».* — П. П. Семенов-Тян-Шанский (1827—1914) — впоследствии известный русский ученый-географ.

С. 198. *...«без Гольфштрома органическая жизнь Европы застыла бы* ∾ *как на гудсонбейских прибрежьях»...* — Неточная цитата из статьи Семенова (ОЗ, 1855, № 10, отд. II, с. 90). Гудсонбейские прибрежья — берега Гудзонова залива (англ. Hudson Bay).

С. 199. *В «Москвитянине» № 13 и 14 (одна книжка) помещено продолжение «Севастопольских писем» г. Б—га.* — См. об этом: наст. кн., с. 156—162, 362, 367.

С. 199. *В «Москвитянине» нашли мы еще стихотворение «Цветок на могилу незабвенного К. Н. Батюшкова».* — По-видимому, автором этого анонимно опубликованного стихотворения был Ф. Н. Фортунатов (1814—1872), педагог, писатель, сотрудник «Москвитянина» (см. о нем: *Кошелев В. А.* Вологодские давности. Архангельск, 1985, с. 215—218). Судя по содержанию, стихотворение написано земляком К. Н. Батюшкова, умершим 7 июля 1855 г. в Вологде, а Фортунатов в 1830—1840 гг. работал инспектором Вологодской гимназии; кроме того, стихотворение значится в списке трудов Фортунатова, составленном его сыном А. Ф. Фортунатовым (хранится в ГИМ). Сообщено В. А. Кошелевым.

С. 199. *Не стишки нужны бы теперь о Батюшкове, а дельная его биография...* — Первым биографом Батюшкова был Н. Ф. Бунаков (см.: *Бунаков Н.* К. Н. Батюшков. (Критико-биографический очерк). — М. 1855, № 23—24, с. 89—112); см. также: *Майков Л. Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. Пб., 1887.

С. 199—202. *...Очерк жизни и трудов князя П. А. Ширинского-Шихматова».* ∾ *усердие и рвение князя П<латона> А<лександровича> к общему благу».* — Написанный в апологетических тонах «Очерк...» опубликован в «Журнале Министерства народного просвещения» (1855, № 5, вып. 85 и 87); принадлежал Н. В. Елагину (1817—1891), впоследствии духовному писателю и цензору. П. А. Ширинский-Шихматов (1790—1853) — академик и писатель, видный сановник николаевского царствования; министр народного просвещения; возглавлял Главное управление по делам печати (1850—1853). «Очерк...» цитируется с сокращениями (вып. 87, отд. V, с. 43—45, 47—48, 51). Строки «не терял надежды ∾ к общему благу» процитированы произвольно, возможно, сочинены Некрасовым. Умелым подбором цитат Некрасов создает ироническое представление о бывшем министре.

С. 202. *...небольшой очерк г. Яновского «Кушник»...* — О Б. Яновском сведений найти не удалось.

С. 202. *...очерк г. Максимова «Нижегородская ярмонка».* — С. В. Максимов (1831—1901) — писатель, этнограф. «Нижегородская ярмонка» — один из его ранних очерков.

С. 202. *Хорошо переведены г. Крешевым две «Оды» Горация: 1) «Помпею» и 2) «Слуге».* — Об И. П. Крешеве см.: наст. том, кн. 1, с. 410.

С. 202. *Мы искренно желали бы сказать что-нибудь хорошее о стихотворении г. Никитина «Неудачная присуха», но хорошего*

ничего сказать не можем. — См. об этом: *Гин М. М.* Отзыв Некрасова о стихотворении И. С. Никитина. — Некр. сб., IX, с. 118—121.

С. 202—203. *В «Современнике» № X мы не считаем лишним указать на статью Карлейля «О героях и героическом в истории».* — Об этом см.: наст. кн., с. 207 и 370, 379, 385.

С. 203. *В нынешнем XI № «Современника» попросим читателей обратить внимание на рассказ г. Окова и на стихотворение г. Гранкина.* — В ноябрьской книжке «Современника» опубликованы рассказ В. Окова «Провинциальная гризетка» и стихотворение С. Гранкина «Набег». В «Современнике» были напечатаны, кроме названного, еще два рассказа Окова — «Воспоминание» (1855. № 1) и «Губернская камелия» (1857. № 6); произведения Гранкина в журнале больше не появлялись.

С. 203. *Но не считаем нужным указывать на статьи гг. Боткина и Дружинина и еще менее на повесть г. Тургенева.* — В ноябрьской книжке «Современника» были опубликованы статьи Боткина «Выставка в императорской Академии художеств. Октябрь 1855 года» и А. В. Дружинина «Георг Крабб и его произведения. Статья первая», а также повесть «Постоялый двор» Тургенева.

С. 203. *Впрочем, что касается до брани, то не забудем, что г. Тургеневу доставалось достаточно в первое время его поприща.* — В 1840-е гг. против Тургенева, как одного из видных деятелей «натуральной школы», неоднократно выступали «Библиотека для чтения», «Северная пчела», «Маяк», «Москвитянин».

С. 203—204. *...отдал уже нам новую свою повесть под названием «Рудин». <...> «Современник» считает себя счастливым, что может начать свой следующий год таким произведением...* — Роман Тургенева «Рудин» был опубликован в № 1 «Современника» за 1856 г.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА НОЯБРЬ 1855 ГОДА

(С. 204)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 12 (ценз. разр. — 30 нояб. и 2 дек. 1855 г.), отд. V, с. 271—284, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено А. Я. Максимовичем на основании признака, указанного самим Некрасовым (статья начинается обращением к читателю), а также анализа содержания (см.: ЛН, т. 49—50, с. 230). Статья, по-видимому, написана только Некрасовым; сведения о каких-либо соавторах отсутствуют.

С. 204. *...в последнее время критика наша вступила в акт сознания, сознания своей мелочности, пустоты, раздробленности, крайнего потворства, пристрастия и бессилия.* — Имеется в виду широкая журнальная дискуссия конца 1855 — начала 1856 г. о неудовлетворительном состоянии русской критики, о мелочной перебранке между журналами, особенно в период подписки. После поражения царизма в Крымской войне и смерти Николая I остро ощущалась потребность в новой критике, способной быть подлинной посредницей между литературой и публикой (см. об этом: *Гин М. М.* Некрасов о задачах русской литературы и литературной

критики (по «Заметкам о журналах» 1855—1856 гг.). — Учен. зап. Карело-Финского ун-та, Ист и филол. науки, 1955, т. V, вып. 1, с. 114—133).

С. 204. *...честь смелого и прямого признания принадлежит «Отечественным запискам».* — Речь идет о статье «О журнальной полемике, о критике, о нападках на нее и доброе слово в ее защиту» (ОЗ, 1855, № 11), автором которой, по убедительному предположению М. Я. Блинчевской, был А. В. Дружинин (см.: *Блинчевская М. Я.* Некрасов и молодой Чернышевский. — РЛ, 1972, № 3, с. 106—107). Дружинин откликнулся на статью Ап. Григорьева «Замечания об отношении современной критики к искусству» (М, 1855, № 13 и 14, кн. 1—2), вызвавшую журнальную полемику. Современники отмечали, что автор статьи в «Отечественных записках» разделял взгляды, выраженные Некрасовым в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года» (см.: *Колядин О. (Рыжов А. И.)*. Журналистика. — БдЧ, 1856, № 2, отд. VI, с. 56—57). Статья Григорьева, «его непостижимые выходки в „Москвитянине" против петербургской критики» вызвали неодобрение «С.-Петербургских ведомостей» (1855, 1 дек., № 262, с. 1416).

С. 204—205. *«...когда журналы привыкли к своим рутинным пределам ∾ Этак, пожалуй, они отойдут в другой журнал...»...* — В цитируемом отрывке (ОЗ, 1855, № 11, отд. IV, с. 22—23) содержится пропуск, сделанный Некрасовым, по-видимому, сознательно, чтобы избежать упоминания полемической статьи Григорьева «Замечания об отношении современной критики к искусству». Вместо «...журналист и литератор были поставлены в странные отношения» в «Отечественных записках» было: «...журналист и литератор были поставлены в такие странные отношения, что даже сам Ап. Григорьев, напечатавший в „Москвитянине" большую статью об отношении критики к литературе, нескоро выяснил бы этот предмет» (с. 22).

С. 206—207. *...не осталось уже ни одного бойца без пятна и упрека...* — Перефразированное выражение «рыцарь без страха и упрека». Так называлась биография рыцаря Пьера дю Террайля Баярда, написанная его слугой Шанпье (см.: *Грановский Т Н.* Рыцарь Баярд. — Библиотека для воспитания, 1845, отд. I, ч. 3, с. 191—205; также: *Грановский Т. Н.* Соч., т. II. М., 1856).

С. 206—208. *«Октябрьская книжка „Современника", журнала чисто литературного, очень бедна... ∾ Начинаем читать „Манилу"»...* — Цитируется анонимная статья под названием «Журналистика» (БдЧ, 1855, № 11, отд. VI, с. 1—7; курсив Некрасова перемежается с курсивом автора статьи «Библиотеки для чтения»).

С. 206. *(Выписка из стихотворения г. Некрасова «Больница».)* — Имеется в виду стихотворение «В больнице» (С, 1855, № 10).

С. 206. *В пирогах, в ухе стерляжей ∾ И в бараньей требухе...* — См.: наст. кн., с. 167 и 364.

С. 207. *...импровизированный рассказ рядового...* — См. об этом: наст. кн., с. 185 и 369.

С. 207. *...напечатано что-то драматическое г. П. Меньшикова. Это что-то названо «Хорошим человеком».* — «Хороший человек» — комедия П. Н. Меньшикова (1809—1879), драматурга, сотрудника «Современника» 1840—1850-х гг.

С. 207. *...приговор какого-то г. Таубе...* — Таубе — герой комедии Меньшикова «Хороший человек».

С. 207. *Наткнувшись на Уатта...* — В «Современнике» (1855. № 10) была помещена статья без подписи «Жизнь и изобретения Джемса Уатта».

С. 207. *...останавливается на „Героях" ∾ В отделе наук переводная статья Т. Карлейля!* — Перевод В. П. Боткина из Т. Карлейля «О героях и героическом в истории (Язычество. Скандинавская мифология. Один)» был опубликован в отделе «Науки и художества» № 10 «Современника» за 1855 г.

С. 207—208. *«Во главе октябрьской книжки „Отечественных записок" поставлен „Дядюшка с двоюродным братцем", повесть сочинения г-на Фета. ∾ Начинаем читать „Манилу"...* — Ср. отзыв Некрасова о содержании № 10 «Отечественных записок» за 1855 г. (наст. кн., с. 189).

С. 208. *...ни Манилы, ни Заманилы, ни Приманилы. ∾ Откуда вы взяли, что Манила тип?* — Игра слов, намекающая на эпизод из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя — разговор Чичикова с мужиком по дороге в усадьбу Манилова: «Это будет тебе дорога в Маниловку <....> а Заманиловки тут вовсе нет. <...> Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было» (Гоголь, т. VI, с. 22).

С. 208. *...«Мосуль, из путешествия по Востоку» г. Березина...* — И. Н. Березин (1818—1896) — востоковед, профессор Петербургского университета, автор книг «Путешествие по Востоку» (Казань, 1849—1852), «Путешествие по Северной Персии» (Казань, 1852), «Православие и другие христианские церкви в Турции» (СПб., 1855). «Мосуль» — отрывок из «Путешествия по Востоку».

С. 208. *...«Нижегородская ярмарка», очерк г. Максимова ∾ два перевода г. Крешева, якобы из Горация...* — Ср. отзыв Некрасова: наст. кн., с. 202, 376.

С. 208. *...дерзко колебля треножник искусства...* — Намек на заключительные строки стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» (1830). У Пушкина:

> Доволен? Так пускай толпа его бранит
> И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
> И в детской резвости колеблет твой треножник.

С. 209. *...не перо, написавшее благородную статью в XI № «Отечественных записок».* — Речь идет о Дружинине, авторе статьи «О журнальной полемике, о критике, о нападках на нее и доброе слово в ее защиту» (см. выше, с. 378).

С. 209. *Но вот мы и договорились до единственного средства ∾ Это средство — выставлять имя под журнальными обзорами и всякими критическими и полемическими статьями.* — Журналисты приняли предложение Некрасова. С декабрьских книжек обзоры журналистики стали печататься с подписью авторов в «Отечественных записках» (С. С. Дудышкин), «Библиотеке для чтения» (А. И. Рыжов (О. Колядин)), «С.-Петербургских ведомостях» (В. Р. Зотов). Однако в «Современнике», на страницах которого было выдвинуто это предложение, журнальные обзоры оставались анонимными, — по-видимому, потому, что «Заметки о журналах...» часто писались коллективно, хотя их основным автором был Некрасов.

С. 210. *...без того, чтоб эта симпатия не выразилась определенно в сочувствии к тому или другому лицу, действующему в журнале. Так было с «Телеграфом», так было с «Отечественными*

записками» сороковых годов. — Речь идет о Н. А. Полевом, редакторе «Московского телеграфа», передового органа русской журналистики 1820—1830-х гг., и В. Г. Белинском, главном критике «Отечественных записок» 1840-х гг.

С. 211. *...недавно «Северная пчела» возобновила свои нападения на Гоголя...* — Имеется в виду фельетон Ф. В. Булгарина «Журнальная всякая всячина» (СП, 1855, 5 нояб., № 244).

С. 211. *Статья М. Р. «Несколько слов о Гоголе».* — М. Р. — М. Рахубовский, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей». В своей статье «Несколько слов о Гоголе» он писал: Булгарин «не затрудняется в средствах, лишь бы унизить талант и самую личность любимого Россией автора. <...> Современность — вот чего не может выносить г. Ф. Б. Такие критики, как он, в состоянии ужиться только или с посредственностью, или с тем, что уже давно прошло...» (СПбВ, 1855, 25 нояб., № 259, с. 1386).

С. 212. *Года два назад, при разборе вышедшей тогда книги «Опыт биографии Гоголя», г. Ф. Б. излил весь запас своего гнева...* — Имеются в виду два фельетона Булгарина «Журнальная всякая всячина» (СП, 1854, 7 и 14 августа, № 175 и 181), в которых содержались нападки на Гоголя и резко неодобрительный отзыв о книге: *Николай М.* (*Кулиш П. А.*). Опыт биографии Гоголя. СПб., 1854.

С. 212. *...по поводу напечатанной в октябрьской книжке «Отечественных записок» статьи о сочинениях Гоголя...* — Речь идет о статье А. Ф. Писемского «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: „Похождения Чичикова, или Мертвые души". том второй (5 глав)». Подробнее о ней см.: наст. кн., с. 193—197 и 373—374.

С. 212. *...невзирая ни на какие увещания поклонников Хераскова...* — М. М. Херасков (1733—1807) — писатель, представитель русского классицизма. Под «поклонниками Хераскова» имеются в виду приверженцы устарелых литературных вкусов.

С. 212. *...сочинения моего «Воспоминания и проч.»...* — Речь идет о книге: *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни, ч. 1—6. СПб., 1846—1849.

С. 212. *Автор статейки г. К. П. недоволен трудом г. Анненкова...* — К. П. — К. А. Полевой (1801—1867), в молодости принимавший участие в журнале своего брата Н. А. Полевого «Московский телеграф». В 1850-е гг. становится сотрудником булгаринской «Северной пчелы». Его статьи этого периода Н. Г. Чернышевский относил к «особому роду литературы, в котором столь усердно упражнялся в старину Булгарин» (т. VII, с. 296). Анненковскому изданию Пушкина К. А. Полевой посвятил две статьи (СП, 1855, 17 февр., № 36, с. 179—181; 18 нояб., № 255, с. 1347—1348). Об отношении Некрасова к анненковскому изданию Пушкина см.: наст. кн., с. 219—221 и 383. О полемике Некрасова с К. А. Полевым см.: *Манн Ю. В.* Некрасов в борьбе за Пушкина. — Искусство слова. М., 1973, с. 184—187.

С. 212. *...«как будто задал себе задачу не договаривать ничего» ∾ точно как члены Французской академии...»...* — Здесь и далее цитируется статья К. А. Полевого (СП, 1855, 18 нояб., № 255, с. 1348; курсив Некрасова).

С. 215. *...из «Летописи Горохина»...* — Имеется в виду повесть Пушкина «История села Горюхина». С произвольным названием

«Летопись села Горохина» повесть была впервые напечатана после смерти Пушкина в «Современнике» (1837, т. VII).

С. 215. *...замечательны некоторые строфы стихотворения г. Бенедиктова «К России». ∾ г. Бенедиктов, когда захочет, может явиться истинным поэтом...* — Стихотворение «К России» (БдЧ, № 11) сам его автор назвал в письме к А. В. Старчевскому от 11 октября 1855 г. «принадлежащим к отголоскам современности» (*Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983, с. 745).

С. 215—216. *Пусть нас зовут врагами просвещенья! ∾ И лучшая часть неба на земле.* — Стихотворение Бенедиктова цитируется по первой публикации с пропусками (с. 1—8).

С. 216. *Повесть г. Михайлова «Наш дом»...* — М. Л. Михайлов (1829—1865) — русский революционер, поэт и переводчик. В 1860-е гг. сблизился с Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, деятельно сотрудничал в «Современнике». В 1862 г. был арестован за распространение прокламации «К молодому поколению» и сослан в Сибирь, где и умер. Повесть «Наш дом» опубликована в «Библиотеке для чтения» (1855, № 11).

С. 216. *...роман г. Григоровича «Переселенцы»...* — Начало романа «Переселенцы» опубликовано в «Отечественных записках» (1855, № 11).

С. 216—217. *...г. Дружинин и в самой легкой своей вещи ∾ холодное, шумливое, печальное озеро!»...* — Речь идет о рассказе Дружинина «Русский черкес. Деревенский рассказ», который Некрасов цитирует (БдЧ, 1855, № 11, с. 108—109). С мнением Некрасова о рассказе не согласился В. Р. Зотов: «...какую пользу принесет подобная критика? „Русский черкес" слаб не по изложению всегда безукоризненному у автора, а по мысли и содержанию. неестественному и утрированному, и мы думаем, что гораздо справедливее и полезнее было бы, рассказав содержание, указать на его недостатки» (СПбВ, 1855, 22 дек., № 281, с. 1515; ср.: 1 дек., № 261).

С. 217. *...выше всяких похвал статья г. Кудрявцева «Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском». ∾ благодарность г. Кудрявцеву за эти трогательные строки.* — П. Н. Кудрявцев (1816—1858) — писатель и историк, ученик Т. Н. Грановского. Его статья «Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском. (Посвящено ученикам его)» опубликована в «Отечественных записках» (1855, № 11); см. также: *Кудрявцев П. Н.* Соч., т. II. М., 1887, с. 540—550. Ср. оценку Грановского Некрасовым в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года» (наст. кн., с. 185—188) и в письме Некрасова к Боткину от 8 октября 1855 г.

С. 217. *В статье о «Пропилеях»...* — Имеется в виду статья Н. М. Благовещенского «Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым (Кн. IV. М., 1854) (ОЗ, 1855, № 11).

С. 217. *«Жуковский свершил, по-видимому, свое человеческое и авторское поприще ∾ милостивее к русской литературе»...* — Цитируется статья Благовещенского (ОЗ, 1855, № 11, отд. III, с. 6; курсив Некрасова).

С. 217—218. *Читатели уже знают из объявлений о предпринятом в Москве г. Катковым «Русском вестнике». ∾ наша литература приобретет в «Русском вестнике» деятеля доброкачественного и добронравного...* — Литературный и политический журнал «Русский вестник» стал издаваться в Москве с января 1856 г. М. Н. Катковым (редактором-издателем) при участии П. М. Леон-

тьева. В объявлении «Об издании нового журнала учено-литературного и политического. „Русский вестник" в 1856 году», помещенном в «Московских ведомостях» (1855, 13 дек., № 149, с. 616—617), излагалась программа издания и сообщался обширный состав его участников, среди которых значились Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Я. П. Полонский, С. Т., К. С., И. С. Аксаковы, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, В. Ф. Корш, А. Н. Пыпин и множество других писателей и ученых.

С. 218. *Отрывок из поэмы «А сей несчастный — пусть живет и видит!»*. — По первоначальному замыслу это стихотворение А. Н. Майкова, направленное против хулителей Пушкина и Гоголя, являлось частью поэмы «Земная комедия (подражание Данте)», позднее названной «Сны» (1855—1859). См. об этом: *Майков А. Н.* Избр. произведения. Л., 1977, с. 803. В этом издании стихотворение публикуется под названием «(Отрывок) («Над прахом гения свершать святую тризну...»)» (с. 109—110).

С. 218. *«Да, чувства добрые он пробуждал в сердцах»*. — Перефразированная цитата из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). У Пушкина: «...чувства добрые я лирой пробуждал...».

С. 218. *Но Вождь мой удержал...* — В «Божественной комедии» Данте сопровождает в его странствиях Вергилий.

1856

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ДЕКАБРЬ 1855 И ЯНВАРЬ 1856 ГОДА

(С. 219)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 2 (ценз. разр.— 31 янв. и 5 февр., выход в свет — 9 февр. 1856 г.), отд. V, с. 201—223, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено И. Н. Розановым и А. Я. Максимовичем (см.: ЛН, т. 49—50, с. 230) на основании следующих соображений: статья начинается обращением к читателю. Некрасов упоминает о ней в письме к В. П. Боткину от 7 февраля 1856 г.: «Понравится ли тебе, как я пригнал твои страницы о Карлейле, — кажется, ладно?».

Текст, принадлежащий Боткину (С, 1856, № 2, отд. V, с. 205—210), в настоящем издании не воспроизводится. Не воспроизводится и часть статьи, посвященная «Русскому вестнику» и написанная Н. Г. Чернышевским (С, 1856, № 2, отд. V, с. 218—222; перепечатана в изд.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, с. 345—348; ср.: Чернышевский, т. III, с. 630—633).

Последний абзац — информация о выходе в свет «Стихотворений» А. А. Фета (СПб., 1856), очевидно, написан Некрасовым (С,

1856, № 2, отд. V, с. 223), принимавшим участие (вместе с Боткиным) в подготовке этого издания (редактор — И. С. Тургенев). В пользу авторства Некрасова свидетельствует смысловое и стилистическое сходство абзаца с заметкой Некрасова «Литературные новости» (1856) (см.: наст. изд., т. XII).

С. 219. *В этом году русская публика получила издание своего национального поэта ∾ В этом же году русскому обществу дан был Гоголь...* — Имеются в виду два издания: подготовленные П. В. Анненковым семитомные «Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков» (СПб., 1855—1857; в 1857 г. вышел дополнительный, седьмой том) и подготовленные Н. П. Трушковским шеститомные «Сочинения Гоголя» (СПб., 1855—1856). Анненковское издание — первое научное, критически выверенное издание Пушкина, а опубликованные в первом его томе «Материалы для биографии А. С. Пушкина» — первый опыт научного истолкования жизни и творчества поэта в их органическом единстве (см.: *Фридлендер Г. М.* Первая биография Пушкина. — В кн.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 5—31). Выход в свет этого издания рассматривался русской общественностью как крупное событие литературной жизни. Некрасов внимательно следил за работой Анненкова, помогал ему советами в издательских делах (см. письма Некрасова к Тургеневу от 20 января 1853 г., 16 и 22 октября 1854 г.). Об анненковской биографии Пушкина Некрасов собирался писать сам (см. об этом в письме к Анненкову от 12 января 1855 г.). Об издании Н. П. Трушковского см.: наст. кн., с. 192—193, 373.

С. 219. *...Гоголь, которого прежних изданий едва достало для десятой доли читателей...* — Имеются в виду издания: Вечера на хуторе близ Диканьки, ч. 1—2. СПб., 1831—1832; 2-е изд. СПб., 1836; Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки», ч. 1—2. СПб., 1835; Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя, ч. 1—2. СПб., 1835; Сочинения Николая Гоголя, т. 1—4. М., 1842.

С. 219. *...в 1855 году получили право существования несколько новых журналов.* — Негласный запрет издавать новые журналы сохранял силу до смерти Николая I (1855). В 1855 получили разрешение на издание и в 1856 г. начали выходить несколько общелитературных журналов: «Русский вестник» М. Н. Каткова, «Сын отечества» А. В. Старчевского, «Русская беседа» А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова, «Живописная русская библиотека» К. А. Полевого, «Музыкальный и театральный вестник» М. Я. Раппопорта.

С. 219. *Не касаясь столетнего юбилея Московского университета...* — Столетие Московского университета отмечалось 12 января 1855 г.

С. 220. *Первый том нового издания Пушкина ∾ есть капитальная книга...* — Ср. оценку И. С. Тургеневым «Материалов для биографии А. С. Пушкина» в письме к М. Н. и В. П. Толстым от 14 февраля 1855 г.: «Биография Пушкина производит самое отрадное впечатление — и отовсюду слышатся самые лестные отзывы труду Анненкова» (Тургенев, Письма, т. II, с. 261).

С. 220. *Мы уже довольно сказали в первой нашей статье, по поводу нового издания Пушкина («Современник», 1855, № 2), о тру-*

де г. Анненкова... — Речь идет о первой из четырех статей Чернышевского о «Сочинениях Пушкина» (С, 1855, № 2, отд. II, с. 27—58).

С. 220—221. *Подруга дней моих суровых* ∾ *То чудится тебе...* — Цитируется стихотворение А. С. Пушкина «Няне» (1826).

С. 221. *...как звук Внезапно порванной струны...* — Цитируется заключительная строка стихотворения А. А. Дельвига «Романс» (1823). У Дельвига:

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой.
Я с ней умру, как звук унылой
Внезапно порванной струны.

С. 221. *...первым изданием Пушкина (в 11 томах)...* — Речь идет о подготовленном П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, П. А. Плетневым издании: Сочинения Пушкина, т. I—XI. СПб., 1838—1841.

С. 221. *В 1855 году* ∾ *вышли в свет его последние произведения — второй том «Мертвых душ» (5 глав) и «Авторская исповедь».* — Имеется в виду подготовленное Н. П. Трушковским издание: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти (Похождения Чичикова, или Мертвые души, том второй (5 глав), Авторская исповедь). М., 1855.

С. 221. *Все эти сочинения в свое время были рассмотрены в «Современнике».* — Несколько книг, изданных в связи с юбилеем Московского университета, в «Современнике» (1855, № 2, 4 и 10) рецензировал Чернышевский (см.: Чернышевский, т. II, с. 625—631, 662—673, 749—755).

С. 222. *Еще недавно мы говорили подробно о путевых заметках г. Гончарова по поводу отдельно изданной им книги «Русские в Японии».* — Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов (Из путевых заметок). СПб., 1855 — отдельно изданные оттиски из «Морского сборника» (1855, № 9—11). Впоследствии вошли в книгу «Фрегат „Паллада"». В «Современнике» (1856, № 1) автором рецензии на «Русских в Японии» был А. В. Дружинин.

С. 222. *...здесь не место входить в анализ таланта графа Толстого...* — Ср. другие отзывы Некрасова о Л. Н. Толстом — в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (наст. кн., с. 184—185) и в его письмах этого времени.

С. 222. *...напечатанной в нынешнем году повести «Севастополь в августе 1855 года».* — Повесть Толстого была опубликована в № 1 «Современника» за 1856 г.

С. 223. *Бедные, бедные старушки* ∾ *несчастные матери героев, погибших в славной обороне!..* — Строки, перекликающиеся со стихотворением Некрасова «Внимая ужасам войны...» (С, 1856, № 2):

То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве...

(наст. изд., т. II, с. 14)

С. 223. *...в следующем будем говорить о «Рудине», повести г. Тургенева ..* — См. «Заметки о журналах <за> февраль 1856 года» (С, 1856, № 3; наст. кн., с. 237—239).

С. 224. *...перевод Дантова «Ада». «Современник» изготовляет критический очерк о труде г. Мина...* — О Д. Е. Мине см.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века. Л., 1985, с. 214—234. Имеется в виду изданный отдельной книгой его перевод: «Ад» Данта Алигьери. М., 1855. Обещанная статья в «Современнике» не появилась. См. также: наст. кн., с. 107, 338.

С. 224. *...сообщим несколько замечаний о Карлейле, набросанных одним нашим литератором...* — Далее следует текст о Т. Карлейле, написанный Боткиным (С, 1855, № 2, отд. V, с. 205—210). См. также: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984, с. 187—192. Этот текст является своеобразным комментарием к серии переводов Боткина из книги Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841): «О героях и героическом в истории. (Язычество. Скандинавская мифология. Один)», «Героическое значение поэта. Дант», «Героическое значение поэта. Шекспир» (С, 1855, № 10; 1856, № 1, 2).

С. 224. *...мы должны прежде всего принести благодарность г. Мокрицкому за его «Воспоминания о Брюллове» («Отечественные записки», 1855, № XII).* — А. Н. Мокрицкий (1811—1871) — художник, ученик А. Г. Венецианова и К. П. Брюллова.

С. 225. *В 17-м (он же и 18-й) нумере «Москвитянина», продолжение которого, к сожалению, нам, кажется, не суждено увидеть...* — Книжки «Москвитянина» выходили с большими опозданиями. Последние номера за 1856 г., когда журнал вообще прекратил свое существование, появились лишь в конце 1857 г.

С. 225—227. *...комедия г. Островского «Не так живи, как хочется».*∾ *когда он им даст полный простор и свободу.* — В комментируемой статье содержится наиболее развернутый отзыв Некрасова об А. Н. Островском (см.: *Гин М* Некрасов — театральный критик. — В кн.: Гин М., Успенский Вс. Некрасов — драматург и театральный критик. Л.—М., 1958, с. 111—113).

С. 225. *...в первом известном произведении г. Островского...* — Имеется в виду комедия А. Н. Островского «Картина семейного счастья» (МГЛ, 1847, 14 и 15 марта, № 60 и 61). После переработки пьеса под названием «Семейная картина» была опубликована вторично в «Современнике» (1856, № 4, отд. I, с. 217—234). Ср.: наст. кн., с. 253 и 395—396.

С. 225. *...еще комедия г. Островского под заглавием «В чужом пиру похмелье». Поговорим о ней в мартовской книжке «Современника».* — В мартовской книжке журнала обещанный отзыв не появился, — очевидно, потому, что спектакль по пьесе «В чужом миру похмелье», поставленный в Петербурге, разбирался в «Заметках Нового поэта о петербургской жизни» И. И. Панаева, опубликованных в той же февральской книжке «Современника» (отд. V, с. 185—191), что и комментируемая статья.

С. 226. *...можно и должно иметь гораздо высшие притязания, чем на лавры какого-нибудь Скриба, этого Шармера драматического искусства.* — Э. Скриб (1791—1861) — французский драматург, автор драм, комедий, оперных либретто, имевших большую популярность в России в 1840—1850-е гг. О драматургических «уловках Скриба», рассчитанных на вкусы обывателя, иронически писал Тургенев в рецензии «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста"» (С, 1852, № 3, отд. III, с. 1—9; Тургенев. Соч., т. V, с. 393—394). Е. Ф. Шармер — модный петербургский портной.

С. 226. *У Шекспира король Лир восклицает: «На земле передо мной нет виноватых!».* — Неточная цитата из «Короля Лира». (д. IV, сц. VI) в переводе Дружинина. У Дружинина: «Нет в мире виноватых! нет! я знаю!» (см.: *Дружинин А. В.* Собр. соч., т. III. СПб., 1865, с. 144). В «Литературных новостях» (С, 1856, № 4. отд. V, с. 238—244) Некрасов писал по поводу этого перевода: «Недавно А. В. Дружинин прочел нам свой перевод „Короля Лира". Если мы скажем, что такого перевода творений Шекспира еще не было на русском языке, то скажем не много в похвалу перевода г. Дружинина» (наст. изд., т. XII).

С. 228. *...повесть г. Зотова «Докторша»...* — В. Р. Зотов (1821—1896) — писатель, журналист, с 1856 г. — ведущий критик «С.-Петербургских ведомостей». В первой половине 1840-х гг. — близкий знакомый Некрасова; участник его издательских предприятий, в частности сборника «Статейки в стихах, без картинок»: сохранил с ним личные отношения и в дальнейшем (см.: *Зотов В. Р.* Из воспоминаний. — ИВ, 1890, № 2, с. 338—342). Зотов — автор нескольких сочувственных печатных отзывов о поэзии Некрасова (см.: *Аникина А.* Забытые отзывы о Некрасове... — ЛН, т. 53—54, с. 91—96). Отзыв Некрасова о «Докторше» вызвал раздражение автора (см. его ответ в «Обзоре русской литературы», который опубликован: СПбВ, 1856, 6 марта, № 52). О принадлежности Зотову этого обзора см.: *Егоров Б Ф.* В. Р. Зотов — критик и публицист 1850-х гг. — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тр. по рус. и слав. филологии. II. 1959, т. 78, с. 139. В других печатных органах «Докторша» также не получила благоприятных откликов. Критик «Библиотеки для чтения», например, писал, что Зотов «напомнил своей „Докторшей"романы Редклиф» (БдЧ, 1856, № 2, отд. VI, с. 46).

С. 229. *Гость, говорит автор, «не дал доктору сказать ни слова ∾ предложения (доктору) самые щедрые: триста рублей в месяц».* — Здесь и далее цитируется «Докторша» В. Р. Зотова (ОЗ, 1855, № 12, с. 188, 274, 229; курсив Некрасова).

С. 229—230. *...рассуждает с доктором о системе лечения Броуна, Галиена, Бруссе, Санградо, приводит изречения Бомарше и Мольера ∾ Иппократа.* — Д. Броун (1735—1788) — английский врач, основатель медицинской системы, названной его именем; К. Гален (131—201) — римский врач и естествоиспытатель; Ф.-Ж.-В. Бруссе (1722—1838) — известный французский врач; Санградо — персонаж романа А.-Р. Лесажа (1668—1747) «История Жиль Блаза из Сантильяны», имя которого стало синонимом невежественного в медицине человека; П.-О.-К. Бомарше — автор комедии «Севильский цирюльник» (1755); Ж.-Б. Мольер — автор комедий «Мещанин во дворянстве» (1670), «Мнимый больной» (1673), в которых врачи представлены как комические персонажи и содержатся насмешливые сентенции о медицине; Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.) — выдающийся врач Древней Греции, основоположник античной медицины.

С. 231. *...как жалки романы во вкусе Поля Феваля, Дюма и т. д....* —Французские романисты Поль Феваль (1817—1887) и А. Дюма-отец (1802—1870) еще в 1840-е гг. приобрели в русской критике репутацию поставщиков бульварных романов. Если Дюма расценивался В. Г. Белинским как писатель с дарованием, то Феваль — как «бездарный писака», у которого «нет ни ума, ни воображения, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно рассказы-

вать даже вздоры, которым так владеют французы и в котором больше всего заключается тайна успеха их нелепых романов» (т. X, с. 103 и 119).

С. 231. *...медицинские рассуждения в его повести о Кондильяке, Гейнроте, Эскироле, Линнее, Соваже, Коллене, Дарлинге и т. д. и т. д....* — Э.-Б. де Кондильяк (1715—1780) — французский философ-просветитель, сенсуалист; И.-Х. Гейнрот (1773—1843) — немецкий философ-психолог и врач-психиатр; Ж.-Э. Эскироль (1772—1846) — французский врач-психиатр; К. Линней (1707—1778) — шведский естествоиспытатель и натуралист; Ф.-Б. Соваж (1706—1767) и А.-Ж. Коллен (1731—1784) — французские врачи; Дарлинг (1782 (?) — 1862) — английский физиолог и хирург.

С. 231. *Как же после этого смеяться, если, например, какая-нибудь добрая и честная старушка ∾ и всё рвется в родимое село, в сердечную сторонку?* — Намек на повесть Е. Тур «Старушка» (РВ, 1856, № 2). Ироническое отношение Некрасова к этой писательнице прослеживается и в другой его заметке «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» (см., в частности, «Исторические параллели: Жорж Санд и Евгения Тур»), напечатанной в № 7 «Свистка» (С, 1861, № 1, с. 1—46, особая паг.; наст. изд., т. XII).

С. 231. *...«Крушинский» г. Потехина...* — А. А. Потехин (1829—1908) — драматург и беллетрист, автор пьес и романов из крестьянской и провинциальной жизни. В 1850-е гг. был близок к «молодой редакции» «Москвитянина». Несколько произведений опубликовал в «Современнике», однако постоянным сотрудником журнала не стал.

С. 231. *...«Плен у Шамиля» г. Вердеревского...* — См.: наст. кн., с. 247—248 и 392—393.

С. 231. *...«Последнее действие комедии» г. Крестовского...* — «В. Крестовский» — псевдоним писательницы Н. Д. Хвощинской. Подробнее о романе см.: наст. кн., с. 244—247; ср. также рецензию Некрасова на ее «Деревенский случай» (наст. изд., т. XII).

С. 232. *О «Переписке» г. Тургенева мы могли бы и желали бы говорить∾ которого деятельности вообще мы думаем коснуться по поводу «Рудина».* — Отзыв о «Рудине» см. в «Заметках о журналах <за>февраль 1856 года» (наст. кн., с. 237—239), где повесть «Переписка» не упоминается.

С. 232. *Но мы можем сказать несколько слов о статье «Взгляд на русскую критику», относящейся, по нашему мнению, к области юмора...* — Эта статья была опубликована в «Отечественных записках» (1856, № 1, подпись: «Г. Б—в—в») и принадлежала Г. Е. Благосветлову (1824—1880). Анализируя критику «Современника» на всем протяжении его существования, автор тенденциозно смешивал разные «эпохи издания» журнала — «пушкинскую» (1836—1837), «плетневскую» (1837—1846) и «нынешнюю» (с 1847 г., когда «Современник» перешел от Плетнева к Некрасову и Панаеву). Оценивая статьи и рецензии Чернышевского, публиковавшиеся в 1854 г. и резко отличавшиеся по тону и характеру, решительности и бескомпромиссности суждений от уклончивой критики предшествующего периода «цензурного террора», господствовавшего после 1848 г., Благосветлов игнорирует то обстоятельство, что такие изменения обусловливались не только приходом новых лиц, но и изменением общественных условий, расширением цензурных возможностей, по мере того как обозначалось поражение

России в Крымской войне, а также после окончания войны и смерти Николая I. Вспоминая об этой статье, М. А. Антонович писал позднее: «Нелепость самой статьи г. Благосветлова ужасна и невообразима; она, явившись на свет, произвела фурор и вызвала взрыв хохота, и на нее все показывали пальцами. Говорят, будто бы вследствие этого г. Краевский не стал печатать продолжения статьи; мы не выдаем за достоверное этого сведения, потому что знаем его из вторых источников, которым, впрочем, мы не имеем причины не доверять; сведение это подтверждается тем, что действительно не было напечатано продолжение статьи г. Благосветлова, несмотря на то что первая его статья обещала продолжение и в заглавии ее было напечатано: „Статья первая"» (*Антонович М. А.* Глуповцы в «Русском слове» (посвящается Г. Е. Благосветлову). — С, 1865, № 2. «Современное обозрение», с. 384). Статья Благосветлова находилась в противоречии с провозглашенным редакцией «Отечественных записок» отказом от беспринципной полемики. Ср. также еще один отзыв об этой статье (БдЧ, 1856, № 2, отд. VI, с. 64).

С. 232. *...противоречия, существующие между «Отечественными записками» Свиньина и «Отечественными записками» г. Краевского.* — Речь идет о разных изданиях под одним названием. «Отечественные записки» П. П. Свиньина (1818—1830) первоначально — в 1818 и 1819 гг. — издавались в виде двух сборников под этим названием, а затем как ежемесячный журнал. «Отечественные записки» А. А. Краевского (1839—1867) в 1840-е гг., благодаря сотрудничеству Белинского, стали передовым журналом эпохи.

С. 232. *...за время редижирования их одним лицом...* — Редижирование (от франц. rédiger — составлять) — здесь в значении: редактирование.

С. 232. *...статья «О Бородинской годовщине» Жуковского, статьи о Пушкине и статья о переведенной г. Ордынским «Поэзии» Аристотеля?* — Эти в разное время опубликованные в «Отечественных записках» статьи соответствовали разным этапам в развитии русской литературно-критической мысли. Статья Белинского «Бородинская годовщина» (1839) была написана им в период увлечения философией Гегеля, преклонения перед «разумной действительностью»; одиннадцать статей критика о Пушкине (1843—1846) относились к самому зрелому периоду его деятельности. Статья же Чернышевского «О поэзии. Сочинения Аристотеля, перевел Б. Ордынский» (1854) соответствовала началу нового этапа в развитии демократической критики: здесь впервые были изложены основы реалистической эстетики Чернышевского.

С. 233. *В заключение сообщим литературную новость.* ∾ *появится роскошное — в полном смысле слова — издание «Стихотворений» А. А. Фета.* — Развернутый отзыв о «Стихотворениях» А. А. Фета (СПб., 1856) содержится в заметке Некрасова «Литературные новости» (С, 1856, № 4; наст. изд., т. XII).

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ <ЗА> ФЕВРАЛЬ 1856 ГОДА

(С. 233)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 3 (ценз. разр. — 29 февр. и 3 марта, выход в свет — 9 марта 1856 г.), отд. V, с. 78—95, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено А. Я. Максимовичем (см.: ЛН. т. 49—50. с. 231). Основанием атрибуции служит ряд фактов. Статья начинается обращением к читателю, и изложение ведется от имени «журналиста», как тогда называли редактора-издателя журнала. В письме Некрасова к В. П. Боткину от 7 февраля 1856 г. упоминается о намерении писать о романе И. С. Тургенева «Рудин». осуществленном в комментируемой статье. Статья содержит цитату из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин», к тому времени еще не опубликованного. Основная часть статьи — обзор опубликованных в «Москвитянине» писем Гоголя — принадлежит Н. Г. Чернышевскому (перепечатана: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, с. 336—344; ср.: Чернышевский, т. III, с. 634—642) и в настоящем издании не воспроизводится.

С. 233. *И всё то благо, то добро...* — Неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Утро» (1800). У Державина: «И всё то благо, всё добро...».

С. 234. *...Заметен ты∾ И потонул в его лучах!* — Автоцитата из стихотворения «Поэт и гражданин» в первоначальной редакции. В литературе высказывалось мнение, что комментируемая статья являлась «своеобразным публицистическим конспектом будущего стихотворения „Поэт и гражданин"» (см.: *Тамарченко Г.* Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. — Нева, 1971, № 12, с. 181).

С. 235. *Новый московский журнал «Русский вестник»...* — См. о нем: наст. кн., с. 217—218, 381—382.

С. 235—236. *Еще в избах кой-где мерцает∾Утрет слезу свою тайком.* — Цитируется стихотворение Н. П. Огарева «Зимний путь» (РВ, 1856, № 2, кн. 1, с. 399—400).

С. 236. *Во 2-м № «Русского вестника» прочли мы пьесу г. К. Аксакова «Солнце и Луна».* — Стихотворение К. С. Аксакова под названием «Луна и Солнце» опубликовано: РВ, 1856, № 1, кн. 2. О цензурной истории стихотворения см. письмо Аксакова к Тургеневу от начала августа 1853 г. (РО, 1894, № 10, с. 486).

С. 236—237. *...отдадут справедливость и стихотворению г. Лебедева...* — И. Я. Лебедев — поэт, публиковавшийся в «Русском вестнике» (1856, № 10, кн. 2).

С. 237—239. *Покуда мы можем сказать только о «Рудине» ∾для г. Тургенева начинается новая эпоха деятельности..* — Мнение Некрасова, увидевшего в «Рудине» (С, 1856, № 1, 2) осуществление новой эпической манеры Тургенева, зрелость таланта художника, отражало и позицию «Современника». Интерес Некрасова к этому роману объяснялся его собственными раздумьями над проблемой поколения 1840-х гг., воплощенными в поэме «Саша» (С, 1856, № 1). О многочисленных критических откликах на роман Тургенева, спорах вокруг него, начавшихся до его публикации, см.: *Габель М. О., Измайлов Н. В.* Историко-литературный комментарий к роману «Рудин». — Тургенев, Соч., т. VI, с. 547—575; Тургенев, Соч. (изд. 2-е), т. V. с. 463—490.

С. 238. *...они действительно жили более всего головою ∾ Эту отрицательную сторону полно и прекрасно изобразил г. Тургенев. Не столь ясно и полно выставлена им положительная сторона в типе Рудиных.* — Этот упрек Некрасова объяснялся, по-видимому,

тем, что он был знаком лишь с журнальной публикацией романа. Концовка эпилога романа, изображавшая гибель Рудина на парижских баррикадах, впервые появилась в издании: *Тургенев И. С.* Соч., т. IV. М., 1860.

С. 239. *По поводу Лежнева мы когда-нибудь еще возвратимся к повести г. Тургенева.* — Обещание осталось невыполненным. Значение этого образа для Некрасова определялось, очевидно, тем, что воспитанный в кружке Покорского—Станкевича, Лежнев был, в отличие от Рудина, человеком дела, а не слова. Кроме того, важное значение приобрели введенные в роман, по совету друзей, рассказы Лежнева о молодости Рудина (кружок Покорского) и его последующей деятельности. См. об этом в письме Некрасова к Боткину от 24 ноября 1855 г.: «А Тургенев славно обделывает „Рудина". Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицина и Рудина. Прекрасные, сердечно-теплые страницы и — необходимейшие в повести!.. Теперь Тург<енев> работает за концом, который также должен выйти несравненно лучше. Словом, повесть будет и развита, и закончена. Выйдет замечательная вещь. Здесь в первый раз Тург<енев> явится самим собою — еще всё-таки не вполне, — это человек, способный дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни. Ты это сам увидишь, прочитав, каков теперь вышел Лепицин». Лепицин — герой романа, получивший в окончательном тексте фамилию Лежнев.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА МАРТ 1856 ГОДА

(С. 239)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 4 (ценз. разр. — 29 февр. и 31 марта, выход в свет — 9 апр. 1856 г.), отд. V, с. 223—237, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено А. Я. Максимовичем (см.: ЛН, т. 49—50, с. 231; ср.: ПСС, т. IX, с. 768) на основании ряда признаков: статья начинается обращением к читателю; отзывы о А. Н. Майкове аналогичны предшествующим отзывам Некрасова о нем. Сведения о каких-либо соавторах отсутствуют; по-видимому, статья написана Некрасовым единолично.

С. 239—242. *...вам будет отрадно прочесть следующие строки, которыми открывается речь графа Д. Н. Блудова по случаю назначения его президентом императорской Академии наук ∾ радуемся за себя, за Академию и за отечественное просвещение».* — Д. Н. Блудов (1785—1864) — государственный деятель, до назначения на должность президента императорской Академии наук 23 декабря 1855 г. был министром внутренних дел (1832—1838), а в 1830—1831 и 1838—1839 гг. управлял Министерством юстиции. Племянник Г. Р. Державина, один из учредителей «Арзамаса». Высказанная им в его речи, произнесенной 23 декабря 1855 г. при вступлении в должность президента императорской Академии наук, мысль о поощрении наук и просвещения была вполне объяснима.

назревала эпоха реформ после поражения в Крымской войне и смерти Николая I. Некрасов воспользовался этой речью, чтобы широко обрисовать культурно-просветительские задачи Академии наук.

С. 241. *...со времени почтенного Мартынова почти никто у нас не посвящал своей жизни передаче классических произведений древности...* — И. И. Мартынов (1771—1833) — переводчик греческих классиков, академик; в 1823—1829 гг. вышло 26 томов его переводов Гомера, Софокла, Геродота, Пиндара и других авторов с обстоятельными историко-литературными комментариями. См. о нем: *Колбасин Е. Я.* Иван Иванович Мартынов, переводчик «Греческих классиков» (С, 1856, № 3, отд. II, с. 1—46; № 4, отд. II, с. 75—126); *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.—Л., 1964, с. 309—330.

С. 241. *..не поддержанный публикою перевод творений Платона, предпринятый профессором Карповым...* — В. Н. Карпов (1798—1867) — философ, профессор Петербургской духовной академии, редактор и переводчик древнегреческих текстов. Первые две части «Сочинений Платона» в его переводе (ч. 1—6. СПб., 1841) приветствовал В. Г. Белинский (т. V, с. 613—614), который, однако, выразил опасение: «Неужели этот труд не поддержится публикою? Страшно и подумать об этом...» (т. VI, с. 382—390). Очевидно, это опасение оправдалось: следующее издание перевода Карпова появилось в Петербурге лишь в 1863—1879 гг.

С. 241. *До сих пор мы не имеем полного перевода творений Шекспира, до сих пор у нас не переведены ни испанский театр, ни Гёте, ни Сервантес...* — Некрасов привлекает внимание читателей к проблемам перевода мировой классической литературы, имея в виду будущие возможные труды императорской Академии наук. О переводах отдельных драматических произведений Шекспира, выполненных М. П. Вронченко (СПб., 1828), А. И. Кронебергом (Харьков, 1844), Н. X. Кетчером (СПб., 1841—1850), см.: наст. том, кн. 1, с. 255 и 444. Под «испанским театром» подразумевались драматические произведения Лопе де Вега, П. Кальдерона, Тирсо де Молина, переводы которых на русский язык были немногочисленны. «Фауст» Гете переводился в России интенсивнее, — в частности. Э. И. Губером (СПб., 1838), М. П. Вронченко (СПб., 1844), А. Н. Струговщиковым (СПб., 1856; см. также публикации в журналах — 1835—1843) и др. Из переводов Сервантеса были известны переводы «Дон-Кихота» В. А. Жуковского (т. 1—6. М., 1803—1806) и К. П. Масальского (т. 1. СПб., 1838; не завершен).

С. 241. *То, что было издано Академиею наук в славное царствование Екатерины Великой...* — Об издательской деятельности Академии наук в период царствования Екатерины II см.: *Копелевич Ю. X.* Основание Петербургской Академии. Л., 1974; *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных. (Из истории Российской Академии). Л., 1986.

С. 242. *...из речи академика И. И. Давыдова...* — И. И. Давыдов (1794—1863) — филолог и философ, профессор Московского университета.

С. 242. *Мы всегда любили поэтический талант г. Майкова ~ талант этот несколько удалился от истинных условий творчества...* — Намек на «верноподданнические» стихотворения А. Н. Майкова «Арлекин» (С, 1855, № 1) и «18 февраля 1855 года» (на смерть Николая I) (С, 1855, № 3). См. также: наст. кн., с. 114 и 341.

С. 242—243. *На дальнем Севере моем ∾ («Очерки Рима», 1847).* — Цитируются стихотворения Майкова из книги «Очерки Рима» (СПб., 1847, с. 5, 10). В стихотворении «Fortunata» Некрасовым опущено третье четверостишие:

Я любви не числю и не мерю,
Нет, любовь есть вся моя душа,
Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Чувствую, как тут я хороша.

С. 243—244. *Тихонько удочки забравши, впопыхах ∾ учили жить меня?..* — Стихотворение Майкова «Рыбная ловля» цитируется по первой публикации (ОЗ, 1856, № 3, отд. I, с. 288—290).

С. 244. *«Последнее действие комедии», роман В. Крестовского ∾ замечательно во многих отношениях...* — Роман Н. Д. Хвощинской был опубликован в «Отечественных записках» (1856, № 1—3).

С. 244. *...почти у всех наших писательниц лучшие произведения их — первые повести; остальные — вариации на одну и ту же тему.* — В последних словах, очевидно, содержится намек на название одной из повестей писательницы А. Я. Марченко — «Три вариации на одну тему». Первая часть повести возбудила надежды. не вполне оправдавшиеся в дальнейшем (см.: наст. кн., с. 26. 313—314).

С. 247. *Повесть г. Вердеревского «Плен у Шамиля» чрезвычайно интересна. Это невымышленный рассказ о восьмимесячном пребывании в плену у Шамиля семейств князя Орбелиани и князя Чавчавадзе.* — Повесть Е. А. Вердеревского имеет следующий подзаголовок — «Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854—1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе. основанная на показании лиц, участвовавших в событии» (ОЗ, 1856, № 1, с. 59—152). Орбелиани и Чавчавадзе — древние княжеские грузинские роды. См. также: наст. кн., с. 126—127 и 344—345.

С. 247. *...влияние имама на народ...* — Имам (арабск.) — светский и духовный глава общины; здесь: глава государства мюридов.

С. 247. *...выкуп и размен пленниц ∾ пламенное желание получить миллион за выкуп и столь же пламенное желание увидеть своего сына, поручика Джемаль-Эддина...* — Речь идет об одном из сыновей Шамиля, который в 1840-х гг. был взят русскими войсками в качестве заложника, затем вывезен в Россию, помещен в Кадетский корпус и по окончании выпущен офицером в один из столичных полков. Шамиль требовал его в обмен на кахетинских княгинь А. И. Чавчавадзе (с сыном) и В. И. Орбелиани. Обмен произошел в 1854 г. Сын Шамиля уезжал из Петербурга на Кавказ к отцу неохотно (см. об этом: *Прозрителев Г.* Шамиль в г. Ставрополе. Ставрополь, 1913, с. 8 (Тр. Ставропольской учен. арх. комис.)). Ср. с изложением этого события в дневнике В. С. Аксаковой (15 апреля 1855 г.): «Шамиль выдал их («наших пленниц») в обмен сына своего и 40 тысяч серебром. Сын его был захвачен нами и воспитан в корпусе. теперь он служил в нашей службе. Говорят. его смутила в первую минуту мысль о возврате его в дикую свою родину, однако ж он сам пожелал, но был глубоко оскорблен, когда отец его, согласившись возвратить пленниц за эти условия, вдруг отказался от своего обещания и потребовал миллион денег и 250 пленных. Молодой Шамиль, которого очень хвалят, написал ему

письмо, в котором объяснил, что отец его этим унижает в глазах русских; отец согласился, и вот совершился обмен чрезвычайно любопытный» (*Аксакова В. С.* Дневник. СПб., 1913. с. 106).

С. 247. *..если б перевести эту повесть на иностранные языки она имела бы за границею успех...* — Ср. отклик «Московских ведомостей» на выход в свет повести Е. А. Вердеревского «Плен у Шамиля» отдельным изданием (М., 1856): «Мы уже имели случай упоминать об этом труде, чрезвычайно любопытном, но, к сожалению, слишком растянутом. Пленницы наши, как известно, проникли в самые сокровенные убежища Шамиля и его скопищ и поневоле заглянули туда, куда никто еще не заглядывал. Понятно, как сильно возбуждается интерес при чтении труда г. Вердеревского, из которого уже сделаны извлечения в „Revue des Deux Mondes" и в брюссельской газете „Le Nord"» (МВ, 1856, № 83).

С. 248. *...песнопение какого-нибудь миннезингера...* — Миннезингер (нем. Minnesinger) — немецкий средневековый поэт-певец.

С. 248. *...в высшей степени замечательная статья г. академика Устрялова «Первые морские походы Петра Великого в 1693 и 1694 гг.»*. — Н. Г. Устрялов (1805—1870) — историк, профессор Петербургского университета, автор университетского курса «Русская история» (Ч. 1—5. СПб., 1837—1841). Упоминаемая Некрасовым статья являлась частью капитального труда Устрялова «История царствования Петра Великого» (т. 1—4, 6; т. 5 не выходил. СПб.. 1858—1863). Одобрив обширные документальные материалы, привлеченные историком, Н. А. Добролюбов критически отнесся к официально-монархической трактовке темы статьи (т. III, с. 7—132).

С. 248. *..не встретили мы продолжения писем Гоголя к г. Погодину...* — Письма Н. В. Гоголя к М. П. Погодину 1832—1840 гг. были опубликованы в «Москвитянине» (1855, № 19—20, окт., кн. 1—2, с. 1—56; отд. оттиск: М., 1855). Продолжения публикации не было.

С. 248. *«Приписка к письму от 28-го октября. Государь приехал сегодня...* — Здесь и далее цитируются «Крымские письма» Н. В. Берга (М, 1856, № 21—22, нояб., отд. I, с. 118, 117, 114).

С. 249—250. *...обвинение в некоторых мелочах и чисто личных подробностях* ∾ *ныне г. Погодин объявил, что он, вопреки желанию автора, не хотел исключить таких мест из опасения нарушить искренность и безыскусственность писем.* — Некрасов имеет в виду редакционное примечание «Москвитянина» к следующей приписке Берга к его письму от 28 октября 1855 г.: «В письмах моих есть совершенно лишние, неудобные вещи, которых не желал бы видеть в печати; мало ли что я к вам пишу» (М, 1855, № 21—22, нояб., отд. I, с. 115).

С. 250. *В последних книжках «Русского вестника» появилось несколько замечательных статей ученого содержания. Мы будем говорить о них в следующем месяце.* — Отзыв о статьях М. Н. Каткова «Пушкин», П. В. Анненкова «О значении художественных произведений для общества», С. М. Соловьева «Древняя Русь» и «Август-Людвиг Шлецер», П. Н. Кудрявцева «Карл V», Б. Н. Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России» и др., опубликованных в № 2 «Русского вестника» за 1856 г., был написан Н. Г. Чернышевским и вошел в состав «Заметок о журналах за апрель 1856 года» (С, 1856, № 5, отд. V, с. 109—118; ср.: Чернышевский, т. III, с. 642—650).

С. 250. *Журнальная деятельность в Москве обещает и еще более оживиться изданием нового журнала «Русская беседа», предпринятым гг. Кошелевым и Филипповым.* ∾ *С нетерпением ждем первого № «Беседы», обещанного в начале апреля.* — «Русская беседа» (1856—1860), ежемесячный журнал славянофильского направления, издавался А. И. Кошелевым совместно с Т. И. Филипповым. С 1858 г. журнал фактически редактировал И. С. Аксаков. В «Русской беседе» печатались И. С. и С. Т. Аксаковы, В. И. Даль, А. Н. Островский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, А. А. Григорьев и др. Некрасов и Чернышевский приветствовали журнал, однако надежды на союзничество с ним не оправдались (см. об этом: Чернышевский, т. III, с. 650—651).

С. 250—251. *...о журнале, который в своем роде также производит впечатление новости. Это «Пантеон»* ∾ *и мы желаем, чтобы обновление его было прочно.* — Журнал «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (о его предыстории см.: наст. том, кн. 1, с. 399) с 1852 по 1856 г. выходил под названием «Пантеон». Его редактор и издатель Ф. А. Кони в 1852 г. расширил программу, превратив журнал в литературно-художественный и театральный. Однако журнал не пользовался успехом. С августа 1855 г. он выходил с большим опозданием. Некрасов говорит о первой книжке «Пантеона» за 1856 г., вышедшей только в марте (ценз. разр. — 17 марта 1856 г.). Это обстоятельство оговорено и в предисловии «От редакции», в котором Ф. А. Кони также писал: «...редакция, не делая заманчивых обещаний, постарается, как и прежде, журнал свой сделать интересным и разнообразным по выбору статей, живым и современным по содержанию» (П, 1856, № 1 отд. паг.).

С. 251. *...поместили мы стихотворение «За днями дни идут чредой...», которое нашел Е. Н. Эдельсон в альманахе «Весенние цветы» с подписью «А. Пушкин» и сообщил нам.* — Некрасов разъясняет историю с перепечаткой в «Современнике» (1856, № 3 отд. I, с. 5—6) стихотворения В. И. Туманского «За днями дни идут чредой...», ошибочно приписанного Пушкину. Это стихотворение под названием «Моя любовь» впервые было опубликовано за подписью «Т.—» в альманахе «Северные цветы на 1825 год, собранные бароном А. А. Дельвигом» (Изданы Ив. Слениным. СПб., 1825) В альманахе «Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Раича, Маркевича, Вяземского и проч.» (М., 1835) оно напечатано с подписью «А. Пушкин» (см. об этом: *Смирнов-Сокольский Ник.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 619—620). Под заглавием «Моя любовь» стихотворение опубликовано в издании: *Туманский В. И.* Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 356—357. Е. Н. Эдельсон (1824—1868) — литературный критик, переводчик, один из членов «молодой редакции» «Москвитянина». Обстоятельства его участия в публикации стихотворения в «Современнике» не установлены.

С. 251. *В № 58 «С.-Петербургских ведомостей» явилась «Литературная заметка»* ∾ *крепко стыдит редакцию «Современника», что ее «поддел» (выражение газеты) неизвестный собиратель «Весенних цветов»...* — «Литературная заметка (Письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей»)» была подписана астронимом «***». Автор ее писал: «Как же, скажете вы, в альманах "Весенние цветы, или Собрание романсов" и пр. попало это стихотво-

рение с именем Пушкина? Очень просто. Известно, как у нас составляются эти сборники романсов, песенок, куплетцев и т. п.: какой-нибудь полуграмотный книжный спекулянт понадергает стишков оттуда, отсюда, из разных книг, журналов, альманахов, сопьет в тетрадку и продаст за какую-нибудь безделицу книгопродавцу, который и сбывает этот товар на Нижегородской ярмарке по столько-то копеек за книжку. Разумеется, чтоб взять подороже, собиратель старается набрать имен погромче: на это у них всегда хватит догадки... Так точно поступил и неизвестный собиратель „Весенних цветов" 1835 года — выписал из вышедших пред тем „Северных цветов" стихотворение Туманского и вместо негромкой и загадочной для него буквы „Т.—" поставил „А. Пушкин" и, таким образом поддев в 1835 году книгопродавца, поддел в 1856 редакцию „Современника"» (СПбВ, 1856, 13 марта, № 58, с. 329).

С. 252. *...тот же самый издатель «С.-Петербургских ведомостей» г. Краевский, издающий тоже «Отечественные записки», украшал в 1855 году свой журнал стихотворениями г-жи К. Павловой, из которых иные были уже напечатаны в «Москвитянине» 1841 года.* — Имеется в виду стихотворение К. К. Павловой «Старуха», впервые опубликованное в «Москвитянине» (1841, № 12, с. 290—293) и с незначительными разночтениями перепечатанное в «Отечественных записках» (1855, № 9, с. 107—110).

С. 252. *...г. Краевский был в этом случае жертвою доверчивости к авторитету Г. П. Данилевского...* — Ср. в одном из вариантов более позднего сатирического стихотворения Некрасова «Песня об Аргусе» (1863):

Встретишь как раз <Дани>левского,
Что-нибудь тотчас соврет;
После расскажешь за верное —
Скажут: и сам ты такой!
Дело такое прескверное
Было однажды со мной!..

(наст. изд., т. II, с. 298—299)

С. 252—253. *Мы позволяем ему в своей газете сколько угодно хвалить свой же журнал и всячески унижать наш: это явление совершается уже четвертый год...* — В 1852 г. А. А. Краевский, редактор «Отечественных записок», взял в аренду «С.-Петербургские ведомости» (совместно с А. Н. Очкиным). Нападками на «Современник» были переполнены и журнал, и газета Краевского.

С. 253. *Мы позволяем ему печатать «Взгляды на русскую критику»* ∾ *с прибавлением всяких неблагосклонных эпитетов.* — Имеется в виду статья Г. Е. Благосветлова, направленная против «Современника» (см.: наст. кн., с. 232—233, 387—388).

С. 253. *...напечатали мы «Семейную картину» г. Островского* ∾ *пьеса была напечатана в 1846 году в «Московском листке».* — Некрасов допустил неточность. Пьеса А. Н. Островского под названием «Картина семейного счастья» была впервые опубликована в «Московском городском листке» за 1847 г. (14 и 15 марта, № 60 и 61). При вторичной ее публикации в «Современнике» (1856, № 4) Островский изменил название пьесы на «Семейная картина», внеся в нее ряд поправок. Фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» В. Р. Зотов упрекнул «Современник» за перепечатку и обвинил Островского в «сокрытии соавтора» Д. А. Горева-Тарасенкова (см.:

СПбВ, 1856, 2 мая, № 36; *Беляев М. Д.* Газетная травля (Островский и Горев-Тарасенков). — В кн.: Памяти А. Н. Островского. Пгр., 1923, с. 70—86).

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА АПРЕЛЬ 1856 ГОДА
(С. 253)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С. 1856, № 5 (ценз. разр. — 30 апр. и 5 мая, выход в свет — 13 мая 1856 г.), отд. V, с. 105—109, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено А. Н. Пыпиным на основании свидетельства Н. Г. Чернышевского: «Писано под диктовку Некрасова» (Пыпин, с. 232; ср.: ЛН, т. 49—50, с. 227 и 231). Часть статьи о «Русском вестнике» и об исследованиях Б. Н. Чичерина (С, 1856, № 5, отд. V, с. 109—118) принадлежит Чернышевскому и перепечатана в издании: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, с. 363—370; ср.: Чернышевский, т. III, с. 642—650; в настоящем томе не воспроизводится. По предположению В. Э. Боград, последний абзац статьи (в котором речь идет о «Пантеоне», упоминаемом также в «Заметках о журналах за март 1856 года», — наст. кн., с. 250) принадлежит, по-видимому, Некрасову (см.: Боград Совр, с. 529). Ввиду отсутствия других доказательств этот абзац в настоящий том не включается.

С. 254—255. *Усталых сил я долго не жалел ∾ О молодость, о тягостное бремя?* — Стихотворение И. С. Аксакова цитируется по первой публикации (Рус. беседа, 1856, № 1, с. 5—6). С. Т. Аксаков привел две последние строки этого стихотворения в письме к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1854 г.: «В мои года можно бы иметь поболее спокойствия, но где же его взять, когда его нет, и я часто применяю к себе стихи моего Ивана...» (РО, 1894, № 11, с. 21—22; Переписка И. С. Тургенева, т. 1. М., 1986, с. 332).

С. 255—256. *Добро б мечты, добро бы страсти ∾ Почтим веления твои!* — Стихотворение И. С. Аксакова цитируется по первой публикации (Рус. беседа, 1856, № 1, с. 7).

С. 255. *«Слова, слова, одни слова!»* — Ответ Гамлета на вопрос Полония: «Что вы читаете, принц?» — в трагедии Шекспира «Гамлет» (д. II, сц. 2).

С. 256. *Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, строгого и сильного голоса.* — Тургенев познакомил Аксаковых с «Заметками о журналах за апрель 1856 года» до выхода в свет № 5 «Современника». 5 (17) мая 1856 г. он писал Некрасову из Москвы: «Видел Аксаковых, которых очень польстило твое мнение об них и о „Русской беседе"» (Тургенев, Письма, т. II, с. 347).

С. 256. *Спа́ла ночь с померкшей вышины ∾ Как горит лампада пред иконой.* — Стихотворение А. С. Хомякова «Ночь» цитируется по «Русской беседе» (1856, № 1, с. 3) с существенным для смысла разночтением в знаках: «Ты вставай, во мраке спящий брат!» вместо «Ты вставай во мраке, спящий брат!».

С. 257—258. *«Любезный читатель! „Русская беседа" просит твоего благосклонного внимания. ∾ в деле просвещения, в деле жизни...».* — Цитируется с пропусками редакционная статья № 1 «Русской беседы» за 1856 г. (с. I—VI).

С. 258. *Подробнее мы познакомим читателей ∾ а теперь перейдем к «Русскому вестнику»...* — Далее следует отзыв о «Русском вестнике», принадлежащий Чернышевскому (т. III, с. 642—650). О № 1 «Русской беседы» за 1856 г. в следующем № 6 «Современника» писал Чернышевский в «Заметках о журналах за май 1856 года».

<ИЗ СТАТЬИ «ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА МАЙ 1856 ГОДА»>

(С. 258)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 6 (ценз. разр. — 31 мая, выход в свет — 12 июня 1856 г.), отд. V, с. 235, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Основная часть комментируемой статьи принадлежит Н. М. Львову и Н. Г. Чернышевскому. Некрасову атрибутируется лишь вводная ее часть на основании характерной для его критической манеры особенности — открывающего статью обращения к читателю (ср.: наст. кн., с. 352—354).

С. 258. *...комедия графа Соллогуба ∾ вызвала, между прочим ∾ суждение, с которым мы совершенно согласны...* — Далее следует текст Львова «Несколько слов о комедии „Чиновник"» и отзыв о № 1 журнала «Русская беседа» за 1856 г., написанный Чернышевским (т. III, с. 650—661).

1866

«ТАИНСТВЕННАЯ КАПЛЯ»
Части первая и вторая;

«СТИХОТВОРЕНИЯ» М. ДМИТРИЕВА; «ЭПОПЕЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ» И. ЗАВАЛИШИНА; «ДНЕВНИК ДЕВУШКИ» Е. РОСТОПЧИНОЙ; «СОН И ПРОБУЖДЕНИЕ» В. БОЖИЧА-САВИЧА; «ОТТИСКИ» Я. ПОЛОНСКОГО; «ПЕРЕВОДЫ ИЗ МИЦКЕВИЧА» Н. БЕРГА; «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», <ПАРОДИЯ> ТЕМНОГО ЧЕЛОВЕКА

(С. 259)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1866, № 3 (ценз. разр. — 3 и 21 марта, выход в свет — 27 марта 1866 г.), отд. II, с. 119—130, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским, который без мотивировки включил входящее в комментируемую рецензию четверостишие «Эти не блещут особенным гением...» в издания: ПССт 1927, с. 373 и 464; ПССт 1931, с. 405 и 634 (ср. также: Ашукин, с. 317). Принадлежность Некрасову четверостишия и всей статьи обоснована А. Я. Максимовичем, обнаружившим первоначальный вариант четверостишия на полях наборной рукописи «Балета» (см.: наст. изд., т. II, с. 327).

Рецензируемые книги, неоднородные по своему характеру и литературному уровню, послужили поводом для размышлений Некрасова о современной поэзии, в частности о принципах поэтического перевода.

С. 259. *Пишет ли современная Россия стихи? ∾ «Разумеется, не пишет!» ∾ Современная Россия пишет проекты банков и железных дорог...* — Ср. в поэме Некрасова «Современники» (1875):

Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!

(наст. изд., т. IV, с. 227)

С. 259. *Современная Россия ∾ говорит в собраниях о том, что нет ни у кого денег...* — Имеется в виду разразившийся в середине 1860-х гг. острый финансовый кризис. С этой темой связаны стихотворный фельетон Некрасова «Финансовые соображения» (1860—1861) и его сатира «Балет» (1866) (см.: наст. изд., т. II, с. 100—102, 372 и 231—235, 424—425).

С. 260. *(«Магнетизм любви» г. Божича-Савича)...* — Имеется в виду стихотворение В. Г. Божича-Савича, напечатанное перед его поэмой «Сон и пробуждение» (СПб., 1866). Отзывы об этой поэме см. в «Книжном вестнике» (1866, № 3, с. 62) и «Голосе» (1866, № 128).

С. 260. *...и такие книжки, как г. Дмитриева...* — М. А. Дмитриев (1796—1866) — поэт, беллетрист, критик, известный в 1820—1840-х гг. своими нападками на А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Н. А. Полевого, «натуральную школу» и особенно В. Г. Белинского. Чтобы отличить его от поэта И. И. Дмитриева, современники называли его «Лжедмитриевым». Его «Стихотворения» (ч. 1—2. М., 1865) — одно из изданий, подводивших «итоги деятельности стихотворствующих россиян», дало Некрасову повод поговорить о нем.

С. 260. *...«Таинственная капля»...* — Религиозно-мистическая поэма (в двух частях) Ф. Н. Глинки, в 1861 г. изданная анонимно в Берлине в Вольной русской типографии. В России эту вполне благонамеренную поэму запретила духовная цензура, поскольку в ее основу была положена апокрифическая легенда. Речь в легенде шла о том, что Иосиф и Мария с младенцем Иисусом во время бегства в Египет попали к разбойникам, и богородица спасла умирающего ребенка одного из разбойников, приложив его к своей груди. Этот ребенок оказался впоследствии тем разбойником, который был распят в один день с Христом и рядом с ним

(см.: *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1869). М. 1934. с. 33—39 и 471—472). В России «Таинственная капля» была опубликована лишь в 1871 г. В молодости декабрист, Глинка в зрелые годы сблизился с идеологами «официальной народности» С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным.

С. 260. *...г-жа Ростопчина, беспокоившая наших дядюшек...* — В стихах и письмах поэтессы графини Е. П. Ростопчиной (1811—1858) запечатлены встречи ее с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым. Признание современников получила любовная лирика Ростопчиной. Известен одобрительный отзыв Белинского о первом сборнике ее «Стихотворений» (СПб., 1841) (т. V, с. 456—461). В ее повестях и романах («Чины и деньги», 1838; «Поединок», 1838; «Счастливая женщина», 1852) содержится критика светского общества. После 1848 г. Ростопчина в известной мере поправела. По поводу ее стихотворения «Моим критикам» (1856) Некрасов заметил в письме к И. С. Тургеневу от 30 июня 1857 г.: «Гр<афиня> Ростопчина написала доносец в стихах». Н. П. Огарев в стихотворении «Отступнице» (1857) обвинил ее в измене свободолюбивым идеалам. См. также: *Громов В. А.* Стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» в литературно-общественной борьбе 1850-х гг. (Некрасов и Е. П. Ростопчина). — Некр. сб., X, с. 109—118.

С. 260. *...г. Полонский, тревоживший нас самих.* — Имеется в виду рецензия Некрасова на «Стихотворения» Я. П. Полонского (СПб., 1855) (см.: наст. кн., с. 135—137).

С. 260. *...стихотворная работа г. Завалишина...* — И. И. Завалишин — брат декабриста Д. И. Завалишина, литератор. Кроме рецензируемой Некрасовым «Эпопеи тысячелетия» (М., 1866) известно его «Описание Западной Сибири» (М., 1862).

С. 260. *Почтенные старики ∾ поют свои рапсодии...* — Рапсодии (древнегреч.) — отрывки из эпических произведений, исполняемые бродячими певцами. Слово включено в иронический контекст.

С. 261. *В одежды алые жена одета ∾ Вился вокруг главы ее прекрасной.* — Цитируется «Таинственная капля» (т. 1, с. 5) с незначительным разночтением; курсив Некрасова.

С. 261. *Второй обломок прошлого, г. Дмитриев...* — В этой характеристике Дмитриева, приверженца классицизма, можно отметить реминисценцию из стихотворения Ф. И. Тютчева «Как птичка раннею зарей...» (1836). У Тютчева:

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!

С. 261. *...в Москве, и притом на Малой Молчановке.* — Малая Молчановка — одна из улиц поблизости от Арбата. Арбат и прилегающие к нему улицы в XIX в. являлись средоточием литературной жизни. Здесь жили А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, С. Т. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, М. П. Погодин и другие писатели. См. об этом: *Стародуб К., Емельянова Д., Краусова И.* От Кремля до Садовых. Путеводитель по литературным местам Москвы. М., 1984, с. 152—188. «Стихотворения» Дмитриева были изданы в типографии Л. И. Степановой, помещавшейся на Малой Молчановке.

С. 261. *...и даже на Белинского (названного «безымянным критиком») ополчается не хуже всякого современного писателя, под-*

визающегося на страницах «Русского вестника». — Имеется в виду донос в стихах Дмитриева «К безымянному критику», опубликованный в «Москвитянине» (1842, ч. V, № 10, с. 281—284) и перепечатанный в рецензируемой книге.

С. 261. *Нет, твой подвиг не похвален!..* — Здесь и далее цитируется стихотворение Дмитриева «К безымянному критику» из сборника его стихотворений (ч. 1, с. 34—35, 37, 38).

С. 261. *...уже прямо предчувствие приемов самих «Московских ведомостей».* — Имеются в виду выступления «Московских ведомостей», направленные против «Современника». В одной из передовиц, написанной М. Н. Катковым, с негодованием перечислялись имена писателей, значащихся в программе преподавания русской словесности в гимназии: И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, А. Н. Островский — «весь синклит „Современника"». «Это ли не надругательство над смыслом и над бедными детьми?» — писал далее Катков, заявляя, что после такой программы «нечего жаловаться на нашу несостоятельность и наш „нигилизм"» (МВ, 1865, 18 дек., № 278).

С. 262. *Оттого, что век реальный∾Хочет денег, пить и есть.* — Цитата из стихотворения Дмитриева «Слепому поэту», входившего в его сборник (ч. 1, с. 5).

С. 262. *Скороспелому прогрессу Я не верую, друзья...* — Цитата из стихотворения Дмитриева «Старик», также входившего в сборник его стихотворений (ч. 1, с. 132).

С. 262. *Да и грамотность народа∾Это уже и в прозе объясняемо было неоднократно.* — Имеется в виду журнальная дискуссия по поводу реформы образования и распространения грамотности в народе. Ср. фельетон Некрасова «Что поделывает наша внутренняя гласность?» (1860; наст. изд., т. XII). См. об этом: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. (М. Н. Катков и его издания). М., 1978, с. 148—162.

С. 262. *Пьеса называется «Льстецы народа»: Поэты наши в стары годы∾Толпы безграмотной льстецы!* — Это стихотворение Дмитриева цитируется по его сборнику (ч. 1, с. 254—255); курсив Некрасова.

С. 262. *...ваша собственная ода московскому генерал-губернатору.* — Эта ода не была включена в рецензируемый двухтомник, но в него вошли оды в честь царствующего императора, которые Некрасов не мог назвать: «На восшествие на престол императора Александра Второго», «На коронование государя императора».

С. 263. *А вот и еще сказание г. Дмитриева — последнее...* — Перефразированная цитата из «Бориса Годунова» (1824—1825) А. С. Пушкина (слова Пимена: сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»):

Еще одно, последнее сказанье...

С. 263. *Визиты.* — Это стихотворение Дмитриева цитируется по сборнику его стихотворений с незначительным разночтением (ч. 2, с. 108—110).

С. 263. *Умрите, г. Дмитриев, если вы еще живы! Лучше этого вы ничего не напишете!* — Перефразировка слов, обращенных, согласно известной легенде, князем Г. А. Потемкиным к Д. И. Фонвизину на первом представлении комедии «Недоросль»: «Умри теперь, Денис, или хоть больше ничего уже не пиши: имя твое бессмертно будет по этой одной пьесе» (*Евгений <Болховити-*

нов Е. А.› Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России, т. I. М., 1845, с. 78; ср. также: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1880, с. 141).

С. 263. *Он до того добр* ∾ *что он даже слова «разумное» и «прогрессивное» употребляет не в замену игл, для уязвления молодого поколения, а взаправду.* — Некрасов иронизирует над следующими словами И. И. Завалишина о своей поэме: «Это дело творчества разумного и прогрессивного» («Предисловие», с. 5).

С. 263. *...«что этот шаг, то великое событие!..* — Здесь и далее цитируется «Предисловие» к поэме Завалишина (с. 5, 6).

С. 263. *...за то его простит пусть Аполлон!)...* — В древнегреческой религии Аполлон — один из самых почитаемых богов. В классическую эпоху расцвета рабовладельческой культуры Аполлон считался покровителем музыки, пения и поэзии.

С. 264. *В Крыму, например, перед ним проходят ряды вот каких героев последней войны* ∾ *Прескурняков, Кишинский...* — Некрасов цитирует поэму Завалишина «Эпопея тысячелетия» (с. 176).

С. 264—265. *Вот Шуя (говорит), городок фабричности богатый* ∾ *Певца народности.* — Цитируется поэма Завалишина (с. 216, 59, 120—121), в последнем случае с незначительными разночтениями.

С. 265. *Жалко разочаровывать, но нельзя не сказать, что даже хуже новгородского!* — Речь идет о памятнике М. О. Микешина (1835—1896) в честь тысячелетия России, установленном в Новгороде в 1862. Современники не находили в нем «народной представительности», считали его недостаточно величественным (см.: *Савинов А.* Микешин. М., 1971, с. 7).

С. 265. *...с которым г-жа Ростопчина сперва помещается «в просторной ложе»* ∾ *За чаем ‹...› не села близ него, как принято у нас.* — Здесь и далее цитируется роман Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки» (СПб., 1866, с. 105, 118, 121, 137, 200, 272, 273, 274); курсив Некрасова.

С. 265. *Но он приехал звать ее «для санного катанья» (в Москве то каретные скачки, то санные катанья — покоя себе люди не дают!)...*—Действие романа Ростопчиной происходит не в Москве, а в Петербурге.

С. 267. *Еще по-шведски можно бы...* — Ср. ироническое высказывание Некрасова о стиле М. П. Погодина в рецензии на «Молодик» (1843): «...для нас это чересчур по-английски» (наст. том, кн. 1, с. 119).

С. 267. *...нас этому сладкозвучному языку не обучали.* ∾ *А ведь можно бы, говорит, кажется, Хожалкин у Гоголя, — стоило только посечь, и мы бы выучились...* — Перефразированная цитата из пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба». При постановке «Женитьбы» на сцене «неблагозвучная» для офицера фамилия Анучкин была заменена (видимо, по цензурным причинам) на Ходилкин в Москве и на Хожалкин в Петербурге (см.: Гоголь, т. V, с. 451). Имеются в виду следующие слова Анучкина-Хожалкина: «Вы думаете, я говорю по-французски? Нет ‹...› меня легко было приучить, стоило только посечь хорошенько, и я бы знал, я бы непременно знал» (там же, с. 35).

С. 267. *Темный человек написал пародию на «Онегина» Пушкина или, вернее, на «Онегина» «Русского слова»...* — Темный человек — один из псевдонимов поэта-искровца Д. Д. Минаева (1835—1889). В его «„Евгении Онегине“. Романе в стихах, сокращенном и

исправленном по статьям новейших реалистов» (СПб., 1866) пародируются статьи сотрудников «Русского слова»: «Пушкин и Белинский» Д. И. Писарева и некоторые статьи В. А. Зайцева; Онегин в пародии изображен «нигилистом» (см.: *Минаев Д. Д.* Собрание стихотворений. М.—Л., 1947, с. 266—308, 454—458 (Б-ка поэта. Большая сер.)).

С. 267. *Татьяна вздрогнула, глядит* ∾ *Иль гениальный Архимед...* — Цитируется рецензируемое издание (с. 38—39).

С. 267. *Проснулось всё... Рука горела...* — Здесь и далее цитируется поэма В. Г. Божича-Савича (СПб., 1866, с. 15, 17, 7).

С. 268. *...хоть маленькую, отрывочную* ∾ *песенку г. Полонского.* — Ср. оценку поэзии Я. П. Полонского, данную Тургеневым в «Письме редактору <«С.-Петербургских ведомостей»>» (1870): «Худо ли, хорошо ли он поет, но поет точно по-своему» (Тургенев, Соч., т. XV, с. 156).

С. 268—269. «*Поцелуй меня* ∾ *Мне любовь твоя!* — Стихотворение Полонского «Последний вздох» (первая публикация: Эпоха, 1864, № 9) перепечатано в сборнике «Оттиски» (СПб., 1866, с. VIII). Цитируется Некрасовым с одним разночтением: «Чем доскажется Мне любовь твоя!» вместо «Где доскажется Мне любовь твоя!».

С. 269. *Жизнь наша — развратная барыня* ∾ *Успех с Лицемерием...* — Цитируется стихотворение Полонского «На ранних могилах» из сборника «Оттиски» (с. XXV).

С. 269. *...такие, которые «сами не знают, что будут петь», по меткому выражению* ∾ *г. Фета.* — Перефразированная цитата из стихотворения А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843). У Фета:

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

С. 269. *Эти не блещут особенным гением* ∾ *Пишут изрядно стишки!* — Впервые опубликованная в этой рецензии эпиграмма Некрасова на «поэтов с тенденциями» имела и конкретный адресат — А. Н. Майкова, что подтверждает первоначальная зачеркнутая редакция (ГБЛ):

Он не блещет особенным гением,
Но ведь не боги мастачат горшки.
Скорбность главы возместив направлением,
Пишет изрядно стишки!

(наст изд., т. II, с. 327)

Ср. эпиграммы Н. Ф. Щербины на Майкова, например написанную в 1854(?) г.:

И как хамелеон меняя убежденье,
Ты заслужил всеобщее презренье...
Но я спрошу тебя дилеммою такой:
Скажи — подлец ли ты иль «скорбен головой»?

(*Щербина Н. Ф.* Избр. произведения. Л., 1970, с. 267)

См. также такие его эпиграммы на Майкова, как «Биографические черты» (1854?), «Теперешний Майков» (1857) и др.

Эпиграммы на Майкова создавались Некрасовым и ранее (см. «Послание к Лонгинову» (1854), написанное совместно с И. С. Тургеневым и А. В. Дружининым, — наст. изд., т. 1, с. 430).

С. 269. *...птицы певчие, наряжающиеся, по мере надобности, в платья гражданского покроя ∾ Этих иные видят даже во сне — к перемене погоды...* — Намек на Майкова усилен цитатой из пародийного «Сонника современной русской литературы» Щербины: «Майкова во сне видеть — к перемене погоды» (СПб., 1873, с. 322).

С. 269. *...к ним-то менее всего следует пристраиваться поэтам категории г. Полонского.* — По-видимому, когда Некрасов писал эти строки, он имел в виду обращенное к нему стихотворение Полонского «Поэту-гражданину» (Эпоха, 1864, № 9), которое заканчивалось призывом: «Любовью — к правде нас веди!». В другом стихотворении «Для немногих» (1859), сопоставляя свою музу с некрасовской, Полонский определял задачи поэзии иначе: «...слова любви сводить на землю». Возможно, Некрасов усматривал в этом тезисе не меньшую опасность, чем сближение с позицией Майкова, одновременно намекая на то, что полемика о «поэте-гражданине» внутренне чужда поэтам «категории г. Полонского».

С. 269. *...его лира (выражаясь классически) имеет и немного струн ∾ звучат верным и поэтическим аккордом...* — Ср. аналогичную, но более развернутую оценку поэзии Полонского Тургеневым: «Талант его представляет особенную, ему лишь одному свойственную, смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества и какой-то неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлений. Временами, и как бы бессознательно для него самого, он изумляет прозорливостью взгляда... (см. стихотворение «Жалобы музы» в «Оттисках»)» (Тургенев, Соч., т. XV, с. 158). См. также: наст. кн., с. 135—137 и 348—350.

С. 269—270. *По поводу переводов г. Берга из Мицкевича следовало бы многое кое-что сказать о переводах вообще и переводчиках ∾ Но несправедливо было бы жаловаться и на то, что, переводя слишком много, переводят слишком хорошо.* — Ср. высказывание Тургенева по поводу перевода «Вильгельма Телля» Шиллера, выполненного Ф. Миллером (1843): «Но переводы... о, переводы! Traduttore — traditore, гласит итальянская пословица. <...> Дух (личность) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта. Оттого-то хорошие переводы у нас (да и везде) чрезвычайно редки» (Тургенев, Соч., т. I, с. 207).

С. 270. *Есть поэты, как А. Шенье например, которого передать таким образом нет средств.*—В своих размышлениях над проблемами стихотворного перевода Некрасов исходил из оценки переводческой деятельности не только Н. В. Берга, но и Н. В. Гербеля и П. И. Вейнберга. Двое последних выступали и как переводчики Шенье (см. об этом: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века. Л., 1985, с. 169, 264).

С. 270. *...грубиян по форме, Барбье, но силач по содержанию...*—Анри Огюст Барбье (1805—1882)—французский поэт, в обличительных стихотворениях которого грубое просторечие сочеталось с ораторской декламацией.

С. 270. *А попробуйте перевести близко Петрарку—не выйдет ничего...* — Попытки перевода Петрарки в России известны. После смерти поэта и переводчика Д. Е. Мина в его бума-

гах были обнаружены переводы девяти сонетов Петрарки (см.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века, с. 226).

С. 270. *Г. Берг (Н.) чуть ли не один из самых неутомимых и неисчерпаемых переводчиков в России* ∾ *Переводы его грешат менее всего близостью к подлинникам.* Но *стихи его хороши.* — Имеются в виду переводы Берга, принесшие ему литературную известность: «Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен» (Прага, 1846), «Сербские народные песни» (М., 1847), «Песни разных народов» (М., 1854), «Переводы и подражания Н. В. Берга» (СПб., 1860). По поводу «Песен разных народов» Некрасов писал Тургеневу 9 октября 1854 г.: «...кроме дельности книга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии». В ответном письме от 15 (27) октября 1854 г. Тургенев заметил: «...это предприятие Берга очень полезно и хорошо — вот где бьют родники истинной поэзии. Я тебе благодарен за мысль выслать эту книгу» (Тургенев, Письма, т. II, с. 231). Ср. рецензию Н. Г. Чернышевского на «Песни разных народов» (ОЗ, 1854, № 12), в которой автор упрекал Берга за то, что «он мало заботился о точности перевода» и за то, что он «не переводит, а переделывает» (т. II, с. 355—366). В другой рецензии, опубликованной в № 11 «Современника» за 1854 г., Чернышевский в целом положительно оценил книгу Берга (см., там же, с. 291—317).

С. 270. *Мицкевич, которого теперь перевел Н. Берг* ∾ *Значит, переводить Мицкевича тоже нелегко.* — Рецензируемой Некрасовым книге Берга «Переводы из Мицкевича» (Варшава, 1865) предшествовали журнальные публикации отдельных сонетов А. Мицкевича в переводе этого же автора: «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале» (М, 1845, ч. 8, № 5—6); «Аккерманские степи», «Отплытие», «Могила Потоцкой» (М, 1846, ч. 2, № 3), «Чатырдаг» (М, 1849, ч. 2, № 8), «О Волга-матушка, родимая река...» («К Неману») (М, 1854, № 24). В письме к Некрасову от 30 июня 1856 г. Берг заметил по поводу последнего сонета: «...писал скоро, на походную руку, в Кишиневе, когда собирался в Севастополь. ‹...› Было не до ровности слога. ‹...› Вообще желал бы перепечатать все сонеты, переведенные из Мицкевича, которых наберется до 20» (ЛН, т. 51—52, с. 116). Переводы сонетов Мицкевича вошли также в книгу «Переводы и подражания Н. В. Берга» (СПб., 1860). Переводы Берга из Мицкевича переиздавались и позднее. Основным его трудом был перевод поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш» (Варшава, 1875). О переводческой деятельности Берга см.: *Ланда С. С.* Примечания.—В кн.: Адам Мицкевич. Сонеты. Л., 1976, с. 325—327 (Лит. памятники).

С. 270. *...в век реальный, который хочет есть и пить...*—Перефразированная цитата из стихотворения Дмитриева «Слепому поэту».

1867—1868
«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ» А. ЧЕРКАСОВА
(С. 271)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 1 (выход в свет — 23 янв. 1868 г.), отд. III, с. 81, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено В. Б. Смирновым (см.: *Смирнов В. Б.* Литературно-эвристическая гипотеза о Некрасове-рецензенте. — Некр. и его вр., вып. 4, с. 151—159, где и опубликована комментируемая рецензия) на следующих основаниях: Некрасов был материально заинтересован в популяризации изданий С. В. Звонарева, о чем свидетельствует договор Некрасова с ним (см.: ПСС, т. XII, с. 86—87); Некрасов — страстный охотник, автор рецензии на «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» С. Т. Аксакова (см.: наст. кн., с. 118—125), всегда испытывал интерес к литературе такого рода. Предположение об авторстве Некрасова подтверждается как литературной историей книги А. А. Черкасова (см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист (малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989, с. 164—165), так и тем обстоятельством, что она имелась в личной библиотеке Некрасова (ЛН, т. 53—54, с. 424).

А. А. Черкасов (1834—1895) — горный инженер, охотовед, краевед, этнограф, служивший по окончании Петербургского Горного кадетского корпуса на золотых приисках в Забайкалье и на Алтае, затем в Екатеринбурге (ныне Свердловск). Рукопись рецензируемой книги создавалась, судя по данным в заглавии издания Звонарева крайним датам, в 1856—1863 гг. и уже в 1864 г. ходила по рукам в Нерчинском Заводе (см.: *Петряев Евг.* А. А. Черкасов и его «Записки». — В кн.: Черкасов А. А. Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). Чита, 1958, с. 3—12).

Некрасов приобрел эту рукопись, очевидно, в конце 1865 или начале 1866 г. В майской книжке «Современника» 1866 г., отпечатанной, но не увидевшей свет (см. экземпляр, хранящийся в библиотеке ИРЛИ) в связи с закрытием журнала по «высочайшему повелению», были помещены анонимно главы второго раздела «Записок охотника Восточной Сибири», озаглавленного «Хищные звери»: «Медведь»; «Добывание медведей»; «Волк»; «Лисица». Публикация сопровождалась следующим редакционным примечанием: «Редакция „Современника" имеет в своем распоряжении довольно значительный запас весьма любопытных рассказов охотника Восточной Сибири. Отлагая полное издание этих рассказов для отдельной книги, мы нашли, что читатель наш, вероятно, не без интереса прочтет несколько отрывков из этих «Записок»; они обличают в авторе близкое знакомство с делом и представляют оживленные картины из сибирских промыслов и очерки из жизни животных, достойные внимания натуралистов. *Ред‹акция›*» (С, 1866, № 5, отд. I, с. 117). Эти главы «Записок охотника Восточной Сибири» были опубликованы в апрельской книжке журнала «Дело» за 1867 г. с подписью «Черкасов» (в оглавлении: «А. Черкасов») с примечанием редакции: «Помещаемые здесь отрывки составляют небольшую часть очень любопытного сочинения „Записки охотника Восточной Сибири", которые скоро явятся в отдельном полном издании С. В. Звонарева» (Дело, 1867, № 4, с. 45).

Звонарев (возможно, совместно с Некрасовым) следующим образом анонсировал выход книги Черкасова: «Сочинение это — плод многолетних наблюдений автора—обнимает все роды звериных промыслов Восточной Сибири в связи с природою страны и нравами зверопромышленников. По закрытии журнала „Современ-

ник“, в котором предполагалось печатание больших извлечений из этого сочинения, издатель получил рукопись от Н. А. Некрасова, по указанию и при содействии которого и напечатано настоящее издание» (*Хмырев М.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время. СПб., 1867, внутренняя сторона задней обложки).

Одобрительные рецензии на «Записки охотника Восточной Сибири» появились в ряде изданий: «Русский инвалид» (1867, 1 апр., № 90), «С.-Петербургские ведомости» (1867, 12 (24) авг., № 221), «Женский вестник» (1867, № 7, с. 46—47), «Всемирный труд» (1867, № 9, с. 345—354), «Сын отечества» (1867, 20 ноябр., № 47, с. 651—653). Рецензия Некрасова должна была, очевидно, способствовать скорейшей распродаже книги.

1869

ЖУРНАЛ ОХОТЫ И КОННОЗАВОДСТВА

(С. 273)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1869, № 4 (выход в свет — 11 апр. 1869 г.), отд. II, с. 283—289, без подписи.

В собранное сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским (см.: ПССт 1934—1937, т. I, с. 637). Дополнительными аргументами в пользу авторства Некрасова являются его письмо к В. М. Лазаревскому от 6—7 марта 1869 г., в котором речь идет о рукописи рецензии («У меня на душе статья об охоте. Если б Вы пришли обедать, то мы ее прочли бы»), и упоминание в комментируемой статье авторов специальных книг — Н. Реутта («Псовая охота», 1846) и А. Н. Венцеславского («Псовая охота», 1847). Книга Н. Реутта и статья А. Н. Венцеславского «О псовой охоте», напечатанная в «Журнале охоты и коннозаводства» (1846, № 1—3), пародийно использованы поэтом в стихотворении «Псовая охота» (1847; см.: наст. изд., т. I, с. 47—54, 588—589).

Комментируемая статья написана в ироническом тоне и высмеивает «немецкого редактора-вырезывателя» А. Ф. Паули, наполнившего «Журнал охоты и коннозаводства» заимствованиями из указанных книг Н. Реутта, А. Н. Венцеславского и «Справочной егерской книги» (М., 1853) неизвестного автора.

С. 273. ...*теперь в Петербурге существует уже несколько охотничьих обществ...* — С середины XIX в. в Петербурге существовали, например, «Общество любителей породистых собак», «Общество собак и всех видов охоты», «Северное общество любителей правильной охоты».

С. 274. ...*Круглые, Буяны, Вольные...* — Названия островов в устье большой Невы.

С. 274. «*Выпуская в свет первый нумер нашего журнала...* — Здесь и далее Некрасов пересказывает близко к тексту содержа-

ние предисловия и статей № 1 «Журнала охоты и коннозаводства» за 1869 г. (с. 1, 3, 6, 15, 17, 29).

С. 2 7 8. ...*повествует о тетереве, что он в январе держится «в чистом кустарнике, на березах и низменностях»*... — Цитируется «Охотничий календарь» из № 1 «Журнала охоты и коннозаводства» (с. 29).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ[1]

Ашукин — *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М., 1935.
БдЧ — «Библиотека для чтения».
Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XIII. М., 1953—1959.
Боград ОЗ — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971.
Боград Совр — *Боград В. Э.* Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959.
ВЛ — «Вопросы литературы».
Вольф — *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1—3. СПб., 1877—1884.
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).
Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954—1966.
ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва).
Гин НЛК — *Гин М. М.* Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957.
ГМ — «Голос минувшего».
Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. I—XIV. Л., 1937—1952.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Григорович — *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1961.
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
Даль — *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1978—1980.
Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1961—1964.
Достоевский — *Достоевский Ф. М* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Л., 1972 — (издание продолжается).
ИВ — «Исторический вестник».
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

[1] См. дополняющие этот перечень списки сокращений: наст. изд., т. I, с. 462—464, 709—711.

ЛГ — «Литературная газета».
ЛГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ЛН — «Литературное наследство».
М — «Москвитянин».
Масанов — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4-х т. М., 1956—1960.
МВ — «Московские ведомости».
МГЛ — «Московский городской листок».
МН — «Московский наблюдатель».
НБ — «Научный бюллетень Ленинградского государственного университета».
Некр. и его вр. — Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. 1—6. Калининград, 1975, 1977, 1979—1981.
Некр. сб. — Некрасовский сборник, I—III. М.—Л., 1951, 1956, 1960; IV—X. Л., 1967, 1973, 1978, 1980, 1983, 1988.
Никитенко — *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х т. [М.—Л.], 1955—1956.
ОЗ — «Отечественные записки».
О некр. — О Некрасове, вып. I—IV. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975.
П — «Пантеон русского и всех европейских театров».
ПА — Первое апреля. Альманах. СПб., 1846.
Панаев — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1950.
ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.
ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927.
ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. Изд. 6-е. М.—Л., 1931.
ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая сер. Изд. 2-е).
Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. I—XVII. М.—Л., 1937—1959.
Пыпин — *Пыпин А. Н.* Н. А. Некрасов. СПб., 1905.
РВ — «Русский вестник».
РИ — «Русский инвалид».
РиП — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров».
РЛ — «Русская литература».
РО — «Русское обозрение».
РРТ — «Репертуар русского театра».
РС — «Русская старина».
С — «Современник».
СО — «Сын оттечества».
Собр. соч. 1930 — *Некрасов* [*Н. А.*] Собр. соч., т. I—V. М.—Л., 1930.
Собр. соч. 1965—1967 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1965—1967.
СП — «Северная пчела».
СПбВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. I—V. СПб., 1911—1913.
Ст 1879—*Некрасов Н. А.* Стихотворения, т. I—IV. Посмертное изд. СПб., 1879.
Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Соч. — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.—Л., 1960—1968.

Тургенев, Соч. (изд. 2-е) — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч. в 12-ти т. Письма в 18-ти т. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1978 — (издание продолжается).

ФВ — «Финский вестник».

ФП — Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова, ч. 1—2. СПб., 1845.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XVI. М., 1939—1953.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В указатель входят личные имена, имеющиеся как в текстах Некрасова, так и в комментариях кн. 1 и 2 тома XI. В первом случае цифры, указывающие страницы, набраны прямым шрифтом, во втором — курсивом. Если о каком-либо из неоднократно упоминаемых в комментариях кн. 1 и 2 лиц имеется подробная справка, то страница комментария, на которой она содержится, выделяется полужирным шрифтом. Перечисление страниц кн. 1 предваряется цифрой 1, кн. 2 — цифрой 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературная критика
Библиография
Заметки о журналах
1847—1869

Заметки о журналах
1855—1856

1855

1856

1866

1867—1868

Подготовка текстов и комментарии

М. М. ГИН (при участии Н. Н. МОСТОВСКОЙ), Б. В. МЕЛЬГУНОВ

Редакторы тома

Н. Н. МОСТОВСКАЯ, Ф. Я. ПРИЙМА

Контрольный рецензент тома

С. А. РЕЙСЕР

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 11

Книга II

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Л. М. Бова*, *Н. Г. Каценко* и *Е. В. Шестакова*

Сдано в набор 18.10.88. Подписано к печати 16.10.90.
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 22.68. Усл. кр.-отт. 22.68.
Уч.-изд. л. 27.54. Тираж 32100. Тип. зак. № 809. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Набрано во 2-й типографии Воениздата
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.